9(47)
Я 62

В.Л.ЯНИН

НОВГОРОД И ЛИТВА

Пограничные ситуации XIII–XV веков

МГУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Sc.Library RSUH

В.Л.ЯНИН

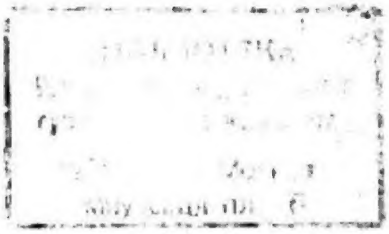
НОВГОРОД И ЛИТВА

Пограничные ситуации XIII–XV веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1998

К 63.3(2)
Я62

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета



3835-99

Янин В.Л.
Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 216 с.

ISBN 5-211-03739-1

В монографии впервые на основе комплексного изучения исторических, археологических и картографических данных исследуются взаимоотношения Новгорода и Литвы в пограничных районах, которые в XV веке находились в двойном подчинении. Книга содержит приложение: Л.А.Бассалыго, В.Л.Янин "Историко-географический обзор новгородско-литовской границы".

Для специалистов-историков, преподавателей, студентов и всех интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-211-03739-1

© **Янин В.Л., 1998 г.**

Светлой памяти
ЭГИДИУСА БАНИОНИСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любая сколько-нибудь серьезная историческая проблема не может быть рассмотрена вне сложной системы переплетения множества сюжетов, только часть которых, на первый взгляд, имеет отношение к рассматриваемому вопросу. Каждый исторический факт производен от массы других фактов и сам, в свою очередь, участвует в формировании будущих событий. Что касается историографии, то она всегда зависима от воздействия двух факторов, — прежде всего, от количества и качества источников, т.е. достоверно известных исторических фактов, но в неменьшей степени — от устоявшихся концепций, популярность которых далеко не всегда адекватна их доказанности.

Поэтому новое понимание исторического факта неизбежно ведет к пересмотру не только и не столько оценок других фактов, с ним связанных, сколько к необходимости пересмотра исследовательских мнений, затрагивающих порой весьма широкую историографическую сферу.

В предлагаемой читателю работе исследованию подвергнута проблема новгородско-литовских отношений XIV—XV вв. в специфическом аспекте происхождения особого статуса ряда территорий Новгородской земли, часть доходов с которой поступала не в новгородскую, а в литовскую государственную казну. В процессе исследования оказалось необходимым определить объем таких территорий, расположенных у южной границы Новгородской земли и уточнить положение самой этой границы. Историко-географический раздел исследования, написанный в творческом сотрудничестве с Л.А.Бассалыгой, имеет вспомогательное значение. Поэтому он составляет особую часть монографии, являясь как бы приложением к ней. Вместе с тем это и один из главных источников исследовательских наблюдений, требующих должной точности в представлениях о самом изучаемом предмете.

Некоторое время тому назад вопрос об особом статусе тех же территорий Новгородской земли обсуждался мною в статье, выводы которой теперь представляются мне поспешными и неверными. Я придерживался тогда мнения о том, что эти территории составляли княжеский домен, который в XII в. был выделен новгородцами в распоряжение приглашаемых на новгородский стол князей для материального обеспечения самих князей и их двора. В дальнейшем же права на получение домениальных доходов были вечевыми властями Новгорода переданы литовским великим князьям в качестве гарантии прочного мира на прежде неспокойной границе[1].

По крайней мере два обстоятельства делают изложенную гипотезу сомнительной. Во-первых, уже в первой половине XII в. многие волости, входящие в состав предположенного домена, активно раздаются князьями новгородским монастырям, что, естественно, сокращает доходную часть княжеской казны и выглядит как бессмысленный акт, если самый смысл особого статуса таких волостей состоял в обеспечении института новгородской княжеской власти. Во-вторых, до нас дошли в своем большинстве договоры Новгорода с князьями, начиная с 60-х гг. XIII в. и до падения Новгорода в 1478 г., т.е. относящиеся к тому периоду, в пределах которого осуществилась передача Литве доходов с интересующих нас территорий. Однако, если такая передача в действительности состоялась, она должна была бы вызвать отрицательную реакцию русских ве-

ликих князей, лишавшихся тем самым традиционной черной куны. Однако никакой реакции с их стороны не наблюдается.

Следовательно, необходимо искать иные решения проблемы. Эти поиски привели к формированию гипотезы, обоснованию которой и посвящена публикуемая работа. Защищаемая ныне гипотеза состоит в следующем. Первоначальные особенности статуса новгородских территорий, платящих в XV в. черную куну Литве, возникли тогда, когда южная граница Новгородской земли еще не была новгородско-литовской, а составляла рубеж между Новгородской землей, с одной стороны, и Смоленским и Полоцким княжествами — с другой. Основную часть этих территорий составляли земли, исконно принадлежавшие Смоленску и переданные князем Мстиславом Владимировичем в качестве доменальных тем князьям Новгорода, которые были юридическими наследниками Мстислава, его потомками. С захватом северных смоленских волостей Литвой права этих наследников перешли к Литве. Вероятно, подобные, но практически недокументированные процессы создали аналогичную обстановку на прежних новгородско-полоцких рубежах. Естественно, русские великие князья XIV—XV вв., принадлежавшие к потомству не Мстислава Владимировича, а его младшего брата Юрия Долгорукого, никаких претензий на эти доходы не имели и иметь не могли.

Читатель увидит, что новый взгляд на проблему привел к необходимости тщательного изучения многих фактов и процессов раннего времени. В ходе такого изучения были уточнены хронологические этапы освоения Литвой тех территорий, которые примыкали к южной границе Новгородской земли. Потребовалось заново исследовать вопрос о датировании таких, казалось бы, детально изученных документов, как комплекс актов смоленской епархии XII в. и "Список городам русским дальним и ближним" конца XIV в.[2]

◆

1. *Янин В.Л.* Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1987, с.119-134.

2. Новый подход к проблеме был мною изложен в докладах на научной конференции в Новгороде в 1991 г. и на чтениях памяти В.Т.Пашуто в апреле 1993 г. (*Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничная ситуация // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории: Тезисы докладов. М., 1993, с.87-89). Отдельные фрагменты настоящей монографии публиковались в разных изданиях: *Янин В.Л., Бассалыго Л.А.* Пусторжевская земля в XV веке: территория и границы // Отечественная история, 1993, № 5, с.108-123; *Янин В.Л.* Заметки о комплексе документов Смоленской епархии XII века // Отечественная история, 1994, № 6, с.104-120; *Янин В.Л.* К вопросу о дате составления обзора "А се имена градом всем русскым, далним и ближним" // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования, 1992-1993 гг. М., 1995, с.125-134; *Янин В.Л., Бассалыго Л.А.* Великолукская земля в XV веке: территория и границы // Отечественная история, 1995, № 6, с.45-58; *Янин В.Л.* К проблеме локализации Клина новгородско-смоленского порубежья // Русистика, Славистика, Индоевропеистика. М., 1996, с. 29-40.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

◆

Новгородское "Чернокунство"

Первые документальные свидетельства существования новгородских территорий, с которых черная куна поступает Литве, содержатся в докончаниях Новгорода с литовскими великими князьями Свидригайлом 25 января 1431 г.[1] и Казимиром Ягеллончиком 1441-1442 гг.[2]. Первое из них сохранилось в дефектном виде, с утратами значительных фрагментов текста, однако сравнение его с договором 1441-1442 гг. обнаруживает не только их формулярную идентичность, но и текстуальное совпадение, касающееся и той части, которая особенно нас интересует. Поэтому цитирую необходимый текст по докончанию Новгорода с Казимиром, помещая в квадратные скобки его участки, утраченные в договоре со Свидригайлом:

"[А рубежь Нову]городу с Литвою по старому [рубежю земли и воде, и с полочаны, и с витбляны, и с торопчаны. А на Молвотичох] взяти [ми, князю вели]кому, [два рубля, а тиуну рубль за петровщину; на Куньску възяти мне,] князю [великому, рубль], а тиу[ну полтина; на Березовчи взяти мне, князю великому,] полтора рубля, [да тритча]ть куничь; [на Стержи тритчать кунич да шестьдесят бел, а петровщине рубль; в] Мореве сорок [куничь да два сорока бел, д]а петровщине рубль, а в осенине[3] пол рубля; [а в Жабне дватчать куничь да сорок бел, да петровщине рубль, а пиво с] перевары, а мед сытити по силе; а на Лопа[стичох и на Буичох у чорнокунчов по две куници, да по две беле, а слугам] трем по беле. А на [Луках нашь тиун, а вашь другии: суд им напол; а торопечкому тиуну] по новгор[од]скои во[ло]сти не [судити, ни ржевьскому. А в Любокове и в Заклиньи по две куничи да] по две беле, а за петровщину [сорок бел; а во Ржеве по две куници да по две беле, а мед по силе сы]тити [с перевары.] А тивуну [ездити по переварам в пятинатчати] человек, а по чернокунчем такоже в пятинатъчати человек. [А в Новгородскои волости не надоби ни что] иное Литви, ни на Демяне, ни на Сне, ни на Полонове, [не надобе брати чорна куна, ни иное ничто же]".

Принципиальное подтверждение тех же порядков содержится в договорной грамоте Новгорода 1471 г. с тем же Казимиром, который к тому времени стал также польским королем[4]:

"А что Ржова, и Великиа Луки, и Холмовски погост, четыре перевары, а то земли новгородцкие; а в то ся тобе, честному королю, не вступати, а знати тебе своя черна куна, а те земли к Великому Новугороду. А Ржеве, и Лукам, и Холмовьскому погосту, и иным землям новгородцким и водам от Литовскои земли рубежь по старине... А черна куна имати ти по старым грамотам и по сеи крестнои грамоте. А на Молвотицях взяти ти два рубля, а тиуну рубль за петровщину; а на Кунске взяти ти рубль; а на Стержи тритцять куниць да шестьдесят бел; а с Моревы сорок куниць да восмьдесят бел, а петровщины рубль, а в осенине пол рубля; а в Жабне дватцеть куниць да восмьдесят бел, а петровщины рубль, а мед и пиво с перевары по силе; а на Лопастицях и на Буицях у чернокунцов по две куници и по две бели, а слугам бела. А на Луках нашь тиун, а твои другои, а суд им наполы; а торопецкому тиуну по Новгородцкои волости не судити. А в Лубокове и в Заклиньи по две куници и по две бели, а петровщины сорок бел; а во Ржеве по две куници и по две бели, а с перевары мед, пиво по силе. А в новгородцких волостех, ни на Демоне, ни на Цсне, ни на Полонове не надобе иное Литве ничто ж, ни черны куны не брати. А иных пошлин тобе, честны король, на новгородцкие волости не вкладывати через сию крестную грамоту".

Имеются некоторые отличия этого текста от предыдущих докончаний. Поскольку договор 1471 г. сохранился не в оригинале, а в копии, возможно посчитать случайными ошибками переписчика пропуск упоминания полтины для тиуна на Кунске, рубля петровщины на Стерже и числа получающих вознаграждение слуг на Лопастицах и в Буйцах. К числу случайных ошибок, однако, нельзя отнести исключение из числа чернокунских волостей Березовца и повышение литовского дохода в Жабне, где вместо 20 куниц, 40 бел, рубля петровщины, меда и пива "по силе" теперь берется на 40 бел больше. Указанное изменение может быть достоверно объяснено.

Между 1441 и 1471 гг. владельческая ситуация в Березовце претерпела существенные изменения. Если прежде эта волость располагалась и по западному берегу оз.Селигер, вокруг его Березовского плеса, и по его восточному берегу (в районе Кравотыни), реликтовое воспоминание о чем сохранилось в Разводной грамоте Новгородской и Ржевской земель 1483 г.[5], то затем западная часть волости была захвачена Марфой Борецкой[6], а ее восточная часть вошла в состав Жабны, в писцовом описании которой она числится как бывшая владычная земля[7]. Надо полагать, что переход части Березовской волости к Жабне и увеличил норму дохода с последней на 40 бел.

Перечисленные в докончаниях чернокунские волости можно разделить на две основные группы. К первой относятся выплачивающие пошлину по индивидуальным, конкретно для каждой из волостей определенным нормам (Молвятицы, Кунско, Стерж, Морева, Березовец, Жабна). Ко второй — волости, платящие пошлину в однообразном размере — по 2 куницы и 2 белы с чернокунца (Лопастицы, Буйцы, Лубоково, Заклинье и Ржева). Особый статус имеют Луки, управляемые новгородскими и литовскими тиунами на паритетной основе подобно тому, как на такой же основе новгородскими и русскими великокняжескими тиунами управ-

лялись Новоторжская земля и Волок Ламский. Для определения конкретных объемов черной куны в каждой из этих волостей недостаточно данных. Однако существует возможность установить общий объем чернокунских выплат Литве по некоторым территориям.

"Запись о Ржевской дани", составленная в 1479 г., через год после присоединения Новгорода к Москве, информирует Ивана III о том, как "дань Ржовъская здавна по тому шла господару королю его милости"[8]. Объем литовского дохода достигал в год 178 рублей, из которых 165 рублей шли королю, 3 рубля подскарбьему, а 10 рублей составляли особый налог "коровщину", или "яловщину". Вероятно, собственно черной куной был королевский доход.

Указанная сумма представляется совершенно исключительной, но она отражает и исключительность Пусторжевской земли, приведшую сразу же после падения Новгорода к учреждению Иваном III особого наместничества в Великих Луках и Ржеве, изъятых из состава Новгородской земли: "как князь великии Московъскии узял Новгород и вечо им сказил, ино узъехал на Ржову князь Иван Лыко ... и судил и грабил люд, што хотел, то на них брал..., и многии люди с тых грабежов розбеглися по заграничью, кое ко Пъскову, кое иныде где"[9]. Обращение с наместничеством как с завоеванной вражеской землей привело к смещению наместника, о чем Софийская 2 летопись рассказывает под 6987 сентябрьским годом: "Того же лета сведе князь велики наместника с Лук с Великих и с Новугородскаго с Литовскаго рубежа, и биша челом князю великому Лучане на него о продаже и о обиде; а наместник тамо был князь Иван Володимеровичь Оболенский Лыко. Князь велики суди его с ними: иное же на нем дотягалися и он оборотню в продажах платил, а иное князь велики и безсудно велел платити им; потому же много жалоб Лучане учиниша, иное по правде, а иное клепали его: где мало взял, а они о мнозе жалобу положили, а надеючися на великого князя, что им потакивает. Князь же Иван Володимеровичь Лыко, не мога терпети того, да отъехал от великого князя к брату его к князю Борису на Волок Ламский"[10].

Грабительская политика Ивана Лыко была однако продолжена его преемником князем Константином, на злоупотребления которого снова жаловались ржевичи. В частности, им был предан смерти наместник короля в Будкиничах Онисим и избит "мало не до смерти" литовский наместник в Бардовском погосте Стехно (его предшественник Еско был убит по распоряжению Ивана Лыко княжеским слугой Бурцем), о чем подробно рассказано в "Записи о Ржевской дани".

Между тем литовская сторона на протяжении полутора десятилетий после падения Новгорода не прекращает протестов, касающихся проблемы получения черной куны с бывших новгородских волостей. 18 марта 1488 г. посольство короля Казимира к великому князю Ивану Васильевичу делает следующее представление:

"Што есмо перво сего многократ наших послов до тебе слали о волостех наших о Великих Луках и о Ржове и о Чернокунстве, иж нам в

тых волостех от тебе шкоды великие деются. Што нашим предком и нам дани шли и доходы с тех волостей и наши многи пошлины за твоих предков и за тебе самого; а ныне нам от колка лет даней и доходов нет с тых наших волостей. — Казимир король и велики князь всказал: А то ся для того делает, иж наместников от себя там посылаеш на Великии Луки таких, какии наместники пред тым не бывали там здавна от Великого Новагорода; а для того данником нашим шкодно и дани нашие за тым нам не сполняют, и доходов, которых и предком нашим хоживали и нам самим. Ино мы про то были послали от нас наместника на Великии Луки пана Сенка Григорьевича дел наших смотрити и дани на тое брать; ино твой наместник, который на тот час от тебя на Луках был, и люди твои нашого наместника на Великии Луки не впустили... — Казимир король и велики князь всказал: Ино што бы еси на Великих Луках и во Ржове и в Чернокунстве в наши дани и в доходы и в иншии пошлины не велел вступатися, штобы с тех волостей наших дани и доходы и иншии пошлины нам сполна шли по давному"[11].

Эти претензии заявлялись еще дважды — во время июньских переговоров 1490 г. и во время ноябрьских переговоров 1491 г.[12]. В 1489 г. в жалобе, заявленной Ивану III послом Казимира IV, говорилось: "А что нам в казну нашу хоживало с тых наших волостей на каждый год, а ныне одиннатцати лет тое побрал за себе, ино того всего ссумовано полдевяти тысячи рублев грошей и шестьдесят рублев и два рубли грошей"[13]. Эти 8562 рубля, в соответствии с переговорной ситуацией, "ссумованы" в московский счет, в котором рубль равен 100 новгородским денгам. По новгородскому счету, основанному на равенстве рубля 216 денгам, указанная сумма приравнивается 3964 рублям, потерянным литовской казной за одиннадцать лет. На год приходится 360,35 новгородских рублей.

Один из компонентов этой суммы достаточно хорошо известен. Речь идет о повинностях в королевскую казну с Пусторжевской земли, которые, о чем сказано выше, равнялись, согласно "Записи о Ржевской дани", 178 рублям. На долю остальных волостей, выплачивавших черную куну, остается 182,35 рубля. Однако каков состав этих волостей? В эпоху решительных побед московского оружия над Литвой в первые десятилетия после падения Новгорода не могло быть и речи о платежах в Литву с таких отдаленных от Литвы волостей, как Жабна или Молвятицы. Контексты литовских жалоб последнего десятилетия XV в. не оставляют сомнений в том, что Литва претендовала на черную куну только с Великих Лук, Ржевы и Холма, именуя только последнюю волость "Чернокунством". Следовательно, в 182,35 рубля нужно видеть совокупный литовский доход с Великих Лук и Холма, что примерно пропорционально площади этих волостей сравнительно с площадью Пусторжевской волости.

Впрочем, имеется возможность оценить литовский доход и с некоторых отдаленных от Литвы новгородских волостей.

В 1482 г. "прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичю от короля Казимира князь Феодор Ивановичь Бельской, а жены с собою

не успел взяти; и князь великий его пожаловал, дал ему город Демон в вотчину да Мореву со многими волостми"[14]. Новгородская карьера князя Ф.И.Бельского продолжалась вплоть до 1493 г.: "Да сказал князь Иван Лукомской на князя Федора на Белского, что он хотел бежати от великого князя в Литву; и князь великий за то велел князя Феодора изымати да послал его в заточение в Галич"[15]. Переписная оброчная книга Деревской пятины, составленная около 1495 г., не фиксирует следов пребывания Федора Бельского в Демоне, но подробно исчисляет его доходы в Мореве (дворы князя Федора существовали в погостах Мореве и Велиле). Среди статей этих доходов фигурирует и черная куна: "а черны куны пол-17 рубля"[16]. Мы уже знаем, что Морева числится в докончаниях XV в. среди волостей, уплачивающих черную куну Литве.

Возможно установить размер черной куны, следующей с волости Буйцы. Как это очевидно из докончаний Новгорода с Литвой, регламент сбора черной куны таков, что в одних волостях требуется выплачивать и петровщину, и осенину, в других же только петровщину. В Буйцах, согласно жалованной грамоте 1130 г., волость отдана князьями Мстиславом Владимировичем и Всеволодом Мстиславичем Юрьеву монастырю "с данию, и с вирами, и с продажами, и вено во(лоц)кое", а также "осеньнее полюдие даровьное, полътретиядесяте гривьнь святому же Георгиеви"[17], т.е. вся сумма доходов за исключением петровщины, которая, таким образом, и оказывается эквивалентной черной куне. Судя по указанию новгородско-литовских докончаний, петровщина была вдвое больше осенины ("в Мореве ... петровщине рубль, а в осенине пол рубля"). Осенина ("осеньнее полюдие даровьнос") в Буйцах определена в 25 гривен. Поскольку гривна первой половины XII в. имела величину в 51,19 г серебра[18], 25 таких гривен соответствуют 1280 г серебра. В денежных единицах XV в. эта сумма равна 7,5 новгородского рубля, а величина петровщины (черной куны) с волости Буйцы равна, таким образом, 15 новгородским рублям.

Можно попытаться проникнуть в механизм назначения черной куны и определения ее величины относительно объема конкретной волости. Однако для этого надо прежде разобраться в понятиях "куница" и "бела", принятых в практике сбора черной куны, и привести их к более известным денежным единицам.

Размер "белы" известен из показаний Писцовой книги Водской пятины 1500 г.: "за 15 бел 2 гривны и 2 денги", "за 5 бел 10 денег"[19]. Коль скоро в новгородской гривне содержалось 14 денег, очевидно, что бела равна 2 денгам.

Что касается "куницы", то документом 1585 г. зафиксировано ее равенство 5 алтынам[20]. В конце XVI в. алтын, равный 3 копейкам (по 0,68 г серебра), содержал 2,04 г серебра, а куница, следовательно, приравнивалась 10,23 г серебра. Такой расчет подтверждается более поздними материалами, свидетельствующими о том, что абсолютная величина куницы оставалась постоянной. В 1682 г. 19 куниц признаны эквивалентными 5 рублям[21]. В этом равенстве (при условии того, что куница равна 10,23 г

серебра) рубль содержит 38,9 г чистого серебра. Но в 1682 г. при монетной чеканке применялась стопа 504 копейки из гривенки (204,76 г.) талерного серебра пробы 85-90%[22], а это значит, что рубль тогда приравнивался 40,6 г неочищенного серебра, что вполне соответствует рассчитанной выше норме в чистом (т.е. выше 90%) серебре.

Тот же результат расчета величины куницы дает обращение к более ранним текстам. В "Чине избрания в священники и диаконы", сохранившемся в рукописи конца XV в., но отразившем реалии предшествующего столетия, куница приравнена 12 грошам: "И тот новоставленый тому своему уставленому учителю за науку мает дати куницю, 12 грошей"[23]. Здесь (при том же условии равенства куницы 10,23 г серебра) грош оказывается эквивалентным 0,85 г чистого серебра, что соответствует содержанию чистого серебра в литовском гроше 60-х гг. XIV в. — 1382 г.[24] и в равноценном ему прибалтийском артиге третьей четверти XIV в.[25]. Приведенные сопоставления не только подтверждают правильность предложенного расчета величины куницы и свидетельствуют о неизменности ее величины на протяжении XIV—XVII вв., но и датируют второй половиной XIV в. оригинал "Чина избрания и поставления", сохранившегося в более позднем списке. Не касаясь происхождения куницы как единицы денежного счета, следует все же отметить, что она составляет двадцатую часть гривны серебра XII—XIII вв. или пятую часть гривны кун Русской Правды. В пересчете же на новгородскую денгу XV в. (0,787 г серебра) куница оказывается равной 13 денгам. Таким образом, примененная для ряда волостей чернокунского обложения норма "2 куницы и 2 белы" соответствует 30 новгородским денгам XV в.[26].

Располагая этой цифрой и зная, что с волости Буйцы объем черной куны (петровщины) равнялся 15 рублям (по 216 денег), т.е. 3240 денгам, получаем, что в этой волости насчитывалось 108 чернокунцев. Между тем, по старому письму, в Буйцах числилось 106 деревень (96 живущих и 10 пустых)[27]. Как видим, цифры близко совпадают. Их логика, как будто, указывает на то, что черная куна исчислялась от количества деревень в волости.

Принципиально сходный способ исчисления черной куны демонстрирует волость Морева. Как уже отмечено, получивший эту волость в вотчину князь Ф.И.Бельский пользуется доходами с нее не только как вотчинник, но и как адресат черной куны, размер которой определен в 16,5 новгородских рублей. Однако этой суммой не исчерпывается объем тех отчислений, которые в эпоху новгородской независимости уходили в Литву. Как показывает "Запись о Ржевской дани", эти отчисления включали собственно черную куну ("королю"), но кроме нее "коровщину" ("яловщину") и тиунскую пошлину ("подскарбьему"). Раздел доходов между литовским великим князем и тиуном предусмотрен и новгородско-литовскими докончаниями, согласно которым тиун вознаграждается за сборы петровщины и осенины ("а на Молвотицях взяти ти два рубля, а тиуну рубль за петровщину..."). В Мореве тиуну положены полтора рубля ("да петровщи-

не рубль, а в осенине пол рубля"), тогда как в литовскую великокняжескую казну отчисления совершаются по норме "40 куниц и 80 бел" (680 новгородских денег).

Указанным статьям литовских отчислений в доходах Ф.И.Бельского соответствуют: "а за княжое мясо за полотное 2 рубля" ("коровщина"), "а за тиуне мясо за полотное и за рыбу пол 2 рубля" (доход тиуна), "а черны куны пол-17 рубля" (собственно черная куна)[28]. Сложение этих сумм дает ровно 20 рублей (4320 новгородских денег). Между тем писцовая книга числит в Мореве 159 деревень[29], однако 15 из них бездоходные (главным образом бывшие за княжьими слугами)[30]. Деление общей суммы в 4320 денег на число чернокунских деревень (144) дает ровно 30 новгородских денег, т.е. уже известную нам норму обложения деревни черной куной.

До сих пор речь шла о суммах, уходивших в Литву из чернокунских волостей Новгорода. Рассмотрим теперь эти территории с точки зрения других их спе́цифических особенностей. Прежде всего следует отметить, что терминология литовских документов конца XV в. противопоставляет Великие Луки и Ржеву, с одной стороны, "Чернокунству"— с другой ("на Великих Луках и во Ржове и в Чернокунстве"). По-видимому, основой такого противопоставления является принадлежность в конце XV в. Лук и Ржевы к системе московского воеводства, а "Чернокунства" — к системе новгородских пятин. Как бы то ни было, Холмский погост принадлежит к "Чернокунству", поскольку в "позарубании" к "Чернокунству" обвинена московская администрация, захватившая пограничные с Холмом торопецкие села. В 1489 г. в жалобе на пограничные обиды, предъявленной послом короля Казимира в Москве, перечислен ряд пунктов, принадлежащих Литве и подвергшихся нападению из-за московского (новгородского) рубежа, а именно: Столпно, Унцово, Наволок, Мирилово, Сельцо, Тяполово, Полесье, Воротигорцы, Понизовье[31]. Почти все эти пункты фиксированы Торопецкой писцовой книгой 1540/41 г. в Столопенской волости, на р.Сереже[32], в зоне, пограничной новгородскому Холмскому погосту. Во время московско-литовских переговоров в ноябре 1491 г. этот эпизод отражен в краткой формуле: "...многи земли нашое волости Торопецкое и Казаринское позарубали и з людми к Чернокунству"[33].

Далее, терминология докончаний противопоставляет новгородские "чернокунские" волости собственно новгородским волостям, в которых Литва никаких позиций не имеет: "А в Новгородскои волости не надоби ни что иное Литви, ни на Демяне, ни на Сне, ни на Полонове", хотя и "Ржова, и Великие Луки, и Холмовски погост, четыре перевары, а то земли новгородцкие; в то ся тобе, честному королю, не вступати, а знати тебе своя черна куна, а те земли к Великому Новугороду".

На особенностях собственно "Чернокунства", в состав которого входят Холмский погост, Морева, Молвятицы, Стерж, Кунско, Березовец, Лопастицы, Буйцы и Жабна, нам теперь и предстоит сосредоточить внимание. Таких особенностей несколько.

Во-первых, все эти территории, в отличие от остальных административных единиц Новгородской земли, в писцовых описаниях называются не погостами, а "волостями". Исключение представляет лишь Холмский погост, что нуждается в особом рассмотрении.

Во-вторых, в части этих волостей наблюдается наличие особого административного устройства, что является исключительным для Новгородской земли. Холмский погост, Морева и Велила подразделены на "десятки". В Холмском погосте известны 10 десятков: Замошский, Лукинский, Хловитцкий, Заечков, Стрежинский, Зуевский, Голибинский, Прилуцкий, Муравьевский, Локнейский[34]. В Мореве писцовая книга называет 12 десятков: Погостский, Семеновский, Туковский, Толочинский, Селецкий, Бродцкий, Жабенский, Устьморевский, Крековский, Одоевский, Чепятинский, Бельский[35]. В Велиле таких десятков 8: Погостский, Порецкий, Добрецкий, Иломский, Замошский, Ляховицкий, Голодушский, Ополецкий[36]. Не исключено, что в эпоху новгородской независимости Велила не была самостоятельной административной единицей, а входила в состав Моревы: она не фигурирует в доокончаниях, хотя если бы ее территория не была чернокунской, Велила фигурировала бы рядом с Полоновом, Посоньем и Демяном — велильские земли расположены между чернокунскими Моревой и Лопастицами, граница на западе с чернокунским Холмом, на востоке с чернокунским Стержем, а на юге с литовской Торопецкой землей.

Относительно природы децимарной административной системы в литературе существуют разные мнения, однако, оставаясь на почве новгородских источников, возможно утверждать, что она составляла инструмент княжеского управления. Новгородские сотские и тысяцкие – по крайней мере до конца XII в. – оставались институтом не боярской, а княжеской власти. Поэтому совершенно неаргументированной представляется уверенность Т.И.Осминского и А.Л.Шапиро в том, что десятки, десятские и сотские являются реликтами общинного самоуправления[37]. Наличие в Мореве и Велиле "погостских" десятков, тяготеющих к административным центрам этих волостей, и, следовательно, наименование этих центров "погостами" представляется явлением вторичным относительно децимарной административной системы указанных волостей.

Неповторимой в Новгородской земле административной системой располагала волость Жабна. Она делилась не на "десятки", а на "концы": Луцкий, Жаровский, Гранитцкий, Чигаревский, Повиткинский, Клуборьский и Вятичи; центр волости с тяготевшими к нему деревнями составлял особую единицу[38]. В реликтовом характере этой системы не сомневался Б.Д.Греков, первым обративший на нее внимание: "Не был ли когда-нибудь и сам Новгород в подобном же положении?"[39].

Не менее важным, нежели реликтовость административного устройства названных выше волостей, представляется местонахождение ближайших по территории аналогов деления земли на волости, десятки или концы. На "волости" делились соседние Торопецкая и Ржевская (Ржевы Володиме-

ровы) земли. В Торопецкой земле волости подразделялись на "перевары", однако в Писцовой книге 1540/41 г. Лобенская перевара Торопецкой волости сохранила реликтовое наименование "Лобенского десятка", а в описании деревни Островны Збудской перевары говорится, что она была "Сушкова десятка, а приписана была к Лобенъскому десятку"[40]. Следует заметить, что в докончании Новгорода с Литвой 1471 г. "перевары" в смысле административной единицы названы в Холмском погосте, который, как уже отмечено, делился на "десятки". В Торопецкой земле отчетливо прослеживается и реликтовое наличие почти угасшей административной системы деления волостей на "концы": "Путятин конец у озера Торопецкого", "в Пабежеве конце деревни...", "в Любуте ж в Туховом конце", "Березов конец", "Кузнецов конец", "Москотов конец"[41].

Существует еще одна важнейшая особенность. Все рассматриваемые здесь волости были единовладельческими. Стерж (48 деревень, 151 двор, 232 человека, 204 обжи)[42] и Лопастицы (83 деревни, 174 двора, 212 человек, 171 обжа)[43] принадлежали Аркажу монастырю. Буйцы (96 деревень, 186 дворов, 238 человек, 205 обеж) — волость Юрьева монастыря[44]. Волость Жабна (144 деревни, 549 дворов, 584 человека, 568 обеж)[45] — владычная, но на ее периферии 44 деревни, оцениваемые в 99 обеж, принадлежали разным владельцам (Хутынскому, Щилову, Николо-Островскому монастырям), но также мелким — не боярам — вотчинникам[46]. Заметим, что эти мелкие волостки находились вне той территории, которая объединялась кончанской системой и целиком входила во владычную волость. Владычной была и волость Молвятицы (130 деревень, 611 дворов, 724 человека, 702 обжи)[47], хотя и здесь еще 98 деревень с 304 дворами, 344 людьми и 328 обжами, находившиеся в южной половине волости, принадлежали разным монастырям, житьим людям и своеземцам (но не боярам!)[48]. Вероятно, владычной до ее перехода к Марфе Борецкой была волость Березовец (67 деревень, 222 двора, 239 человек, 282 обжи)[49]. Во всяком случае, уцелевшая от Марфы Борецкой восточная часть Березовца Золцо, Кровотын, Залучье (5 деревень, 70 дворов, 75 человек, 68 обеж)[50] числится владычной. Надо полагать, что наличие иных владельцев в Жабне и Молвятицах не искажает общей рассмотренной здесь картины, так как наверняка черная куна Литве шла не с их волосток, а с владычных волостей.

Морева (159 деревень, 362 двора, 568 человек, 491 обжа)[51] и Велила (183 деревни, 318 дворов, 437 человек, 351 обжа)[52] в эпоху новгородской независимости не имели владельца. Не было владельца и у Холмского погоста (всего в этом погосте числилось более 714 обеж[53], но в дефектном писцовом описании конца XV в. сохранились сведения примерно о 440 обжах)[54].

Видимое отсутствие владельцев в Мореве, Велиле и Холмском погосте квалифицирует эти волости как черные земли, т.е. населенные крестьянами, которые несут повинности не в пользу вотчинника, а в пользу государства. Это обстоятельство порождает узловую для дальнейших наблюдений проблему: какой государственный институт был получателем

черной куны с рассматриваемых волостей до того, как этот доход стал поступать в литовскую казну? В условиях Новгорода эта проблема сводится к альтернативе: были ли таким институтом органы вечевой боярской государственности, или же речь здесь может идти о принадлежности черной куны княжескому управлению Новгорода.

Поставленный вопрос однозначно решается в пользу княжеского управления. Древнейший дошедший до нашего времени русский пергаменный акт — жалованная грамота князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю на волость Буйцы, датируемая 1130 г.[55]; этот акт выдан на одну из волостей новгородского "Чернокунства". Однако изучаемая проблема обросла в историографии сложностями, будучи прямо связана с наиболее принципиальными вопросами истории новгородской боярской государственности. Со времени публикации в 1929 г. этапной статьи Б.Д.Грекова[56] в исторической литературе достаточно прочно утвердилось мнение о лишении новгородского князя права владеть вотчинами на всей территории Новгородского государства; эта акция была связана исследователем с успехом антикняжеского восстания 1136 г. Полным распорядителем владельческих прав на землю, как полагал Б.Д.Греков, стало вече, к которому "перешло много княжеских прав", поскольку "храм св.Софии стал средоточием государственной жизни Новгорода".

Не разделяя этой точки зрения в ее главном тезисе, я пытался показать, что она основана на ошибочной хронологической характеристике исходных источников проблемы[57]. Жалованная грамота князей Мстислава и Всеволода на волость Буйцы, в которой эти князья самолично распоряжаются дарением, и жалованная грамота князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю[58], обуславливающая княжеское пожалование предварительным вечевым решением, считались расположенными по разные стороны хронологического рубежа 1136 г.: грамота Мстислава и Всеволода датировалась 1130 г., а грамота Изяслава — 1146-1155 гг. (предпочтительно 1148 г.). Между тем, как выяснилось в результате находки двух новых списков грамоты Изяслава[59], она относится к 1134 г., т.е. выдана также до восстания 1136 г.[60]. Разница в формуле пожалования объясняется тем, что Буйцы передавались Юрьеву монастырю из домениальных земель князя, а участок для устройства Пантелеймонова монастыря — из фонда общинных земель. Тогда же было обращено внимание на известную формулу докончаний князя и Новгорода XIII—XV вв., запрещавшую князю владеть землями в "новгородских волостях". Перечисляемые в докончаниях "волости" имеют общую характеристику территорий, находящихся за пределами древней новгородской метрополии, которая в конце XV в., уже в московское время, была организована в пятины для удобства ведения кадастра. Что касается метрополии, то наличие в ней княжеской земельной собственности, как мне казалось, докончаниями не отрицается, а, напротив, утверждается: "А пожни, княже, что пошло тебе и твоим мужем, то твое".

Однако право владения пожнями, т.е. покосами для обеспечения кормом княжеских коней, отнюдь не тождественно праву владения селами, т.е. пахотной землей. В тех же докончаниях имеется решительная формула *запрета княжеского землевладения на всей территории Новгородского государства*, наиболее четко выраженная в договоре Новгорода с князем Михаилом Ярославичем (1304-1305 гг.): "А сел ти не ставити по Новгородьскои волости, ни твоеи княгыни, ни твоим бояром, ни твоим дворяном, ни купити, ни даром приимати. А свобод ти не ставити по Новгородьскои волости. А что сел, княже, по Новгородьскои земли твоих, или княгыниных, или бояр твоих, тех сел тобе съступитися; а куны емати на них у истьцев своих, у кого будеть кто купил, а земля святои Софии к Новугороду"[61]. Казус, отраженный грамотой Изяслава, испросившего землю у веча, свидетельствует о том, что запрет князю владеть землей на всей новгородской территории отнюдь *не возник в 1136 г., а был исконной конституционной основой взаимоотношений* Новгорода и князя, вероятно, с момента первого приглашения князя на новгородский стол в середине IX в.

Не противоречит такому утверждению и жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича на пригородную княжескую рель, отданную Юрьеву монастырю на примыкавшем к монастырю участке волховского побережья[62], так как в ней речь идет о дарении сенокосного угодья и пастбища на заливном лугу, а не села или пахотной земли ("села земли", по терминологии новгородских документов). Вероятно, эти подгородные княжеские пожни изначально включали в себя и территорию будущего княжеского Юрьева монастыря, и земли к югу от него вплоть до Ракомы и Троицы в Паозерье, где следы древней княжеской собственности хорошо ощутимы.

Между тем две грамоты (на Буйцы и на Ляховичи), выданные до 1136 г., характеризуют новгородского князя как владельца и единоличного распорядителя этих волостей. Надо при этом оговориться, что новгородский князь, *как это видно из докончаний XIII—XV вв., обладал правом* раздачи волостей, не располагая только возможностью самостоятельного решения. Для всех докончаний характерны формулы: "А без вины мужа волости не лишити", "А без посадника тебе волости не раздавати". В докончаниях Новгорода с князем Ярославом Ярославичем они конкретизируются применительно к только что совершившимся действиям: "А кому раздаял волости брат твои Александр или Дмитрии с новгородци, тобе тих волостии без вины не лишати"[63]. Совместно с посадником князь, безусловно, участвовал в раздаче волостей, т.е. в их обояривании, превращении в вотчинные земли, но сам не мог претендовать на получение в *собственность таких вотчин*.

Грамота Юрьеву монастырю на волость Буйцы и грамота тому же монастырю на "Терпужский погост" Ляховичи, датируемая временем около 1134 г.[64], выданы *князем Всеволодом без участия боярской администрации*. В отличие от грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, начинающейся словами "Се аз князь великии Изяслав Мсти-

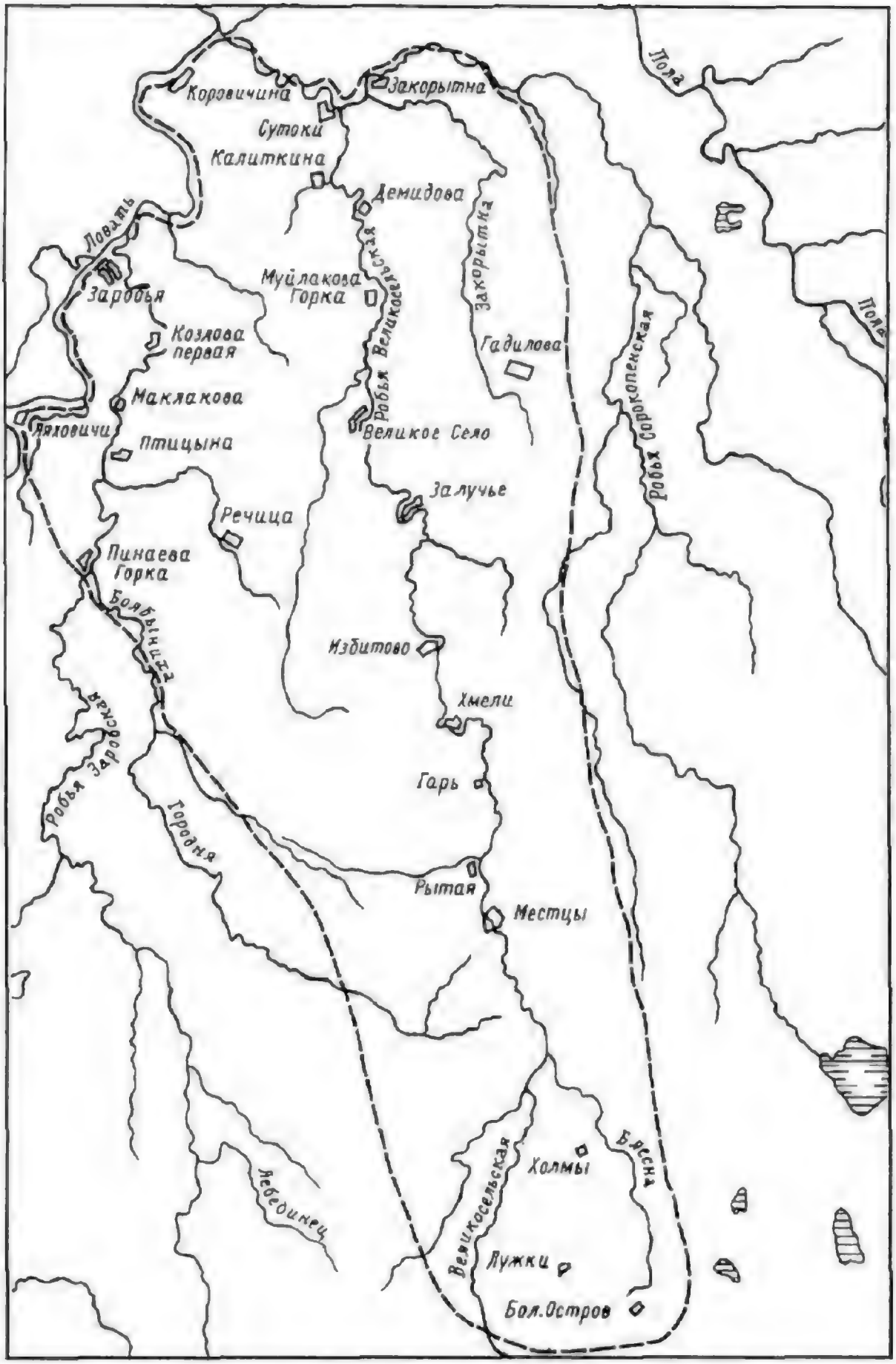


Рис. 1
Ловатская волостка Юрьева монастыря Ляховичи

Рис.2

Локализация селений владычной волости Пирос, волости Юрьева монастыря Крупая (по описанию — ГИМ, ф.342, № 46) и волости Смерда (по писцовой книге Деревской пятины)

Пирос: 1.Гарусово; 2.Ницалино (Пецалина); 3.Заборовье (Заоорки); 4.Данилово, 5 Горка (Горки); 6.Симинина (Симинец); 7.Князева гора (Княжея гора), 8.Сукоедово (Сухоедова); 9.Клементьево; 10.Глистица (Елисеница); 11.Савино, 12.Буряги (Бурыги); 13 Яковля гора (Яковлевское); 14.Филитово (Филистова); 15.Лудилово; 16.Остров; 17 Сидорково (Сидорова).

Крупая: 18.Пишма (Вишма); 19.Подол (Подольня); 20.Железниково (Железково); 21.Задорье; 22.Накуришино (Никиришино); 23.Еляково; 24.Михалево; 25.Васькино (Васьково); 26.Часовня; 27. Лука, 28.Сергеево; 29.Шипино (Шипова); 30.Шараново; 31.Созонково (Созонова); 32.Офремово (Ефремова); 33.Олховец (Ольховка).

Смерда Михайловская: 34.Костелево; 35.селище Едренкое (Едрово); 36.Кренье; 37.Старое (Старина); 38.Межъюки; 39.Наволоки; 40 Селище; 41.Жар (Жары); 42 Горка; 43.на р.Березае Рядок Новои (Новый Березай). Упом. рр.Ливица, Едерка, Волдайца, оз.Искревино.

Смерда Березайская: 44.Отдыхалово; 45 Малин (Малинова); 46.Лисье; 47.Дуброва (Дуровка); 48.Утрево; 49.Болакирево (Балакирево); 50.Подмошье; 51.Горончина (Горнешница). Упом. рр.Березай, Солоджа.

славичь, по благословению епископа Нифонта, испрошав семи у Новагорода святому Пантелемону землю...", они открываются формулами. "Се аз князь великий Всеволод дал семь святому Георгию Терпужьскыи погост Ляховичи с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища...", "Се аз Мьстислав Володимирь сын, дьржа Русьскую землю, в свое княжение повелел семь сыну своему Всеволоду отдати Буйце святому Георгиеви с данию, и с вирами, и с продажами..." Эти документы обладали несомненной юридической силой, что доказывается не только тем, что писцовая книга Деревской пятины конца XV в. числит и Ляховичи, и Буйцы владениями Юрьева монастыря[65], но и тем, что уже в 1232 г. Новгородская I летопись называет Буйцы "селом святого Георгия"[66].

Таким образом, мы убеждаемся в том, что, не располагая правом единоличного распоряжения волостями на территории Новгородского государства, князь тем не менее имел возможность жаловать вотчинами из некоего земельного массива, владельческий суверенитет князя над которым не подвергался сомнению. Иными словами, Всеволод Мстиславич действительно обладал доменом, с которого он получал дани, виры, продажи, куда он дважды в год отправлялся за полюдьем или же отправлял за ним своих дружинников. Две известные нам волости из этого массива находятся на юге Новгородской земли. Буйцы составляют ее самый южный предел, вклиниваясь в смоленские торопецко-ржевские владения; Ляховичи с севера примыкают к Мореве[67]. Но здесь же расположены, так и не обретшие вотчинников, но выплачивающие черную куну Морева, Велила и Холмский погост. Здесь же находятся пожалованные некогда Аркажу монастырю и новгородскому владыке на тех же условиях, что и Буйцы, — Лопастицы, Стерж, Молвятицы, Жабна[68]. Выше уже были отмечены особенности, роднящие эти территории между собой и отличающие их от соседствующих с ними новгородских погостов.

Существуют, однако, еще две территории, которые, подобно Ляховичам, не участвовали в выплате черной куны, но обладают признаками родства с волостями "Чернокунства" (см. рис. 1, 2). Одна из них — владычная волость Пирос, которая в писцовой книге Деревской пятины конца XV в. в составе Пироского погоста не описана, хотя входила в него: она была взята Иваном III у владыки в числе десяти волостей еще в январе 1478 г.[69]. Сохранилась неизданная копия писцового описания этой волости 1496 г., из которой следует, что ее объем оценивался в 307 обеж, а сама она делилась на "десятки". Погостский, Заборовский, Микифоровский, Градцкий, Калиновский, Глистинский, Замоский, Дубенский[70]. Очевидно, что эта особенность роднит волость Пирос с кругом волостей "Чернокунства", сохранявших реликтовую децимарную систему, которая, как уже отмечено выше, была характерным элементом княжеского административного устройства.

Другая территория, претендующая на особое наше внимание в рассматриваемой связи, — волость Смерда. Изложение сведений о ней предварим весьма спорным утверждением Т.И.Осминского: "В некоторых

волостях, которые дольше оставались черными или при обояривании не дробились, а целиком подчинялись одному феодальному владельцу, уцелели десятки, станы[71], десятские, сотские. Прежде всего укажем на две волости в восточной части [Деревской] пятины, в Березайском и Михайловском погостах. Это Березайская и Михайловская Смерда"[72].

Речь здесь идет о едином владельческом массиве земель, компактно расположенном на р.Березай и ее притоках в районе чуть южнее Валдая. Волость Смерда лишь пересечена границей погостов, делящей ее на Михайловскую и Березайскую части. В Михайловской части, по старому письму, числится 135 деревень, 241 двор, 253 человека, 249 обеж[73]. В Березайской Смерде было, по старому письму, 89 деревень ("опроче вопчих"), 181 двор, 186 человек, 172 обжи[74]. В целом, следовательно, 224 деревни, 422 двора, 439 человек, 421 обжа. Волостки объединяются не только общим наименованием и соседством, но и своей владельческой принадлежностью на двух этапах их истории. Обе волостки сначала дают доход "на Городище Архангельским попам", а затем, к моменту писцового описания, т.е. около 1496 г., переходят в фонд оброчных великокняжеских земель, в связи с чем писцовая книга констатирует: "и того дохода попам Арханьилским не имати", "и того дохода попу Арханъилскому и дьяку не имати".

"Никаких указаний на прежних владельцев нет, — пишет Т.И.Осминский. — Размер платежей очень мал (раз в 5 меньше обычных платежей на боярских поместных землях). Попы Архангельские — явно не владельцы этих двух крупных волостей; они получают то, что называлось хлебной ругой. У попов и отнимаются не земли, а руга. По-видимому, эти волости оставались черными до Ивана III, после чего стали именоваться, как и все черные земли, великокняжескими и перешли в разряд оброчных. Возможно, руга, платимая попам Архангельского собора на Ярославовом городище в Новгороде, и спасла эти волости от полного обояривания"[75].

В приведенном пассаже много существенных наблюдений, однако он не свободен и от досадных неточностей и неряшливости. В волости Смерда нет ни станов, ни десятков. В Новгороде на Ярославовом дворище (так исследователь понял термин "Городище") не было "Архангельского собора", получавшего ругу. По соседству с Дворищем имеется, правда, церковь Михаила Архангела на Михайловой улице, но она к делу никак не относится, коль скоро в тексте писцовой книги говорится не о Ярославовом дворище, а о Городище под Новгородом — знаменитом месте резиденции новгородского князя. Там действительно была Архангельская церковь, которая находилась на руге, но, естественно, не вечевой, как думает Т.И.Осминский, а дворцовой: "На Городище... К церкве архангела Михаила попу Богдану Пахомову идет годовые руги денег шесть рублев, дьячку Девятому полтора рубли, проскурнице Парасковье полтина, да на вино и на темьян по полтине, да за пуд воску по торговой цене. И всего к архангелу Михаилу руги денег и за вино, и за темьян, и за воск девять рублев и пятнадцать алтын"[76].

Цитированное свидетельство относится к 80-м гг. XVI в. и могло бы быть отведено как по́зднее. Само уложение указанной руги скорее всего связано с созданием уже каменного храма архангела Михаила на Городище в 1542 г.[77]. Однако имеется и раннее свидетельство организации доходов городищенской Архангельской церкви именно князем. В докончании Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г.[78] говорится: "А что еси, княже, отъим у Кюриле Хотуниче, дал еси попу святаго Михаила, а городиским попом не пошло дани имати на новгородьском погосте, вдаи опять"[79]. Это как раз тот случай, когда князь, нарушив докончание, вторгается единолично в земельные права вечевого Новгорода, одновременно "лишив новгородского мужа волости без вины" и освоив ее для нужд дворцового хозяйства. Отсутствие повторных требований относительно Хотуничей в более поздних докончаниях позволяет догадываться, что возникший конфликт тогда же был урегулирован, а Хотуничи возвращены Кириллу. Наличие волости архангельских попов в Смерде указывает на то, что этот конфликт был улажен передачей им доходов с такой волости, какая не была "новгородским погостом". Но ведь территория Смерды расположена между чернокунской волостью Жабной и поделенной на "десятки" владычной волостью Пирос, т.е. принадлежит все к тому же массиву объединенных общими особенностями земель южной части Деревской пятины.

Смерде, Пиросу и Ляховичам свойственно наличие двух общих особенностей. Они обладают признаками их древней принадлежности к княжескому домену; они однако не платят черную куну Литве. Между тем им свойственна и третья общая особенность, которая, как кажется, проясняет причины их полного отпадения от доменальных земель, выплачивающих черную куну. Ляховичи входят в состав Черенчицкого погоста Курского присуда, будучи окружены разными владельческими волостками. Смерда поделена между двумя погостами, в каждом из которых ее половины выглядят лишь как одна из многих деталей пестрой землевладельческой картины. Так же и владычная волость Пирос является лишь одной из частей Пироского погоста. Это растворение бывших княжеских волостей в погостской системе как бы маскировало их былую принадлежность к доменальным княжеским землям.

Тот же процесс, но еще не обозначившийся столь же ярко, наблюдается в Молвятицах, Жабне, в разделении Березовца на две части, одна из которых ушла во владение Марфы Борецкой, а другая включена в Жабну.

Наличие в южной части Деревской пятины массива княжеских доменальных земель подтверждается и свидетельством середины 60-х гг. XIII в., содержащимся в "Уставе князя Ярослава о мостех". В известной интерполяции к этому документу, трактующей о разверстке повинностей по содержанию Великого моста через Волхов, сначала идет перечисление десяти городских сотен Новгорода, а далее следует список периферийных земель: "11 Княжа, 12 Ржевская, 13 Бежицкая, 14 Водская, 15 Обонезьская, 16 Лузьская, 17 Лопьская, 18 Волховская, 19 Яжелбицьская двои рили"[80].

Существующие толкования этого списка исходят из заданной мысли о том, что, подобно городским, "провинциальных сотен" также должно быть десять, и, следовательно, одна из них в этом перечислении оказалась пропущенной. Б.А.Рыбаков полагал, что такой десятой "сотней" должно быть Помостье[81]. Я присоединился к такому мнению, предложив даже конъектуру: в списках Археографического вида рассматриваемого документа Волховская "сотня" называется Поволховской, что казалось мне результатом стяжения текста "По[мостская], Волховская"[82].

Б.А.Рыбаков привязал десять "провинциальных сотен" к пятинам — по две на пятину. К Шелонской пятине он отнес Лужскую и Княжую "сотни", к Водской — Водскую и Лопьскую, к Обонежской — Волховскую и Обонежскую, к Деревской — Ржевскую и Яжелбицкую, к Бежецкой — Бежецкую и Помостье. Такая привязка имела целью показать, что пятинное деление якобы имеет глубокие корни, опираясь на древнюю "сотенную" систему[83]. Отрицая генетическую связь с древними "сотнями" пятин, фиксированных источниками только в московское время, я присоединился к Б.А.Рыбакову в локализации "провинциальных сотен", возразив только по поводу Княжой и Ржевской "сотен". Княжая явно тяготела не к Шелонской, а к Деревской пятине, в южной части которой, как показано выше, сосредоточены княжеские домениальные земли, а Ржевская, которая, по мнению Б.А.Рыбакова, называлась так из-за ее географического противолежания Ржеве Володимеровой, органически идентифицировалась с южной частью Шелонской пятины, противостоящей Ржеве Пустой[84]. Сейчас следует высказать возникшие сомнения по поводу всей этой конструкции с якобы обязательными десятью "провинциальными сотнями" и по поводу самой правомерности использования термина "*сотня*" *для обозначения провинциальных земель Новгорода*.

Структура писцовых описаний конца XV в. представляется, на первый взгляд, не вполне логичной. В Обонежскую пятину московские писцы включили обширную территорию заонежских погостов вплоть до Белого моря, а в Водскую пятину — не менее обширные территории северной Карелии, населенные лопарями, т.е. в обоих случаях земли, очевидно не принадлежащие к метрополии Новгорода. В то же время в пятинное деление не включены Пусторжевская и Великолукская земли, принадлежность которых Новгороду вплоть до самого конца его независимости не подлежит сомнению. Когда начался торг новгородцев с Иваном III во время последних переговоров еще независимого Новгорода с великим князем, то 1 января 1478 г. новгородцы "явили ему волостей Луки Великие да Ржеву Пустую; он же не взя того"[85].

Учет этих обстоятельств позволяет предложить иное толкование списку новгородских провинциальных земель XIII в.: Княжая — княжеские домениальные земли в южной части Деревской пятины; Ржевская — Пусторжевская и Великолукская земли; Бежицкая — Бежицкая пятина; Воцкая — Водская пятина без ее северной части; Лопьская — лопские погосты в северной части Водской пятины; Обонежская — северная часть

Обонежской пятины (обонежская и заонежская ее части); Луская — Шелонская пятина (с р.Лугой в ней); Волховская — южная часть Обонежской пятины, соответствующая объему в ней земель метрополии; Яжелбицкая — Деревская пятина за вычетом княжеских доменциальных земель. Если такое предположение правильно, то возможно говорить и о принципиальной ориентации московского кадастра с его пятинным делением на древнее административное членение Новгородской земли XIII в.

Итак, само существование в Новгородской земле княжеского домена, черная куна с которого в какой-то момент начинает поступать в литовскую казну, представляется несомненным. Очередная проблема состоит в установлении источника этого домена: были ли его земли предоставлены князю Новгородом, т.е. выделены ли они из состава собственно новгородских владений, или же стали доменом новгородского князя, будучи включены в состав Новгородского государства извне. Если правильно это второе предположение, то оно сразу же может быть предельно конкретизировано: ведь извне в пределы Новгородской земли могли быть включены только соседние смоленские волости.

Как уже отмечено в предисловии, высказанное ранее предположение о том, что домен был пожалован князю новгородцами из состава новгородских владений, наталкивается на существенные противоречия и сомнения. Попытаемся поэтому проверить альтернативное предположение. Мне представляется, что для предварительного положительного вывода в пользу именно этого предположения важной оказывается начальная формула жалованной грамоты князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича на волость Буйцы. Обычно эта формула трактуется как декларация суверенитета киевского князя Мстислава над всей Русской землей, провозглашение его права повелеть любому князю Древнерусского государства (а тем более собственному сыну, новгородскому наместнику Киева) сделать кому-либо земельное пожалование. Так ли это?

Если Всеволод Мстиславич является хозяином и единовластным распорядителем своего домена, то для пожалования из него земли ему не требуется указания более высокой власти. Мы видим, что пожалования в 1134 г. Ляховичей и волховской рели не подкреплены указанием сюзерена. Если киевский князь действительно обладал правом сюзерена распоряжаться землями в системе признающих его верховенство территорий, то что могло помешать киевскому князю Ярополку Владимировичу в 1134 г. дать указание своему племяннику Изяславу Мстиславичу или тому же Всеволоду Мстиславичу отдать Витославлицы Пантелеймонову монастырю? Разрешение на передачу Витославлиц, однако, дает не киевский князь, а — по благословению епископа Нифонта — Новгород.

Следовательно, перед нами отнюдь не столь простая ситуация провозглашения киевского сюзеренитета. Ее возможно понимать совершенно иначе, а именно как акт князя, являющегося владельцем не только киевского стола, но и Смоленской земли и передающего некую территорию из состава этой земли, ранее пожалованную сыну, новгородскому

князю Всеволоду, — в Юрьев монастырь. Если это так, то доменальные земли Всеволода могут происходить только из состава Торопецкой волости Смоленской земли, и в дальнейшем пограничной с новгородским княжеским доменом. В акте пожалования Ляховичей Юрьеву монастырю передаваемая вотчина называется "Терпужским погостом", что давно уже воспринимается как загадка, поскольку пункта с подобным наименованием вблизи Ляховичей нет. Предположение о том, что это название соответствует деревне Теребыни, находящейся на р.Ловати в 18 км выше Ляховичей[86], вряд ли может считаться надежным. Нет ли в этом документе, известном лишь по копии, которую видел и читал только ее первоиздатель архимандрит Амвросий, искажения и не шла ли в оригинале речь о "Торопецком погосте"? Попытаемся проверить эту гипотезу, возлагая надежду на то, что следы передачи смоленских территорий Новгороду в первой трети XII в., если такая передача действительно имела место, могут обнаружиться в документах той эпохи. В первую очередь искать такие следы надо в смоленских актах XII в.

◆

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (при дальнейших ссылках – ГВНиП), с.105-106, № 63.
2. Там же, с.115-116, № 70. О дате этого договора см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991, с.178.
3. Соответствующее слово в договоре со Свидригайлом неправильно восстановлено А.А.Шахматовым — "а в Синяне" (*Шахматов А.* Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. СПб., 1886, с.274-277) и Л.В.Черепниным — "а в Севяне" (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч.1. М.; Л., 1948, с.331).
4. ГВНиП, с.130-131, № 77.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с.290-291, № 77.
6. Новгородские писцовые книги (при дальнейших ссылках – НПК), т.1. СПб., 1859, стб.639-652.
7. Там же, стб.612-652.
8. Акты, относящиеся к истории Западной России, т.1. СПб., 1846, № 71. О дате документа см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв., с.200-202
9. Там же.
10. ПСРЛ, т.6. СПб., 1856, с.222.
11. Сборник Русского исторического общества, т.35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т.1, с 1487 по 1533 год. СПб., 1882, с.14-15.
12. Там же, с.48, 54.
13. Там же, с.34.
14. ПСРЛ, т.12. СПб., 1863, с.213-214.
15. Там же, с.235.
16. НПК, т.2. СПб., 1868, стб.735.
17. ГВНиП, с.140, № 81.
18. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с.44-47.
19. НПК, т.3. СПб., 1886, стб.886.
20. *Шумаков С.* Сотницы (1537-1597 гг.), грамоты и записи (1561-1696 гг.), Отд.1-4 // Чтения ОИДР. 1902. Кн.2, отд.1, с.92.
21. Дополнения к актам историческим, т.10, с.86.
22. *Янин В.Л.* К истории денежной реформы Алексея Михайловича // Вспомогательные исторические дисциплины, XVII. Л., 1985, с.160.

23. Русская историческая библиотека. т.6: Памятники древнерусского канонического права, ч.1 (Памятники XI—XV вв.). Изд. 2-е. СПб., 1908, стб.903, № 131.
24. *Федоров Г.Б.* Классификация литовских слитков и монет // Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XXIX, 1949, с.115.
25. *Малвыгин А.Н.* Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII — первой половине XVI в. Автореф. дисс. ...канд. истор. наук. Таллин; Л., 1967, с.10.
26. Тот же результат дает расчет величины куницы по ее упоминаниям в Переписной окладной книге Вотской пятины 7008 г. В Кирьяжском погосте старого дохода боярину Казимеру шло 11 куниц 39 бел (включая 7 бел борцу) и сокол (в итоге неверно указано 11 куниц 54 белы и сокол), что приближено к великокняжескому оброку в 2,5 рубля и 2 гривнам без денги (Временник ОИДР, кн.12. М., 1852, с.121). Если куница равна 13 новгородским денгам, а бела 2 новгородским денгам, то общая сумма дохода приравнивается 221 новгородке + 1 соколу. В московском рубле в это время числилось 100 новгородок. Следовательно, великокняжеский оброк равен 269,5 новгородки. Разница в 48,5 новгородки (269,5 — 221) должна обозначать цену сокола. Но именно в такую сумму (в полтину) оценивался сокол в XV в. (см.: *Аристов Н.* Промышленность древней Руси. СПб., 1866, с.301). В Иломанском погосте доход в 2 куницы 10 бел, т.е. 46 новгородок, приравнивается 5 гривнам (там же, с.170), что дает некоторое округленное равенство. Что касается метрологической обусловленности величины в 13 новгородок, то она, как уже отмечено, составляет ровно одну двадцатую часть гривенки (0,7875 г х 13 = 10,2375 г; 10,2375 г х 20 = 204,75 г).
27. НПК, т.2, стб.824.
28. Там же, стб.735.
29. Там же: "И по старому письму в Мореве деревень и с теми, которые были за княжими слугами, пол-209".
30. Там же, стб.706 (Острашино, Власьевская Трубицина), 707 (Заборье), 709 (Хлебалово ж, Пугачево), 710 (Олисеево), 713 (Климковская), 714 (Нешарино), 718 (Кузмино), 721 (Гладышево ж, Остеево, Матвейково), 733 (Гридино ж), 734 (Нефедкино, Иевково).
31. Сборник Русского исторического общества, т.35, с.35-36.
32. Торопецкая книга 1540 года // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с.317-318, 328.
33. Сборник Русского исторического общества, т.35, с.55. Столопенская волость как самостоятельная административная единица в XVI в. была выделена из Казаринской волости.
34. НПК, т.2, стб.826-880. Описание погоста в писцовой книге дефектно.
35. Там же, стб.703-736.
36. Там же, стб.736-738.
37. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с.55, 83-84.
38. НПК, т.1, стб.619-629.
39. *Греков Б.Д.* Избранные труды, т.4. М., 1960, с.185.
40. Торопецкая книга 1540 г., с.299.
41. Там же, с.290-294, 296.
42. НПК, т.2, стб.689-703.
43. Там же, стб.784-806.
44. Там же, стб.806-826.
45. НПК, т.1, стб.612-629.
46. Там же, стб.631-639.
47. Там же, стб.652-663.
48. Там же, стб.663-684; т.2, стб.798, 802, 806, 825.
49. НПК, т.1, стб.639-652.
50. Там же, стб.629-630.
51. НПК, т.2, стб.703-736.
52. Там же, стб.736-784.
53. РГАДА, ф.1209, оп.3, № 17149, л.270 и сл
54. НПК, т.2, стб.826-880.
55. ГВНиП, с.140-141, № 81.

56. *Греков Б.Д.* Революция в Новгороде Великом в XII веке // Ученые записки Института истории РАНИОН, т.4. М., 1929, с.13-21.
57. *Янин В.Л.* Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура древней Руси. М., 1966, с.313-324; он же. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с.60-79; *Он же.* Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981, с.241-249.
58. ГВНиП, с.141, № 82.
59. *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив, 1955, № 5, с.204-207; *Семенов А.И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // Новгородский исторический сборник, вып.9. Новгород, 1959, с.245-248.
60. *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв., с.136-138.
61. ГВНиП, с.17, № 7.
62. Там же, с.139, № 79.
63. Там же, с.11, № 2.
64. Там же, с.139-140, № 80. О дате этого акта см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв., с.138.
65. НПК, т.2, стб.617-621, 806-826.
66. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с.280. Разумеется, "село" в данном контексте это центр одноименной волости.
67. *Янин В.Л.* Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с.23-31; *Он же.* Новгородская феодальная вотчина, с.231-239; *Носов Е.И.* О грамоте Всеволода Мстиславича на терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины) // Новгородский исторический сборник, вып. 4(14). СПб., 1993, с.27-39.
68. Во всех перечисленных волостях в черную куну идет только петровщина. Следовательно, осенина, как в Буйцах, была отдана вотчинникам. В Мореве же, не знавшей вотчинника, в черную куну включены и петровщина, и осенина.
69. ПСРЛ, т.12, с.183-184.
70. ГИМ, Отдел рукописей, ф.342, № 46. На десятки (Юркин, Кондрышев, Федков, Ивашков) делилась владычная волость. *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал, т.1. М., 1905, с.80-86, 220), однако этот случай нуждается в особом изучении.
71. Включение в этот ряд станов — заблуждение Г.И.Осминского: станы, как показывают, например, наблюдения над "Записью о Ржевской дани", не существовали в новгородское время и введены уже московской администрацией.
72. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в., с.83-84
73. НПК, т.1, стб.160-178.
74. Там же, стб.497-507.
75. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в., с.84.
76. Временник ОИДР, кн.24. М., 1856. Смесь, с.33.
77. Новгородские летописи. СПб., 1879, с.71, 328.
78. О дате этого документа см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв., с.147-150.
79. ГВНиП, с.13, № 3.
80. Российское законодательство X—XX веков, т.1: Законодательство Древней Руси. М., 1984, с.238.
81. *Рыбаков Б.А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке // Исторические записки, вып.2, 1938, с.144.
82. *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения, с.109; Российское законодательство X—XX вв., т.1, с.246.
83. *Рыбаков Б.А.* Указ. соч., с.132-152.
84. *Янин В.Л.* Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1987, с.119-134.
85. ПСРЛ, т.12, с.188.
86. *Янин В.Л.* Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи, с.27.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Комплекс документов об устроении Смоленской епархии

Комплекс грамот, связанных с устроением смоленской епархии, сохранился в списке XVI в., в тетради с водяным знаком "тиара" (1534 г.). Текст написан западнорусским полууставом, переходящим в скоропись[1]. В этом комплексе красными строками выделены три раздела: 1. "Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича"; 2. "Подтвердительная грамота епископа Мануила"; 3. Запись "А се погородие". Однако в действительности его состав более сложен.

Во-первых, текст Подтвердительной грамоты завершен записью от имени князя Ростислава о передаче собору Богородицы и епископу "холма". Во-вторых, текст Уставной грамоты непоследователен, на что обратил особое внимание Л.В.Алексеев, предположивший нарушение последовательности листов в копированной писцом XVI в. рукописи и наметивший восстановительные поправки[2]. Его гипотеза касается только собственно Уставной грамоты, хотя непоследовательным является и присоединение княжеской записи о "холме" к Подтвердительной грамоте епископа. Вопрос о возможной связи этой записи с Уставной грамотой исследователем поставлен не был, причины чему, как представляется, состоят в уже сформировавшемся историографическом мнении о разновременности Уставной грамоты и Записи о "холме".

Между тем только Запись о "холме" завершается датой: "В лето 6559, индикта 14, месяца сентября 30", что соответствует 30 сентября 1150 г. Уставная, Подтвердительная грамоты и запись "А се погородие" годовых дат не содержат, а хронологические указания в Уставной и Подтвердительной грамотах имеются лишь в именах действующих лиц — князя Ростислава Мстиславича (утвердившегося на смоленском столе, вероятно, в 1125 г., занявшего киевский стол в 1159 г. и умершего в 1167 г.) и епископа Мануила (получившего смоленскую кафедру в 1136 или 1137 г. и упоминаемого в последний раз под 1167 г.). Запись "А се погородие" лишена и такого обобщенного хронологического указания.

С момента первого издания рассматриваемых документов[3] дневная дата в Записи о "холме" признавалась общей для всего комплекса доку-

ментов, пока в 1953 г. А.А.Зимин не высказал предположения о сравнительно позднем характере записи "А се погородие": "Не исключена возможность, что дополнительная грамота составлена позднее двух предыдущих. В ее тексте нет прямых указаний на поступление поборов в епископскую казну, но состав городов часто дублирует состав их по Уставной грамоте князя Ростислава"[4]. Для Уставной и Подтвердительной грамот А.А.Зиминым была принята традиционная датировка 1150 годом.

Пересмотр этой даты был начат в 1963 г. Я.Н.Щаповым, который обосновывал предложенные им хронологические новации фразой Уставной грамоты: "...яз недостоиный, грешныи, се уста|в|ляю епископью о немь же епископу быти живу и с клиросом своим..." Эта фраза предоставила исследователю возможность утверждать: "Уставная грамота Ростислава — это документ, на основе которого создается епископия. Она современна основанию кафедры в Смоленске, которое нашло отражение в Ипатьевской летописи под 1137 г."[5]. Дополнительный аргумент в пользу 1137 г. извлечен Я.Н.Щаповым из фразы Уставной грамоты: "Се же ныне, с Божьею помощью и со святою Богородицею, в сии дни полны дани, а по сем что Бог устроить; по Божью строю чи которая дань оскудеть, или ратью, или коим образом, |п|о силе что почнеть давати тыи дани, а из того десятина святеи Богородици". Исследователь отмечал, что 1150 г. принадлежит к неспокойному времени, когда обострилась вооруженная борьба Смоленска и Киева с Юрием Долгоруким, тогда как 1137 и предшествовавшие ему годы не отмечены какими-либо бедствиями в Смоленской земле[6].

1. Доказано ли, что Уставная грамота была учредительной?

Оба аргумента не кажутся мне безупречными. Представление о хронологическом тождестве основания епископии и детальной конкретизации ее обеспечения выглядит при такой постановке вопроса как аксиома, тогда как в действительности поначалу епископия могла финансироваться десятинными выдачами из княжеской казны, пример чему возможно наблюдать в близкое время в Новгороде, где только Уставной грамотой князя Святослава Ольговича в 1137 г. были конкретизированы десятинные доходы епископии от вир и продаж. В любом случае первоначальное нерегламентированное финансирование неизбежно, поскольку между фиксацией доходов с волостей и реализацией права их сбора должно пройти некоторое время. Из летописи известна дневная дата поставления Мануила епископом в Смоленск — 26 апреля. От этого момента до Петрова дня — два месяца, а до "осенин" — более полугода (имеются в виду сроки сбора десятины), на протяжении которых каким-то образом ведь решался вопрос о том, как "епископу быти живу и с клиросом своим".

Я.Н.Щапов обращает внимание на то, что замысел выделить смоленскую епархию из переяславской возник много раньше ее действительного основания, коль скоро князь Ростислав учредил епископию в Смоленске "по

повелению отца своего святого, еже хотев при животе своем сътворити
из чего, как будто, может возникнуть мысль о заблаговременной подго
товке уставных документов. Он пишет: "Князь Мстислав Владимирови
сидел с 1125 г. до своей смерти в 1131 г. на киевском столе. К этом
времени и нужно отнести тщетную попытку Мстислава отделить сво
княжество от подчинения в церковном отношении переяславскому епи
скопу Марку. Лишь смерть последнего в 1134 г. позволила Ростислав
осуществить это мероприятие"[7].

Между тем не менее важным инициатором учреждения епископии
Смоленске был митрополит Михаил ("утвержена и сотворена о благодати
и благословением Святого Духа поставлением моим митрополитом рус
ским кир Михаилом"), который пришел в Киев в 1130 г., т.е. еще при
Мстиславе Владимировиче, умершем 12 апреля 1132 г. (а не в 1131 г., как
пишет Я.Н.Щапов). Если замысел выделить смоленскую епархию и
переяславской возник в самом конце княжения Мстислава и не смог быть
реализованным из-за его кончины, то что же могло помешать митрополиту
Михаилу и преемнику Мстислава на киевском столе его брату Ярополку
совершить это действие в 1132 г.? Ведь в конечном счете учреждение
смоленского епископства произошло в киевское княжение Ярополка и в
святительство Михаила. Может быть, мешало противодействие переяслав-
ского епископа Маркелла? Весьма трудно поверить в такой бунт против
высшей духовной и высшей светской властей. К тому же Маркелл умер
6 января 1134 г.[8], однако это обстоятельство отнюдь не привело к немед-
ленной реализации замысла Мстислава Владимировича.

Представляется более правильным усматривать причины задержки в
тех изменениях, которые произошли в системе междукняжеских отноше-
ний после кончины Мстислава Владимировича и коснулись Переяслав-
ского княжества.

В начале XII в. и Переяславль, и Смоленск принадлежали Владимиру
Мономаху: в Переяславле он княжил с 1093 г., а в Смоленске в 1101 г.
строил церковь Богородицы[9]. Заняв в 1113 г. киевский стол, Владимир
сажает в Переяславле сына Святослава, а в Смоленске сына Вячеслава[10].
16 марта 1114 г. Святослав умер, не оставив потомства, а в рассказе о его
кончине сообщается, что в Переяславль он был переведен из Смоленска[11].
По утверждению Густынской летописи, Святослава в Переяславле сменил
сын Владимира Мономаха Ярополк[12]. Присутствие Вячеслава в Смоленске
зафиксировано еще в 1116 г., когда во время похода на Глеба Всеславича
Полоцкого Вячеслав взял Оршу и Копысу[13]. Существенные перемены
произошли в 1117 г.: Владимир вывел из Новгорода сына Мстислава,
передавшего новгородский стол своему сыну Всеволоду, и дал Мстиславу
Белгород[14]; между тем, когда в 1125 г. Владимир Мономах умер, а Мстислав
занял киевский стол, летописи по-разному излагают его положение перед
кончиной отца. Воскресенская летопись утверждает, что "по Владимирѣ
седе на Киеве сын его Мстислав из Смоленьска"[15]; согласно же Густын-
ской летописи, "Мстислав Володымеричь, призван с Переяславля, прида

в Киев, в лето 6634 и сяде на столе отца своего Володымера Мономаха на великом княжении Киевском"[16].

Разумеется, оба этих известия, будучи извлечены из поздних сводов, не вполне надежны. Тем не менее последующие обстоятельства подтверждают принадлежность Мстиславу и Смоленска, и Переяславля. Смоленск в 1125 г. переходит к сыну Мстислава Ростиславу (в 1127 г., участвуя в походе на "Кривиче", он по приказанию отца идет со смолянами на Друцк)[17]; бывший некогда смоленским князем Вячеслав в это время княжит в Турове. Что касается Переяславля, то его при вокняжении Мстислава в Киеве получает Ярополк Владимирович[18], но с очень определенным условием, которое изложено в летописном рассказе о кончине в 1132 г. Мстислава и вокняжении в Киеве Ярополка Владимировича: "В то же лето Ярополк приведе Всеволода Мстиславича из Новагорода и да ему Переяславль по хрьстному целованью, акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславомь по отню повеленью, акоже бяше има дал Переяславль с Мстиславом"[19]. Это сообщение подтверждает присутствие на переяславском столе Мстислава Владимировича еще при жизни Владимира Мономаха. Но оно подтверждает и сообщение Густынской летописи о передаче этого стола Мономахом Ярополку. По-видимому, события реконструируются следующим образом: в 1114 г., по смерти Святослава Владимировича, Переяславль отдан Ярополку, но после 1117 г. он поручен и Ярополку, и Мстиславу. В упомянутом ряде Ярополка с Мстиславом видна забота Мстислава Владимировича сохранить и Смоленск, и Переяславль в руках своих сыновей в качестве их отчины. Может быть, именно этот ряд стал альтернативой замыслу Мстислава разделить Смоленск и Переяславль в церковном отношении.

Княжение Всеволода Мстиславича в Переяславле продолжалось менее одного дня: "с заутрья седе в нем, а до обеда выгна и Гюрги, приехав с полком на нь". Но и княжение Юрия Владимировича в Переяславле в 1132 г. было весьма непродолжительным: "и седе Гюрги дьнии 8, и выведе и Ярополк хрьстнаго ради целованья, и посла по другаго Мстиславича, по Изяслава, в Полтеск, и приведе и с клятвою". Снова подтверждается то обстоятельство, что в договоре Мстислава и Ярополка Переяславль предназначался потомству Мстислава. Изяслав Мстиславич, "оставив брата Святополка в Полотьске, и приде в Переяславль на Госпожин день", т.е. 15 августа (на Успение) или 8 сентября (на Рождество Богородицы). "Полочане же рекше "лишается нас", и выгнаша Святополка, а Василка посадиша Святославича. Видев же то Ярополк, уладися с братьею и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе с нужею и тое же зимы даша Изяславу Туров и Пинеск к Меньску, то бо бяшеть его осталося передьние волости его"[20].

Летописные сообщения о событиях следующих 1133 и 1134 гг. свидетельствуют о том, что Вячеслав свое переяславское княжение рассматривал как дающее право на какие-то доходы и со Смоленска, присвоение которых Ярополком привело к конфликту между ними. В 1133 г. "Ярополк посла Мстиславича Изяслава к братьи Новугороду, и даша дани Печерь-

ские и от Смолиньска дар, и тако хрьт Половаша, и поча лишати Вячеслав Переяславля и, доиед Городна, воротися опять". В 1134 г. "в т же зиму выиде Вячеслав ис Переяславля и иде опять Турову, не послуша *брата своего Ярополка*"[21].

Возникшая в Переяславле вакансия приводит к неожиданному поли тическому зигзагу: "Георгии князь Володимеричь испроси у брата своег Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростов и прочю волость свою, но не всю". Такой оборот дела больше всего задева Мстиславичей. Казалось бы, они должны были обратить свои усилия отвоеванию у Юрия Переяславля, однако, распознав главное зло в нару шении Ярополком ряда с их отцом, они организуют поход на принадл *жащий теперь Ярополку Ростов, ради чего заключают союз* с черниго ескими князьями: "В то же лето ис Турова иде Изяслав в Менеск, оттол же иде Новугороду к братьи, и сложишася [с] Олговичи и с Давыдовича и веташа вси на рать, и иде Мстиславичь Всеволод и Изяслав на Ростов и на Волзе воротишася Новгородьци, и иде Всеволод опять Новугороду а Изяслав остася на Волоце, на ту же осень уведав, оже идеть Ярополк братьею к Чернигову, и иде тамо же". В зиму 1134/35 г. новгородцы совершают плачевный для них поход к Суздалю, закончившийся 26 янва 1135 г. *поражением у Жлановы горы, но одновременно, после восьми* дневного противостояния под Киевом Ярополка с киевской ратью и Юри с переяславцами, с одной стороны, и Всеволода Ольговича Черниговско го - с другой, "умирися Ярополк со Всеволодом, и даша Переяслав Андрееви брату своему, а Володимерь Изяславу Мстиславичю"[22], посл чего Юрий Владимирович вернулся в Ростов.

Несмотря на заключение мира, борьба Киева и Чернигова продол жается в 1135 г. 8 августа черниговцы в союзе с половцами побеждаю *Ярополка на Супое, предварительно штурмовав Переяславль*, зате подходят к Киеву, где 12 января 1136 г. заключен мир, вернувши войска Всеволода Ольговича в Чернигов[23]. Завершение усобицы дейст вительно относится к началу 1136 г.: новгородский епископ Нифонт вторично ходивший мирить киевлян с черниговцами, вернулся в Новгоро 4 февраля 1136 г.[24]. Если до этого момента у Мстиславичей еще могл теплиться надежда на возвращение им Переяславля руками черниговцев, т теперь она рухнула. Заметим в этой связи, что в числе обвинений, предъяв *ленных новгородцами в 1136 г. изгоняемому ими князю Всеволоду Мстисла* вичу, был и упрек в непоследовательной поддержке Всеволода Ольгович Черниговского: "велев ны, рече, к Всеволоду приступити, а пакы отступит велить"[25].

Весь этот затянувшийся разбор событий 1132-1136 гг. имеет одну цель - показать отсутствие реальных мотивов обособления Смоленской епархи от Переяславской ранее 1136 г. Любопытно сообщение В.Н.Татищева (хот и не подтверждаемое сохранившимися источниками). "По прозьбе Вече слава велел князь великий Ярополк митрополиту поставить в Смолен епископа перваго"[26] - оно помещено историографом под 1137 г.

Если до 1136 г. не существовало мотива для учреждения особой епархии в Смоленске, то не было и нужды загодя готовить детализированную роспись ее финансового обеспечения. Что же касается декларированных Я.Н.Щаповым "мирных" 1137 г. и предшествовавших ему лет, то, подводя итоги мартовского 6645 г. (март 1137 — февраль 1138 гг.), Новгородская 1 летопись констатирует, что у новгородцев не было мира ни с псковичами, "ни с сужьдальци, ни с смольняны, ни с полоцяны, ни с кыяны. И стоя все лето осмьнъка великая по 7 резан"[27], а Никоновская летопись добавляет: "и бе в тех розмириах глад велик по земли, и пленение, и кровопролитие непрестанно от поганых Половець, и от Ляхов, и от Чюди, и оскудеваша земля пустотою, по словеси Христову, еще рече в евангелии своем: всяко царство разделшееся на ся запустеет, и всяк град или дом разделивыйся на ся не станет"[28].

В 1966 г. А.Поппэ, поддержав датировку, предложенную Я.Н.Щаповым, сделал попытку ее уточнения: "...указанный в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях 6645 г. принадлежит к статьям ультрамартовской датировки в обоих сводах, как это прекрасно обосновано в капитальном труде Н.Г.Бережкова. Итак, поставление состоялось в период от марта 1136 г. до февраля 1137 г. Учитывая, что после известия о поставлении Мануила епископом в Ипатьевской летописи помещено сообщение о солнечном затмении в начале июня того же года, т.е. 1136, можно определить время поставления мартом — маем 1136 г. Отнесение поставления Мануила к началу 6645 ультрамартовского года подтверждается косвенно свидетельством Лаврентьевской летописи, отметившей, что поставление Феодора епископом во Владимир Волынский на место умершего в предшествовавшем 6644 ультрамартовском году (т.е. март 1135 - февраль 1136) епископа Владимирского Симеона состоялось позже, но в том же году. Таким образом, предложенная Никоновской летописью дата хиротонисания Мануила — 26 апреля, выпадавшая на воскресенье, вызывает доверие"[29]. Поправка А.Поппэ была принята Я.Н.Щаповым и Л.В.Алексеевым[30], однако ее следует признать некорректной.

Рассмотрим статью 6645 г. в Ипатьевской летописи. Она гласит: "В лето 6645 поставлен бы скопець Мануило епископом Смоленьску, певець гораздыи, иже бе пришел из Грек сам третии к благолюбивому князю Мьстиславу, пред сим бо не был епископ Смоленьске. В се же лето быша знамениа в солнци месяца июня в 9 день. В се же лето бишася новъгородъчи с суждальчи на Ждане горе и одолеша суждалци новгородце. В то же время иде Юрьи Ростову, и Всеволод Мьстиславичь отда дчерь свою в Ляхы Верхуславу"[31].

Легко заметить, что ряд известий этого рассказа относится не к ультрамартовскому 6645 г. (т.е. не к марту 1136 — февралю 1137 г.), а к более раннему времени. Битва при Ждановой горе произошла 26 января 1135 г.: задержанный в Новгороде ради сокрытия сведений о начавшемся 31 декабря походе на Суздаль митрополит Михаил был отпущен в Киев 10 февраля "в мясопустную неделю"[32], а это соответствует пасхалии 1135 г.

Юрий Владимирович вернулся в Ростов после заключения зимнего мир 1134/35 г. и суздальской победы при Ждановой горе. Известие о брак Верхуславы Всеволодовны и Болеслава Высокого уникально, однако весь ма сомнительно, чтобы оно относилось к 6645 ультрамартовскому году Если хиротония епископа Мануила совершилась ранее этого брака (а по А.Поппэ, Мануил был поставлен 26 апреля 1136 г.), то ведь свержение Всеволода Мстиславича состоялось уже 28 мая 1136 г. Конечно, Всеволод мог отдать свою дочь замуж и в опасном для него мае 1136 г. и даже после потери новгородского стола, однако летописная фраза объединяет словами "в то же лето" это событие и возвращение князя Юрия Владимировича на ростовский стол в 1135 г.

Наиболее важное в построении А.Поппэ упоминание под 6645 г. солнечного затмения комментировано Н.Г.Бережковым с очевидными натяжками. Н.Г.Бережков, сославшись на Н.В.Степанова, констатировал наличие ошибки писца в рассказе о затмении. Н.В.Степанов писал: "Ни 9 июня, ни 9 июля (предполагая обычную описку в названии месяца), ни в один из ближайших годов не было солнечного затмения; вероятно, это были какие-либо атмосферическо-оптические явления"[33]. Опираясь на это указание, Н.Г.Бережков предположил, что Н.В.Степанов "упустил из виду возможность и вероятность описки не в названии месяца, а в числе месяца"[34]; «Солнечное затмение происходило 1 июня 1136 г., т.е. 6644 мартовского; ошибка в числе месяца вызвана тем, что "а" было принято за "θ"»[35]. Не очень ясно, как можно спутать столь не схожие одна с другой буквы, но, если даже предположение Н.Г.Бережкова справедливо, остается безусловным тот факт, что в статье 6645 г. Ипатьевской летописи присутствует цикл сведений 1135 г., предваренный сообщением о поставлении епископа Мануила.

Можно ли, исходя из этого обстоятельства, отнести учреждение Смоленской епархии к 1135 г.? Такому намерению решительно противоречит то, что рассказ Ипатьевской летописи под предыдущим, 6644 годом весь посвящен освещению усобицы 1135 г., завершаясь сообщением о заключении мира 12 января 1136 г. Рассказ же следующего, 6646 года кратко излагает новгородские события 1136-1137 гг. и завершается сообщением о смерти "того же лета" "месяца февраля в 11, масленои недели в четверг" в Пскове князя Всеволода Мстиславича[36]. Но кончина Всеволода относится уже к 1138 г., когда четверг масленицы приходился на 10 февраля (в 1136 г. он был 30 января, в 1137 г. — 18 февраля; Всеволод, следовательно, умер в ночь с 10 на 11 февраля 1138 г.). Таким образом, сообщение о поставлении епископа Мануила в Ипатьевской летописи помещено между описанием событий начала 1136 г. и начала 1138 г., будучи сопровождено анахронистичными известиями о событиях 1135 г. Для более точного установления даты хиротонии Мануила рассказ Ипатьевской летописи оснований не дает.

Рассмотрим теперь местоположение рассказа о поставлении Мануила в других летописных сводах. Лаврентьевская и Радзивилловская летописи

под 6644 г. сообщают о княжеской усобице 1135 г. и о заключении исчерпавшего ее мира (12 января 1136 г.), завершая годовую статью известием о смерти "в то же лето" владимирского епископа Симеона. Статья 6645 г. в этих сводах целиком посвящена церковным делам: "В лето 6645. Поставиша епископа Мануила скопца Смолиньску, потом другого скопца Володимерю епископа Феодора". Наконец, под 6646 г., после краткого сообщения о событиях, приведших Всеволода Мстиславича в Псков, идет рассказ о его смерти (10 февраля 1138 г.) и последующих обстоятельствах вплоть до 5 марта 1139 г.[37]. И здесь — широкие хронологические рамки — от января 1136 до февраля 1138 г.

В Московском летописном своде конца XV в. рассказ 6644 г. начинается изложением новгородских событий, связанных со свержением князя Всеволода Мстиславича (28 мая — 19 июля 1136 г.), затем следуют сообщения об усобице 1135 г. и заключении мира (12 января 1136 г.), о смерти владимирского епископа Симеона и бракосочетании в Новгороде князя Святослава Ольговича (после 5 декабря 1136 г.: Святослав венчался в церкви Николы, которая была освящена "великим священием" 5 декабря)[38]. Рассказ 6645 г. открывается интересующим нас известием: "Поставлен бысть Смоленьску епископ Маноил скопець, а другыи скопець Феодор поставлен бысть Володимерю епископ". Далее следует сообщение о приходе в Псков князя Всеволода Мстиславича, тайно позванного из Вышгорода новгородским посадником Костянтином и псковским посадником Жирятой, что не могло произойти ранее 7 марта 1137 г., когда они пригласили его вернуться на княжение[39], а скорее всего — много позднее 7 марта: Лаврентьевская летопись утверждает, что после изгнания из Новгорода Всеволод в Вышгороде "седе лето едино", а затем в Пскове "пребысть тамо мало и сконьча живот свои"[40]. После описания вызванного действиями Всеволода размирья Новгорода и Пскова статья завершается сообщением о смерти Всеволода 11 февраля (1138 г.)[41]. Здесь, как видим, известие о поставлении епископов включено в хронологический контекст 1137 г. Воскресенская летопись, использовавшая Московский свод конца XV в., дословно воспроизводит его рассказ о рассматриваемых событиях[42].

В том же хронологическом контексте, непосредственно перед рассказом о тайной попытке реставрации княжения Всеволода Мстиславича, помещено сообщение о поставлении епископов в Никоновской летописи под 6644 г.: "Того же лета преставися [Семион] епископ Володимерский в Волыни. Того же лета пресвященный Михаил, митрополит Киевский и всеа Руси, постави епископом Мануила скопца Смоленеску, месяца апреля 26. Того же лета пресвященный Михаил, митрополит Киевский и всеа Руси, постави другаго епископа Феодора скопца в Володимер Волынский, месяца маиа в 6 день"[43].

Таким образом, "плавающее" известие о поставлении епископов в поздних сводах привязано к 1137 г., а в ранних имеет более широкие хронологические рамки: 1136-1137 гг. Доверяя указанной Ипатьевской летописью дневной дате поставления Мануила (26 апреля), это событие

можно относить и к 26 апреля 1137 г., и к 26 апреля 1136 г. Настаивая на 1136 г., А.Поппэ напрасно акцентирует свою аргументацию на том, что 26 апреля 1136 г. было воскресным днем. Если хиротония совершалась только по воскресеньям, то как же можно объяснить поставление Феодора *6 мая, которое в 1136 г. падало на среду? Даже если соединение под одним* годом поставлений епископов Мануила и Феодора искусственно, а в действительности они были хиротонисаны в разные годы, доводы ученого от такого допущения не становятся убедительнее: в 1135 г. 6 мая приходилось на понедельник, в 1137 г. — на четверг, а в 1138 г. — на пятницу.

Легко заметить, что все обсуждение вопроса о том, стал ли Мануил смоленским епископом в 1136 или в 1137 г., касается исключительно даты *учреждения Смоленской епархии, но отнюдь не датировки смоленских* грамот князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, отнесение которых к 1136 или 1137 г. имеет, как уже отмечено, характер аксиомы, а не основано на независимой аргументации. Система доказательств, предложенных Я.Н.Щаповым и А.Поппэ, оказывается в порочном кругу: сначала выдвигается умозрительный тезис о том, что Уставная грамота выдана в момент учреждения епархии, а затем вместо обоснования этого положения рассматривается совершенно иная проблема — в каком году была учреждена эта епархия.

2. "Суждали залесская дань"

Склоняясь к тому, чтобы считать Уставную грамоту учредительной, А.Поппэ предложил свое понимание обстоятельств, сопутствовавших учреждению Смоленской епископии или предварявших его. Эти обстоятельства связаны с истолкованием следующей фразы Уставной грамоты: "Суждали залесская дань, аже воротить Гюрги, а что будеть в нем, из того Святеи Богородици десятина".

Проблема интерпретации этой фразы возникла достаточно давно, однако все выдвинутые в литературе версии не идут далее весьма ответственных, но лишь формально-логических построений. Чаще всего эти построения опираются на неверное с точки зрения грамматики прочтение термина как "суждали-залесская дань" (т.е. суздальская залесская), тогда как имеется в виду некая залесская дань, оказавшаяся в распоряжении Юрия Долгорукого в Суздале: "[В] Суждали залесская дань" (опущение предлога в подобной конструкции было нормой).

Н.П.Барсов понимал "суждали-залесскую дань" как свидетельство первоначальной принадлежности какой-то части Суздальской земли смоленским князьям в результате "колонизационного движения смоленских кривичей в земли мерян и веси, в область р.Москвы и Клязьмы, до самой Волги"[44]. П.В.Голубовский полагал, что смоленские владения первоначально включали среднее течение р.Москвы, "там, где стоит город Москва"[45]. Д.П.Маковский считал, что князь Юрий Владимирович, ста-

противником Ростислава, "не хотел платить Смоленску старой залесской дани"[46].

Отвергнув подобные трактовки, не подтверждающиеся ни историко-географическими, ни археологическими наблюдениями, А.Н.Насонов выдвинул иное толкование "залесской дани". Он понимал под ней суздальскую дань Киеву, поступавшую, однако, почему-то через Смоленск, и видел в Ростиславе Мстиславиче некую передаточную инстанцию, прерогативы которой были нарушены князем Юрием Владимировичем[47]. По этому поводу ученому совершенно справедливо возражал А.Поппэ: "Итак, в трактовке А.Н.Насонова роль Ростислава сводилась к передаче по адресу не принадлежащей ему дани. Если бы дело представлялось так, то на каком основании Ростислав мог рассматривать дань как свою и выделять из нее десятину в пользу своей епископии?"[48].

А.Поппэ выдвинул свое объяснение "суждали-залесской дани", которое сводится к следующему. В 1134 г., как уже отмечено выше, Юрий Долгорукий испросил у Ярополка Переяславль, "а Ярополку вда Суждаль и Ростов и прочюю волость свою, но не всю". По предположению А.Поппэ, эта рокировка произошла в марте 1134 г. и сохраняла свою силу до февраля — марта 1135 г., когда Юрий вернулся в Ростов после победы суздальцев у Ждановой горы. Исследователь ставит вопрос: "Кто получал "суждали-залесскую дань", когда Юрий отказался от Ростово-Суздальской земли и перешел в Переяславль?" Вопрос этот явно надуман. Очевидными претендентами на компенсацию за Переяславль в 1134 г. выступают Изяслав и Всеволод Мстиславичи; целью первого похода на Суздаль в 1134 г. летописец называет желание Всеволода посадить Изяслава на суздальское княжение: "ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали"[49]. Но оба похода 1134 г. направлены против Ярополка, коль скоро полученные им от Юрия Суздаль и Ростов принадлежали в это время ему. Следовательно, суздальские дани не стали достоянием Всеволода и Изяслава Мстиславичей, а оставались у Ярополка.

Однако А.Поппэ, обратив внимание на то, что в ходе сложных политических хитросплетений 1134-1135 гг. Ростислав Мстиславич никак не демонстрирует своих симпатий и антипатий, заключает: "Более чем правдоподобно, что Ярополк, который, желая угодить всем, восстанавливал против себя всех, передал только что полученное им право на "суждали-залесскую дань" Ростиславу. Этим он обеспечивал его нейтралитет в споре с остальными племянниками и Ольговичами"[50]. Между тем предположенное А.Поппэ действие Ярополка могло бы вызвать только один эффект — восстановление против Ростислава Мстиславича его братьев, Изяслава и Всеволода, которые именно в это время прилагают усилия к овладению Суздалем и Ростовом. Однако никаких признаков розни между Мстиславичами не видно.

Вероятно, ощущая известную беллетристичность изложенного построения, А.Поппэ сам себе адресует еще один вопрос: "зачем было упоминать в учредительной грамоте дань, которой к моменту составления этого документа уже не было?" И отвечает на этот вопрос в столь же беллетристическом

духе. Используя примеры, взятые из новгородской практики (хиротони епископов Аркадия, Мартирия, Митрофана), исследователь утверждает, что "между светским княжеским назначением в епископы и архиерейским рукоположением всегда проходило некоторое время, иногда более двух лет", и выдвигает новое предположение. Мануил якобы был назначен в смоленские епископы князем Ростиславом Мстиславичем еще в 1134 г., "и именно тогда было определено материальное обеспечение епископии, закрепленное в 1136 г. актовым документом. Итак, определение Ростиславом доходов епископии следует приурочить к 1134 г., т.е. к тому времени, когда в Смоленск начала и перестала поступать эфемерная, но стечением обстоятельств попавшая в историю "суждали-залесская дань"[51]. Совершенно прав Я.Н.Щапов, признавший такое решение проблемы недостаточно обоснованным[52]. Относительно указанных выше аналогий следует заметить, что разрыв во времени между назначением и хиротонией архиереев в Новгороде определялся не общерусской практикой, а республиканским порядком предварительного избрания новгородских владык вечевой жеребьевкой.

Таким образом, вопрос о "залесской дани" до сих пор не имеет убедительного объяснения. Между тем, поскольку в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича говорится, как уже отмечено выше, о какой-то "залесской" дани, следовавшей Смоленску, но осевшей в Суздале у Юрия Долгорукого, важно было бы сделать акцент на существе термина "залесская".

"Залесскими", в отличие от "литовских" и "смоленских", как это очевидно из показаний известного списка "А се имена всем градом рускым дальним и ближним", были не только низовские, но и новгородские, а также псковские территории[53]. К числу таких территорий, в частности, принадлежат и особо интересующие нас Молвятицы, Березовец, Стерж, Морева, Велила[54]. Располагаем также свидетельством того, что Новгород имел прямое отношение к сбору какой-то дани, идущей в Смоленск: 1133 г. пришедший на место умершего Мстислава Владимировича киевский князь Ярополк Владимирович "посла Мстиславича Изяслава с братьи Новугороду, и даша дани Печерьские и от Смолиньска дар, и тамъ хресть целоваша"[55]. В предыдущем, 1132 году Всеволод Мстиславич во преки крестоцелованию "яко хощю у вас умрети" уходил из Новгорода искать переяславский стол, а после неудачи и возвращения был изгнан, но затем снова возвращен в Новгород[56]. Под "даром" от Смоленска возможно понимать удержанные новгородцами доходы с домениальных земель за 1132 г.

Выдвинув предположение о том, что доходы с части бывших смоленских владений, переданных Мстиславом Владимировичем Всеволоду Мстиславичу, назначались исключительно Мстиславичам, мы должны признать логическую неизбежность следующего шага рассуждений. Проблема сбора черной куны с таких волостей впервые могла достаточно остро проявиться только после перемен 1136 г., когда с изгнанием из Новгорода князя Всеволода Мстиславича доход с них, если наше рассуждение пр

вильно, юридически уже не принадлежал приглашаемым на новгородский стол князьям из других линий.

Всеволода Мстиславича на новгородском столе сменяет Святослав Ольгович (из черниговских князей линии Святослава Ярославича). На смену ему приходит в 1138 г. сын Юрия Долгорукого Ростислав (Святослав изгнан 17 апреля, а Ростислав интронизован 10 мая), бежавший из Новгорода 1 сентября 1139 г. В том же году 25 декабря в Новгороде снова интронизован Святослав Ольгович. В феврале 1141 г. он бежит из Новгорода, остающегося на протяжении девяти месяцев без князя, а 26 ноября на новгородский стол вновь садится Ростислав Юрьевич. 19 апреля 1142 г. его сменяет Святополк, сын Мстислава Владимировича, остающийся новгородским князем до осени 1148 г. После него до 26 марта 1154 г. в Новгороде княжит Ярослав Изяславич, внук Мстислава Владимировича, затем Ростислав Мстиславич Смоленский и его сын Давыд, а с 30 января 1155 г. до 1157 г. — сын Юрия Долгорукого Мстислав. Юрий Долгорукий умер 15 мая 1157 г.[57]

Важным в рассматриваемой связи представляется свидетельство Ипатьевской летописи под 1149 г.: "Изяслав съступи Дюргеви Киева, а Дюрги възврати все дани Новгородьскыи Изяславу, и его же Изяслав хотяше"[58]. Доведя хронологический список новгородских князей до смерти Юрия Владимировича и имея в виду только что приведенное летописное известие 1149 г., мы можем заметить, что суздальцы, не имеющие отношения к наследству Мстислава Владимировича и к юридическим правам его потомков, княжили в Новгороде в 1138-1139 и 1141-1142 гг.; остальное время между 1136 и 1149 гг. принадлежало Мстиславичам и Ольговичам. С этих позиций и предлагается оценить рассматриваемую фразу Уставной грамоты Ростислава Мстиславича о "залесской дани". Не находя другого толкования этой дани кроме как "черной куны" с пограничных новгородских волостей, которая была незаконно захвачена сыном Юрия Долгорукого Ростиславом в его новгородское княжение (не ранее 1138 г. и не позднее 1142 г.), мы и саму Уставную грамоту не можем датировать временем ранее 1138-1139 гг. Она, таким образом, составлена не в момент учреждения новой епархии, а уже на каком-то этапе ее существования.

3. Некоторые соображения о возможной реконструкции комплекса

Относительно датировки документов, входивших в "смоленский комплекс", можно высказаться лишь гипотетически, исходя из бросающихся в глаза их формулярных несообразностей. Как уже показал Л.В.Алексеев, существующая копия XVI в. воспроизвела рукопись с перепутанными листами. Намеченный Л.В.Алексеевым путь восстановительного анализа представляется весьма перспективным, хотя не со всеми конкретными

предложениями этого исследователя я нахожу возможным солидаризиро ваться.

Наблюдения Л.В.Алексеева касаются лишь собственно Уставной гра моты князя Ростислава Мстиславича и заключаются в следующем. Статья передающая собору Богородицы и епископу "прощеников" "с медом и с кунами, и с вирою, и с продажами, и не надобе их судити никакому ж человеку" не находит конкретизации в непосредственно за ней следующем тексте, посвященном назначению десятины "от всех данеи смоленских что ся в них сходит ис тых[59] кун, кроме продажи, и кроме виры, и кром полюдья", т.е. совершенно иному виду финансирования. Между тем посл завершения обширного раздела о десятинных отчислениях в Уставно грамоте помещена группа статей, посвященных безусловной передач собору Богородицы и епископу сел с изгоями, бортником, землей, а также княжеских уездов, воска, огорода и людей из собственно княжес кого хозяйства, завершающаяся как бы логической концовкой "что ж мога, то же даю". После этого следует текст о пределах компетенци епископского суда, гарантиях епископских прав и заключительна формула с заклятием. Осмысливая эти противоречия, Л.В.Алексее предлагает перенос текста указанной группы статей в то место Уставно грамоты, где заканчивается статья о "прощениках". В подкреплени этой гипотезы исследователь произвел подсчет знаков рукописи, при званный убедить в том, что переносимая им на другое место групп статей составляла ровно лист (две страницы), который и оказался копируемой рукописи не на месте[60].

Такой расчет, однако, следует признать бессмысленным занятием поскольку в его основу была положена публикация А.А.Зимина, котора была предпринята с раскрытием титл, введением в текст выносных букв разделением текста на слова (Л.В.Алексеев делает свои подсчеты, "н считая знаков синтаксиса и учитывая промежутки между словами"). Обра щение к источнику XVI в. (по изданию Я.Н.Щапова)[61] выявляет порочност такого подсчета. Например, Л.В.Алексеев насчитывает в преамбуле и текст о "прощениках" 593 знака, тогда как в рукописи их только 355; в разде о десятине, по Л.В.Алексееву, — 3391 знак, в рукописи 1938 знаков. Пр этом неизвестен характер копированной рукописи — была ли она написан уставом, полууставом или скорописью, какова в ней степень сокращени и употребления выносных букв, разделялся ли текст на абзацы и т.д.

Используя, однако, наблюдения Л.В.Алексеева над несомненным формулярными противоречиями документа, можно предложить иную версию восстановления его первоначального текста. Вряд ли имеет необходимость подробно обосновывать мысль о том, что так называем Запись о "холме" производит впечатление концовки документа, а н целостного акта. Эта краткая запись начинается словами: "А се и еще... указывающими на наличие какого-то предшествующего текста, а завер шается торжественным обозначением даты с указанием года, индик месяца и дневного числа.

Запись о "холмс", формулируя княжеское пожалование земельного участка, по смыслу примыкает к тем статьям Уставной грамоты, которые определяют наделение соборного храма и епископии безусловной собственностью (т.е. к статьям о "прощениках", изгоях, селах и т.п.). Компонуя их, мы получим следующий цельный текст (нумерация статей — по изданию Я.Н.Щапова):

"[3]. А се даю Святей Богородици и епископу прощеники, с медом и с кунами, и с вирою, и с продажами, и не надобе их судити никакому же человеку.

[7]. Село Дросенское со изгои и з землею Святей Богородици и епископу и село Ясеньское и з бортником, и з землею, и с изгои Святей Богородици.

[8]. И се семи дал землю в Погоновичах Моишиньскую Святей Богородици и епископу и озера Немикорская и с сеножатьми, и уезд княжь, и на Сверковых луках сеножати и уезд княжь, озеро Колодарское Святей Богородици.

[9]. И се даю на посвет Святей Богородици из двора своего осм капиц воску, и на горе огород с капустником, и з женою, и з детми; за рекою тетеревник с женою и з детми Святей Богородици и епископу.

[10]. Быть мое сотщание к Святей Богородици по повелению святого отца моего, что же мога, то же даю.

[-]. А се еще холм даю Святей Богородици и епископу, яко же дано дедом моим Володимером Семеонови, преже епископу строить наряд церковный и утверженье.

В лето 6658, индикта 14, месяца сентября 30".

Такая компоновка текста создает двойной эффект. Она, во-первых, объединяет все пожалования из собственно княжеского хозяйства. Во-вторых, изъятие воспроизведенных здесь текстов из Уставной грамоты Ростислава Мстиславича полностью устраняет ее формулярные противоречия, определяя в ней такую последовательность формул: [1-2, 6]. Преамбула; [4]. Провозглашение десятины и конкретизация десятинных сумм по местностям их сбора; [5]. Конкретизация десятины от рыбных ловель; [11]. Определение епископских тяжь; [12-14]. Гарантии епископских прав; [15-16]. Заклятия нарушителям.

Допуская, таким образом, наличие в существующем тексте Уставной грамоты не одного, а двух документов, можно связать возникновение реконструированного выше датированного акта с повторным освящением соборного храма Смоленска. В Похвальном слове князю Ростиславу Мстиславичу, составленном в связи с его смертью (умер 14 марта 1167 г.)[6] имеется завершающая это произведение хронологическая запись: "Святилище святые Богородици освятися от Мануила перваго епископа града Смоленска, месяца августа 15 день, индикта 13, лета 6658-е"[7]. То же

событие, но с ошибкой в годе, отражено в сборнике киевского Михайлов ского монастыря XVII в.: "Лета 6650, августа 15, индикта 13 осветис церков святыя Богородица внутри града Смоленъска от Мануила первог епископа града Смоленъска"[64]. Причины этого нового освящения Успен ского храма считаются неясными[65], однако само оно находит подтверж дение в прослеженном раскопками 1964-1965 гг. наличии двух этапо строительства собора в начале и середине XII в. Если первый эта закономерно связывается с летописным известием 1101 г. о том, чт Владимир Мономах "заложи церковь в Смоленьске святое Богородиц камяну епискупью"[66], то второй соответствует известию 1150 г.[67] З завершением строительных работ естественно следовало освящени храма.

Не надо только вслед за Я.Н.Щаповым и А.Поппэ понимать фраз "яко же дано дедом моим Володимером Семеонови преже епископ строити наряд церковный и утверженье" как указание на предоставле ние того же смоленского Соборного холма той же церкви в 1101 г.[Упомянутые авторы — мне кажется, как и А.А.Зимин[69], — склонны ставит запятую в этой фразе после слова "епископу", придавая выражени "преже епископу" смысл наименования Симеона прежним епископом. В всяком случае именем Симеона они заполняют хронологическую лакун рубежа XI—XII вв. в списке переяславских епископов: в Симеоне предла гается видеть предшественника поставленного в Переяславль в 1105 г епископа Лазаря[70]. Между тем вопрос, по-видимому, решается иначе. Един ственный известный летописям в первой половине XII в. Симеон бы епископом Владимира Волынского с 1123 г. до смерти в 1136 или 1137 г. Он начал свое святительство как раз при Владимире Мономахе, Ростислав Мстиславич ссылается на прецедент подобного пожалования во Владимире Волынском. Слова же "преже епископу" относятся следующей части фразы и означают "до того как", или в смысловом переводе: как необходимое епископу основание совершенствовать со борную церковь.

В документе 1150 г. можно видеть дополнительный акт с новы пожалованием соборной церкви и смоленскому епископу, тогда ка основная часть Уставной грамоты фиксирует исходное предоставлени десятины и, вероятно, относится к более раннему времени, приближен ному к учреждению епископии, — например, к 1139-1140 гг. (во всяко случае, до 1149 г., когда Юрий Долгорукий вернул Мстиславичам новг родские долги). Отсутствие в документе 1150 г. преамбулы не должн смущать: если она была подобна преамбуле Уставной грамоты, переписчи мог опустить ее, заподозрив тавтологию. Показательно, что реконстру рованный документ 1150 г. никак не отразился в Подтвердительно грамоте епископа Мануила, выданной в более раннее время, одновремен но с Уставной грамотой Ростислава Мстиславича.

4. К методике исчисления десятины в Уставной грамоте

Одним из существенных вопросов изучения Уставной грамоты Ростислава является выяснение размера епископской десятины относительно всей суммы княжеских доходов. Этот размер фиксирован в общей формуле назначения десятины: "И се даю Святеи Богородици и епископу десятину от всех данеи смоленских, что ея в них сходит ис тых кун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья". Слово "кроме" в приведенном тексте возможно понимать двояко. Оно может быть переведено как "за исключением", однако может быть понято и в противоположном смысле: десятина от даней назначается сверх отчислений от судебных доходов и полюдья. В исторической литературе традиционным является перевод "за исключением". Основываясь на таком понимании слова "кроме"[72], А.А.Зимин, например, комментирует следующий текст: "На Путтине присно платять четыре гривны, Бе|...|ници две гривны. Коромити полпяты гривны, Дедичи и дань и вира 15 гривен, гость 7 гривен, а из того Святеи Богородици и епископу три гривны без семи ногат". Исследователь пишет: "С Дедичей, быть может (исходя из размера десятины), шла дань в 9 гривен"[73]. Лежащий в основе такого комментария расчет прозрачен. Поскольку "три гривны без семи ногат" равны 53 ногатам (в гривне, согласно денежному счету Русской Правды, содержится 20 ногат), следовательно, десятина исчислена из суммы в 530 ногат, или иначе 26,5 гривны. Однако сложение названных в приведенном тексте сумм (4+2+4,5+15+7 гривен) дает 32,5 гривны, т.е. на 6 гривен больше. Эти избыточные 6 гривен, как предположено, соответствуют вире в нерасчлененном обозначении "и дань и вира 15 гривен".

Между тем традиционное понимание слова "кроме" вступает в противоречие с текстами "На Копысе полюдья четыри гривны, а перевоза четыри гривны, а торгового 4 гривны, а с корчьмити не ведомо, но что ся сойдеть, ис того десятина Святеи Богородици"; "В Лучине полюдья |...| гривны, а мыта и корчмити не ведомо, но что ся снидеть, ис того епископу десятина". По-видимому, такое же противоречие отражает статья о поступлениях с Вержавлян Великих: "а в тех погостех платит кто же свою дань и передмер истужници по силе... А в тых погостех во всех сходится дани осм сот гривен, а передмера сто гривен, а на истужницех сто гривен, то ти ис того взяти епископу к Святеи Богородици сто гривен", хотя термины "передмер" и "истужницы", известные только по этому документу, остаются загадочными.

Если судебные пошлины и полюдье входили вместе с данями в ту сумму, из которой исчислялась десятина, то комментированный А.А. Зиминым текст следует понимать иначе. Фраза "На Путтине присно платять четыре гривны, Бе|...|ници две гривны" является полной и законченной позицией документа. Она отличается от других позиций, где

называется и исходная сумма, и ее десятая часть, но не является исключительной. Точно так же не названа исходная сумма в статье о Вержавске: "У Вержавеку в городе три гривны десятины Святеи Богородици". Следующей позицией документа является текст: "Коромить полпяты гривны, Дедичи и дань и вира 15 гривен, гость 7 гривен. А из того Святеи Богородици и епископу три гривны без семи ногат", в котором имеется абсолютное соответствие исходной суммы и исчисленной от нее десятины.

Аргументация А.А.Зимина была в развернутой форме повторена Д. А.Поппэ[74], которые, однако, под "дедичами" понимают не топоним, а, по О.Н.Трубачеву, — реликтовую категорию "сельскохозяйственного населения, располагавшего наследственным правом на землю", известную у западных и южных славян"[75]. Справедливо или нет это мнение, можно установить, лишь локализовав населенный пункт "Коромить", вопрос о котором до сих пор не ставился, поскольку все исследователи усматривали в слове "коромити" испорченное "корчьмити".

5. К вопросу о датировке записи "А се погородие"

До сих пор остается неопределенной датировка записи "А се погородие". Я.Н.Щапов относит ее к концу XII — первой половине XIII в., указывая следующие причины такой датировки. "Во-первых, денежный счет памятника — здесь не упоминаются гривны серебра, известные в документах середины XIII в., и тем более гроши, известные в конце XIV в."[76]. Гривны серебра как термин денежного счета появляются, однако, не в середине XIII в., а уже на рубеже XII и XIII вв.: они фигурируют в новгородских берестяных грамотах № 222, 334, 531, 710 указанного времени[77], а также в договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в.[78] Более того, денежная система в записи "А се погородие" та же, что и в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича. Как уже отмечено выше, в основе последней лежит равенство гривны 20 ногатам. Но то же равенство присутствует и в записи: "А се от Крупля гривна урока, а пять ногат за лисицу. А се от Вержавска две гривны урока, а за три лисици 40 кун без ногаты". Если лисица оценена в 5 ногат, то три лисицы должны стоить 15 ногат. Коль скоро Пространная Правда указывает на равенство гривны 50 кунам, а, следовательно, ногаты 2,5 кун, в 15 ногатах содержится 37,5 кун, а это и есть "40 кун без ногаты"[79].

"Во-вторых, — пишет Я.Н.Щапов, — запись относится ко времени, когда власть епископа, церковной организации, в Смоленской земле настолько окрепла, что глава ее сам через своих представителей в городах был в состоянии собирать причитающиеся ему дани, не опираясь на княжескую систему сбора даней, о которой не упоминается в записи"[80]. Но весь смысл конкретизации десятины по местностям сбора, определение в Уставной грамоте всякий раз причитающейся епископу суммы не

заключается ли в том, что епископу дается право именно его людьми взимать эти суммы?

"В-третьих, запись рисует условия, когда поступления от городов занимали важное место в приходном бюджете кафедры, а финансы развитых смоленских городов, следовательно, были в состоянии удовлетворить среди других и претензии владыки"[81]. Не совсем ясно, как из этого тезиса можно извлечь конкретный хронологический момент. Города в раннее время, вероятно, тем отличались от сельских волостей, что в них имелись храмы и приходские священники, составлявшие надежную часть епископского аппарата, который контролировал десятинные доходы и взимал их. Следовательно, доводы в пользу более позднего происхождения документа можно было бы получить, лишь доказав, что часть названных в записи "А се погородие" городов возникла заметно позднее учреждения епископии.

Именно такой путь для выяснения хронологии записи избрал Л.В.Алексеев: "Обилие городов показывает, что грамота "О погородьи" значительно позднее создания епископии, когда в Смоленской земле, кроме Смоленска, был лишь один город"[82]. Утверждение, скажем прямо, обескураживающее, коль скоро тот же автор двумя строками выше констатирует, что в записи "упоминается всего 12 городов, из которых 6 новых и 6 старых". В самом деле, в записи и в Уставной грамоте фигурируют Вержавск, Копыса, Поцинь, Лучин, Торопец, Жижец; Вержавск в Уставной грамоте прямо назван городом. Отсутствуют в Уставной грамоте, но фигурируют в записи "А се погородие" Мстиславль, Крупль, Ростиславль, Елна, Изяславль, Дорогобуж.

Можно ли считать, что эти города еще не возникли в момент составления Уставной грамоты? О пяти городах из этого списка никаких данных относительно времени их возникновения не имеется. Мстиславль же летописцу известен с 1156 г.[83] Однако о его основании имеется запись в сборнике XVII в. киевского Михайловского монастыря: "Лета 6642 Ростислав Мстиславич устроил град великий Смоленесък и церков созда Святого Спаса верху Смядыни, и град Мстиславъл на Вехре он же созда: и княжения его 60 лет было"[84]. Хотя запись эта внушает некоторые сомнения (Ростислав Мстиславич не княжил, а, вероятно, жил 60 лет; Спасская церковь на Смядыни построена, возможно, не при Ростиславе, а в конце XII в.)[85], тем не менее вполне достоверным представляется основание Ростиславом в 1134 г. города, названного в честь недавно умершего отца.

Во всяком случае в 1156 г. Мстиславль уже существует. И если правильна догадка о посмертном увековечении Мстиславичей наречением *их именами вновь основываемых городов, нелишним будет вспомнить,* что Изяслав Мстиславич умер в 1154 г., а Ростислав в 1167 г. Я не вижу препятствий к датировке записи "А се погородие" XII веком и даже временем, близким к середине — третьей четверти этого столетия.

Сама эта запись не производит впечатления уставной, а является скорее приходной, зафиксировавшей итог сбора десятины в каком-то конкретном году. Все названные в ней "уроки", за одним исключением,

меньше уставных десятинных сумм. Лишь в Торопце они совпадают: "А в Торопчи дани четыриста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен" (Уставная грамота) – "А у Торопчи урока 40 гривен" ("А се погородие"). В Вержавске размер десятины — 3 гривны, но в записи — "две гривне урока"; в Копысе общий размер десятины неизвестен, в записи – "(гривен урока"; в Поцинке 3 гривны десятины и какая-то сумма от гостиной дани, в записи — "полторы гривны"; в Лучине размер десятины неизвестен, в записи — "три гривны урока"; в Жижеце десятина равна 13 гривнам, в записи — "пять гривен". Если Уставная грамота определяет в Торопце десятину "от всех рыб, иже идеть ко мне", то в записи кроме трех саней рыбы перечислены невод, "тре[...]ица" (вероятно, трезубица, острога), бредник, т.е. предметы, отнюдь не относящиеся к числу тех, какие надлежало требовать ежегодно, да и то только в Торопце[86].

Исходя из такого понимания документа, нет необходимости недоумевать вместе с Л.В.Алексеевым, почему от Торопца в записи "А се погородие" епископу не идет почестья. Исследователь усматривает в этом некую исключительность и связывает неполучение этого побора с предположением, что "смоленский владыка отказывался наотрез ездить служить в Торопец" (такое якобы могло случиться в 10-х гг. XIII в., когда в Торопце находился опальный новгородский архиепископ Митрофан)[87]. Однако почестье, по записи, взято только в Мстиславле, Копысе, Ростиславле, Жижеце и Дорогобуже. В остальных городах его нет, а это может свидетельствовать отнюдь не о епископском гневе, а о том, что в год составления записи в эти города просто не было владычного подъезда. Впрочем, почестье могло взиматься и без подъезда: не являются ли суммы сверх "урока", обозначенные практически во всех городах, почестьем?

* * *

Главное наблюдение, касающееся рассматриваемой нами проблемы и извлеченное из документов смоленской епархии, состоит в подтверждении предположения о том, что в XII в. Смоленск действительно претендует на "залесские дани", которые возможно связать лишь с доходами с неких новгородских территорий. Подтверждается также мысль о принадлежности этих доходов лишь потомкам Мстислава Владимировича, поскольку присвоение их Юрием Долгоруким признается незаконным. Если это так, то вывод о выделении Мстиславом Владимировичем из состава пограничных с Новгородом смоленских земель ряда волостей для передачи их Всеволоду Мстиславичу в качестве его доменциальных владений представляется этими наблюдениями аргументированным. Еще в 1102 г., когда киевский князь Святополк Изяславич намеревался посадить в Новгороде своего сына, а Мстиславу Владимировичу дать в княжение Владимир Волынский, новгородцы воспрепятствовали этой акции, заявив: "Не хочем Святополка, ни сына его. Аще ли две главы имеет сын твои, то пошли и; а сего ны дал Всеволод, а выскормили есмы собе князь; а ты еси шел от нас"[88]. Подобные настроения не могли не порождать уверенности Мстислава в возможности получить

новгородский стол в наследственное владение и, оставляя в Новгороде Всеволода, заботиться о материальном укреплении такой идеи.

Пограничными с Новгородом были Торопецкие и Ржевские земли Смоленска, которые во второй половине XII в. составили удел сына Ростислава Мстиславича — Мстислава Храброго. Коль скоро в домен Всеволоду были выделены части этого будущего удела, то и получателем черной куны с них со второй половины XII в. должны были стать князья Торопца и Ржева. С дальнейшей судьбой этого удела прямо связана и дальнейшая судьба "Чернокунства". Поэтому нам следует теперь рассмотреть обстоятельства принадлежности Торопца и Ржева в XII-XV вв.

◆

1. Комплекс издавался неоднократно, в последний раз в кн.: Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Подг. Я.Н.Щапов. М., 1976, с.140-146.
2. *Алексеев Л.В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Slowiane w dziejach Europy. Poznań, 1974, s.87-91.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т.1. СПб., 1846, № 4.
4. Памятники русского права, вып.2. Памятники права феодально раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1953, с.51.
5. *Щапов Я.Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с.39.
6. Там же.
7. Там же.
8. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е. СПб., 1908, стб.295; т.9. СПб., 1885, с. 158.
9. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.217, 250.
10. Там же, стб.276.
11. Там же, стб.277.
12. ПСРЛ, т.2. Изд.1-е. СПб., 1843, с.290.
13. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.282-283.
14. Там же, стб.284.
15. ПСРЛ, т.7. СПб., 1856, с.233.
16. ПСРЛ, т.2. Изд.1-е, с.293.
17. ПСРЛ, т.1. Изд.2-е. Вып.2. Л., 1927, стб.298.
18. Там же, стб.295.
19. Там же, стб.301.
20. Там же, стб.301-302.
21. Там же, стб.302.
22. Там же, стб.302-303.
23. Там же, стб.303-304; т.2. Изд.2-е, стб.299.
24. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (при дальнейших ссылках — НПЛ), с.24, 209.
25. Там же.
26. *Татищев В.Н.* История Российская, т.2. М.; Л., 1963, с.148.
27. НПЛ, с.25, 210.
28. ПСРЛ, т.9, с.161.
29. *Поппэ А.* Учредительная грамота Смоленской епископии //Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с.59-60.
30. *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI-XIV вв. М., 1972, с.137; *Алексеев Л.В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли, с.85; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с.20-23.
31. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.300.
32. НПЛ, с.23, 208.

33. *Степанов И.В.* Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века // Известия Отделения русского языка и словесности имп.Академии наук. 1915, т.XX кн.2, с.33, 38.
34. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 326.
35. Там же, с.137.
36. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.300-301.
37. ПСРЛ, т.1. Изд.2-е. Вып.2, стб.303-307; т.38. Л., 1989, с. 108-109.
38. НПЛ, с.24, 209.
39. Там же.
40. ПСРЛ, т.1. Изд.2-е. Вып.2, с.305.
41. ПСРЛ, т.25. М.: Л., 1949, с.33.
42. ПСРЛ, т.7, с.30-31.
43. ПСРЛ, т.9, с.160.
44. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Изд.2-е. Варшава, 1885, с.176, 18 см. также: *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., 1916, с.239.
45. *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с.75.
46. *Маковский Д.П.* Смоленское княжество. Смоленск, 1948, с.77.
47. *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М 1951, с.167-171.
48. *Поппэ А.* Указ. соч., с.65.
49. НПЛ, с.23, 208.
50. *Поппэ А.* Указ. соч., с.68; см. также: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с.76.
51. *Поппэ А.* Указ. соч., с.69.
52. *Шапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв., с.137-138.
53. НПЛ, с.477.
54. Там же.
55. ПСРЛ, т.1. Изд.2-е, стб.302; ср. ПСРЛ, т.9, с.158.
56. НПЛ, с.22-23, 207.
57. Там же, с.24-30, 209-217; ср. также показания Лаврентьевской и Ипатьевской летописей
58. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.393.
59. Эти слова в изданиях смоленских грамот традиционно передаются как "истых", в толковании А.А.Зимина — наличных (Памятники русского права, вып.2, с.46), в толковании Л.В.Алексеева — истинных, верных (*Алексеев Л.В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли, с.97), тогда как в тексте Уставной грамоты конструкция "не того", "из того" употребляется многократно.
60. *Алексеев Л.В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли, с.87-90, 94.
61. Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв., с.141-145. См. также: Смоленские грамоты XIII-XIV веков /. Подг. Т.А.Сумникова и В.В.Лопатин. М., 1963, с.75-78.
62. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.532.
63. *Шапов Я.Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ АН СССР, т.28. Л., 1974, с.59.
64. *Шапов Я.Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии М., 1972, с.282.
65. Попытка Я.Н.Щапова связать новое освящение храма с возможным служением в соборе в предшествующие годы Клима Смолятича, святительство которого не признавалось Мануилом (там же, с.276-282; см. также: *Шапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв., с.146), не кажется удовлетворительной. Ипатьевская летопись под 1156 г. рассказывает о действиях сместившего Клима митрополита Константина: "Тогда же митрополит Костянтин приде из Царягорода, и прия и князь Дюрги с честью и Полотьскии епископ, и Мануил Смоленьскии епископ, иже бе бегал перед Климом. И тако испроверглыи Климову службу и благословиша князя Дюргя Володимирича, а потом и дьяконом ставление отца, иже бе Клим ставил митрополит, писаша бо к нему руконисание на Клима" (ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.485). Освящающие действия были прерогативой митрополита, но совершены они были спустя шесть лет после освящения в 1150 г. Успенского собора в Смоленске.

66. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.250.
67. *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленский детинец и его памятники // Советская археология, 1967, № 3, с.293.
68. *Щапов Я.Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича, с.44-45; *Поппэ А.В.* Указ. соч., с.70.
69. Памятники русского права, вып.2, с.43.
70. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.254.
71. ПСРЛ, т.9, с.151, 160.
72. Памятники русского права, вып.2, с.46.
73. Там же, с.48.
74. *Poppe D. i A.* Dziedzice na Rusi // Kwartalnik historyczny, 1967, z.1; *Поппэ А.* К изучению древнерусской верви (тезисы) // Польша и Русь. М., 1974, с.297. См. также: *Алексеев Л.В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины // Советская археология, 1979, № 4, с.96-98; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв., с.60-61.
75. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых терминов общественного строя. М., 1959, с.69-70.
76. *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв., с.146.
77. *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 гг.). М., 1963, с.44, № 222; *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958-1961 гг.). М., 1963, с.21-23, № 334; *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). М., 1978, с.131, № 531; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993, с.101, № 710.
78. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с.55-56, № 28.
79. Правда, в статье о Поцине говорится: "а за две лисици 22 куне", однако, как кажется, прав А.А.Зимин, заметивший: "впрочем, может быть, вместо 22 кун в источнике стояло 25 кун" (Памятники русского права, вып.2, с.52). Написания "е" и "в" в скорописи XVI в. близки.
80. *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв., с.147.
81. Там же.
82. *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX—XIII вв., с.24.
83. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.485.
84. *Щапов Я.Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г., с.282.
85. *Воронин Н.Н.* Следы раннего смоленского летописания // Новое в археологии. М., 1972, с.273-274.
86. В 1990 г. в Новгороде при раскопках в слоях первой половины XIII в. была найдена берестяная грамота № 718, датируемая 1229 годом и начинающаяся словами "На Городьнькемь погород[ье]". Она фиксирует сбор доходов с Беженского Верха за одну поездку сборщиков дани и является прямой смысловой аналогией записи о смоленском "погородье". См.: *Янин В.Л.* Новгородские берестяные грамоты Михайло-Архангельского раскопа (1990 г.) // Археологические вести, № 2. СПб., 1993, с. 114-116; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990-1993 гг. // Вопросы языкознания, 1994, № 3, с.5-7.
87. *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX—XIII вв., с.23-24.
88. ПСРЛ, т.1. Изд. 2-е. Вып.1. Л., 1926, стб.276.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Княжеский удел потомков Мстислава Храброго и его дальнейшая судьба

В начале 1175 г. "Смолняне вы гнаша от себе Ярополка Рома новича, а Ростиславича Мсти слава введоша во Смольнеск княжит"[1]. В том же году Роман Ростислави- сынова утверждается на киевском столе[2], где княжит до 1176 г., когда уступив Киев Святославу Всеволодовичу Черниговскому, "иде к Смолнь- ску"[3]. Не очень понятно, вернулся ли тогда смоленский стол к Роману или остался за Мстиславом. Во всяком случае, в 1178 г. новгородцы, разорвав союз с суздальскими князьями и изгнав внука Юрия Долгорукого Ярополка Ростиславича, "послашася по Романа Смольнеску, и въниде на сбор по чистои недели"[4], т.е. 18 февраля 1179 г. "Томь же лете иде Роман из Новагорода Смольнеску. Тъгда же новгородьци послашася по брата его по Мьстислава в Русь, и въниде Мьстислав в Новъгород месяца ноября в 1, на святую безмездьнику Къзмы и Дамияна". Совершив зимний поход с новгородцами на чудь, Мстислав Ростиславич 14 июня 1180 г. умер[5]. В летописной рубрике "А се князи Великого Новагорода" имеется дополнительная подробность: краткому новгородскому княжению Романа Ростиславича предшествовало столь же краткое княжение в Новгороде его сына Мстислава-Бориса[6].

Ипатьевская летопись сообщает любопытные детали поведения Мстислава Ростиславича в связи с его призванием в Новгород: "Присла Новгородци муже свои ко Мстиславу к Ростиславичю, зовуче к Новугороду Великому. Он же не хотяше ити из Рускои земли река им, яко не могу ити из отчины своее и со братьею своею разоитися, прилежно бо тщашеться хотя страдати от всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дела тъняся размышливая с мужи своими, хотя исполнити отечьствие свое; си размышливая вся во сердци своем, не хоте ити. Но понудиша и братья своя и мужи свои, рекучи ему: "Брате, аже зовуть тя с честью, иди — а тамо ци не наша отчина?". Он же, послушав братьи своих и мужеи своеих, поиде с бояры Новгородьцкими и се положи на уме своем "Аще Бог приведеть мя сдорового [в] дьни сия, то не могу никакого же Рускои земле забыти"[7].

Из этого рассказа возникает представление, во-первых, о единодушии Ростиславичей, их совместном управлении Смоленском (Мстислав не желает "со братьею своею разоитися"), а во-вторых, о твердой уверенности смолнян в том, что в Новгороде также находится их отчина. Этот последний тезис возможно понимать расширительно: новгородский стол в свое время принадлежал и отцу Мстислава — Ростиславу, и его деду — Мстиславу Владимировичу. Однако не исключено и более узкое понимание "смоленской отчины" в Новгороде, основывающееся на дальнейшем летописном рассказе.

Весной 1180 г. возник конфликт между Мстиславом Ростиславичем и управлявшим смоленским столом князем Романом Ростиславичем. Мстислав задумал поход на Полоцк, "хотя оправити Новгородьскую волость и обиду" (дед Всеслава Васильевича, княжившего тогда в Полоцке, — Всеслав Брячиславич в 1066 г., взяв Новгород, увез из него церковные сосуды и "погост один завел за Полтеск"), однако Роман воспрепятствовал этому походу: когда Мстислав пришел "на Луки с вои Новгородьскими, услышав же то Роман, брат его во Смоленьски, посла сын свои Мьстислав Полотьску к зяти своему в помочь, а к брату своему Мьстиславу посла муж свои, река ему: "Обиды ти до него нетуть, но же идеши на нь, то первое поити ть на мя". Он же, не хотя верёдити сердца брату своему стареишому, возратися в Новъгород"[8].

Эта акция Романа была, надо полагать, тем обиднее для Мстислава Ростиславича, что только что прошедшей зимой он укрепил на пековском столе Мстислава-Бориса Романовича, поссорившегося было с пековичами; теперь тот же Мстислав Романович отправлен своим отцом на защиту Всеслава Полоцкого от Мстислава Храброго. Когда по возвращении из Лук Мстислав Ростиславич заболел и отдал предсмертные распоряжения, то поручителями за своих детей назначил не "стареишего" Романа, а других своих братьев: "Се приказываю детя свое Володимера Борисови Захарьичю и с сим даю брату Рюрикови и Давыдови с волостью на руце, а что обо мне Бог промыслит". И тако приказав дети свои братье своеи", умер[9]. Как видим, у Мстислава Ростиславича была и конкретная волость, которую он завещает своим детям. Что это за волость? Локализовать ее возможно, зная, какими землями владели потомки Мстислава Храброго, у которого кроме старшего Владимира было еще два сына — Мстислав и Давыд.

Владимир Мстиславич в 1208 г. вместе с новгородцами участвует в отражении литовского нападения: "Новгородьци угонивъше Литву в Ходыницих, избиша с князьмь Володимиромь и с посадникомь Твердиславомь"[10]. В этом походе он, надо полагать, выступал в качестве руководителя пековской рати, поскольку под следующим, 1209 г. именуется "Владимиром Пековским"; тогда Мстислав Мстиславич "лучяном да князя Володимира Пльсковьскаго"[11]. В 1211 г. пековичи изгнали князя Владимира[12]; Новгородская 4 летопись именует его в рассказе об этом событии "Торопецким": "Изгнаша Пековици от себе князя Володимеря Торопьскаго"[13]. Под 1216 г. он снова титулуется князем Пековским[14]. По-види-

мому, он вернулся на псковский стол в 1215 г., когда сменившего его
Пскове Всеволода Борисовича-Мстиславича (он в качестве псковско
князя упомянут под 1212 г.)[15] Мстислав Мстиславич оставляет в Смоле
ске[16]. После Липицкой битвы 1216 г., в которой Владимир принима
активное участие, он возвращается в Псков[17]. В 1217 г., придя в Новгор
"своими орудии", Владимир участвует в новгородском походе на Медв
жью Голову[18]. В последний раз он упоминается в летописи под 1225/26 г
когда вместе с неназванным по имени сыном участвовал в отвоевании
Литвы Торопецкой волости[19]. Как видим, будучи связан главным обр
зом с псковским столом, Владимир Мстиславич титулуется князе
Торопецким.

Имя его сына — Ярослав — выясняется из летописных рассказ
1233-1240 гг., когда он воевал с Псковом на стороне немцев и изгнанно
из Новгорода "Борисовой чади"; в 1245 г. Ярослав Владимирович возгла
лял новоторжцев, отражая литовский набег[20]. У Ярослава Владимирови
был сын от первого брака: под 1243 г. в летописи рассказывается о чу
над гробом жены Ярослава (св.Евпраксии), убитой своим пасынком
Медвежьей Голове и погребенной в основанном ею псковском Иоанно
ском монастыре[21].

Заслуживает внимания то обстоятельство, что Владимир Мстислави
и его супруга Агриппина почитались в Ржеве, где сохранялись их мощ
почитание однако было запрещено в 1746 г. после освидетельствовани
мощей специальной комиссией, передавшей в Тверь иконы Владимира
Агриппины и написанную в 1717 г. их надгробную доску[22].

Давыда Мстиславича летописец впервые называет под 1212 г. в ра
сказе о походе Мстислава Удалого на чудь и ереву: "бяше же ту
Пльсковьскыи князь Всеволод Борисовиць с пльсковици, и Торопьцьскы
князь Давыд, Володимирь брат"[23]. Торопецким князем он оставался д
гибели в зиму 1225/26 г., когда участвовал в отвоевании у Литвы торопец
кой волости ("торопцяне с князьмь своимь Давыдомь поидоша по них
"ту же убиша князя Торопьчьскаго Давыда")[24].

В яркой биографии Мстислава Мстиславича Удалого, деятельност
которого была больше связана с южными столами, нас, естественн
интересует период его новгородской активности. В зиму 1208/09 г. Мст
слав, придя в Торжок, предлагает себя в князья Новгороду и прин
новгородцами. Владимирский летописец в этой связи помещает следую
щее известие: "В се же лета князь великии Всеволод посылал сына свое
Костянтина с братиею на Мстислава Мстиславича Торжьку. Он же сль
шав, иде на нь рать Торжьку, [иде] Новугороду, а оттуль в Торопець,
свою отчину"[25]. В 1209 г. Мстислав, рассорившись с новгородским арх
епископом Митрофаном, отправляет его в Торопец[26]. Некоторые летопи
ные тексты прямо называют Мстислава Мстиславича — Торопецким[27].

Его отчиной, однако, был не только Торопец, но и Ржевская зем
(вероятно, как часть Торопецкого княжества). Когда в 1216 г. предводитель
ствуемые им новгородцы выступили в поход на Суздаль, приведший их к

Липицкое поле, то "Мьстислав поиде Серегером, и вьниде в свою волость, и рече новгородьцем: "идете в жажития, толико голов не емлете"[28]. Селигерским путем из Новгорода по дороге на Суздаль можно было войти лишь в Ржевскую, а не в собственно Торопецкую землю, тем более что дальнейший маршрут похода пролегал через "Рьжевку, городьць Мьстиславль"[29].

В 1217 г. Мстислав уходит из Новгорода "поискати Галиця" и дальнейшая его судьба целиком связана с Галицкой землей, где он и умер в 1228 г., намереваясь поручить "дом свои и дети" князю Даниилу Романовичу Галицкому; в 1231 г. за его "добродеяние" Даниил дает его детям Торческ[30]. Дочь Мстислава уже к 1216 г. была замужем за князем Ярославом Всеволодовичем[31]. Существует дискуссия, была ли она матерью Александра Невского или тот родился от другой жены Ярослава, исчерпанная, на мой взгляд, полностью В.А.Кучкиным, который подтвердил происхождение Александра Ярославича от Мстислава Удалого по материнской линии[32]. Не с претензиями ли на Торопец как на материнское наследство связан "протокол" свадьбы Александра Ярославича, когда в 1239 г. он "венчася в Торопчи, ту кашу чини, а в Новегороде другую"?[33]

Таким образом, все дети Мстислава Ростиславича Храброго являются владельцами Торопца (и Ржевской земли). Поскольку это их отчина, она, следовательно, перешла к ним от отца. Принадлежность же Мстиславу Храброму Торопца очевидна из летописного расказа о походе русских князей на Новгород в 1169-1170 гг., в котором предводителями отрядов были, в частности, "Роман и Мьстислав с смольняны и с торопьцяны"[34]. Роман Ростиславич в это время княжил в Смоленске; поэтому торопецким *восначальником оказывается Мстислав.*

Попутно следует коснуться вопроса о происхождении загадочного князя Федора Ржевского, упоминаемого в летописи под 1314-1315 гг.[35] Надо полагать, что он принадлежал к потомству Владимира Мстиславича, у которого был сын Ярослав и не известный нам по имени внук. Давыд Мстиславич потомства не имел; во всяком случае, источники не содержат даже намеков на его возможных детей. Один из сыновей Мстислава Удалого Василий умер в Новгороде в 1217 г.[36], другой — Юрий — в 1232 г. получил псковский стол[37], остальные его дети (в их числе, возможно, и Юрий), как уже отмечено, получили в удел Торческ. То же происхождение — от Владимира Мстиславича — имеет, по всей вероятности, еще один Ржевский — Иван, упомянутый под 1364 г.[38] Если это так, то почитание Владимира Мстиславича и его жены Агриппины в Ржеве находит объяснение как родительский культ их потомков — князей Ржевских.

* * *

Как можно заметить, рассматривая сумму летописных известий о Торопце, экспансия Литвы на его территорию началась вскоре после ухода из Новгорода столь грозного полководца, каким был Мстислав Удалой. В 1223 г. литовскому отряду удалось безвредно уйти от князя Ярослава, гнавшегося за

ним до Усвята[39]. В 1225 г. литовцы разорили всю Торопецкую волост воевали около Торжка и были побеждены на возвратном пути у того ж Усвята, а в предыдущем году летопись отметила нападение Литвы н Русу[40]. В 1231 г. военные действия ведутся у Лобны (т.е. у торопецко-нов городской границы), в Мореве и на Селигере[41], проникнуть куда возможн только от Торопца. Спустя три года объектом литовского нападения снов становится Руса[42]. Очевидно, что во всех приведенных случаях речь идет литовских набегах через Полоцкое и Витебское княжества, неспособны противодействовать этим набегам. То, что Торопец в указанный период ещ не завоеван Литвой, подтверждается уже приведенным выше летописны известием 1239 г. о венчании в Торопце князя Александра Ярославича. Это год в русско-литовских отношениях был благоприятен для Руси: "Того ж лета князь велики Ярослав Всеволодич, внук Юрья Долгорукаго, ходи в Литву и победи их, Смолнян бороня, и посади у них в Смоленсце на стол великого княженна князя Всеволода Мстиславича, внука Романа Мстисл вича, шурина же брата своего Констянтина Всеволодичя"[43].

Между тем уже в следующем десятилетии ситуация решительно мен ется. Упоминание под 1239 г. Брячислава, на дочери которого женил Александр Невский, является последним упоминанием полоцкого кня из числа потомков Всеслава; в 1262 г. на полоцком столе сидит литовски князь Товтивил[44], но принадлежность Полоцка к военному союзу с Литво очевидна еще в 1258 г.[45] Последнее свидетельство о независимости Витеб ска от Литвы относится к 1245 г., когда там находился сын Александр Невского (у своих родственников по матери?)[46]. Уже в 1245 г. Литва снов демонстрирует военную активность за восточными рубежами Торопецко земли, нападая на Торжок и на Бежицы и терпя поражение от Александр Невского под Торопцом и Жижецом[47]. Несмотря на успех Александр Ярославича, позиции литовцев в Торопецкой земле остаются достаточн прочными, о чем можно судить по летописному сообщению 1248 г.: "Тог же лета князь велики Владимерекий Михайло Ярославич Хоробрит хо ратью на Литву, и убиша Литва великого князя Михаила Ярослави Владимерекаго, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго, прапр. внука Владимера Мономаха... Братиа же его князи Суздалстии идоша в Литву, и биша их у Зубцова"[48]. Поскольку Зубцов расположен в непосре ственной близости к Ржеву, из этого сообщения очевидно, что театр военных действий 1248 г. оказывается и ржевская округа.

В 1253 г. нападение литовцев на новгородские волости ведется и Торопца, куда направлено преследование их князем Василием Алексан ровичем[49]. В 1258 г. Литва совершает жестокое нападение на Торжок[50]. В эти факты свидетельствуют об активизации литовской экспансии н северных и восточных границах Торопецкой земли, которая, следовател но, является ее плацдармом. Исчезновение в летописи интереса к Торо после 1253 г., как кажется, возможно связать с событием 1262 г., ког новгородцы "с Литвою мир взяша"[51], по-видимому, согласившись с л товскими правами на Торопец. Заметим также, что литовский пох

1258 г. продемонстрировал успех не только относительно Новгорода, но и относительно Смоленска: "Придоша Литва с Полочаны к Смоленьску и взяша Воищину на щит"[52]. Отметить это обстоятельство необходимо, так как позиция Новгорода, касающаяся прав Литвы на смоленский Торопец, могла быть только производной от позиции самого Смоленска.

После заключения договора 1262 г. литовская тема — в приложении к Торопцу и Ржеву — надолго уходит со страниц новгородской летописи и возникает снова только в 1285 г. в виде глухого сообщения: "Того же лета Литва воеваша волость"[53]. Это сообщение проясняется текстами других летописных сводов: "Того же лета Литва воеваша Тферскаго владыки церковную власть Олешку и прочия. Совокупивше же ся Тверичи, и Москвичи, и Волочяне, и Новотръжцы, и Дмитровцы, и Зубчяне, и Ржевичи, и угонивше их биша, и полон отъяша, и князя их Домонта яша"[54]. Местоположение Олешни близ Ржева и Зубцова указывает, как будто, на то, что нападение на эту тверскую волость могло произойти только со стороны Торопца. В то же время ржевичи выступают здесь как сила, противостоящая Литве, т.е. Ржев в указанный период еще не находился под властью Литвы.

Однако уже к 1335 г. литовское овладение Ржевской землей несомненно. Под этим годом летопись рассказывает: "великому князю Ивану приехавшю в Торжок из Новагорода, воеваша Литва Новоторжьскую волость на миру; и послав князь великыи, пожже городке Литовьскыи Осечен и Рясну и иных городков много"[55]. Городки Осечен и Рясна находились в пределах Ржевской земли — Осечен на верхней Волге, Рясна на ржевско-новоторжском рубеже. Если это "литовские" городки, значит в предшествующее событию 1335 г. время Литва основательно освоила ржевскую территорию. Симптоматично и то, что ржевский князь Федор (в котором выше предположен потомок князя Владимира Мстиславича Торопецкого) в 1314-1316 гг. выступал в роли новгородского представителя князя Юрия Даниловича Московского, т.е. уже не имел своего удела. По всей вероятности, освоение Ржевской земли Литвой состоялось на рубеже XIII и XIV вв., во всяком случае — между 1285 и 1314 гг. Некоторые дополнительные соображения по этому поводу будут высказаны ниже.

В существующей литературе постоянным стало утверждение, что переход Торопца и Ржева под власть Литвы произошел в 1355 г., когда "Сижьскаго сын Иван сяде с Литвою во Ржеве. Тое же осени воевал Олгерд Гедимановичь Брянеск и Смоленеск, и у князя Василиа Смоленьскаго полониł сына"[56]; по утвердившемуся мнению, литовским для Ржевской земли был краткий период с 1355 по 1377 г., закончившийся окончательным переходом Ржева под власть Москвы[57].

Между тем этот период был временем непрерывной борьбы за отвоевание Ржева Москвой. В 1357 г. "Тверская рать да Можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша"[58]. Однако на следующий год "Олгерд Гедимановичь посла сына своего Андрея со многою силою ко Ржеве, и град взял, и наместники своа в нем посадил"[59]. В 1359 г. Ольгерд "приездил Ржевы

смотрити"[60]. Но в 1367 г. "князь Володимер Андреевичь, внук Иванов правнук Данилов, ходил ратью ко Ржеве и взял са"[61]. В 1369 г. "Москвич и Волочане воевали Смоленьскиа власти"[62]. Этот успех, правда, бы непродолжителен: в 1375 г. "князь великий Дмитрей Ивановичь Москов ский послал брата своего, князя Володимера Андреевичя ко Ржеве; он ж стояв у града три дни, посад пожже, а града не взя"[63]. Вопрос о переда Ржевской земли Москве был решен в недолгое литовское правлени Кейстута (1381-1382 гг.), о чем можно судить по докончанию Васил Темного с Казимиром 1449 г., в котором граница между московске Ржевской волостью и литовской Торопецкой волостью основывается в том, как было "пры великом князи Кестутьи"[63].

Внедрение литовской власти в Ржевскую землю задолго до событи 1355 г. косвенно подтверждается посланием Ольгерда вселенскому патр арху Филофею, в котором летом 1371 г.[64] он жаловался на митрополи Алексея, поддержавшего московского великого князя в захвате у Лит городов Ржевы, Сишки, Гудина (Тудина?), Осечена, Горышена, Ряс Кличеня, Вселука, Волго и других[65]. Послание направлено в пери подготавливаемых или уже начавшихся переговоров о перемирии меж Москвой и Литвой, в результате которых вопрос о принадлежности Ржев был оставлен открытым ("А со Ржевы до исправы не сослати")[66]. Совер шенно очевидно, что жалоба Ольгерда была бы абсолютно необоснова ной, если она не имела под собой реальной опоры в уже сложившемся д середины XIV в. праве литовского великого князя на владение ржевски городками; иными словами — если бы эти городки были завоеваны Литв за какие-нибудь полтора десятилетия до составления жалобы патриарх Более того, послание позволяет понять, что отвоевание ржевской терр тории от Литвы произошло сравнительно недавно, и действия Ольгерд активизировавшиеся в 50-х гг. XIV в., имели целью восстановление старо границы. К подобному выводу пришел и В.А.Кучкин: "К середине 30- гг. XIV в. верховья рек Волги и Тьмы были уже литовскими"[67].

Таким образом, мы приходим к выводу, что бывшая новгородско смоленская граница превратилась в новгородско-литовскую на рубеж XIII и XIV вв., самое позднее — в начале XIV в. Возможно ли каким-либ другим способом отыскать момент регулирования новых отношени возникших из изменившейся ситуации? Такой способ предоставляю наблюдения над новгородско-литовскими докончаниями XV в.

Оставляя в стороне докончание 1471 г.[68], возникшее в экстремальны обстоятельствах, и располагая идентичным формуляром в докончания 1441/42[69] и 1431 гг.[70], мы можем утверждать, что в договорных отношения Новгорода и Литвы существовал такой же регламент, как и в докончания Новгорода с русскими великими князьями, т.е. договор возобновлялся пр всякой перемене на великом столе. Действительно, приход к власти Литве Свидригайла в 1430 г. после смерти Витовта вызывает к жизн заключение докончания с Новгородом уже 25 января 1431 г.[71] В 1435 определилась окончательная победа Жигимонта над Свидригайлом, и

зиму 1436 г. "послаша новгородци посадника новъгородского Григориа Кюриловича к Жидимонту, и князь Литовьскыи Жидимонт человаше крест к новгородцем к послом, и взяша мир"[72]. После убийства в 1440 г. Жигимонта Литва избирает в великие князья Казимира Ягайловича, а в 1441/42 г. заключается новое докончание между Новгородом и Литвой[73].

Указанный порядок взаимоотношений имеет значительную древность. В 1393 г., когда литовский великий стол занял непосредственный предшественник Свидригайла Витовт, летопись отмечает аналогичное действие со стороны Новгорода со ссылкой на уже существующую традицию: "Седе на княженьи в Литве князь Витовт Кестутьевич, и новгородцы взяша с ним мир по старине"[74].

Была ли эта "старина" старинной формуляра? Иными словами, имелся ли в докончании конца XIV в. раздел, определяющий систему передачи Литве части доходов с пограничных новгородских волостей? На этот вопрос следует ответить положительно, поскольку в докончаниях 1431 и 1441/42 гг. имеется некий формулярный реликт, дающий основание говорить о достаточно раннем возникновении их известного нам формуляра: "А торопечкому тиуну по новгородскои волости не судити, ни ржевьскому". Коль скоро этим пунктом утверждается невмешательство литовских тиунов в новгородский правопорядок, очевидно, что под "ржевским тиуном" надо понимать не тиуна Ржевы Пустой, каковой никогда не существовало, а тиуна Ржевы Володимеровы. Но ведь с 1381 г. Ржевская земля уже принадлежала Москве. Следовательно, реликтовое упоминание литовского ржевского тиуна в докончаниях 1431 и 1441/42 гг. ведет нас, по крайней мере, во времена великого княжения Ольгерда Гедиминовича (1341-1377 гг.).

Возможно, разумеется, ставить вопрос о наличии в этих докончаниях разных хронологических пластов, т.е. предполагать постепенное складывание их формуляра, связанное, например, с изменением состава тех волостей, частичный доход с которых поступает в Литву. Таких пластов не обнаруживается при изучении системы денежных единиц в новгородско-литовских докончаниях, которая соответствует нормам как XV, так и XIV в., когда рубли и полтины сосуществовали с куницами и белами; в обиходной практике последние фигурировали в счете и после перехода к монетному обращению в первой четверти XV в., будучи по существу реликтовыми. Имеется только одно видимое противоречие, требующее осмысления. Единицей обложения одних волостей "Чернокунства" (Буйцы, Лопастицы) является сам чернокунец, а других (Молвятицы, Кунско, Березовец, Стерж, Морева, Жабна) — административные членения волостей. Однако эта разница может восходить к еще долитовским временам и отражать хронологию передачи волостей в вотчины монастырям и владыке, поскольку определение объема черной куны всякий раз связано с разделом частей дохода между вотчинником и князем.

По-видимому, мы подошли вплотную к решению вопроса о дате первоначального установления интересующего нас формуляра. Под 1326

годом, т.е. в начале той эпохи, когда вся прежняя новгородско-смоленск граница стала новгородско-литовской, летопись сообщает: "Того же ле приехаша послы из Литвы, брат Гедиминов князя Литовьского Вои Полотьскый князь, Василии Меньскый князь, Федор Святославич, локончаша мир с новгородци и с Немци"[75]. В Никоновской летопи рассказ о посольстве 1326 г. осмыслен неверно: "Того же лета придош послы из Литвы в Новъград, братна Литовскаго князя Гедимена. Воин князь Василей Полотьцкий, князь Федор Ростиславичь Менский, и д *кончаша мир с Новгородцы и с Немцы*"[76]. *Никакого Федора Ростисл* вича источники в указанное время не знают — единственный князь таким именем Федор Ростиславич Черный, сын Ростислава Метислави Смоленского, князь Ярославский, умер еще в 1298 г.[77] Что касается Феде Святославича, то он был сыном Святослава Глебовича, внуком Гле Ростиславича, правнуком Ростислава Метиславича. Его дед Глеб, влад смоленским столом, умер в 1278 г., а отец Святослава, будучи князе можайским, в 1304 г. был пленен Юрием Даниловичем Московски отнявшим Можайск у смоленских князей[78], в 1309 г. отобрал Брянск своего племянника Василия Александровича, но в следующем году бы *убит в сражении с союзными Василию татарами*[79].

Участие князя из смоленской линии в акции 1326 г. достаточн симптоматично. Относительно минского князя Василия возможно выск зать предположение, что под его властью находился и пограничный Новгородской землей Витебск[80]. Что же касается участия в заключени этого договора немцев, то оно более чем понятно: 28 января 1323 г Новгород заключил союз с Ливонским орденом, направленный прот Литвы; одним из пунктов этого соглашения было: "чтобы новгородцы мира с литовцами не заключать без нашего согласия, и нам мира литовцами не заключать без согласия новгородцев"[81].

Не исключено, что поводом к заключению мира 1326 г. послужи военный успех новгородцев, о котором глухо упомянуто в летописях по 1324 г.: "Тогда же биша Литву Новгородци на Луках"[82].

Показательно то, что спустя буквально семь лет после заключени договора 1326 г. новые отношения Новгорода и Литвы приводят к учреж дению литовских княжеских кормлений в Новгородской земле, надол ставших традиционными. В 1333 г. "вложи Бог в сердце князю Литов скому Наримонту, нареченому в крещении Глебу, сыну великого кня Литовьскаго Гедимина, и присла в Новъгород, хотя поклонитися свято Софеи; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра, и позвал его к собе; и приха в Новъгород, хотя поклонитися, месяца октября; приняша его с честью, и целова крест к Великому Новуграду за од человек; и даша ему Ладогу, и Ореховый, и Корельскый, и Корельску землю, и *половину Копорьи в отцину и в дедену, и его детем*"[83]. Таки образом, на протяжении короткого времени создается система литовски гарантий безопасности со стороны как южной, так и северо-западно границы Новгородской земли: мир с Литвой на юге поддерживает

выплатой ей черной куны с пограничных волостей, а на северо-западе литовская кормленческая волость защищает земли Новгорода от шведской опасности.

Из всего изложенного следует вывод: договором 1326 г. Литва унаследовала те права на пограничные новгородские волости, которые до того принадлежали исключительно князьям смоленской линии — потомкам *внука Владимира Мономаха — Ростислава Мстиславича, бывшим предшественниками* литовских князей по владению Торопцем и Ржевом. Существуют ли признаки исключительной принадлежности части доходов с этих волостей в долитовское время смоленским князьям?

Подтверждение правильности изложенного тезиса заключается, на мой взгляд, в том, что литовские права на получение черной куны с пограничных новгородских волостей никогда не подвергались сомнению со стороны русских великих князей, которые все происходили не из потомства Мстислава Владимировича, а из потомства Юрия Долгорукого. Ведь если бы правильным было мое первоначальное предположение о выделении этих волостей самими новгородцами для обеспечения расходов по содержанию двора приглашаемых на новгородский стол князей[84], то отчуждение домениальных доходов к Литве не могло бы не вызвать протестов и санкций со стороны Москвы или Твери. Поскольку таких протестов не было, значит русские великие князья не обладали правом получения черной куны с указанных волостей и не претендовали на такое право. Хотя в 1482 г. Иван III, присоединив Новгород к Москве, отдает Мореву Ф.И.Бельскому в вотчину (не в поместье!) вместе с черной куной, но ведь Федор Бельский был литовским князем, перешедшим на службу к Москве. Судя по "Записи о Ржевской дани", по крайней мере в первые годы после присоединения Новгорода, Иван III еще не принял решения об отказе от выплаты черной куны с пограничных волостей королю Казимиру, а во время многочисленных переговоров с Литвой в конце XV в. молчаливо уходил от этой проблемы. Отказ Литве в этих доходах — об этом рассказано в первой главе настоящего исследования — был осуществлен явочным порядком.

К сожалению, большинство жалованных грамот на земли из состава интересующих нас волостей не сохранились. Мы не знаем, когда владыке были отданы Молвятицы, Жабна и Пирос. Однако известно, что Аркаж монастырь, получивший волости Лопастицы и Стерж, был основан в 1153 г.[85], а следующей за этим известием фразой в Новгородской I летописи оказывается: "В лето 6662. Изгнаша новъгородци князя Ярослава в 26 марта, и въведоша Ростислава, сына Мьстиславля, априля в 17"[86]. По аналогии с передачей Пантелеймонову монастырю земельного участка по его учредительной грамоте (т.е. в связи с основанием монастыря), можно предположить, что жалование Аркажу монастырю княжеских волостей было совершено Ростиславом Мстиславичем. Об особом покровительстве первому игумену этого монастыря Аркадию именно со стороны Мстиславичей известно из учредительной грамоты Пантелеймонова монастыря,

согласно которой тот же Аркадий за двадцать лет до основания в Успенского Аркажа монастыря был поставлен игуменом в Пантелеймоно монастырь его ктитором князем Изяславом Мстиславичем[87]. Что касает обоих документально известных пожалований Юрьеву монастырю (грам ты на Буйцы и на Ляховичи), то они предприняты в княжение бра Ростислава — Всеволода Мстиславича, а одно из них скреплено распор жением их отца Мстислава.

В истории Новгорода существовал период, когда судьба смоленско наследства была неопределенной. Имею в виду время очевидного упад смоленской власти в Торопце и Ржеве во второй половине XIII в. Имен в этот период была, в частности, решена судьба Смерды, доходы с котор были частично переданы городищенской церкви. Получателем черн куны тогда, по-видимому, была софийская казна.

◆

1. ПСРЛ, т.1. Изд.2-е. Вып.2. Л., 1927, стб.374; т.2. Изд.2-е. СПб., 1908, стб.598.
2. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.600.
3. Там же, стб.605.
4. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М; Л., 1950 (при дальней ссылках — НПЛ), с.36.
5. Там же.
6. Там же, с.471: после Ярополка Ростиславича новгородцы призвали "Бориса Романов и по Борисе прииде отець его Роман Ростиславичь; потом брат его Мьстислав Храбр Ростиславичь".
7. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.606-607.
8. Там же, стб.608-609.
9. Там же, стб.609.
10. НПЛ, с.51, 249.
11. Там же, с.52, 249.
12. Там же, с.52, 250.
13. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.1, Л., 1925, с.184. Псковская 3 летопись сообщает об э событии под 1213 г.: "Изгнаша от себя псковичи князя литовского Володимера Торо кого" (Псковские летописи, вып.2. М., 1955, с.77). Наименование Владимира "лит ским" — явная ошибка редактора, во времена которого Торопец принадлежал Литве
14. НПЛ, с.55, 255.
15. Там же, с.53, 251.
16. ПСРЛ, т.7. СПб., 1859, с.119.
17. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.1, с.197.
18. НПЛ, с.57, 257-258.
19. Там же, с.64, 269.
20. Там же, с.72, 77, 79, 282, 294, 304, 449.
21. Там же, с.79, 297.
22. *Квашнин-Самарин Н.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тве 1887; см. также рецензию В.Колосова на этот труд (Сборник Тверского общест любителей истории, археологии и естествознания, вып.1. Тверь, 1903, с. 358-3 Иконы и надробная доска изданы: *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Арх логический отдел. М., 1888, с.64-67, № 85-86.
23. НПЛ, с.53, 251. Псковская 3 летопись относит это событие к 1214 г. (Псковские летоп вып.2, с.77).
24. НПЛ, с.64, 269.
25. ПСРЛ, т.30. М., 1968, с.83.
26. НПЛ, с.52, 250.

27. См., например: ПСРЛ, т.38. Л., 1989, с.164.
28. НПЛ, с.55, 255.
29. Там же.
30. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.766.
31. ПСРЛ, т.25. М.: Л., 1949, с.114.
32. *Кучкин В.А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР, 1985. М., 1986, с.71-80.
33. НПЛ, с.77, 289.
34. Там же, с.33, 231.
35. Там же, с.94, 335-336.
36. Там же, с.57, 258.
37. Там же, с.72, 281: "Придоша плесковици, поклонишася князю: "ты нашь князь": и въспросиша у Ярослава сына Федора, и не да им сына, и рече: "се даю вы шюрин свои Гюргя"; и ведоша и, поимше, Плъскову". Поскольку женой Ярослава Всеволодовича была дочь Мстислава Удалого, его шурин Юрий является одним из сыновей Мстислава.
38. ПСРЛ, т.1. Изд.2-е. Вып.3. Л., 1928, стб.532; т.5. Изд.1-е. СПб., 1851, с.229.
39. НПЛ, с.61, 263.
40. Там же, с.61, 64, 264, 269.
41. Там же, с.68, 275.
42. Там же, с.73, 283-284.
43. ПСРЛ, т.10. СПб., 1897, с.115.
44. НПЛ, с.83, 312.
45. Там же, с.82, 310.
46. Там же, с.79, 304.
47. Там же.
48. ПСРЛ, т.10, с.137.
49. НПЛ, с.80, 307.
50. Там же, с.82, 310.
51. Там же, с.83, 311.
52. Там же, с.82, 310.
53. Там же, с.326.
54. ПСРЛ, т.10, с.166.
55. НПЛ, с.347.
56. ПСРЛ, т.10, с.228.
57. Это мнение, в частности, канонизовано в учебниках. См., например: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Изд.2-е. М., 1983, с.150.
58. ПСРЛ, т.10, с.230.
59. Там же, с.231.
60. Там же.
61. ПСРЛ, т.11. СПб., 1901, с.10.
62. Там же, с.12.
63. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с.161, № 53.
64. Дата обоснована В.А.Кучкиным. См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с.146.
65. Памятники древнерусского канонического права, ч.1 // Русская историческая библиотека, т.6. Изд.2-е. СПб., 1908. Прилож., стб.136, 138, № 24.
66. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, с. 22, № 6.
67. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории, с.147.
68. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: Л., 1949, с.129-132, № 77.
69. Там же, с.115-116, № 70.
70. Там же, с.105-106, № 63.
71. Там же.
72. НПЛ, с.419.
73. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с.115-116, № 70. Обоснование даты этого документа см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991, с. 178.

74. НПЛ, с.419.
75. Там же, с.98, 341, 458; ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.1, с. 260; т.5. Изд.1-е, с.217; т.7, с т.25, с.167.
76. ПСРЛ, т.10, с.190.
77. Там же, с.172.
78. Там же, с.174.
79. Там же, с.179.
80. В.Е.Данилевич, основываясь на том, что Никоновская летопись в начале расска посольстве 1326 г. пользуется термином "братия", предположил, что Василий был бр Воина и Гедимина (*Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца столетия. Киев, 1896, с.156, примеч.71). Однако в текстах более ранних летописных св употреблен термин "брат", распространяющийся только на Воина.
81. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с.66, № 37.
82. ПСРЛ, т.25. М; Л., 1949, с.167; т.7. СПб., 1856, с.199.
83. НПЛ, с.345-346. О кормленческой волости см.: *Янин В.Л.* Новгородская феодал вотчина (Историко-генеалогическое исследование).М., 1981, с.213-229.
84. *Янин В.Л.* Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1 с.119-134.
85. НПЛ, с.29, 215.
86. Там же.
87. *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Ново скому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив, 1955, № 5, с.204-207.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

◆

К вопросу о дате составления обзора "А се имена градом всем русским, далним и ближним"

Обзор русских городов, имеющий указанное в заголовке название, помещается в летописях и сборниках в виде особой статьи. К настоящему времени изданы следующие его списки. Древнейший — в Комиссионной рукописи Новгородской 1 летописи младшего извода середины XV в.[1] Далее следуют сохранившиеся в Новороссийском списке Новгородской 4 летописи последней четверти XV в.[2], в Уваровском списке Свода 1518 г. (Уваровской летописи) второй четверти XVI в.[3], в Воскресенском (Академическом XII) и Карамзинском (окончание) списках Воскресенской летописи 40-х гг. XVI в.[4] и в сборнике Новгородского Софийского собора 1602 г.[5]

Наиболее обстоятельное изучение памятника было предпринято М.Н.Тихомировым[6], который предложил датировать его промежутком времени от 1387 до 1406 г., "вернее же всего, между 1387 и 1392 гг." В дальнейшем Е.П.Наумов высказался в пользу датировки документа 1394-1396 гг.[7] Не касаясь других многочисленных исследований, в которых проблема датировки этого источника не была самоцелью[8], рассмотрим мотивировки предложенных дат.

В "Списке городов" фигурируют: "Яма камен на Луге" и "на Шолоне Порхов камен"[9]. Между тем сооружение каменной крепости в Яме относится к 1384 г.[10], а в Порхове к 1387 г.[11] В 1406 г. литовской ратью Витовта был разорен псковский город Коложе, в дальнейшем так и не возобновленный[12]; но он еще упомянут как существующий в "Списке". Датами 1387-1406 гг., таким образом, формально ограничена наиболее широкая хронологическая вилка.

Предложенное М.Н.Тихомировым уточнение — "не позднее 1392 г."— основано на том, что болгарский город Тырнов, завоеванный турками в 1393 г., в "Списке" еще числится "русским"; к тому же относительно этого города отмечено: "Тернов, ту лежить святая Пятница"[13]; мощи же св.Параскевы-Пятницы, по свидетельству Григория Цамблака, после падения Тырнова были перенесены в Видин[14]. Признав 1387 г. наиболее ранней из возможных дат составления "Списка", М.Н.Тихомиров в промежутке от

1387 до 1392 г. отыскивает исторические обстоятельства, наиболее соответствующие объединению в одной рубрике "Списка" городов болгарских и волошских, и обнаруживает их во втором периоде господства волошского господаря Мирчи над Добруджей в 1390-1391 гг.

Найдя такое объяснение противоречивым, Е.П.Наумов предложил более позднюю дату — 1394-1396 гг., когда молдавский митрополит Иеремия в 1394 г. получил в свое ведение и диоцез бывшей Тырновской патриархии, что пробудило вожделения всероссийского митрополита Киприана на духовную власть над этими областями; вожделения Киприана были отвергнуты в январе 1397 г. специальным посланием вселенского патриарха Антония. Поиски возможностей уточнить дату "Списка" исследованием судеб именно болгарских городов обоснованы Е.П.Наумовым тем, что "решение данной задачи облегчается уже проведенной работой по русским материалам Списка"[15]. Очевидно, что исследователь имеет в виду, прежде всего, результаты работы М.Н.Тихомирова, который, будучи известным специалистом по средневековой русской истории, в основе своих итоговых размышлений о дате памятника положил, однако, материал его болгарской части.

Между тем следует признать, что уверенность в исчерпывающем изучении "русского материала" является самообманом. Прижившаяся в литературе датировка "Списка" временем не ранее 1387 г. вступает в противоречие с отраженной этим документом историко-политической реальностью, что свидетельствует, по крайней мере, о незавершенности хронологического изучения рассматриваемого источника.

Противоречие, о котором идет речь, выявляется при рассмотрении заключительной части рубрики "Списка" "А се Литовьскыи...": "...Пуста Ржова на Волге, Мелечя, Селук, Въсвято, Зижеч, Ерусалимь, Ржищево, Белобережье, Самара, Броницарев, Осечен, Рясна, Тур, Копорья на Прозе, Карачев, Горуса, Туд, Сижка, Горышон, Лукы"[16]. Приведенная здесь часть текста начинается очевидной ошибкой (сохранившейся во всех списках), на которую указал М.Н. Тихомиров: "Что касается Пустой Ржовы, то под этим названием известен был городок в Псковской земле поблизости от Воронача. Между тем этот городок, чаще называемый просто Ржовой, почему-то отсутствует среди собственно псковских городов, перечисленных в списке. Однако в "Списке" названа "Пустая Ржева на Волге" (эти слова в подлиннике поставлены между точек). Далее следуют города на верховьях Волги. По-видимому, под Ржовой здесь понимается Ржев на Волге, сделавшийся в это время городом Великого княжества Литовского"[17].

Цитированный пассаж не свободен от досадных неточностей, хотя вывод о том, что "Пустой Ржовой" ошибочно поименован одноименный город на Волге, безусловно правилен. Город Пустая Ржева не находился в Псковской земле, а составлял часть новгородских владений на границе с Псковской землей, почему он и не обозначен среди псковских городов "Списка": в нем он фигурирует под наименованием "Ржова", как ему

положено, среди "Залесских городов"[18]. Правильность локализации Ржевы на Волге, т.е. ее идентификации с современным Ржевом, убедительно подтверждается локализацией большинства топонимов рассматриваемого контекста в пределах Ржевской земли на верхней Волге. Многие из этих топонимов были определены еще в конце прошлого столетия тверским краеведом протоиереем Вл.Успенским[19], знакомство с работой которого могло бы избавить М.Н.Тихомирова от некоторых поверхностных или ошибочных суждений.

Волость *Осечен* располагалась по обеим сторонам Волги, в 40-50 верстах выше Ржева, и в XVII в. делилась на левобережный Большой Осечен с погостами Осечен, Покров, Итомля, Ильи Горы, Сытьково, Теплостанское и правобережный Пустой Осечен с погостами Ратьково, Георгиевское, что в Шуйшине, Тихвинское (Новый Торг). К настоящему времени погост Осечен не сохранил своего древнего названия, и Вл.Успенский идентифицировал его с деревней Климово (на левом берегу Волги, напротив Н.Торга), где имелась часовня во имя Рождества Богородицы, одноименная с церковью погоста Осечен, упоминаемой в писцовых материалах[20].

Волость *Рясна* находилась в верховьях левых притоков Волги — М.Коши, Итомли и Тьмы, где и ныне существует село Рясня. По-видимому, древний город Рясна располагался поблизости от него, но не на месте одноименного села. В писцовой книге 1624/25 г. древняя Рясна описана уже как пустошь: "В Рясенской волости вдовы княгини Марьи, князь Григорьевской жены Елизаветы, пустошь, что был погост Рясна на ручью, а в нем церковь Воскресения Христова древен верх, да церковь Рождества Христова, да церковь мученицы Христовы Парасковеи, да придел Николы Чудотворца, древяны клетцки, все пусты — развалились"[21].

Бытовавшее со времен А.Шлецера нелепое отнесение Осечена и Рясны к местностям Могилевской губернии[22] в настоящее время поддерживается лишь дилетантами[23]. Локализация этих городков в Ржевской земле безусловна на основании летописного сообщения 1335 г.: "великому князю Ивану приехавшю в Торжок из Новагорода, воеваша Литва Новоторжьскую волость на миру; и послав князь великыи, пожже городке Литовеськыи Осечен и Рясну и иных городков много"[24].

Волость *Сижка* располагалась по течению правого притока Волги — р.Сижки. В.А.Плетнев локализует древний город с этим названием в устье Сижки, где ныне находится погост Никольский (Никола Сишка), в 15 км выше Ржева[25]. М.Н.Тихомиров заблуждался, когда писал: "Город Сижка должен находиться на озере Сиг или на впадающей в это озеро Сиг реке Сижка, которая вытекает из озера Бельцы. На западном берегу озера стоит погост Сиг, а на южном берегу — деревня Старый Сиг; одно из этих поселений, вероятно, показывает местоположение города Сижка. Рубеж между Ржевским уездом и Великим княжеством Литовским проходил по озерам Орлинце, Плотинце, на Красный Борок, на Баранью речку, по Белейке на Поникль, далее "на верх Сижки", на верховья Осуги"[26]. Рубеж,

на который ссылается М.Н.Тихомиров, описан в договоре 1449 г. меж Казимиром IV и Василием Темным[27], однако эта граница от Орлинца Осуги проложена последовательно с северо-запада на юго-восток[28], локализует Сижку не там, где ее искал М.Н.Тихомиров, а там, где указывали Вл.Успенский и В.А.Плетнев[29].

Волость *Туд* расположена по течению правого притока Волги — р.Ту которая в ее верхнем течении называется Старый Туд, а в нижнем — Молод Туд. М.Н.Тихомиров локализовал древний город Туд в селе Молодой Туд среднем течении этой реки), тогда как Вл.Успенский и В.А.Плетнев бо основательно вероятное его место указывают в погосте Сковоротыня п устье р.Туд, в 36 км выше Ржева, где имеется урочище "Городок"[30].

Волость *Горышин* находилась по обоим берегам Волги, между погост Горышин и Селижаровым монастырем; у самого погоста, расположенно на правом берегу Волги в 70 км выше Ржева, имеется городище[31].

Волость *Селук*, или *Вселуг*, получила свое название от озера Всел через которое протекает Волга в ее верховье. Древний город, надо полага идентифицируется с погостом Вселуг на восточном берегу протоки озера Вселуг в озеро Пено или с городищем Нечай Городок (Нечаевщи по соседству с погостом[32], хотя Вл.Успенский называл в качестве возмо ных его мест деревню Одворец на западном берегу озера и деревн Б.Городище в 5 км к востоку от озера, а М.Н.Тихомиров — то Б.Городище и по соседству с ним деревню М.Городище[33].

Относительно *Торусы* совершенно убедительным представляется мн ние М.Н.Тихомирова: "На реке Малый Туд стоит село Тарусы; возможн что здесь и был город Таруса, показанный в этом месте в "Списке русск городов", который не следует смешивать с Тарусой на Оке"[34]. Село Тару находится в верховьях р.Туд. Однако в 8 км к северо-востоку от него ка фиксирует деревню Б.Ржище, а в 10 км в том же направлении — дерев Ржище Малюга и Ржище Карелы, которые возможно связать с топоним *Ржищев* "Списка".

Не встречает трудностей локализация топонимов *Восвято* и *Зиж* Первый из них идентифицируется с существующим и сейчас горох Усвяты на юге Псковской области, у одноименных реки и озера транекрипции "Въсвять" он фигурирует в Новгородской 1 летописи[35]. Ч касается топонима Зижеч, то он обозначает город Жижеч в Торопецк земле (ныне село Жижица) у восточного берега Жижицкого озера, хоро известный как по грамоте князя Ростислава Мстиславича о десяти Смоленской епархии[36], так и по летописным упоминаниям[37]. В Торопе кой земле локализуется и *Тур*: погост Туры расположен в 25 км к восто от Торопца в верховьях р.Западная Двина.

Особого внимания заслуживает в рассматриваемом контексте упомин ние топонима "Лукы". М.Н.Тихомиров не сомневался в его идентичност Великими Луками[38]. Однако еще один "Лукы" названы в соответствующ месте "Списка" среди новгородских городов[39] и именно они идентифицир ются с Великими Луками. Очевидно, что "Лукы" рассматриваемого конте

та обозначают какой-то иной пункт. Не был ли таким пунктом погост Лукомо на Волге, расположенный между Осечном и Горышином?

Остаются нелокализованными Мелечя, Ерусалим, Белобережье, Самара, Броницарев (Брони, Царев?), Копорье на Пороге, Карачев. Однако и без уточнения их местоположения очевидно, что территория Ржевской земли показаниями "Списка" значится за Литвой. Имея в виду тихомировскую датировку "Списка" временем не ранее 1378 г., посмотрим, в какой мере с ней согласуется цитированное заключение М.Н.Тихомирова о Ржеве, "сделавшемся в это время городом Великого княжества Литовского".

Как мы уже видели, в 1335 г. ржевские городки находились под властью Литвы, конфликт с которой привел к их сожжению по приказу Ивана Калиты. В 1356 г. "Сижского сын Иван седе с Литвою во Ржеве"[40]. В.А.Кучкин понимает это известие как свидетельство того, что литовцы тогда впервые захватили Ржеву[41]. Но ведь в цитированном рассказе говорится лишь о том, что литовцы предоставили в Ржеве княжение (или наместничество?) Ивану Сижскому. В 1358 г. "Волотьская рать да Можайская взяли Ржеву, а Литву выслали вон"[42]. В 1359 г. Ржева снова в руках Литвы: Ольгерд "послав сына своего Ондрея, възял Ржеву"[43] и "наместники своа в нем посадил"[44]. На следующий год "приездил Олгерд Ржевы смотрить"[45]. Но в 1368 г. "князь Володимер Андреевичь ходил ратию да взял Ржеву, а Литву отъпустил из города"[46]. В 1369 г. "Москвичи и Волочане воевали Смоленьскую волость"[47], а в 1370 г. "князь великии Дмитреи Ивановичь посылал воевать Брянска"[48].

Это наступление на Литву было в высокой степени успешным, поскольку летом 1371 г., как уже было рассказано в предыдущей главе, Ольгерд жалуется вселенскому патриарху Филофею на митрополита Алексея, поддержавшего великого князя Дмитрия Ивановича, который захватил у Литвы города: "Ржеву, Сишку, Гудин (Тудин), Осечен, Горышено, Рясну, Луки Великие, Кличень, Вселук, Волго, Козлово, Липицу, Тесов, Хлепен, Фомин городок, Березуеск, Калугу, Мценск"[49].

Местоположение Ржевы, Сишки, Туда (Тудина), Осечена, Горышена, Рясны, Вселука нам уже известно — они принадлежали к Ржевской земле. К той же территории относится *Кличень*, расположенный на одноименном острове в южной части озера Селигер, непосредственно у современного города Осташкова; он был центром ржевской Кличенской волости[50]. *Волго* идентифицируется с погостом Волго на одноименном озере, между Вселуком и Горышином, т.е. в пределах той же Ржевской земли. Наличие в перечне отвоеванных Москвой ржевских городов *Лук Великих* подтверждает догадку о том, что этот топоним в данном случае не тождествен новгородским Великим Лукам; выше было высказано предположение о его соответствии ржевскому погосту Лукомо.

Липица и *Тесов* обнаруживаются в Смоленской земле: погост Липицы — на р.Вазузе, в 24 км выше современного города Сычевки; погост Тесово — на речке Касне, в 24 км к юго-востоку от Сычевки. В нижнем течении Вазузы находятся погосты *Фоминское* (в 8 км выше устья Вазузы),

Старый Березуй (в 4 км выше Фоминского) и *Хлепень* (в 11 км выш Старого Березуя). В.А.Кучкин непостижимым образом расположил эт пункты в обратном порядке: "Ниже Фомина городка на той же Вазу находился и город Березуеск, от которого сохранилось городище... Хл пень был расположен на Вазузе ниже Березуеска, близ впадения в Вазу р.Городенки"[51]. Фоминское (Фомин городок) и Березуеск были центра особых княжеств: Хлепень в первой половине XVI в. — центр особо наместничества.

Для локализации *Козлова* нет достаточных данных; этот городо стоящий в перечне Ольгерда между ржевскими и смоленскими городка с равным успехом возможно искать на достаточно обширной территори изобилующей топонимами со столь простыми наименованиями[52]. Ч касается *Калуги* и *Мценска*, то их отвоевание от Литвы, надо полага связано с брянским походом 1370 г.[53]

Успех походов 1368-1370 гг. не привел к юридическому закреплени отвоеванных территорий за Москвой. В 1371 г. было заключено перемир "от оспожына заговенья до Дмитриева дни", т.е. с 31 июля до 26 октябр Согласно перемирной грамоте, вопрос о Ржеве был оставлен открыты "А со Ржевы до исправы не сослати"[54]. Однако вскоре Ржев оказал возвращен под власть Литвы. Во всяком случае, в 1376 г. "князь велик Дмитрии Иванович послал брата своего князя Володимера Андреевич ратию ко Ржеве, он же стоя у города 3 недели, посад пожже, а города н взя"[55]. Переход Ржевской земли к Москве совершился спустя пять лет 1381 г., о чем можно судить по свидетельству докончания Васил Васильевича Темного с великим князем литовским Казимиром 1449 г. котором граница между московской Ржевской волостью и литовски владениями основывается на том, как было "при великом князи Кест тьи"[56]. Кейстут занял великий стол Литвы в 1381 г., отстранив от власт Ягайло, но в следующем году был свергнут и умерщвлен. В.А.Кучк справедливо полагает, что "переход обширной ржевской территории Литвы к Москве был, несомненно, следствием тех изменений сил Восточной Европе, которые вызвала победа Дмитрия Донского над Ма маем в битве на Куликовом поле"[57].

Потеря Литвой Ржевской земли была окончательной и бесповоротно В 1386 г. ржевская рать участвует в походе Дмитрия Донского на Новг род[58], что свидетельствует о принадлежности Ржевы в этот момент Моск В начале 1390 г. великий князь Василий Дмитриевич передает Ржевск землю своему дяде князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому[59]. К доказывает В.А.Кучкин, лишь в 1399 г. или в 1399-1404 гг. Ржевская зем из рук московского княжеского дома переходила под власть Твери. Ч же касается Литвы, то после 1381 г. она только однажды захватыва Ржеву — с начала 1448 до начала 1449 г.[60]

Таким образом, предложенная М.Н.Тихомировым датировка "Спис городов русских" временем не ранее 1387 г. приходит в решительн противоречие с принадлежностью в это время городков Ржевской земл

которые уже не были "литовскими", а стали "низовскими" ("залесскими"). "Литовскими" они были до 1382 г., и только ранее указанной даты мог быть составлен исследуемый здесь памятник. Поэтому послужившие М.Н.Тихомирову сведения "Списка" о наличии каменных крепостей в городах Яме и Порхове, сооруженных соответственно в 1384 и 1387 гг., могут быть трактованы как результат элементарной коррекции протографа новгородским редактором, прекрасно знавшим о современном ему состоянии указанных городских фортификаций.

Что такая коррекция не имела исключительного характера, говорит, в частности, употребление уже в древнейшем дошедшем до нас варианте "Списка" топонима "Пустая Ржова", который, очевидно, в силу своей новизны, будучи еще неустоявшимся, получил ошибочную трактовку ("Пустая Ржева на Волге"). Новгородская Ржева стала "Пустой" лишь после ее разорения новгородцами в 1435 г.[61] В "Списке", сохранившемся в Новгородской 4 летописи, новгородский город Опока назван каменным[62], чего нет в более раннем варианте из Новгородской 1 летописи, а в сборнике Новгородского Софийского собора фигурирует, в частности, Ивангород, основанный в 1492 г.[63] Заметим, что Комиссионный вариант середины XV в. не был протографом остальных изданных списков изучаемого памятника, поскольку в нем, в отличие от всех остальных, Орешек не назван каменным, что, несомненно, является ошибкой писца: каменная крепость в Орешке была сооружена еще в 1352 г.[64] В основе и Комиссионного, и остальных списков лежит не дошедший до нас вариант, который из-за обозначения "Пустая Ржева" не может быть датирован временем ранее 1435 г.

В связи с изложенными наблюдениями наиболее ранней датой составления "Списка городов русских" можно признать 1375 г.: в 1367 г. в Москве был построен каменный кремль[65] — в "Списке" "Москва камен". В 1375 г. в Пскове была сооружена четвертая городская стена[66] — в "Списке" "Псков камен о четырех стен". В 1375 г. ржевские городки еще оставались литовскими. Младшая дата, как показано выше, — 1381 г. Составленный не позднее 1381 г. "Список городов" в дальнейшем подвергался коррекции и во второй половине 30-х или же в 40-х гг. XV в. приобрел известную ныне форму.

◆

1. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950 (при дальнейших ссылках — НПЛ), с.475-477.
2. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.3. Л., 1929, с.623-624.
3. ПСРЛ, т.23. СПб., 1910. Прил.1, с.163-164. Синодальный список Свода 1518 г. издателями не использовался.
4. ПСРЛ, т.7. СПб., 1856, с.240-241.
5. Отрывки из "Списка русских городов" этого сборника опубликованы И.И.Срезневским (*Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, с.98-99. Существует значительное количество неизданных списков обзора "А се имена градом всем русским...". С.А.Левина любезно указала мне восемь рукописей, содержащих этот обзор: четыре списка Воскресенской летописи [Мазуринский (РГАДА. Собр.Мазурина. № 1530), Библиотечные I и II (ГИБ. F.IV. 239 и F.IV.585), Музейный

(РГБ Музейное собр.№ 1509)], Патриарший список Никоновской летописи (БАН.32.14 и три кратких летописца (ГИМ Увар.138; Син.939 и 940). Выражаю ей сердечну благодарность.

6. *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // Исторические записки, т.40, 1952, с.214-259, то же в кн.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979, с.83-13
7. *Наумов Е.Н.* К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974, с.150-163; см. также: *Подосинов А.В.* О принципах построения и месте создания "Списка русских городов дальних и ближних" // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с.40-48.
8. См. также комментарий в кн.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание, с.357-361.
9. НПЛ, с.477.
10. Там же, с.379: "Того же лета поставиша новгородци город камен на Луге, на Яме, толк в 30 дни и в 3 дни".
11. Там же, с.381. "Того же лета благослови владыка Алексей весь Новыгород ставити горо Порхов камен: и посласа новгородци Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича, и поставиша город Порхов камен".
12. Псковские летописи, вып.1. М.; Л., 1941, с.28; вып.2. М., 1955, с.31-32, 111; НПЛ с.398-399. Вместо Коложе в 1414 г. был построен город Опочка: "псковичи поставиш град Коложе на новом месте, на Опочке; а зделаша весь у две недели, в осень, по Покрове" (Псковские летописи, вып.2, с.36).
13. НПЛ, с.475.
14. *Наумов Е.Н.* Указ. соч., с.155.
15. Там же, с.151.
16. НПЛ, с.476.
17. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание, с.116.
18. НПЛ, с.477. В состав Псковской земли Пусторжевскую волость ошибочно включи К.В.Базилевич, оставив этот тезис без аргументации (*Базилевич К.В.* Внешняя политик Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. Карта-вкладк "Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русско государству исконных русских земель"). Из текста той же книги очевидно, что ее авто так же ошибочно считал, что "Запись о Ржевской дани" (Русская историческая библио тека, т.27: Литовская метрика. Отд.1, ч.1. Книга записей, т.1. СПб., 1910, № 140) относит не к Пустой Ржеве, а к Ржеве Володимеровой (*Базилевич К.В.* Указ. соч., с.285). Впрочем и представления М.Н.Тихомирова не всегда были свободны от ошибок, вызванны одинаковым названием двух Ржев: город Заволочие, основанный в 1536 г. на литовско рубеже взамен Пустой Ржевы и расположенный близ современного города Пустошки, с поместил у Ржевы Володимеровой (*Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962 с.199).
19. *Успенский Вл.* Литовские пограничные городки Селук, Горышин и другие. Тверь, 189 см. также рецензию на эту работу в кн.: Сборник Тверского общества любителей истории археологии и естествознания, вып.1. Тверь, 1903, с.372-379.
20. *Успенский Вл.* Указ. соч., с.13-16; *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины Тверской губернии. Тверь, 1903, с.54-55, *Харитонов Г.В.* Разведочные работы в бассейн верхней Волги // Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с.96.
21. *Успенский Вл.* Указ. соч., с.17-18; см. также: *Плетнев В.А.* Указ. соч., с.135-136.
22. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн.2. М., 1988, с. 332.
23. *Бугромеев В.* На вес золота // Наше наследие, 1990, № 4, с.141.
24. НПЛ, с.347.
25. *Успенский Вл.* Указ. соч., с.18-20; *Плетнев В.А.* Указ. соч., с .60-62; *С[пицын] А.* Отче В.Н.Глазова о поездке 1903 г. на верховья Волги и в Демянский уезд // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т.7, вып.1. СПб. 1905, с.98-99.
26. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание, с.116-117.
27. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 195 (при дальнейших ссылках — ДДГ), с.160, № 53.
28. *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волост в XIV—XV вв.) // История СССР, 1984, № 6, карта на с.150.

29. По всей вероятности, М.Н.Тихомиров был введен в заблуждение существованием еще одной реки Осуги, впадающей в правый приток Тверцы р.Повель. Верховья этой — новоторжской — Осуги расположены неподалеку от озера Сиг.
30. *Успенский Вл.* Указ. соч., с.20-24; *Плетнев В.А.* Указ. соч., с.56-57; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание, с.116.
31. *Успенский Вл.* Указ. соч., с.24-26; *Плетнев В.А.* Указ. соч., с.16; *Харитонов Г.В.* Указ. соч., с.96.
32. *Плетнев В.А.* Указ. соч., с.10-11; *С[пицын] А.* Указ. соч., с.98-99.
33. *Успенский Вл.* Указ. соч., с.26-28; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание, с.117.
34. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание, с.117.
35. НПЛ, с.61, 64, 79, 263.
36. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с.141, 143, 146.
37. НПЛ, с.79, 304.
38. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание, с.117.
39. НПЛ, с.477.
40. ПСРЛ, т.15. Изд.2-е. Вып.1. Пг., 1922, стб.65.
41. *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе, с.151.
42. ПСРЛ, т.15. Изд.2-е. Вып.1, стб.67.
43. Там же, стб.68.
44. ПСРЛ, т.10. Спб., 1885, с.231.
45. ПСРЛ, т.15. Изд.2-е. Вып.1, стб.69.
46. Там же, стб.87.
47. Там же, стб.91.
48. Там же, стб.92.
49. Русская историческая библиотека, т.6: Памятники древнерусского канонического права, ч.1. Изд.2-е. СПб., 1908. Прил., стб.137-138, № 24. Весьма любопытно, что в докончании Новгорода с Казимиром 1471 г. упоминания литовского "ржевского тиуна" уже нет (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с.131, № 77), тогда как оно было обязательной деталью формуляра более ранних новгородско-литовских договоров.
50. ДДГ, с.290-291, № 77.
51. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с.146 и карты на с. 186 и 194.
52. На уже упомянутой карте К.В.Базилевич идентифицировал этот пункт с селом Козлово близ Вязьмы, где находился центр вотчины князей Козловских, которые были "из старины Вяземские, тянут к Вязьме" (*Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства во времена издания Первого литовского статута. М., 1892, с.284).
53. Впрочем, не исключено, что здесь мы имеем дело с искаженным названием порубежных смоленских волостей в районе верховьев р.Угры — Миценки и Калуговичей (*Любавский М.К.* Указ. соч., с.278, 283).
54. ДДГ, с.22, № 6.
55. ПСРЛ, т.15. Изд.2-е. Вып.1, стб.116.
56. ДДГ, с.161, № 53.
57. *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе, с.152.
58. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е. Ч.1, вып.2. Л., 1925, с.245.
59. ПСРЛ, т.15. Изд.2-е. Вып.1, стб.157; ДДГ, с.37-38, № 13.
60. *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе, с.152-157. Летописное сообщение 1393 г. о захвате новгородцами у московского великого князя городка Кличена В.А.Кучкин связывает с походом на Ржевскую землю (там же, с.152). Однако летопись в данном случае упоминает Кличен в следующем контексте: "Того же лета совокупиша Новогородци рать, а с ними князь Роман Литовьскы да князь Костянтин Белозерьскы и воеводы Новогородскые, и шедше взяша Кличен и Устюжну, а из Заволочья собрашася мнози Новогородци и шедше во мнозех насадех и ушкуех взяша град Устюг... Тако же тогда и Белоозеро, град и села и волости, повоеваша и створиша ему, яко и Устюгу" (ПСРЛ, т.25. М.; Л., 1949, с.220). Военные действия локализуются здесь в районе, слишком далеко отстоящем от Селигера, расположенного отнюдь не на маршруте похода новгородской рати. Не имеется ли в виду пункт Личен (Лычно) на

Мологе в 12 км ниже Устюжны? В "Списке городов русских" "Кличен" фигурирует сред "залесских", а не "литовских" городов.

61. "Ездиша воеводы новгородчкыи в зиме: посадник новгородчкои Иван Васильевиць, посадник Григории Кюрилович, и тысячкои Федор Олисиевич, Есиф Васильевиць, Онанья Семенович, Остафеи Есифович, и бояри новгородскыи и новгородчов много, с рушаны Федор Остафьев, Михаила Буиносов и порховице; и идоша триима путми, казниша ржевиць, и села вся пожгоша по Ръжеве, по плесковьскыи рубежь (и на Бардове) Божиею помощью приидоша в Новъгород вси здрави и с полоном" (НПЛ, с.417-418; Псковская летопись указывает мотивировку этой расправы: "Тоа же зимы новогородц ходиша на Великыа Лукы рать и повоеваша; тогда же и Ржеву воеваше своих данщиков а они не почаша дани давати новогородцем" (Псковские летописи, вып.2, с.132; ср. там же, с.46).
62. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е. Ч.1, вып.3. Л., 1929, с.624.
63. Благодарю за это сообщение З.В.Дмитриеву. Об основании Ивангорода см.: ПСРЛ, т.25 с.33.
64. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е. Ч.1, вып.1. Пг., 1915, с.282.
65. ПСРЛ, т.18. СПб., 1913, с.106.
66. Псковские летописи, вып.2, с.28-29, 105; ср.: вып.1, с.23 (с ошибкой в дате).

ГЛАВА ПЯТАЯ

◆

К проблеме локализации Клина новгородско-смоленского порубежья

В Новгородской 1 летописи трижды в связи с военными действиями упомянут Клин. Впервые — под 6639 (1131/32) г.: "Томь же лете, на зиму, иде Всеволод на Чюдь; и створися пакость велика: много добрых мужь избиша в Клине новъгородьць, месяця генъваря в 23, в суботу" (указанное в тексте дневное число соответствует 23 января 1132 г.)[1]. Второй раз — под 6708 (1200/01) г.: "Литва взяша Ловоть и до Налюча, с Белеи и до Свинорта и до Ворча середу (в Акад.сп. — "в середу"); и нагнашеся новгородци по них и до Чернян, и бившася с ними и убиша у них (в Синод.сп. вместо "у них" — "Литвы") мужь в Клине (в Синод.сп. слов "в Клине" нет) 80, а новгородець 15 (далее следует перечисление погибших новгородцев. — *В.Я.*)"[2]. Наконец, под 6742 (1234/35) г. изложен следующий рассказ: "Томь же лете изгониша Литва Русь (т.е. Русу. — *В.Я.*) оли до тьргу, и сташа рушане, и засада: огнищане и гридьба, и кто купьць и гости; и выгнаша я ис посада опять, бьющеся на поли; и ту убиша неколико Литвы, а рушан 4 мужа: попа Петрилу, 2 Павла Обрадица, а ина два мужа; а манастырь святого Спаса весь пограбиша, и церковь полупиша всю, и иконы и престол, и цьренци 4 убиша, и отступиша на Клин. Тъгда же весть приде в Новъгород к князю Ярославу; князь же с новгородьци, въседавъше в насады, а инии на коних, поидоша по них по Ловоти; и яко быша у Моравинна, и въспятишася лодьиници ,оттоле в город, и князь я отпусти: недостало бо у них бяше хлеба; а сам поиде с коньникы по них. И постиже я на Дубровне, на селищи в Торопьчьскои волости, и ту ся би с безбожиыми оканьную Литвою; и ту пособи Бог и крест честьныи и святая София, и отъяша у них конь 300 и с товаром их, а сами побегоша на лес, пометавъше оружия, и щиты, и сови и все от себе (в Акад.сп. вместо "и сови и все от себе" — "сулици и весь пристрои"); а инии ту костью падоша. А новгородьць ту убиша 10 мужь (далее следует перечисление погибших новгородцев. — *В.Я.*)"[3].

Если свидетельства 6708 и 6742 гг. вполне определенно указывают на то, что упомянутый в них Клин находился в районе р.Ловати[4], то сообще-

ние 6639 г. способно породить закономерные сомнения: р.Ловать протекает вдали от любых мыслимых маршрутов движения на Чудские земли, идет ли речь о Прибалтике или о Заволочье. Поэтому естественным казалось бы предположение, что под 6639 г. назван иной Клин, нежели в двух остальных случаях. Это противоречие, правда, почему-то не смущало комментаторов, и все три упоминания Клина традиционно идентифицируются как относящиеся к одному пункту (к одной местности)[5]. Так оно в действительности и есть, однако идентификацию следует доказать, а это возможно сделать сопоставлением текстов Новгородской 1 и Ипатьевской летописей:

Ипатьевская летопись

В лето 6639. Посла Мьстислав сыны своя на Чюдь, Всеволода, Изяслава, Ростислава, и взяша и, и возъложиша на не дань...

В лето 6640. Ходи Мьстислав на Литву с сынъми своими и с Олговичи, и с Всеволодом Городеньским, и пожгоша я, а сами ся расхорониша, а Киан тогда много побиша Литва, не втягли бо бяху с князем, но последи идяху по нем особе...

В лето 6641. Преставися благоверный князь Мьстислав, Володимерь сын...[6]

Новгородская 1 летопись

В лето 6638. Иде Всеволод с новгородьци на Чюдь зиме, в говение, и самы исеце, а хоромы пожьже, а жены и дети приведе домовь...

В лето 6639. Томь же лете, на зиму, иде Всеволод на Чюдь; и створися пакость велика: много добрых мужь избиша в Клине новъгородьць, месяця генъваря в 23, в суботу...

В лето 6640. Преставися Мьстислав Кыеве, Володимириць...[7]

В сопоставление текстов включено сообщение о смерти князя Мстислава Владимировича, которая случилась 14 апреля 1132 г., только для того, чтобы продемонстрировать использование в сравниваемых источниках разных систем летосчисления и тем самым синхронизировать тексты. Это сопоставление показывает, что в рассказе Новгородской 1 летописи за 6639 г. о неудачном походе Всеволода Мстиславича имеет место контаминация с рассказом о событиях предшествующего года, а в зиму с 1131 на 1132 г. был организован не повторный поход на Чудь, а поход на Литву, окончившийся плачевно и для киевлян, и для новгородцев. О походе в 1131 г. на Литву сообщают и независимые от Ипатьевской летописи тексты Лаврентьевской и Новгородской 4 летописей[8].

Таким образом, все три случая упоминания Клина действительно имеют в виду одну и ту же местность (или один и тот же пункт). В истолковании интересующего нас топонима в наличной литературе однако нет единства. Если составители географических указателей к летописи не сомневаются в том, что это принадлежащая Новгороду волость (см. сноску 1), то, по-видимому, с легкой руки П.В.Голубовского, повелось идентифицировать Клин с

одноименным погостом Торопецкой земли, находящимся в 13 км к западу от озера Жижицкого, достаточно далеко от ближайшего рубежа Новгородской земли[9]. Между тем необходимые для локализации Клина материалы содержатся в летописных рассказах 6708 и 6742 гг.

Правда, существующие топографические привязки перечисленных в рассказе 6708 г. пунктов весьма неопределенны. Из них лишь два топонима были вполне несомненны уже для С.М.Соловьева: "Из этих мест с верностью можно определить Свинорт в Новгородском уезде при реке Шелони, а Налючи — в Демьянском уезде на реке Поле, пред слиянием ее с Ловатью"[10]. Эти локализации безусловно верны и закономерно усвоены комментаторами: 1. "Налоч (Налюц), с. в Новгородской земле, ныне Большая и Малая Корельская Налюча в Демянском у. Новгородской губ."[11], "Налоч, сел. в Новгородской земле, на бер. р.Полы"[12]; 2. "Свинорт, сел. в Новгородской земле"[13], "Свинорт, сел. в Новгородской земле близ нижней Шелони"[14]. Налючи — центр одноименного погоста Деревской пятины[15] — находится на р.Поле в 28 км выше ее впадения в Ловать. Свинорт (на позднейших картах — Свинорд) — центр Свинорецкого погоста Шелонской пятины[16] — расположен не "близ нижней Шелони", а на правом (южном) берегу самой Шелони, в 30 км выше ее устья[17]. В настоящее время Свинорт с административной элегантностью переименован: он называется Невское.

Вопреки традиционной локализации Б.А.Рыбаков поместил Свинорт близ низовьев р.Полы, к юго-востоку от Ильменя[18]. Вероятной опорой такой локализации послужили следующие соображения. Расстояние между Налючами и Свинортом на Шелони достигает 90 км, что может казаться слишком масштабным для набега. Между тем всего в 10 км восточнее Налючей карта фиксирует селение Свинораи, название которого близко по звучанию указанному в летописном рассказе. Очевидно, что такая версия заслуживает внимания и проверки.

Остальные пункты сообщения 6708 г. в указателях обозначаются так:

"Белая, уроч. в Новгородской обл., близ Ловати"[19], "Белая(?)"[20];

"Ворч (Ворц), волость Новгородская на Ловати"[21], "Ворч(?) в центре Новгородской земли"[22];

"Черняне (Цьрияне, Чръняне), в Новгородской земле"[23], "Черняны, Цьрняны, сел. в верховьях р.Ловати"[24].

Легко заметить, что приведенные определения не имеют никакого отношения к собственно локализациям. Они исходят только из летописного контекста, упоминающего Ловать. Какие-то поиски этих объектов на карте предпринял лишь Н.М.Карамзин, отождествивший "цьрнян" и "Черенки в Псковской губ."[25]. Однако мне отыскать эти Черенки не удалось, если только не имеется в виду деревня Черенка в 34 км к юго-западу от Великих Лук[26], что несообразно с летописным рассказом.

В рассказе 6708 г. имеется еще одно место, возбуждавшее топографические версии истолкования, — слово "середу" в контексте "с Белее до Свинорта и до Ворча середу". Так этот контекст выглядит в Синод. и

Комисс. списках Новгородской 1 летописи и в Новгородской 4 летописи". В Акад.сп. Новгородской 1 летописи вместо "середу" написано "в середу"[28], в Новгородской 5 летописи вместо "середу" — "половину"[29], в списке Никольского Новгородской 4 летописи слово "середу" опущено[30].

Н.М.Карамзин воспринимал это слово как топоним: "до Свинорта" (близ Шелони в Новгородск. губерн.) "и до Ворча Середу" (не нынешнюю ли Серетку на запад от Русы (?)..."[31]. Здесь имеется в виду деревня Середня в 47 км к западу от Старой Руссы, близ поселка Волот. Такое толкование надолго было канонизовано Я.И.Бередниковым: "По другим летописям несправедливо предполагать, что "середа" значит день, в который литовцы овладели волостями, лежащими по Ловати"[32]. С прописной буквы слово "Середу" воспроизведено П.И.Савваитовым в издании Синод.сп. Новгородской 1 летописи 1888 г.[33], где оно присутствует и в географическом указателе, а также Ф.И.Покровским во 2-м издании Новгородской 4 летописи[34], где, однако, в географический указатель не внесено. Лишь в новом издании Новгородской 1 летописи, предпринятом А.Н. Насоновым в 1950 г., карамзинская традиция нарушена и слово "середу" напечатано со строчной буквы. Судя по определению "Ворча" — "в центре Новгородской земли"[35], под "серединой" издатель понимал не день недели, а наречие со значением "посреди" (ср.: "Корабль же бе среде моря" — в словаре И.И.Срезневского)[36].

Противоречия топографического комментария рассказа 6708 г. вызваны изначально неверным, восходящим еще к В.Н.Татищеву[37], прочтением одного из топонимов этого рассказа. В летописном тексте нет мифического, кабинетно рожденного "Ворча", а соответствующее место летописного сообщения читается не "до Ворча", а "Доворча": "с Белее до Свинорта и Доворча середу". Свинорецкий и Доворецкий погосты Шелонской пятины соседствуют. Свинорт находится на Шелони при впадении в нее справа речки Калошки, а центр Доворецкого погоста — село Доворец — расположен всего в 10 км южнее Свинорта, на речке Иловенке, впадающей в Калошку почти у самого ее устья[38]. Соседство Доворца и Свинорта, как это очевидно, подтверждает и традиционную локализацию Свинорта на Шелони, отвергая альтернативную локализацию Б.А.Рыбакова.

Условия для столь же уверенной идентификации "Белой" и "Чернян" отсутствуют, поскольку топонимов, производных от "белого" и "черного", более чем достаточно. Однако некоторые соображения по этому поводу могут быть высказаны. Принципиальная схема военного маршрута литовцев ясна из уже осуществленных топографических привязок. Литовский отряд двигался с юга по Ловати до Налучей, являющихся северным пределом этого движения ("Ловоть взяша Литва и до Налуча"). Затем "с Белой" отряд поворачивает на северо-запад и достигает некоего пункта между ("середу") Свинортом и Доворцом. Очевидно, что "Белую" следует искать в пространстве между Налучами и этим конечным пунктом нападения, но гораздо ближе к Налучам. В 30 км к западу от Налучей и в 15 км к западу же от Ловати протекает левый приток реки Порусьи — речка

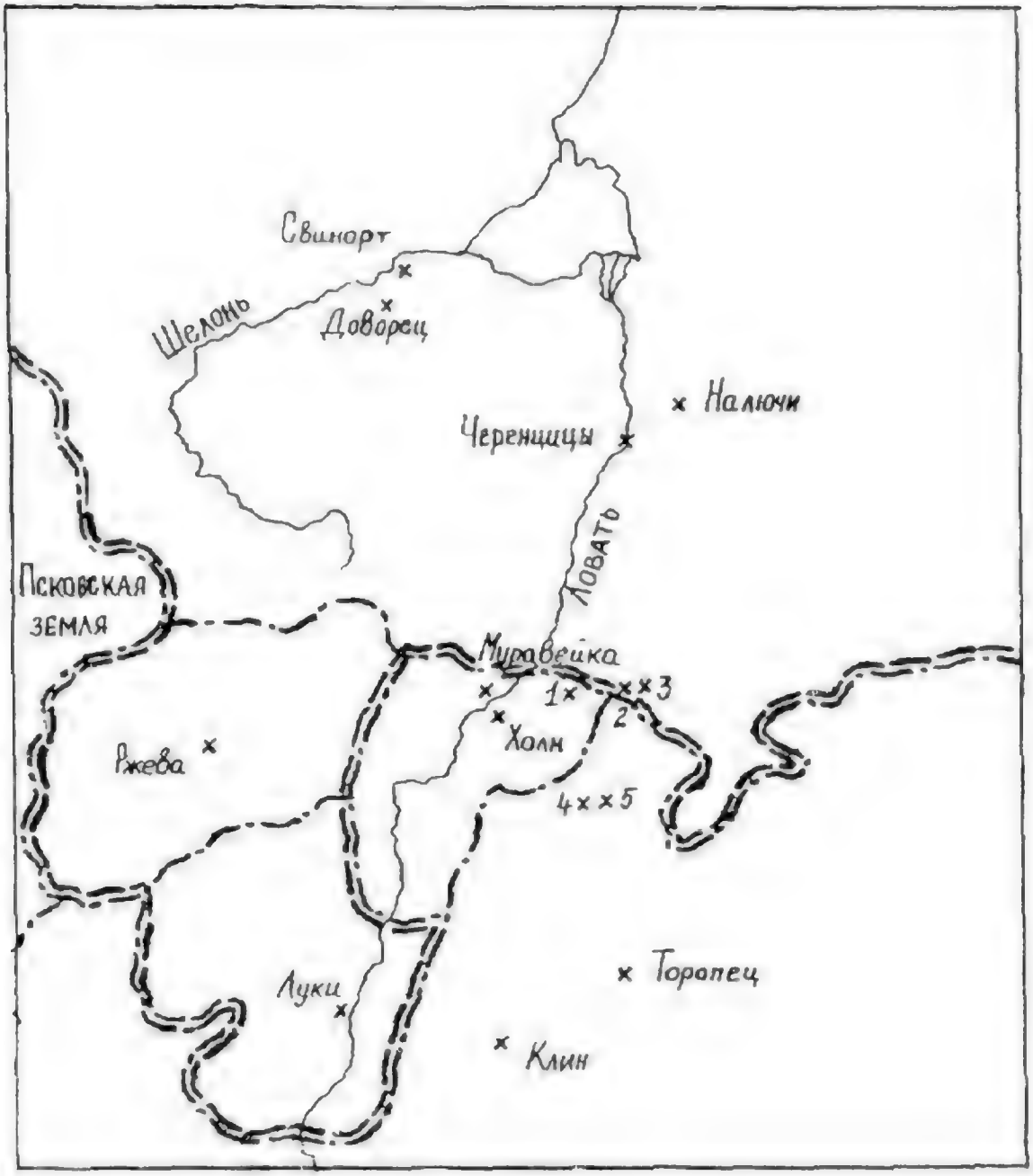


Рис. 3. Локализация Клина
1. Княжой Клин; 2. Передние Клины; 3. Задние Клины; 4. Малый Клин; 5. Большой Клин

Белая. Кстати, именно на этой широте наиболее целесообразным представляется маневр резкого поворота набега, поскольку севернее Налючей начинается обширное болотное пространство, заселенное лишь в долинах рек Порусьи, Редьи, Ловати и Полы и включающее земли как к востоку, так и к западу от Ловати[39].

Вполне вероятной представляется также идентификация "Чернян" или с центром Черньчицкого погоста на Ловати, расположенным в 15 км к юго-западу от Налючей, или же с деревней Чернина на реке Поле в 15 км выше (южнее) Налючей. Следует заметить, что на территории Черньчицкого погоста известно село Ходыни, с которым, по-видимому, связывается сообщение еще об одной битве с литовцами — в 1210 г. "Новгородьци угонивъше Литву в Ходыницих, избиша с князьмь Володимиромь и с

посадникомь Твьрдиславомь"[40]. Из сообщения 6708 г. очевидно, что сражение в Клине произошло после того, как литовский отряд был настигнут новгородцами, гнавшимися за ним "до Чернян". Хотя бы по этой причине бессмысленно искать "Чернян" "в верховьях р.Ловати", т.е. на удалении до 100 км от места описываемых событий.

В летописном сообщении 6742 г. военные действия начинаются вторжением литовцев в Русу и их отступлением "на Клин" после успеха русских. Преследуя врагов, князь Ярослав Всеволодович идет "по Ловоти" до Моравиина, где отпускает лодейщиков с их лодьями и продолжает погоню на конях. "Моравиин" идентифицируется с селением Муравейка на Ловати, в 12 км ниже города Холма; Муравейка в конце XV в. выделялась как административный пункт: она была центром Муравьевского десятка Ратновского стана Холмовского погоста Деревской пятины[42]. Погоня за литовцами завершается "на Дубровне, на селищи в Торопьчьскои волости". П.В.Голубовский идентифицировал Дубровну с сельцом Дуброво на реке Кунье, что было усвоено также А.Н.Насоновым (см. сноску 9).

Соглашаясь с возможностью такой локализации (если только "селище" не означает в цитированном тексте заброшенную деревню, т.е. не существовавшую уже в первой половине XIII в.), следует заметить, что нас не должно смущать то обстоятельство, что это сельцо находилось, по материалам конца XV в., отнюдь не в Торопецкой волости, а на территории Кунского стана Холмовского погоста, т.е. в Новгородской земле. Оно расположено между деревнями Зуево и Спас-Прилук, которые были, соответственно, центрами Зуевского и Прилуцкого десятков Кунского стана[43]. Дело в том, что вхождение Холмовского погоста в состав Новгородской земли состоялось, по-видимому, совсем незадолго до падения новгородской независимости. Впервые Холм под своим названием как новгородская волость, платящая черную куну Литве, назван в докончании с королем Казимиром 1471 г.[44], тогда как в предшествующих ему договорах 1431 и 1441/42 гг. он в списке таких волостей не упоминается[45]. Согласно докончанию 1471 г., Холмовский погост делится на "перевары", что представляется совершенно исключительным для Новгорода, тогда как деление на "перевары" присуще административному устройству Торопецкой земли[46]. Древняя принадлежность Холма и его округи не Новгороду, а смоленскому Торопцу подтверждается и фортификационной деятельностью князя Александра Ярославича, который в 1239 г. "с новгородци сруби городци на Шелони"[47], организовав систему пограничной обороны Новгорода (к ней относят городки Порхов, Опоку, Высокое, Вышгород, Кошкин), расположенную севернее, а не южнее Холма[48].

Приведенные материалы позволяют локализовать Клин на новгородско-торопецком пограничье, между Ловатью и верховьями реки Б.Туд (рис.3). Эта местность как бы обставлена выразительными топонимами: *ее северного рубежа расположены* деревни Княжой Клин (ныне Красный Клин), Передние Клины, Задние Клины, а у южного Малый Клин и Большой Клин. Она находится между двумя далеко вдающимися на

новгородскими территориями — Великолукской землей на западе и волостями Лопастицы и Буйцы на востоке, образуя клин между ними, глубоко внедряющийся во владения Новгорода и потому активно используемый врагами для проникновения в южное Приильменье.

* * *

Исчерпав затронутую тему, мы, однако, вынуждены вернуться к ней в связи с появлением в научной литературе нового толкования Клина, предложенного А.Н.Кирпичниковым. Указанный автор полагает, что "во всех приведенных случаях слово "клин" связано не с участком земли, а с боевыми эпизодами, точнее — с упоминанием особого по устройству военного отряда. Для своего времени термин "клин" был понятен, поэтому летописец не пояснял его. В дальнейшем военный смысл термина был утрачен"[49]. Исследователям хорошо известно, что отряд, построенный в боевой порядок треугольной формы, имел в русских средневековых источниках хорошо понятное современникам наименование "свинья". Так, указанное боевое построение обозначено в летописных рассказах о Ледовом побоище и Раковорской битве. Однако А.Н.Кирпичникову, по-видимому, представляется, что такой термин применим только к неприятельским боевым порядкам. Для русского же аналогичного построения он ищет особый термин и полагает, что обнаружил его в рассказах о столкновениях Новгорода с Литвой.

Надуманность такого толкования очевидна из приведенной автором аргументации. Комментируя летописное сообщение 6708 г., он пишет: "новгородцы в стычке с литовцами потеряли "в клине" 15 человек, а литовцы 80". Точная цитата: "убиша Литвы мужь в Клине 80, а новгородець 15". Если имеется в виду атака новгородцев на литовский отряд, построенный в виде клина, то это ведь не русский, а литовский неприятельский отряд, которому надлежало бы называться "свиньей".

Особняком трактуется известие 1234 г. об отступлении литовцев из-под Руссы. "Отступиша на клин"; это можно понимать как отступление в боевом порядке, — пишет А.Н.Кирпичников. — Дело в том, что литовцы, пограбив посад Руссы, опасались ответных мер новгородцев, которые действительно нагнали их и разбили у Дубровны Торопецкой волости". Такое толкование (снова примененное не к русским, а к неприятельским боевым порядкам) возможно лишь при условии жестокого насилия над синтаксисом летописной фразы. Предлог "на" в любом древнерусском тексте при всех нюансах его употребления обозначает направление действия. "Отступить в направлении клина" (!) — такая конструкция возможна лишь тогда, когда под Клином подразумевается населенный пункт или местность с подобным названием.

Отвергая топонимический характер летописных упоминаний Клина, А.Н.Кирпичников пишет: "Заметим, что в Новгородской области в 12—13 вв. не известно ни одного подтвержденного документально свидетельства о существовании города или поселения под именем Клин. К примеру,

Н.П.Барсов определял "клин", отмеченный в летописном известии 1234 г., как некий пункт, расположенный на одном из притоков верхней Куньи, милях в трех к западу от озера Двинья (Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с.26). Однако у нас нет данных о существовании в этих местах поселения Клин"[50].

Не очень понятно, какие документы XII—XIII вв. имеет в виду А.Н.Кирпичников, желая подтвердить свое мнение: русские географические карты этого времени? Писцовые материалы XII или XIII столетия? Ни тех, ни других не существует, а степень древности топонимов писцовых книг XV в. поверяется, как правило, раскопками селищ. Что же касается безуспешных поисков указанного Н.П.Барсовым топонима, то, в отличие от А.Н.Кирпичникова, он безусловно пользовался картами и списками населенных мест. В частности, в Торопецком уезде известно три поселения Клин (в том числе и названный Н.П.Барсовым погост), в Холмском уезде два поселения с таким названием, но также два Больших Клина, Княжий Клин, Спасов Клин и четыре Малых Клина[51].

◆

1. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950 (при дальнейших ссылках — НПЛ), с.22, 207.
2. Там же, с.239; ср. с.45.
3. Там же, с.73, 283.
4. В.Л.Нерознак необоснованно отождествляет этот пункт летописного сообщения 1234 г. с современным городом Клин Московской области (*Нерознак В.Л.* Названия древнерусских городов. М., 1983, с.88). Не говоря уже о том, что Клин на московско-тверском рубеже впервые упоминается только под 1408 г. (НПЛ, с.400), он отстоит от Ловати на 360 км, что само по себе свидетельствует о нелепости упомянутой идентификации.
5. См., например: Указатель к первым осьми томам Полного собрания русских летописей отд.2: Указатель географический. СПб., 1907, с.147; ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.3. Л., 1929, с.670; НПЛ, с.603.
6. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е. СПб., 1908, стб.290-291.
7. НПЛ, с.22, 207.
8. ПСРЛ, т.1. Изд.2-е, вып.2. Л., 1927, стб.301; т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.1. Пг., 1915, с.145.
9. *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с.84 и карта; *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, вклейка между с.160 и 161.
10. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен, т.1-2. М., 1988, с.713 (т.2, примеч.453).
11. ПСРЛ, Указатель географический, с.262.
12. НПЛ, с.609.
13. ПСРЛ, Указатель географический, с.420.
14. НПЛ, с.615.
15. Новгородские писцовые книги (при дальнейших ссылках — НПК), т.2. СПб., 1868, стб.600-604, 623, 638-639, 641-649, 652-655, 657-689, 768-769, 889-890.
16. НПК, т.4. СПб., 1886, стб.507-513, 552-562; т.5. СПб., 1905, стб.36-38, 42, 60, 158-165, 18[illegible]
17. Впрочем, это "близ Шелони" восходит к локализации Н.М.Карамзина: *Карамзин Н.М.* История государства Российского, кн.1. М., 1988, т.3, примеч.116.
18. История культуры древней Руси. Домонгольский период. 1. Материальная культура. М.-Л., 1948, вклейка между с.30 и 31.
19. ПСРЛ, Указатель географический, с.20.
20. НПЛ, с.596. Составитель этого указателя И.П.Доронин к той же Белой отнес сообщение 1442 г. "поставиша церковь камену святого Прокопья на Белои" (Там же, с.423, 463); однако в этом сообщении речь идет о Прокопьевском на Белой погосте в Бежецкой пятине в среднем течении р.Мсты (ср. НПК, т.6. СПб., 1910, стб.845-852, 1072).

21. ПСРЛ, Указатель географический, с.56.
22. НПЛ, с.599.
23. ПСРЛ, Указатель географический, с.560.
24. НПЛ, с.623.
25. *Карамзин Н.М.* Указ. соч., т.3, примеч.116.
26. Административно-территориальное деление Псковской области (1917-1988 гг.). Справочник, кн.1. Л., 1988, с.169.
27. НПЛ, с.45, 239; ПСРЛ, т.4. Изд. 2-е, ч.1, вып.1, с.179.
28. НПЛ, с.239.
29. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.2, вып.1. Пг., 1917, с.179.
30. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.3. Л., 1929, с.591.
31. *Карамзин Н.М.* Указ. соч., т.3, примеч.116.
32. ПСРЛ, т.3. СПб., 1841, ср. также: ПСРЛ, т.4. СПб., 1848, с. 18; Указатель географический, с.422.
33. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, с.177.
34. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.1, с.179.
35. НПЛ, с.599.
36. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т.3. СПб., 1912, стб.483.
37. *Татищев В.Н.* История Российская, т.3. М.; Л., 1964, с.167: "Литва, собрався из лесов, пришли тайно в область Новогородскую и разоряли по реке Ловати, захватя до Наключа, Сбелея, Свинарта и до Ворча".
38. НПК, т.4, стб.300-301; т.5, стб.35-36.
39. Именно в этих болотах развернулась трагедия гибели тверского войска князя Михаила Ярославича в 1316 г.: "Князь же Михаило, не дошед города, ста в Устьянех; и тако мира не возма, поиде проче, не успев ничтоже, но большюю рану въсприим: възвратившие бо ся вспять, заблудиша в озерах и в болотех; и начаша мерети гладом, ядяху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша; и придоша пеши в домы своя, приимше рану немалу" (НПЛ, с. 95, 337; в Комиссион. после слова "конину" — "а иныи, с щитов кожю сдирающе, ядяху"). Устьяны находятся на реке Поле в 30 км ниже Налючей.
40. НПЛ, с.51, 249.
41. Там же, с.623.
42. НПК, т.2, стб.835, 842, 866.
43. Там же, стб.872, 880. Впрочем, еще одна Дуброва находится в 13 км к югу от Холма.
44. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с.130-131, № 77.
45. Там же, с.105-106, № 63; с.115-116, № 70.
46. Торопецкая книга 1540 года / Подг. к печати М.Н.Тихомиров и Б.Н.Флоря // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с.277-357. Такой же исключительный характер имеют перевары в Кирьяжском, Сердобольском и Иломанском погостах Вотской пятины (см. Переписную окладную книгу 7008 г. // Временник ОИДР, кн.12. М., 1852, с.122-178), где они воспринимаются как рудимент кормленческой Корельской волости, традиционно в XIV—XV вв. предоставлявшейся новгородцами служилым князьям литовского дома. В указанный период и Торопецкая земля находилась в административном управлении Литвы.
47. НПЛ, с.77, 289.
48. Важными документами организованной Александром Ярославичем пограничной службы являются написанные одним почерком донесения ее участников — новгородские берестяные грамоты № 636 и 704, которые обнаружены в напластованиях середины — второй половины XIII в. (*Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993, с.36-37, 92-95). В грамоте № 704, исходящей от "городьнано" и адресованной "ко посадникоу ко вьликомоу", упоминается о бегстве "ясьнян", т.е. жителей Ясенского погоста, расположенного в соседстве с шелонскими "городцами". См. также: *Янин В.Л.* Берестяные грамоты об обороне новгородских рубежей в XIII веке // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995, с.128-133.
49. *Кирпичников А.Н.* Ледовое побоище 1242 г. и его тактические особенности // Древний Псков. Исследования средневекового города. Мат-лы конференции. СПб., 1994, с.114.
50. Там же, с.114, 120.
51. Списки населенных мест Российской империи, т.XXXIV, с.540.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Проблема новгородско-литовских пограничных отношений в новгородских Ржевской и Великолукской землях

Новгородская принадлежность Лук и их пограничное положение очевидны с момента первого упоминания в летописи этого города под 6674 г.: "В то же лето, на зиму, приде Ростислав ис Кыева на Лукы, и позва новгородьцы на поряд: огнищане, гридь, купьце вячьшее; и ту ся разболе сам, и воротися опять, и преставися на пути; и везоша и Кыеву, и положиша и о святого Федора"[1]. Возможно догадываться, что причиной поряда Ростислава Мстиславича с новгородцами был их конфликт с княжившим в Новгороде сыном Ростислава Святославом, поскольку "в то же лето выиде князь Святослав из Новагорода на Лукы, и присла в Новъгород, яко "не хощю у вас княжити". Новгородьци же целовавъше святую Богородицю, яко "не хоцем его", идоша прогнат его с Лук". Узнав о намерениях новгородцев Святослав двинулся к Торопцу, оттуда на Волгу, где получил помощь от Андрея Боголюбского, сжег Новый Торг "и села их потрати". Между тем братья Святослава Роман и Мстислав Ростиславичи "пожьгоста Лукы, а лучяне устерегошася и отступиша они в город, а ини Плъскову". Новгородцы взяли к себе на стол сына киевского князя Мстислава Изяславича — Романа, а против них возникла мощная коалиция князей Владимира, Смоленска и Полоцка, приведшая затем к знаменитой "битве новгородцев с суздальцами" в 1170 г.[2] Сожжение участниками этой коалиции Лук и Торжка фиксирует новгородскую принадлежность обоих городов. В ответ в 1168 г. новгородский князь Роман Мстиславич разоряет полоцкую волость и сжигает Торопец[3].

Пограничный характер Лук и их новгородская принадлежность видны и из летописных рассказов 6688 (1180) и 6699 (1191) гг. В 1180 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич "на весну съдума мужи своими, поиде на Полтьск на зятя на своего на Всеслава, ходил бо бяше дед его на Новъгород и взял ерусалим церковный и сосуды служебные и погост один завел за Полтеск. Мьстислав же все то хотя оправити Новгородьскую волость и обиду, и пришедшю ему на Лукы с вои Новгородьскими", но брат его Роман Ростиславич Смоленский воспрепятствовал этой затее[4]. В

1191 г. новгородский князь Ярослав Владимирович пришел "на Лукы, позван полотьскою княжьею и полоцяны, и поя с собою новъгородьць передьнюю дружину; и съняшася на рубежи и положиша межи собою любъвь, яко на зиму всем съпятися любо на Литву, любо на Чюдь"[5]. В 1196 г. в ходе конфликта с Черниговом Всеволод Юрьевич "новъгородьцем повеле ити на Лукы. Идоша с Ярославомь, и седевъше на Луках, воротишася домовь"[6]. В 1198 г. у новгородского князя Ярослава умер сын "Изяслав бяше посажен на Луках княжити и от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися"[7].

Преобразование пограничной новгородской волости в княжество — процесс, не чуждый тенденциям второй половины XII в., отнюдь не свидетельствующий о придании такому княжеству самостоятельности. В 1158 г. Ростислав Мстиславич "сын свои Святослав посади Новегороде на столе, а Давыда на Новемь Търгу"[8], однако спустя три года "вече створиша Новгородци и посласта к князю своему Святославу Ростиславичю и рекоша ему: не можем дву князю держати, а пошли выведи брата Давида с Нового Торгу. Он же не вередя им сердца вывед брата пусти и Смоленьску к Романови"[9]. В 1177 г. "посадиша новгородьци Мьстислава на столе, а Ярополка на Новемь Търгу, а Ярослава на Ламьскемь волоце, и тако ся управиша по воли", однако на следующий год, взяв вместо умершего Мстислава к себе на стол Ярополка, новгородцы прогоняют его. Впрочем, в 1180 г. Ярополк снова получает от новгородцев Торжок, где, заратившись с Всеволодом Юрьевичем, был на следующий год пленен войсками последнего[10]. В 1196 г. изгнанный из Новгорода князь Ярослав Владимирович пришел в Торжок "и прияша и новоторжци с поклоном". На протяжении года Ярослав "княжаше на Торъжку в своеи волости", после чего снова был принят в Новгород[11].

Вернемся, однако, в Луки. После смерти в 1198 г. княжича Изяслава Ярославича "на ту же осень придоша полочяне с Литвою на Лукы и пожьгоша хоромы, а лучяне устерегошася и избыша в городе". Конфликт однако был исчерпан, когда князь Ярослав "съ всею областию Новгородьскую" встретился с полочанами на озере Каспле, где и был заключен мир[12]. В 1200 г. "иде Нездила Пьхчиниць на Лукы воеводою", откуда совершил успешный поход на Летьголу[13].

Единственный раз в XIII в. Луки упоминаются под 1211 г., когда новгородский князь Мстислав Мстиславич послал посадника Дмитра Якунича "на Лукы с новгородьци города ставит, а сам иде на Тържък блюст волости, ис Търожку иде в Торопьчь, ис Торопця иде на Лукы, и съняся с новгородьци; а лучяном да князя Володимира Пльсковьскаго", своего брата[14].

Подробно рассмотренная в главе 3 пограничная ситуация второй четверти XIII в. не оставляет сомнения в том, что литовская экспансия на рубежах Новгорода максимально активизируется. Сумма косвенных свидетельств этого времени позволяет высказать предположение о захвате Литвой находящихся в наиболее уязвимом положении Ржевской и Луцкой волостей, которые образовывали далеко выступающий между псковскими

и смоленскими землями и трудно оборонимый клин. Весьма характерн в этой связи представляется деятельность князя Александра Ярослави по организации защиты рубежей Новгорода. В 1239 г. "князь Александ новгородци сруби городци на Шелоне"[15]. Хотя, в отличие от цитирова ного текста Синодального списка Новгородской 1 летописи, все бол поздние своды упоминают один "городець", а не несколько, имеет основания доверять правильности самого раннего сообщения. В "Спи городов русских, дальних и ближних" среди "залесских" городов п обозначены находящимися на Шелони: "а на Шолоне Порхов кам Опока, Высокое, Вышегород, Кошкин"[16]. Среди них Порхов, Опок Высокое расположены на самой Шелони; Вышегород и, по-видимо Кошкин городок — на притоке Шелони р.Узе или, по крайней мере, в бассейне.

Упоминания в летописи этих крепостей, как правило, связаны военными конфликтами между Новгородом и его западными и юго-запад ными соседями. В 1329 г. псковичи "к новгородцам прислаша посл поклоном в Опоку, и доконцаша мир"[17]. В 1346 г. Ольгерд "взя Шело и Лугу на щит, а с Порховьского городка и с Опоки взя окуп"[18]. В 140 "воеваша Немци всю Залескую страну и до Черехе, и прешедше за рубе воеваша в Леженицах и на Болотах и на Дубъске и на Гостени и г Кошкиным городком, и много забеглых пскович и новгородцов с исекоша и овех плениша и пожгоша"[19]. В 1428 г. "князь Витовти соб силы многы приде преже к Вышегороду, июля 18 день, и по то Порхову..."[20].

Фортификации князя Александра Ярославича, надо полагать, не имел долговременного характера, на что указывает и термин "сруби" в летоп ном известии 1239 г. Лишь Порхов, существующий и сегодня как горо получил в дальнейшем каменные укрепления, что произошло в 138 "благослови владыка Алексеи весь Новъгород ставити город Порхов кам и послаша новгородци Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича, и пост виша город Порхов камен"[21]. Остальные городки постепенно, но дост точно быстро пришли в упадок. В 1404 г., когда новгородцы приняли службу потерявшего свой Смоленск князя Юрия Святославича, ем кормление были отданы новгородские пригороды, однако среди шело ских городков к этому времени уже не было Опоки: "даша ему 13 город Русу, Ладогу, Орешек, Тиверьский, Корельский, Копорью, Тръжек, Вал Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городець"[22]. духовной Ивана III (1504 г.) нет не только Опоки, но и Вышегорода, а шелонских городков названы лишь "Порхов город, Высокои город, Ко кин город"[23]. Эта динамика угасания отражена и писцовыми книгами. У в 1498 г. Опока, будучи центром Опоцкого погоста, не демонстриру никаких признаков города[24]. Такой же характер имеет в писцовых ма риалах Вышегород, обозначаемый не как город, а как Вышегородск погост[25], хотя в дальнейшем формируется Вышегородский уезд в соста трех погостов — Болчинского, Облучского и Вышегородского. "Город

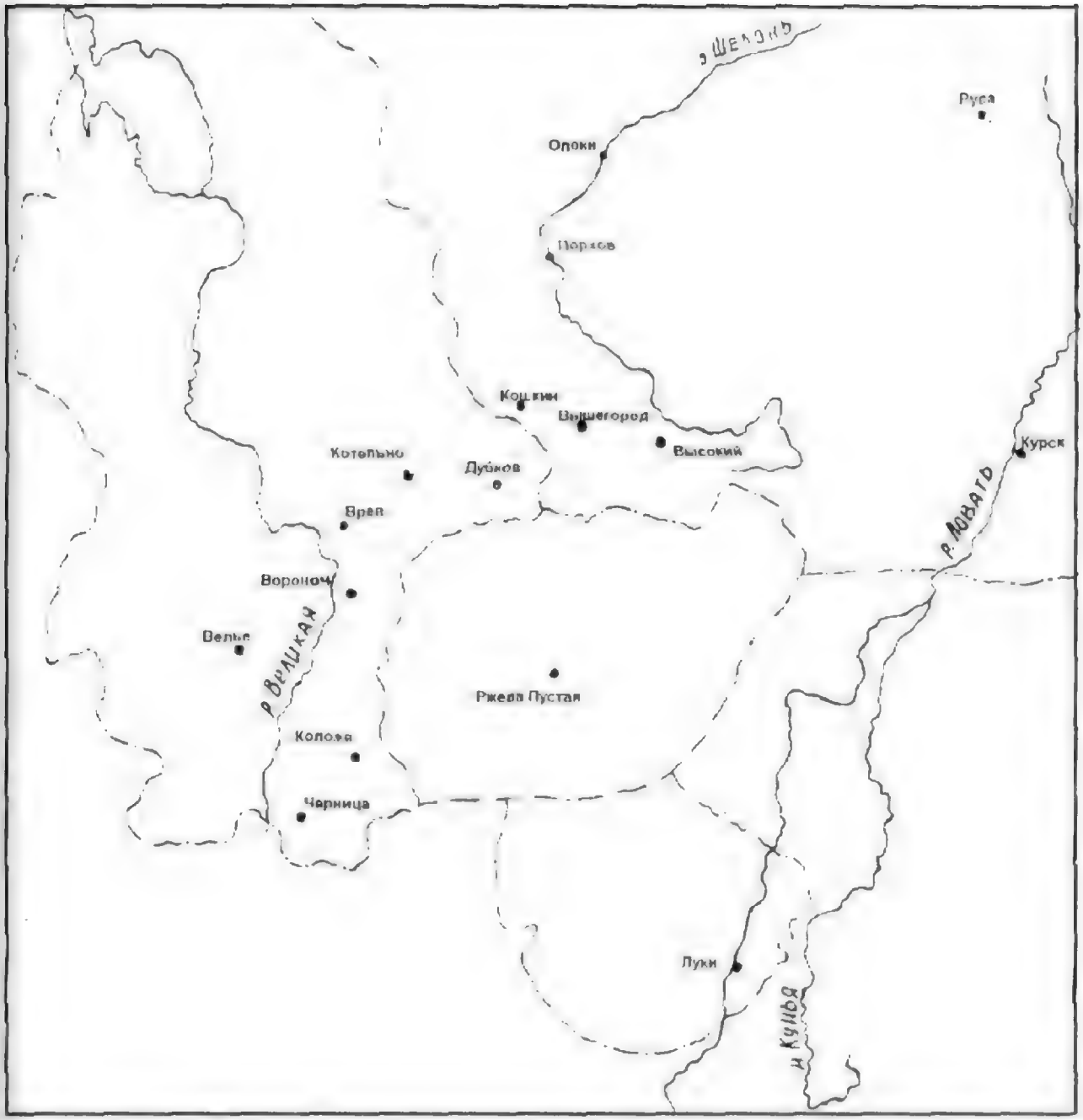


Рис. 4
Расположение пограничных фортификаций Новгорода и Пскова

ми" писцовые книги конца XV в. продолжают обозначать Высокий, давший затем название Высокогорскому уезду в составе Никольского, Рождественского, Дегожского, Пажеревицкого и Бельского погостов, и Кошкин городок, ставший центром уезда в составе Жедрицкого и Ясенского погостов. В настоящее время Высокий существует в виде крохотной деревеньки Городок, а Кошкину городку соответствует, по-видимому, село Жедрицы[26].

Весьма характерно расположение шелонских городков, образующих оборонительный пояс против литовской опасности на южных рубежах будущей Шелонской пятины, тогда как находящиеся южнее Ржевская и Луцкая земли как бы отданы на растерзание южному соседу. Обращает на

себя внимание и расположение старинных псковских крепостей Дубков Котельна, Врева, Воронача, Коложе, Черницы, которые как бы продо жают шелонский оборонительный рубеж, обтекая с запада Ржевску землю (рис.4). Казалось бы, цепочки пограничных фортификаций должн были возникнуть и укрепляться на пограничье Великолукской и Полоцк земель, т.е. в верховьях Ловати и Куньи, однако кроме Лук здесь нет ин крепостей.

Действенность шелонской оборонительной линии как системы погр ничной службы Новгорода в середине XIII в. демонстрируют две берест ные грамоты, обнаруженные в новгородских культурных напластовани этого времени. Грамота № 704, найденная в 1989 г. на Троицком раско к сожалению, фрагментирована. В ней сохранились лишь первая и поло вина второй строки, содержащих следующий текст: "От городьцано посаднику ко вьликому. Сь побьгль ясьиян..."[27]. Этот текст дает возмож ность определить место написания документа: "ясеняне" — жители Ясе ского погоста, расположенного на крайнем юго-западном рубеже Шело ской пятины; "городчане" — жители или администрация находящегося ближайшем соседстве с Ясенским погостом Кошкина городка. Мен вероятна их идентификация с обитателями Высокого городка, отстоящег от Ясенского погоста на тридцать с лишним километров.

Что касается адресата грамоты № 704, то он, несомненно, был новг родским посадником, о чем свидетельствует не только место находк документа, но и титулование в нем адресата. Впервые встреченный тит "посадник великий", надо полагать, содержит в себе смысл противопо ставления новгородского ("великого") посадника посадникам других го родов Новгородской земли. Летописи знают о существовании в XIII посадников Ладоги и Нового Торга[28]. Высокий ранг адресата указывает н государственный характер послания "городчан".

Существо их деятельности раскрывается найденной на Троицко раскопе в 1985 г. грамотой № 636, написанной тем же почерком, что приведенный выше документ, и сохранившейся целиком: "Пришьль и купник ис Полоцька. А рать поведае велику. А водаить пошьниць засаду" (Пришел искупник из Полоцка и сообщил о собравшемся та большом войске. Пришлите пшеницу в засаду)[29].

"Искупник" — очевидное производное от слова "искуп", выкуп. Э слово не зафиксировано в древнерусских текстах, но смысл его самоочевиден: искупник — человек, выкупленный из плена, или же человек который осуществлял выкуп пленных. Здесь более вероятно первое зна чение; в противном случае искупника назвали бы по имени. Не исключено, что выкуп пленного был результатом частной инициативы. В духовно Климента середины XIII в. (около 1255-1257 гг.) в числе наследнико имущества завещателя назван некий Андрей Воинович: "то же есмь н даром дал, платил за мене Данило и Воин искуп литовьскыи"[30].

Грамота не имеет адресной формулы, но, исходя из показаний доку мента № 704 и самого факта их находки в едином комплексе, он

трактуется как донесение крепостного пограничного гарнизона ("засады") Кошкина городка новгородским властям об угрожающей Новгороду со стороны Полоцка военной опасности и о необходимости доставки в гарнизон дополнительного провианта на случай возможной осады.

Между тем к середине 60-х гг. XIII в. новгородские Ржевская и Великолукская земли (или, по крайней мере, – только Ржевская), расположенные южнее шелонской оборонительной линии, по-видимому, вернулись в состав новгородских владений, коль скоро в маргиналиях Устава о мостех (1265-1267 гг.) упомянута в составе новгородских волостей и Ржевская волость[31]. Урегулирование могло быть достигнуто в 1262 г., когда новгородцы "с Литвою мир взяша"[32].

Следующий этап регулирования новгородско-литовских пограничных споров связан с событиями 1324 г., когда "воеваша Литва Ловоть, и утониша их новгородци, и биша я, а инии убежаша"[33]. В другой летописной версии об этом событии рассказывается так: "Тогда же биша Литву новгородци на Луках"[34]. Несомненно, именно эта победа предрешила заключение новгородско-литовского докончания 1326 г., которое, как это выяснено выше, стало на следующие полтораста лет основой мирных отношений Новгорода с Литвой. Как уже предположено, именно это докончание определило статус пограничных волостей, состоящих под суверенитетом Новгорода, но платящих черную куну в литовскую казну. Если систему финансовой эксплуатации Моревы, Молвятиц, Куиска, Лопастиц, Буйца, Стержа, Березовца, Жабны Литва унаследовала от Смоленска, получавшего с них черную куну в пользу Торопецкого и Ржевского княжеств, то на Великолукскую и Ржевскую земли Новгорода такая же система была распространена по аналогии. Добившись передачи ей черной куны с этих земель, Литва выступила гарантом неприкосновенности этих наиболее уязвимых и наименее защищенных новгородских владений.

Как уже отмечено выше, в состав "Чернокунства" поначалу не входил Холмский погост. Вероятнее всего, не было в ранних докончаниях с Литвой и волостей Заклинье и Лубоково, которые в XVI в. числились в составе Псковской земли. Заклинский и Глубоковский приходы известны в Опочецком уезде Псковской губернии на границе с Пусторжевской землей[35]. Трансформация Глубокого в Лубоково такая же, как в модели Гликерия — Лукерья.

К судьбе этих двух волосток, надо полагать, имеют отношение события первой половины XV в. В 1405-1406 гг. произошел военный конфликт между Литвой и Псковом, с разной степенью полноты и политических оценок описанный в новгородских и псковских летописях. Самая краткая версия изложена в Новгородской I летописи: "В лето 6913... Взя князь Литовьскыи Витовт плесковьскыи пригород Коложе на миру; а под Воронацем стоя два дни, и много повоева волостии плесковьскых изгоном без вести, а крестиян много посече, а иных в полон сведе. В лето 6914... Пьсковици ходиша воиною к Полотеску и мало не взяша города, а волости

полочкый повоевавше, и отъидоша"[36]. Более пространная новгородс
версия, касающаяся событий 1405 г., изложена в Новгородской 4 летопи
"И Витовт взя воиною без вести на миру Плесковьскои городок Колож
Плесковьскую грамоту крестную присла в Новъгород, и стоя под Ворона
2 дни и отъиде, волости их повоевав, а крестьяны посек, а иных в полон св
А Пековичи жаловашася на Витовта Новугороду про Литовьскую воин
Новгородци не меташа братьи своеи молодшеи Пековичь, послаша на
помощь на Литву воеводы: Олександр Костянтинович, Афанасеи Есифов
сына посадничя, Фому Троицкикина, с вои, и они прихаша во Пьсков
Пековичи отелав их к Новугороду, а сами, ехавше, на крестном целова
повоеваша села Новгородцькаа Луки и Ржову"[37].

Пековские летописи, подробно рассказав о бесчинствах Витовта
захваченных им волостях ("не бывала такова пакость яко же и Пьс
стал"), сообщают далее: "посадник пековъскии Юрие Филипович Ко
кович поимя с собою мало дружины мужии пековичь охочих людеи. См
со изборяны и островичи и вороначаны и велияны, шедше, повоева
Ржову, а на Великих Луках стяг коложекии взяша, и полона мно
приведоша. А навогородци пришедше, пековичем никоея же помощи
учиниша. Князь Данилеи Александрович и посадник Юрии и весь Пс
челом биша новогородским воеводам, рекуще: поидите, господа, с на
на Литву метите крови християнекия. Они же рекоша: нас не благосло
владыка воевати Литвы, а Великии Новъгород нам не указал; но идем
вами на Немцы"[38]. Не получив помощи от новгородцев, пековичи в 1407
"биша чолом князю великому Василию Дмитриевичу, абы помогл бедны
пековичем в тошна времена; и князь великии разверже мир с своим тесте
с княземь Витовтом пековекыя ради обиды"[39].

Пековекий летописец так резюмировал столь странную ситуацию: "
новгородци в то время приведоша собе князя из Литвы, испросиша
Витовта князя Лугменя, а все то пековичем на перечину, и вложи в
диявол злыя мысли в сердца их, держаху бо любовь с Литвою и с Немц
а пековичем не помогаше ни словом ни делом; и пековичи положиш
упование на Бога, на Святую Троицу и на князя великаго Васил
Димитреевича"[40]. Упоминание немцев в приведенном контексте связа
с тем, что новгородцы не оказали никакой помощи пековичам, ког
орденские отряды в 1408 г.воевали в Залесье, захватывая и пограничны
новгородские волости: "А пековичи в то время посла своего слаша
Новъгород, и биша чолом со слезами, абы отметили не токмо пековскы
кровем, но и своих ради плененых и иссеченых. А они о всем т
небрегоша, но и с укоризнами пековичем отрекоша не помощи, и посл
своего тогда послаша в воиско к местеру, а пековичемь на зло"[41].

Ситуация новгородского невмешательства действительно в высш
степени странная. Войска Витовта ходят по новгородским волостям: ведь
преследуя их, пековичи повоевали Луки и Ржеву, а на Луках отвоевал
захваченный Витовтом коложский стяг. Между тем Новгород равнодушн
взирает на несомненно разорительное пребывание литовских войск на эт

территориях, а затем и на не менее разорительное пребывание там псковского военного отряда. Отказав псковичам в помощи против Литвы, новгородцы затем оставляют их без помощи и против немцев, хотя немецкий набег затронул и новгородские волости. Не менее странной кажется отсылка Витовтом псковской крестоцеловальной грамоты, возвещающая начало военных действий против Пскова, в Новгород, а не в Псков.

Все становится на место, если попытаться понять скрытую пружину литовской акции 1405 г. Военные действия разворачиваются на территории Великолукской и Ржевской земель и в пограничных с Ржевской землей районах Пскова (Коложе, Воронач). Если все изложенные выше наблюдения справедливы, то Новгород, осуществляя суверенитет над Луками и Ржевой, является гарантом получения Литвой ее доходов с этих земель (доли в которых Новгород практически не имеет). Однако допустим, что Витовт убедился в том, что какая-то часть ржевских доходов (или все они) узурпирована Псковом. В таком случае он должен поставить Новгород в известность о своих намерениях наказать псковичей, именно в Новгород послав свое крестоцелование с Псковом, нарушенное псковичами, а Новгород не имеет ни права, ни основания вмешаться в антипсковскую акцию Литвы. Логичным в свете этой ситуации оказывается и последовавший новгородский отказ от помощи псковичам против немцев.

Важным аргументом, подтверждающим присоединение в какой-то период Ржевской волости к Пскову, является ее реликтовое деление на "губы", фиксированное "Записью о Ржевской дани" 1479 г., коль скоро административная губная система в этом регионе свойственна была только Псковской земле. Реликтовые Ловенский и Оконский "пригубки" в Великолукской земле — свидетельства тех же обстоятельств.

Надо полагать, что присоединение к "Чернокуняеству" псковских волостей Заклинья и Лубокова состоялось в ближайшие годы после описанных событий (но до 1431 г., когда они упомянуты в докончании Новгорода с Свидригайлом) в компенсацию нанесенного псковичами новгородским Ржевской и Великолукской волостям материального ущерба. Заметим, что в 1410 г. "в Литву к князю Витовту послаша псковичи Якима посадника и Терентиа Фоминича и Сидора Дедькова, и взяша мир с князем Витовтом, а опрочь Новагорода"[42]. По другой версии, к этому событию были причастны иные лица: "по Велице дни послаша послове к великому князю Витовту Федоса Фефилова сына, да Селивестра Левонтьевича, и взяша мир с Витовтом вечный по старине, по псковской воли, по князя великого докончаниа Василья Дмитреевича"[43]. Спустя два года, в 1412 г. "приеха в Псков князь великий Костянтин Дмитриевич, ноября в 11, и Псковичи прияша его честно. Того же лета и мир взяша с Новгородцами по старине"[44].

По-видимому, равнодушие к бездоходным для Новгорода Ржевской и Великолукской волостям вызвало на какой-то срок утрату контроля над ними, что привело в 1435 г. к трагическим для этих волостей событиям, когда новгородцы "казниша ржевиць, и села вся пожгоша по Ръжеве, по

плесковьскыи рубежь и на Бардове"[45]. Псковская летопись приводит рассказ об этом событии с его мотивировкой: "Тоа же зимы новогородци ходиша на Великыа Лукы рать и повоеваше; тогда же и Ржеву воеваша своих данщиков: а они не почаша дани давати новогородцем"[46].

На заключительном этапе новгородской независимости к "Чернокуменству" из состава Торопецкой земли был присоединен Холмский погост; однако документальных следов, касающихся даты этого преобразования, обнаружить не удается. Не исключено, однако, что искомой датой является 1463 г., когда новгородцы декларируют демонстративный разрыв с Москвой во имя союза с Литвой: "Того же лета послаша Новгородци посла свой Олуферья Васильевича Слизина к королю в Литву о княжи возмущении еже на Великий на Новъгород Ивана Васильевича; такоже и Микиф Левонтеева ко князю Ивану Ондреевичю Можайску и к князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великом Новегороде от князя великого, а имашася побороть, како Бог изволи. И тое зимы умири Бог молитвами святыя Богородица и преподобнаго Варълама молением за град разумети"[47]. Этим актом был провозглашен решительный отказ от требований Яжелбицкого договора с Москвой 1456 г.: "А Великому Новугороду князя Ивана Андреевичя Можаиского и его детеи, и князя Ивана Дмитреевича Шемякина и его детеи, и его матери княгини Софьи и ее детеи и зятьи Новугороду не приимати"[48].

◆

1. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950 (при дальнейших ссылках — НПЛ), с.32, 219. Ростислав умер 14 марта и погребен 21 марта 1167 г. Ипатьевская летопись подробнее излагает существо визита Ростислава в Луки: из Торопца он "посла сыну Святославу Новугороду, веля ему възъехати противу [со]бе на Лукы, бо бо уже Ростислав нездравуя велми, и ту снимася а Луках с сыном и с Новгородци. И целоваша Новгородци хрест к Ростиславу на том, якоже им имети сына его собе князя, а иного князя не искати, оли ся с ним смертью розлучити" (ПСРЛ, т.2. Изд.2-е. СПб., 1908, стб.528-529).
2. Там же, под 6675 г., но в хронологическом контексте это тот же год, весенние события которого описаны под предшествующим, 6674 годом.
3. Там же, с.33, 220.
4. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.608-609.
5. НПЛ, с.40, 230.
6. Там же, с.43, 236.
7. Там же, с.44, 237.
8. Там же, с.30, 217.
9. ПСРЛ, т.2. Изд.2-е, стб.510.
10. НПЛ, с.35-37, 225-227.
11. Там же, с.43, 236.
12. Там же, с.44, 238.
13. Там же, с.45, 239.
14. Там же, с.52, 249.
15. Там же, с.77; ср. с.289.
16. Там же, с.477.
17. Там же, с.342.
18. Там же, с.358.
19. *Псковские летописи, вып.1. М; Л., 1941, с.31; вып.2. М., 1955, с.34, 116.*

20. Там же, вып.1, с.38; вып.2, с.42, 125.
21. НПЛ, с.381.
22. ПСРЛ, т.11. СПб., 1897, с.190. Город Яма в этом списке стоит явно не на месте. Между тем в более ранней редакции текста в Новгородской 4 летописи (ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.2. Л., 1925, с.395-396) при указании на 13 городов список содержит лишь 12 наименований. Город Яма там пропущен и, следовательно, восстановлен сводчиком Никоновской летописи, будучи ошибочно помещен им среди шелонских городков.
23. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с.357, № 89.
24. Новгородские писцовые книги, т.4. СПб., 1886, стб.162; ср. там же, стб.530; т.5. СПб., 1905, стб.680.
25. Там же, т.4, стб.478, 531. О разорительной осаде Вышегорода псковичами в 1471 г. см.: Псковские летописи, вып.2, с.181-182.
26. *Андриашев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I.Списки селений. М., 1914, с.310, 364.
27. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993, с.92-95.
28. НПЛ, с.20, 23, 51, 53, 65, 94, 204, 207, 249, 252, 270, 326, 335.
29. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Указ. соч., с.36-37.
30. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с.162, № 105.
31. НПЛ, с.507.
32. Там же, с.83, 311.
33. Там же, с.97, 339.
34. ПСРЛ, т.25. М.; Л., 1949, с.164; т.7. СПб., 1856, с.199.
35. *Васильев И.И.* Псковская губерния. Псков, 1896, с.137, 147, 233, 234.
36. НПЛ, с.399.
37. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.2, с.398-399.
38. Псковские летописи, вып.1, с.28; вып.2, с.31-32, 111-112.
39. Там же, вып.1, с.29; вып.2, с.33, 114.
40. Там же, вып.1, с.30; вып.2, с.35, 115.
41. Там же, вып.1, с.32; вып.2, с.34, 117.
42. Там же, вып.2, с.35.
43. Там же, вып.2, с.118.
44. ПСРЛ, т.5. СПб., 1851, с.22.
45. НПЛ, с.417-418; ПСРЛ, т.4, ч.1, вып.2, с.434.
46. Псковские летописи, вып.2, с.46, 132. Вряд ли с ржевской данью был связан приход Витовта под Порхов и взятие с Новгорода громадной контрибуции в 1428 г. Сам Витовт разъяснял эту акцию исключительно своей амбициозностью: "се вам стало за то, что мя назвали есте изменником и бражником" (ПСРЛ, т.12. СПб., 1901, с.8), подобно тому как Ольерд причину похода на Новгород в 1346 г. объяснял тем, что "лаял ми посадник ваш Остафей Дворяниць, назвал мя псом" (НПЛ, с.358).
47. ПСРЛ, т.16. СПб., 1913, стб.214.
48. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с.43, № 23.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

◆

Новгородская система кормлений и служилые литовские князья

Самые ранние сведения о предоставлении Новгородом кормлений в пригородах служилым князьям, в обязанность которых вменялась оборона границ, относятся к рубежу XIII – XIV вв. Они содержатся в адресованной князю Михаилу Ярославичу грамоте 1305-1307 гг., информирующей его о недостойном поведении новгородских кормленщиков в Пскове и Корелe и требующей их официального отзыва в Новгород[1], из чего следует, что предоставление кормления находилось в совместной юрисдикции Новгорода и князя. "Город стольный Пльсков" был дан великим князем Андреем и новгородцами Федору Михайловичу, что могло случиться не ранее смерти псковского князя Довмонта в 1299 г. и последовавшего за ней наступления Новгорода на суверенитет Пскова[2]. Корелу Борис Костянтинович "истерял", по-видимому, в 1300 г., когда шведы вошли "в силе велице" в Неву и построили в устье Охты крепость Ландскорону (Венец земли); она была взята штурмом новгородцами и полностью разрушена в мае 1301 г.[3] Псковский кормленщик идентифицируется с белозерским князем Федором Михайловичем, упоминаемым в летописных рассказах о событиях начала XIV в.[4] Личность корельского кормленщика Бориса Костянтиновича остается загадочной.

Более или менее подробные сведения о кормленщиках начинаются с эпизода, прямо связанного с рассматриваемой литовской темой. Под 1333 г. в летописи содержится следующий рассказ: "Сем же лете въложи Бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченому в крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимина, и присла в Новъгород, хотя поклонитися святеи Софеи; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра, и позваша его к собе; и приха в Новъгород, хотя поклонитися, месяца октября и прияша его с честью, и целова крест к Великому Новуграду за один человек, и даша ему Ладогу, и Ореховьи, и Корельскыи, и Корельскую землю, и половину Копорья в отцину и в дедину, и его детем"[5].

Принятие Нариманта Гедиминовича в качестве служилого князя произошло во время жестокого размирья Новгорода с Иваном Калитой, и политический смысл этой акции очевиден. Примирение с Москвой было

достигнуто уже в следующем, 1334 году, что, по-видимому, и вызвало отъезд Нариманта в Литву, который, однако, не сопровождался отказом от кормления. Во всяком случае, когда в 1338 г. на Водскую землю напали немцы, копорьянами руководил некий Федор Васильевич, "князь же Наримант бяше в Литве, и много посыляша по него, и не поеха, нь и сына своего выведе из Орехового, именемь Александра, токмо наместьник свои остави"[6]. Нариманов наместник в Орешке упоминается в дальнейшем под 1347 г.[7]

Следует обратить внимание на то, что уже к 1333 г. другая половина Копорья оставалась вне сферы власти Нариманта, т.е. ее статус был иным, не "литовским". Исходя из упоминания в рассказах новгородских летописей конца XIV в. неких "копорских князей", Н.И.Костомаров считал их кормленными князьями, "называемыми копорскими потому, что им Копорье было дано для кормления"[8]. Против такой постановки вопроса решительно возражал В.Н.Бернадский, говоря, что "этот взгляд нужно признать ошибочным, основанным на поверхностном изучении источников". По мнению В.Н.Бернадского, "в князьях копорских нужно видеть местных феодалов, руководителей води, имевших свою резиденцию в Копорье. Вероятно, наличием местных феодальных князей нужно объяснять и тот любопытный факт, что Гедиминовичам в "кормление" предоставлено было "пол-Копорья" — вторая половина Копорья была сохранена за копорскими князьями"[9].

Предположение В.Н.Бернадского представляется мне противоречивым. В 1279 г. Копорье строится как княжеский городок: "испроси князь Дмитрии у Новагорода поставити собе город Копорью, и ихав, сам сруби". В 1280 г. это совместное укрепление князя и посадника, т.е. государственная крепость: "князь великыи Дмитрии с посадником Михаилом и с болшими мужи, шедши, обложиша город камен Копорью"[10]. В 1282 г., утратив великое княжение, Дмитрий Александрович пытался обосноваться в Копорье, но встретил вооруженное сопротивление новгородцев и их союзника псковского князя Довмонта[11]. В 1297 г. это тоже новгородское предприятие: "поставиша новгородци город Копорью"[12].

Чтобы за частью этого городка закрепились какие-то иммунитетные права до того, как другая его часть была дана в кормление Нариманту, необходимо, следовательно, предоставление этих прав новгородским вечевым решением. Иными словами, весьма затруднительно допустить уже во второй половине XIII в. существование наследственных прав местных водских феодалов на Копорье или какую-либо часть этого городка. Скорее возможно предположить, что загадочная половина Копорья была дана кому-то в кормление до приглашения Нариманта, получившего вторую, еще свободную половину, или что она приносила доход непосредственно боярской казне Новгорода. Во всяком случае, особые иммунитетные права Копорья очевидны в середине XIV в., когда этот город дважды становится прибежищем рассорившихся с Новгородом посадника Федора Даниловича, его брата Михаила, Юрия и Ондреяна в 1342 и 1350 гг.[13]

Не решаюсь связывать с Копорьем сообщение 1379 г.: "Тои же зим приха в Новъгород князь Литовьскыи Юрьи Наримантович", поскольк цель посещения им Новгорода неясна[14]. Однако в 1383 г. "в Новъгоро приихаша князь Патрикии Наримантович, и прияша его навгородци, и даша ему кормление: Орехов город, Корельскыи город, и пол-Копорья, Луское село"[15]. Среди этих городов нет Ладоги, хотя отцу Патрикия он была дана в 1333 г. "в отцину и в дедину, и его детем". По-видимому, в первой половине XIV в. взаимоотношения Новгорода со служилыми князьями основывались еще на вотчинном праве, а кормленческого статуса тогда не было.

В следующем, 1384 г. у Патрикия возникает конфликт с жителями Орехового и Корельского городков: "приихаша городцане ореховци и корельскыи с жалобою к Новугороду на Патрикиа на князя; и князь Патракии подъя Славно и смути Новъгород: и стаху славляне по князи, и поставиша вече на Ярославле дворе, а другое вече у святеи Софеи, обои в оружьи, аки на рать, и мост великыи переметаша; нь ублюде Бог и святая Софея от усобныя рати, но отъяша у князя те городы, а даша ему Русу и Ладогу"[16]. Надо полагать, что не упомянутые в связи с этим конфликтом пол-Копорья и Луское село по-прежнему оставались в руках Патрикия.

Наиболее значительным представляется мне показание 1386 г. в рассказе о походе на Новгород Дмитрия Донского: "И тогда поставиша новогородци острог, по спу хоромы, а князь Патрекеи Наримантович да князь Роман Юрьевич и с Копорскими князи бяше в городе"[17]. Логика говорит, что, по крайней мере в это время, Новгород знал две системы параллельно существующих кормлений — Патрикия Наримантовича (в Русе, Ладоге и половине Копорья) и Романа Юрьевича с копорскими князьями (в указанный момент — в Копорье, а также, возможно, в Ореховом и Корельском городках).

Между тем в 1388 г. "князь Лугвении Литовъскын, нареченыи в крещении Семен, приела послы своя в Новгород Великын, Овъгимонта и Братошу, хотя быти у них в Новегороде и сести на городкех, чем владел Наримонт", а в 1389 г. "приеха в Новъгород великы князь Семен Олгердович Лугвении на пригороды"[18]. Очевидно, что новым назначением кормленческих волостей восстановлена старая система "литовского" кормления: Наримант, а следовательно, и Лугвень-Семен владели Ладогой, Ореховым, Корельским городком, Корельской землей и половиной Копорья. Значит ли это, что одновременно была уничтожена и вторая система кормлений, числившаяся при Патрикии за князем Романом Юрьевичем "с Копорскими князьями"? Ответить на этот вопрос позволяет дальнейшая судьба кормленых князей.

Лугвень-Семен пользовался своей волостью до 1392 г. В 1390 г. "ходиша новогородцы со князем Семеном Олгердовичем на Псков ратью"[19]. В 1392 г. "приходиша Немцы разбоем в Новгородцкиа власти, и видоша в Неву и взяша власти и села по обе стороны реки за три версты до городка Орешка. И князь Семен, собрався з городчяны, погна велед

их, иных изби, а иных приведе во град, а инии утекоша. И поиде князь Семен в Литву, а град остави"[20]. В соединении с предыдущими известиями очевидно, что резиденция литовской кормленческой волости находилась в Ореховом.

После ухода Лугвеня, в 1393 г. "приха князь Костянтин Белозерьскыи в Новъгород, и прияша его"[21]. Казалось бы, князь Константин приглашен на место Лугвеня и его появление в Новгороде знаменует разрыв с Литвой. Но это вовсе не так. В том же 1393 г. "новгородци, охвочая рать, выехаша на княжи волости воевать, а с ними два князя, Роман Литовьскыи, Костянтин Ивановичь Белозерскыи, и воеводы новгородцкии, Тимофеи посадник Юрьевич, Юрьи Онцифорович, Василеи Синиц, Тимофеи Иванович, Иван Олександрович, и взяша Кличен городок и Устюжно, из Заволочья повоеваху с двиняны, взяша Устюг городок и пожгоша"[22]. В 1394 г. "ходиша новгородци с своими князи, с князем Романом и с князем Костянтином, к Пскову ратью"[23]. Никоновская летопись в том же сообщении называет князя Романа "Литовским"[24].

Таким образом, система "литовского" кормления существует и после 1393 г., а в цитированных летописных рассказах фигурируют одновременно два служилых князя: Константин Иванович Белозерский и Роман Литовский. Если во втором из них очевиден преемник Лугвеня, то в первом логично угадывать преемника Романа Юрьевича.

Все составители указателей к русским летописям отождествляют Романа Литовского с Романом Юрьевичем, для чего не только нет оснований, но существуют прямые свидетельства того, что это разные лица. Среди потомков Гедимина нет Романа Юрьевича. Единственный среди них Роман в хронологических рамках XIV в. — князь Роман Федорович, внук Ольгерда. В 1387 г. его имя фигурирует на поручной записи за князя Олехна Дмитриевича. В 1394 г. для него был выдан доспех из королевского скарба. В 1404 г. он получил грамоту на владение городом Кобрином и стал родоначальником князей Кобринских. Последнее известие о нем относится к 1411-1417 гг., когда он был при королевском дворе[25]. Что же касается князя Романа Юрьевича, то он еще в 1398 г. был убит на Шелони и погребен в Порхове[26].

О примерном местонахождении резиденции преемника Романа Юрьевича на кормлении — князя Константина Ивановича Белозерского возможно судить на основании данных о его деятельности по защите новгородских рубежей. В 1395 г. "приходиша Немци Свея к новому городку к Яме, и поиха прочь, и князь Костянтин с городцаны иных изби, а инии убежаша"[27]. В 1396 г. "пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескыи и Кюлоласкыи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелою гнася по них и язык изима и приела в Новъгород"[28]. Построенная в 1384 г. каменная крепость Ям находится рядом с Копорьем, а оба города — вблизи Карельского перешейка, с которым связаны события 1396 г.

Существование двух систем кормлений продолжается и после 1396 г. В 1397 г. "приха князь Василии Ивановичь Смоленьскыи в Новъгород,

и прияша его". В том же году "приха князь Патрикии Наримантович Новъгород, и прияша и"[29]. Речь здесь идет об одновременном приглашении; если бы Патрикий сменил Василия Ивановича, об этом было бы сказано иначе. Замечу, что для составителя Московского летописного свода конца XV в. в факте одновременного приглашения в Новгород двух служилых князей не было ничего необычного, поскольку он оба известия объединяет: "князь Василеи Иванович Смоленьски и князь Патрекеи Наримантовичь приехаша в Новъгород и прияша их новогородци"[30].

Временная ликвидация параллельных кормлений относится к 1404 г. и связана с приглашением в Новгород смоленского князя Юрия Святославича. Юрий находился в Москве в поисках защиты у великого князя от намерений Витовта захватить Смоленск, когда узнал о падении Смоленска в результате измены. "И то слышав князь Юрьи Святославич Смоленьскыи, что град его взят быть и все его великое княжение, и великаа его княгини отведена в полон в Литву, и князи и бояре, любящии его, выведены быша в полон в Литву, а инии разсточени, а иных смертною казнию казниша, и возкорбе великою печалию в горести душа, поиде от Москвы в Великыи Новъгород с сыном своим с Феодором и с князем Семеном Мстиславичем Вяземъским и з братом своим с князем Володимером Святославичем. Новогородцы же приаша его в честь и даша ему 10 городов: Русу, Ладогу, Орешек, Тиверьскии, Корельскии, Копорью, Тръжек, Волок Ламскии, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городець. И целова крест князь Юрьи Святославич ко всему Новугороду и в живот и в смерть, которыи врази поидут на Новъгород ратью, боронитися от них князю Юрью с новогородцы с одного, а посадник новгородцкии Александр Фомич да тысяцкии Кирило Дмитреевичь целоваша крест ко князю Юрью Святославичю за весь Великии Новъгород"[31]. Юрий оставался новгородским служилым князем только два года. В 1406 г. "тои осени отьиха из Новагорода князь Юрьи на Москву"[32].

В 1407 г. система параллельных кормлений, по-видимому, была возрождена. Об этом можно судить по сообщению Новгородской 4 летописи: "В лето 6915. Прияша новгородци князя Данила и брата его Юрья и даша им Порхов. Того же лета приха в Новгород князь Семеон Олгордович, и даша ему новгородци городы, которыи прежде сего были за ним"[33]. Князь *Даниил в 1408 г. возвратился в Псков*[34]. Однако в следующие годы рядом с Семеном-Лугвенем в качестве служилого князя оказывается сын Юрия Святославича Федор. Когда 2 января 1412 г. король Ягайло, Витовт и Лугвень "въскинуша грамоты възметныи к Новугороду" после того как "Лугвень съеха в Литву и намеетьникы сведе с пригородов новгородчкых", то в числе литовских претензий к Новгороду было и то, что "над то над вее нашего ворога Юрьева Святославича сына Федора приняле сесте". А Лутвень тако рече: "Держале мя сесте хлебокоръмлением у себе, ино ноныа братьи моеи стареишеи, королю и Витовту, не любо, и мне не любо, занеже семь с ниме один человек; а с мене челование долов". И князь Федор рече новгородцом: "о мне с Витовтом нелюбья не держите"; отьиха в Немце"[35]

Замечу, что незадолго до этого демарша Новгород предпринял безуспешную попытку вернуть Лугвеня на кормление[36].

Резиденция Лугвеня была, по-видимому, в Копорье: в 1411 г. "родися князю Лугвеню сын на Копорьи, а во крещеньи наречен Феодор"[37].

О судьбе кормленческих волостей после ухода Лугвеня ничего не известно вплоть до 1420 г., когда после разрыва с Василием Дмитриевичем в Новгороде укрылся его брат Константин, которого "приняша новгородци в честь месяца февраля в 25, на сбор великыи, и подаваша ему пригороды, кои быле за Лугвенем, и бор по всеи волости новгородчкои, коробеищину". Помирившись с великим князем, Константин Дмитриевич выехал из Новгорода в 1421 г.[38]

И снова судьба кормлений остается неосвещенной до 1432 г., когда "тои осени приихa в Новъгород князь Юрьи Семенович с своею княгинею из Литовскои земли"[39]. Ко времени Юрия Семеновича-Лугвеньевича относится важное свидетельство его положения в Новгороде — надпись 1435 г. на серебряном панагиаре: "...створена быть понагиа сиа повеленьем преосвященного архиепископа Великого Новагорода владыци Еуфимиа при великом князе Василье Васильевиче всея Руси, при князе Юрье Лугвеньевиче, при посаднике Великого Новагорода Борисе Юрьевиче, при тысяцком Дмитрее Васильевиче"[40]. В надписи назван только один служилый князь, а не два, как можно было бы ожидать в том случае, если система параллельных кормлений сохранялась и в это время.

На какой-то срок Юрий Семенович уезжал из Новгорода, поскольку под 1438 г. снова сообщается о его приезде: "В весну приихa в Новъгород князь Юрьи Семенович, марта в 3"[41]. В 1440 г. новгородцы расстаются с ним: "князь Юрьи Семенович из Новагорода Великого выеха в Литву, и князь великыи Казимир дал ему отчину"[42]. Спустя четыре года, в 1444 г. на кормление в Новгород приглашен литовский князь Иван Владимирович: "семтября 14 приехал князь Иван Володимерович в Новъгород на пригороды, на которых был Лугвень и сын его Юрьи, по новгородскому прошению; а князь Юрьи Лугвеньевич поеха к Немцем, а Немцы ему путь не даша, и он отъеха на Москву"[43].

Не исключено, что в этот период существовало и второе кормление, коль скоро под 1445 г. рассказывается, что когда новгородцы под руководством князя Ивана Владимировича воевали с немцами, "а в то время в городе в Ямѣ был князь Василеи Юрьевич Суздальскых князеи".

В 1445 г. снова "приеха в Новъгород с Москвы князь Юрьи Лугвеньевич, и новгородци даша ему кормъление, по волости хлеб, а пригородов не даша; а князь Иван отъеха в Литву"[44]. История кормленческой волости на этом, по-видимому, не заканчивается, хотя более поздние служилые князья Александр Васильевич Черторыйский (1447-1455 гг.), Василий Васильевич Шуйский-Гребенка (1455-1478 гг.) и эфемерный Михаил Олелькович (1471 г.) упоминаются вне связи с пригородами.

Исключение относится к 1458 г.: "месяца ноября в 1 день приеха из Литвы от короля Казимира королевичь в Великый Новъгород, и новго-

родци прияша его в честь; а с ним приехал посол короля Казимира пан Ондрюшко Исаковичь, и новгородъци добре почтивше и одаривше его, чистно отпустивше его в Литву к королю; а князю Юрью Семеновича даша ему пригороды новгородчкыи: Русу, Ладогу, Орешек, Корельскыи, Яму, пол-Копорьи". Кормление продолжалось меньше года: "месяца августа князь Юрьи Семеновичь Литовьскый восхоте поехати в свою землю, и с своею княгинею и с своими бояры, и архиепископ владыка Иона и весь Великый Новъгород честь ему въздаша добре, и одариша его, и отпустиша въсвояси".

В 1464 г. "прияша новгородци князя Ивана Ивановича Белозерьскаго"[45].

Рассматривая изложенные здесь материалы, мы имеем возможность констатировать стремление к поддержанию двух параллельных систем, прослеживаемое по летописным текстам впервые в период с 1384 до 1397 г. Одна система связана с Литвой, откуда происходят сменяющие один другого князья Патрикий Наримантович, Семен-Лугвень Ольгердович, Роман Федорович. Представителем другой системы является князь Роман Юрьевич, а после него князь Константин Иванович Белозерский. Если литовские князья тяготеют к Ладоге, Корельскому городку и Орешку, а также получают половину Копорья, то Роман Юрьевич и Константин Белозерский также связаны с северо-западом: Ямом, Порховом и тем же Копорьем.

Личность Константина Ивановича Белозерского уже привлекала внимание исследователей. Он идентифицируется с сыном погибшего на Куликовом поле Ивана Федоровича, бывшего сыном погибшего тогда же белозерского князя Федора Романовича[46]. Однако единственный русский князь конца XIV в., носивший имя Роман Юрьевич, — троюродный брат Константина, внук Василия Романовича Белозерского[47]. Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с тем же родом белозерских князей.

Пребывание белозерских князей на новгородской службе во времена Дмитрия Донского представляется более чем закономерным. Во второй духовной Дмитрия Ивановича (1389 г.) Белоозеро называется куплей Ивана Калиты: "А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белымозером со всеми волостьми"[48]. В духовных Ивана Калиты, Семена Гордого и Ивана Красного Белоозеро как московская вотчина не упомянуто. Однако несколько белозерских волостей достались Дмитрию Донскому от княгини Федосьи — дочери Ивана Калиты; по завещанию Дмитрия они остаются в распоряжении Федосьи до ее смерти, а затем должны перейти к княгине Дмитрия[49]. Что касается завещанных Андрею Дмитриевичу частей белозерской отчины, то в летописи они обозначены так: "третьему сыну своему князю Андрею дасть город Можаеск, а на Белеозере два города с всеми пошлинами, а неколи быть Белозерское княжение великие"[50]. Поскольку значительные части Белозерья и после Дмитрия Донского оставались во владении младших линий князей белозерского дома — Сугорских, Кемских, Шелешпанских, Ухтом-

ских и др., история первоначальных вторжений Москвы в белозерскую отчину представляется следующим образом.

По-видимому, первым этапом внедрения Москвы на Белоозеро была уже упомянутая купля Ивана Калиты, которая могла быть совершена только у Романа Михайловича Белозерского, родившегося до 1293 г. (его отец умер в 1293 г.) и упоминаемого в 1339 г. Брат Романа Федор Михайлович, бывший его предшественником на белозерском столе, в последний раз упомянут летописью под 1314 г., т.е. задолго до вокняжения в Москве Ивана Калиты. Этой куплей суверенные права белозерских князей не были ликвидированы. В 1339 г. Роман Михайлович ходил в Орду, т.е. был самостоятельным князем. В 1375 г. его сын Федор Белозерский во главе своего войска участвует в походе на Тверь. В 1380 г. он вместе с сыном Иваном погибает на Куликовом поле.

У Романа Михайловича было два сына — Федор Белозерский и Василий Сугорский. От последнего берут начало все линии князей мелких уделов Белоозера, сохраняющих свой суверенитет и в XV в. Следовательно, у Федора Романовича Белозерского также была реальная отчина, бывшая основой его суверенитета. Такой отчиной, за вычетом владений Василия Сугорского и купли Ивана Калиты, оказывается территория, отданная в дальнейшем Дмитрию Донскому княгиней Федосьей. Весьма убедительными кажутся предетавленные А.И.Копаневым аргументы в пользу того, что Федор Романович был женат на дочери Ивана Калиты Федосье, которая, следовательно, владела белозерской отчиной, унаследовав ее от мужа (и сына) в 1380 г.[51] С передачей этой отчины Дмитрию самостоятельность собственно белозерских князей ликвидируется, хотя у Федора Романовича был не только сын Иван, погибший вместе с ним в 1380 г., но и внук — уже известный нам Константин Иванович, о деятельности которого летопись знает и под 1408 г. Родословные книги прерывают эту линию рода белозерских князей на Иване Федоровиче, полагая, что "от того род не пошел", и вступая, таким образом, в противоречие с летописью[52].

Коль скоро старшая линия князей белозерских в 1380 г. теряет самостоятельность и делается безземельной, вполне закономерным оказывается и то, что после 1380 г. князья белозерские старшей линии обнаруживаются в качестве кондотьеров в Новгороде. Замечу также, что пока Константин Иванович Белозерский был ребенком, права старшинства в роду были усвоены старшим сыном Василия Романовича Сугорского Юрием и детьми Юрия — Давыдом, Романом и Андреем, последними князьями титуловавшимися Белозерскими. От них пошли уже Белосельские, Андожские и Вадбольские князья[53].

Как уже выяснено выше, Роман Юрьевич Белозерский был кормленым новгородским князем в 1386 г. и был связан с Копорьем. Константин Иванович Белозерский был на новгородском кормлении в 1393-1396 гг. и тоже связан с Водской землей. Не им ли принадлежала та половина Копорья,

на которую не распространялась власть литовских служилых князей? И в они ли титулуются в Новгороде князьями копорскими? Обращает на се внимание то обстоятельство, что имена обоих копорских князей, сох ненные летописью, могут быть поставлены в прямую связь с белозерски князьями старших линий. В 1394 г. погиб князь Иван Копорский: "Того лета ходиша новгородци ко Пьскову ратью и стояша под городом неделю в то время учинися бои в заизди новгородцам с пьсковици, и убиша ту кня Ивана Копореискаго и Василья Федоровича, а иных паде с обе стороне Б весть"[54], но, согласно показаниям родословных книг, у Романа Юрьевич Белозерского имелся сын по имени Иван[55]. Копорского князя, ставш новгородским тысяцким, звали Олисеем Костянтиновичем[56]. Не был ли сыном Константина Ивановича Белозерского?

Если изложенные наблюдения правильны, ликвидация кормленческ прав белозерских князей в Новгороде должна была случиться в 1397 г когда параллельное с литовским кормление было отдано в руки смоле ского князя Василия Ивановича. С тех пор оно на сравнительно долг срок остается за смоленскими князьями, в частности, с 1404 по 1406 г. Юрием Святославичем. Подозреваю, что и получившие Порхов в 1407 братья Даниил и Юрий Александровичи принадлежали к смоленск ветви князей, хотя Даниила Александровича указатели к летописи считак почему-то ростовским князем. В Родословной книге этих князей не однако Порховских князей как особый род она считает смоленскими п своему происхождению[57]. Следует отметить, что среди этих Порховск князей второй четверти XV в. имеется и Юрий, убитый под Суздалем[58] идентифицируемый с Юрием Александровичем.

Нуждается в обсуждении еще один сложный вопрос. Если белозерск князья получили свою половину Копорья только после 1380 г., кому принад лежала она в более раннее время? Ведь еще в 1333 г. Нариманту достает только пол-Копорья. Значит, другая половина, отданная после 1380 г белозерским князьям, тогда уже была занята. Разумеется, эта половина мог быть закреплена и за высшими государственными институтами Новгород Однако имеется возможность высказать иное предположение.

В 1970 г. на Городище под Новгородом была найдена свинцовая печат с изображением на одной стороне св.Георгия на коне и надписью н обороте: "Печать Романова Михаиловича". С тех пор на Городище обна ружены еще две такие же буллы, а еще одна – в Старой Ладоге[59]. Печат относятся к первой четверти XIV в., изображение св.Георгия датирует и временем великого и новгородского княжения Юрия Даниловича (1318-1322 гг.), а сочетание с этим изображением имени владельца печати говорит о том, что Роман Михайлович был важным лицом в системе княжеской администрации Новгорода. Несомненная принадлежност этих булл Роману Михайловичу Белозерскому позволяет утверждать, что он еще при Юрии Даниловиче был связан службой с Новгородом. Межд

тем рассматриваемые находки помогают установить атрибуцию еще одной загадочной печати того же времени.

Имеется в виду булла с изображением на одной стороне св.Георгия на коне, а на обороте несущая надпись "Печать княжя Васильева"[60]. Ее однотипность с печатями Романа Михайловича заставляет вспомнить, что у Романа Белозерского был сын Василий Сугорский, старшие внуки которого, как уже отмечалось, усвоили титул белозерских и были связаны с Новгородом в конце XIV в. Если эти атрибуции правомочны, то мы можем отметить традиционность службы белозерских князей Новгороду, их связь с Новгородом еще до вокняжения Ивана Калиты. На наличие такой традиционной связи указывает и новгородское кормление в Пскове Федора Михайловича на рубеже XIII—XIV вв. После белозерской купли Ивана Калиты эта связь должна была еще более укрепиться. Но в таком случае не стала ли половина Копорья резиденцией служилых белозерских князей еще в первой половине XIV в.? Тогда и титул князей Копорских приобретает большую четкость.

Вместе с тем очевидна политическая целесообразность продемонстрированной выше системы параллельных кормлений. Принимая литовских князей к себе на службу, Новгород организует контроль над их деятельностью службой на тех же северо-западных рубежах кормленых князей белозерского, а затем смоленского дома.

◆

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с.18-19, № 8. Обоснование даты документа см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XIV вв. Хронологический комментарий. М., 1991, с.152-155.
2. *Янин В.Л.* "Болотовский" договор. О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV веках // Отечественная история, 1992, № 6, с.7-8.
3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (при дальнейших ссылках — НПЛ), с.330-331
4. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т.2. СПб., 1891, с. 161.
5. НПЛ, с.345-346.
6. Там же, с.349.
7. ПСРЛ, т.10. СПб., 1885, с.220.
8. *Костомаров Н.И.* Северо-русские народоправства, т.1. СПб., 1868, с.132.
9. *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961, с.122.
10. НПЛ, с.323.
11. Там же, с.324.
12. Там же, с.328.
13. Там же, с.356, 362.
14. Там же, с.375. Русские родословные книги знают у Нариманта только двух сыновей — Патракия и Семиона (Временник ОИДР, кн.10. М., 1851, с.80, 136). Однако в литовских источниках известен князь Юрий Наримонтович Бельский, выступавший как сторонник Витовта с 1392 г. Его сын Иван Юрьевич погиб на Ворскле в 1399 г. (*Wolff J.* Kniaziowie litewsko-rusky od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895, s.1).
15. НПЛ, с.379.
16. Там же.
17. ПСРЛ, т.25. М.; Л., 1949, с.212; ср.: ПСРЛ, т.4. Изд.2, ч.1, вып.2. Л., 1925, с.345; т.26. Л., 1959, с.154; т.27. М.; Л., 1962, с.82.
18. ПСРЛ, т.25, с.214, 218. Ср. сообщение Никоновской летописи под 1389 г.: "приде в Новъгород князь Семен Лугвень Олгердовичь, внук Гедиманов, на Успение пречистыа

Богородицы, и приаша его новогородцы в честь, и сяде на тех же градех, иже были к Нариманту Гедимановичем, месяца августа" (ПСРЛ, т. 11. СПб., 1897, с.95).

19. ПСРЛ, т.11, с.123.
20. Там же, с.148.
21. НПЛ, с.386.
22. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.2, с.373-374.
23. Там же, с.374.
24. ПСРЛ, т.11, с.156.
25. *Wolff J.* Op. cit., s.162. В 1366 г. Кобрин принадлежал Ольгерду, затем, по-видимому, перешел к его сыну Федору, бывшему на Червоной Руси в 1387-1394 гг.; у последнего было три сына: Юрка, Сангушка и Роман.
26. ПСРЛ, т.4. СПб., 1848, с.103, 143; т.5. СПб., 1851, с.251; т.6. СПб., 1853, с.130; т.8. СПб 1859, с.72.
27. НПЛ, с.387.
28. Там же.
29. Там же, с.389.
30. ПСРЛ, т.25, с.227; ср. ПСРЛ, т.11, с.168
31. ПСРЛ, т.11, с.190; ср. ПСРЛ, т.25, с.232.
32. НПЛ, с.399.
33. ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.2, с.404.
34. Псковские летописи, вып.2. М.; Л., 1955, с.34.
35. НПЛ, с.403-404.
36. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с.90-91, № 52.
37. ПСРЛ, т.5, с.258.
38. НПЛ, с.412-413.
39. Там же, с.416
40. *Орлов А.С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952, с.131, № 21. *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // Свод археологических источников, вып.Е1-49. М., 1971, с.39-41, № 1
41. НПЛ, с.419.
42. Там же, с.420
43. Там же, с.423.
44. Там же, с.424.
45. ПСРЛ, т.16. СПб., 1889, стб.198, 200, 218.
46. *Экземплярский А.В.* Указ. соч., с.166-167. В Никоновской летописи Константин Белозерский ошибочно назван Васильевичем (ПСРЛ, т.11, с.154-157, 163).
47. *Экземплярский А.В.* Указ. соч., с.165.
48. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с.34, № 12.
49. Там же, с.35.
50. ПСРЛ, т.27, с.257, 335.
51. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951, с.21-37.
52. *Экземплярский А.В.* Указ. соч., с.152-173; генеалогическая таблица белозерских князей.
53. Там же.
54. НПЛ, с.386.
55. Временник ОИДР, кн.10, с.41.
56. НПЛ, с.473; ПСРЛ, т.4. Изд.2-е, ч.1, вып.3. Л., 1929, с. 626; т.23. СПб., 1910, с.165. По 1435 г. Псковская I летопись упоминает несомненного сына Олисея Костянтиновича – Антина: "Приехаша послы из Новагорода Антин Олексеев сын копорского князя от владыцы Великого Новагорода и Пскова Еуфимия и от всего Великого Новагорода" (Псковские летописи, вып.1. М.; Л., 1941, с.43.
57. Временник ОИДР, кн.10, с.41.
58. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с.372-373.
59. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование) М., 1981, с.227; *Сотникова М.И.* Новые сфрагистические материалы XI—XV вв. в собрании Эрмитажа // Нумизматика в Эрмитаже. Сборник научных трудов. Л., 1987, с.167-168. Употребление вислых свинцовых печатей новгородскими служилыми князьями подтверж-

лается найденным в 1969 г. на Городище обломком буллы, на одной стороне которой имеется поясное изображение св.Василия Кесарийского в окружении двустрочной надписи "[Печа]те великого [князя Василия] Дмитриеви[ча]...", а на обороте шестистрочная надпись "Печ[ать] Кост[янти]на Ива[новича] и Ва[силья Д]мит[рие]вич[а]" (*Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси, т.2. М., 1970, с.236-237, 240, № 447а). Несомненна принадлежность этой буллы конорскому князю Константину Ивановичу Белозерскому, современнику великого и новгородского князя Василия Дмитриевича (1389-1425 гг.) По существу в основе этого сфрагистического типа лежит тот же принцип, что и в основе буллы Романа Михайловича — сочетание "великокняжеской" и "кормленческой" сторон.

60. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина, с.227.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предложенных читателю очерках рассмотрен ряд самостоятельных и, казалось бы, порой далеко друг от друга отстоящих исследовательских сюжетов. Однако в конечном счете выводы из их рассмотрения являются слагаемыми единой концепции, направленной к объяснению сложной системы взаимодействия двух крупнейших государств Восточной Европы XIV—XV вв. Новгорода и Литвы в зоне их порубежного соприкосновения. Главные результаты этого исследования могут быть сведены к следующим положениям.

1. В начале второй четверти XII в. сын Владимира Мономаха Мстислав, "вскормленный" новгородцами для себя, но отозванный отцом в 1117 г. на юг, намеревается сделать Новгород, в котором он оставил княжить своего сына Всеволода, наследственным княжеством для своих потомков. Поскольку одной из конституционных основ Новгородского государства был запрет князю владеть землями на его территории, Мстислав передачей массива земель из состава Смоленского княжества Всеволоду создает для него домен, в котором тот, естественно, является полновластным распорядителем.

В состав этого домена входит ряд волостей, образующих пограничный пояс (на юге будущей Деревской пятины Новгорода). Юридические права на доходы с этих волостей, как это очевидно, имеют лишь потомки Мстислава Владимировича. Когда они княжат в Новгороде, эти доходы (черная куна) используются для содержания новгородского княжеского двора. Когда же на новгородском княжеском столе оказываются представители других княжеских линий, получателем черной куны становится Смоленск, а после выделения Торопецко-Ржевского удела — князья этого удела (*Мстислав Ростиславич Храбрый и его потомки*). Узурпация доменикальных доходов сидевшим на новгородском столе сыном Юрия Долгорукого порождает, в частности, претензии Смоленска к Юрию, исчерпанные *после многолетнего конфликта*.

2. На протяжении середины XIII — первой трети XIV вв. северные районы Смоленского княжества (Торопец и Ржева Володимерова) в результате литовской агрессии против Смоленска и Новгорода оказываются в руках Литвы. После успешных военных действий Новгорода, в 1326 г. был заключен общий мир между Новгородом, Орденом, Смоленском, Полоцком и великим княжеством Литовским, главным и долговременным достижением которого стало создание принципиальной системы пограничных взаимоотношений Литвы и Новгорода: Литва приняла на себя обязательство строго соблюдать суверенитет Новгорода на всей территории его владений в обмен на уплату ей черной куны с пограничных новгородских волостей. На линии бывшей новгородско-смоленской границы она, овладев Торопцем и Ржевом, унаследовала этот порядок от предшествующих времен, а на линии новгородско-полоцкой границы распространила тот же принцип на новгородские порубежные земли Великих Лук и Ржевы.

3. В ближайшие после этой акции годы система военного и политического сотрудничества Новгорода и Литвы расширяется созданием кормлений, предоставляемых в новгородских пригородах литовским служилым князьям, задачей которых становится организация отпора немецкой и шведской агрессии на северо-западных рубежах Новгородской земли. Однако литовская служба Новгороду посредством поддержания параллельной русской кормленческой службы поставлена под активный контроль вечевых властей.

4. Система новгородско-литовского сотрудничества переживала периоды конфликтных отношений, но в основном исправно работала, порождая сильнейшее противодействие со стороны Москвы, которая в конечном счете использовала пролитовские настроения Новгорода для ликвидации его независимости. Но эта тема выходит *за пределы настоящего исследования*.

Л.А.Бассалыго,
В.Л.Янин

◆

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР НОВГОРОДСКО-ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЫ

© Бассалыго Л.А., Янин В.Л., 1997 г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1853 г. был опубликован труд К.А.Неволина "О пятинах и погостах новгородских в XVI веке", и сегодня остающийся главным источником представлений об объеме и границах Новгородской земли в той ее части, которая по присоединении Новгорода к Москве была организована в пятины. Коль скоро предметом нынешнего рассмотрения является южная граница новгородских владений, следует заметить, что в книге К.А.Неволина она проложена по южному рубежу Бежецкой и Деревской пятин, будучи призвана отразить ситуацию не только XVI в., но и времен независимости, но это не касается южной границы Шелонской пятины. Во времена независимости Новгорода южнее этого рубежа располагались принадлежавшие Новгороду Пусторжевская и Великолукская земли, которые сразу же по присоединении перешли в прямое административное подчинение Москве и поэтому не описывались в писцовых материалах конца XV – начала XVI в., а, следовательно, оказались вне круга внимания К.А.Неволина.

Сам он отнюдь не считал результаты своей работы окончательными. В предисловии к своему классическому исследованию он писал: "Мои настоящие исследования представляют только первый период работ, которые должны быть предприняты по географии Новгородских пятин и погостов, – самый общий очерк этой области, очертание самого существенного. За этим периодом должен наступить другой – период точнейшего определения подробностей. Здесь внимание исследователя должно обратиться как вообще к различным селениям и достопримечательностям историко-географическим, так в особенности к точному и самому подробному определению границ каждого погоста"[1].

Спустя шестьдесят лет, публикуя свое блестящее описание Шелонской пятины[2], А.М.Андрияшев заметил: со времен К.А.Неволина "наши географические сведения о старой Новгородской земле, ее пятинах и погостах все еще исчерпываются тем кратким и сжатым очерком, который дал Неволин. Историко-географические вопросы вообще редко останавливали на себе внимание исследователей нашей северно-русской старины. На первом плане стояло изучение истории, экономического быта народа и памятников монументальной, преимущественно церковной археологии, богатейшие же историко-географические материалы Новгородских писцовых книг оставались в стороне и почти совершенно незатронутыми"[3].

Подвиг А.М.Андрияшева не был повторен, и до сих пор не существует адекватного Шелонской историко-географического исследования остальных четырех новгородских пятин. В общих трудах по истории используется старая неволинская схема, далеко не совершенная в деталях. Она постоянно воспроизводится на исторических картах в научных монографиях, учебниках и справочных изданиях. Отдельные попытки детализировать эту

схему только ухудшали ее. В 1940 г. была опубликована беспрецедентная по источниковедческой бесцеремонности статья С.А.Тараканової, дающая пример такого ухудшения. К.А.Неволин ошибся в локализации самой южной волости Новгородской земли — Буйца. Он поместил ее без какой-либо аргументации много севернее (примерно в 25 км) ее настоящего местоположения. С.А.Тараканова канонизовала эту ошибку: "В настоящее время в верховьях Полы на берегу небольшого озера существует селение Буец"[4]. Отсутствие ссылки и сама неконкретность локализации свидетельствуют не об обращении к карте, которая в этом районе не знает указанного селения, а о заимствовании недостоверного сведения у К.А.Неволина. Далее С.А.Тараканова пишет: "Южнее Буйца... на берегу озера Лопасня находилось владельческое поселение-погост Лопасня, принадлежащее новгородскому Аркажскому монастырю... Археологическими исследованиями установлено, что на месте прежнего погоста Лопасня сохранились остатки городища. Название "погост Лопасня" удержалось за ними и до настоящего времени (Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ., Тверь, 1903, с.22)"[5]. Никакого погоста Лопасня в Новгородской земле не существовало; речь здесь идет о погосте Лопастицы, название которого отнюдь не сохранилось до нашего времени, что явствует как раз из цитированного места книги В.А.Плетнева; что же касается *археологических исследований, то их в Лопастицах не велось*[6].

Примеры можно было бы множить. Однако важнее указать, что вся южная граница Деревской пятины проложена К.А.Неволиным неверно. В состав Новгородской земли никогда не входили Осташковский и Весецкий плесы оз.Селигер, а также оз.Вселут. Не была новгородской и территория "Клина" (между Холмским погостом, с одной стороны, и Лопастицами и Буйцом — с другой), включенная К.А.Неволиным в Деревскую пятину. Эта неверная граница повторена не только в статье С.А.Тараканової, но и в новейшем коллективном исследовании аграрной истории средневекового Северо-Запада России[7].

Цели сбора предлагаемых вниманию читателя историко-географических материалов не так масштабны, как намечал для дальнейшего изучения проблемы К.А.Неволин и как их реализовал для Шелонской пятины А.М.Андрияшев. Нас интересуют прежде всего границы тех волостей и погостов, которые входили в исторические территории "Чернокунства" и как производное граница Новгородской земли с Полоцким и Смоленским княжествами. Прокладка этого южного рубежа Новгорода ведется с помощью материалов не только Новгорода, но и сопредельных с ним земель. До сих пор из этих сопредельных земель на карту была положена только территория Ржевского княжества (Ржевы Владимировой), но без сопоставления результатов с материалами соседствующих с Ржевским княжеством собственно новгородских погостов и Новоторжской земли[8].

Давней историографической традицией стало включение Псковской земли в состав новгородской территории; как правило, на исторических картах не обозначается граница между ними. Между тем на протяжении

длительного времени начиная с 1136 г. Псков (за исключением кратковременного периода в начале XIV в.) был самостоятельным государством, подчиняясь Новгороду лишь по церковно-административной линии как часть единого диоцеза[7]. Коль скоро в число стоящих перед нами задач входит и определение границы между Псковской и новгородской Пусторжевской землями, возникла необходимость дать историко-географическое описание Псковской земли во всем ее объеме. Сопоставления материалов Пскова и Шелонской пятины здесь не приводится, коль скоро существует исчерпывающий труд А.М.Андрияшева.

Объем пограничных волостей и погостов Новгородской земли установлен по материалам писцовых книг Деревской и Бежецкой пятин, что не потребовало специального комментария, поскольку эти материалы вполне представительны для решения поставленных перед исследованием задач.

1. Записки Русского географического общества, т.8. СПб., 1853, с.VII.
2. *Андрияшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. I. Списки селений; II. Карты погостов. М., 1914.
3. Там же, I, с.III.
4. *Тараканова С.А.* Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // Труды Государственного исторического музея. Вып.XI: Сборник статей по археологии СССР. М., 1940, с.167, карта-вклейка.
5. Там же.
6. Подробное обоснование истинного положения волости Буины см.: *Носов Е.Н.* Новгородская волость Буины (историко-археологический комментарий) // Вспомогательные исторические дисциплины, вып.25. СПб., 1994, С. 41-56.
7. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. / Рук. авт. кол-ва А.Л.Шапиро. Л., 1971, карта-вкладка. На этой карте почему-то и город Великие Луки показан примыкающим к городу Торопцу, хотя в действительности их разделяет расстояние в 80 км.
8. *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР, 1984, № 6, с.149-161; *Он же.* Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник, 2(12). Л., 1984, с.165-176.
9. *Янин В.Л.* "Болотовский договор": о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XIV—XV веках // Отечественная история, 1992, № 6, с.3-14.

Псковские пригороды

Первый — совершенно фантастический — обзор псковских пригородов был сделан И.Д.Беляевым в 1867 г.[1] Исследователь насчитал в Псковской земле двадцать(!) пригородов: Опочка, Воронач, Дубок, Остров, Котельно, Володимерец, Врев, Кошкин городок, Вышгородок, Коложе, Красный городок, Заволочье, Ржев, Изборск, Велья, Новый городец, Лагозовицы, Гдов, Озолица, Кобылей. Из этого списка Ржев, Заволочье и Кошкин городок никакого отношения к псковской территории не имеют. Город Заволочье, построенный в 1536 г., был административным центром Пусторжевского уезда, куда были перенесены дворы из новгородской Пустой Ржевы[2]. Кошкин городок находился не "в углу, образуемом реками Великою и Черехою", как думал И.Д.Беляев, а близ верховьев р.Узы в Шелонской пятине Новгорода[3]. "Города" Лагозовицы никогда не существовало, летописи же сообщают о Лозоговическом (Логозовическом) поле за Камном, где в 1407 г. произошло сражение псковичей с немцами[4]. Не существовало и "города" Озолицы; это название принадлежит острову в Чудском озере, где псковичи косили сено и ловили рыбу, конфликтуя с немцами из-за угодий[5]. Новый Городец, якобы построенный, по И.Д.Беляеву, на урочище Желачко, в действительности — иное название Кобыльего, а урочище Желачко находится на острове Норка (Пирисар) в Чудском озере, где никогда не было города. К Псковской земле имеют отношение лишь остальные четырнадцать городов из списка И.Д.Беляева.

Совершенно непостижимы предпринятые И.Д.Беляевым локализации. Дубок (т.е. Дубков) помещен им на р.Великую между Вороначем и Островом, тогда как в действительности он находится, по меньшей мере, в 50 км восточнее. Место Котельна указано им "на север за Островом на реке же Великой", в действительности же этот город находился в восточной части Псковской земли. Ближайший сосед Котельна Володимерец перенесен И.Д.Беляевым "за Псковом на север почти при впадении реки Великой в Псковское озеро". О местонахождении Коложе он писал: "кажется, на реке Лже, тоже притоке Великой" (но Лжа впадает не в Великую, а в ее приток Утрою близ западных рубежей Псковской земли), тогда как город Коложе находился на юге, в районе Опочки. Пригород Велье помещен И.Д.Беляевым "несколько на север от Изборска", в действительности он находится между Островом и Опочкой[6].

Отмечая эти ошибки, мы должны процитировать общий вывод исследователя: "Впрочем, не было времени, когда бы все псковские пригороды были на лице в полном составе, а напротив, пограничные города, подвергаясь частым нападениям неприятелей, то разорялись и приходили в запустение, а на их место устроивались новые города, то опять возобновлялись старые; так что никогда Псков не имел более двенадцати пригородов в одно время; а при падении Пскова было только одиннадцать

пригородов и одно городище". В заключительной фразе этого пассажа И.Д.Беляев снова неточен — летопись под 1510 г. сообщает: "А пригородов 10 во Псковской земли и 2 городища: Кобылье и Вышегородище"[7].

Обстоятельной критике обзор И.Д.Беляева был подвергнут А.И.Никитским[8]. Его ошибкой, как увидим далее, является исключение из списка псковских пригородов города Дубкова, по мнению исследователя, позднейшего, подобно Заволочью. Главный же вывод А.И.Никитского сводится к следующему. Число псковских пригородов не было постоянным, оно постепенно увеличивалось, пока к 1467 г. не достигло двенадцати, что отмечено в летописном рассказе указанного года[9]. Поэтому "число 12 совсем не имело того мистического смысла, какой придает ему г.Беляев, утверждая, что, несмотря на падение одних и возникновение других пригородов, число их в течение всей псковской истории оставалось одним и тем же". Тем не менее, возражая на этот раз Е.А.Болховитинову, полагавшему, что в 1468 г. между псковскими концами были разделены двенадцать старых пригородов, а новые затем делились по жребию[10], А.И.Никитский с явной натяжкой писал: "В своем утверждении Евгений странным образом забывает, что в 1467 г. во Пскове было всего 12 пригородов, и старых и новых, и что это число не только до 1468 г., но и вплоть до падения Пскова не увеличилось ни на один пригород". Натяжка состоит в том, что основание псковского пригорода Вышгорода относится к 1476 г., но, по личному мнению А.И. Никитского, "весьма вероятно, что он существовал и раньше".

Таким образом, вопрос о количестве псковских пригородов и динамике их формирования остается непроясненным и требующим нового разбора. Следует заметить, что главным упущением исследователей этой проблемы *было пренебрежение важнейшим историко-географическим источником* интересующей нас эпохи — "Списком городов русских дальних и ближних", составление которого выше отнесено к 1375-1381 гг.

Согласно показаниям этого источника, к началу последней четверти XIV в. в Псковской земле, кроме самого Пскова, было девять городов: "Изборьско камен, Остров камен, Воронач, Велье, Котелно, Коложе, Врево, Дубков, Черница"[11]. Кроме Дубкова и Черницы, одни из этих городов упоминаются в летописных рассказах о событиях предшествующего времени: Изборск — с IX в.[12], что подтверждается археологическими исследованиями[13]; Остров — с 1341 г.[14]; Воронач — с 1350 г.[15]; Велье – с 1368 г.[16]. Другие фигурируют в сообщениях первой трети XV в.: Коложе и Котельно под 1406 г.[17]; Врев — под 1426 г.[18]

Первые коррективы к этому списку были внесены походом Витовта в 1406 г.: "Приниде поганый отступник правыя веры християнъския отметник Божии, сын дияволь, неверник правде, ни крестному целованию, князь литовъскии Витовт, и повоева Псковскую власть и город Коложе взял на миру и на крестном целовании, а миру не отказав, ни крестнова целования не отелав, ни мирных грамот, а грамоту разметную псковъскую посла к Новугороду, а сам акаянныи поиде на Псковскую землю, и шедши повоева месяца февраля в 5 день, на память святыя мученицы Агафии,

первое приниде на Коложскую землю, на Фарисеове недели в пятницу: овых изсече, овых поведе во свою землю, а всего полону взя 11 тысящь, мужеи и жен и малых детеи, опроче сеченых; а под городом Вороначем наметаша ратницы мертвых детеи две лодии; не бывала такова пакость яко же и Пъсков стал, а вся си быша за умножение грех наших"[19]. И хотя в ответ на литовское нападение псковичи повоевали Ржеву, "а на Великих Луках стяг коложскии взяша, и полона много приведоша", Коложе навсегда перестал быть городом: в 1414 г. "псковичи поставиша град Коложе на новом месте, на Опочке; а зделаша весь у две недели, в осень, по Покрове"[20]. Тогда же, по-видимому, перестал существовать как город и Черница, находившийся в той же "Коложской земле" (в 16 км к юго-западу от Коложе) и выполнявший в дальнейшем функции центра Черницкой губы Опочецкого уезда.

В 1428 г. прекратил существование город Котелно: "Тоя же зимы в великое говение, февраля 29, Котелно городке выгорел весь, а загорелося от церкви святого Николы"[21]. Спустя три года, в 1431 г. "князь Олександр Федоровичь и Юрьи посадник Тимофеевичь и вси посадники псковскии заложиша город новыи Выбор, тако наричаемыи, в Котелеском обрубе; а заложиша стену на Воздвижение честнаго креста"[22]. Имеется другой вариант того же известия: "Князь псковскии Александр и посадник Селивестр заложиша новыи городок на новом месте на реке над Ругодивом, в Залесьи, Выбор, и начаша делати на Воздвижение честнаго креста и до зимы зделаша"[23]. Котелно, перестав быть городом, превратился в центр Котелинской губы Выборского уезда.

В том же 1431 г. на берегу Чудского озера закладывается город Гдов: "на весну князь псковскыи Александр Ростовскыи и посадник Яким Павлович, и Феодосии Феофилович, и Стефан наяша 300 человек и заложиша город на береге на реке на Гдове, на 5 недели по Велике дни; а на гдовских земцах, в кого там отчина, взяша 300 рублеи в камену стену"[24]. "Городок Гдова" впервые упоминается под 1323 г.[25], однако отсутствие его в "Списке городов русских дальних и ближних" дает основание полагать, что еще в XIV в. он был полностью разорен.

Еще два города — Кобыла и Володимерец — основаны в 1462 г.: "Заложиша псковичи Новеи городеч на обидном месте, над Великим озером, при князи псковском Володимери Ондреевиче и при посаднике степенном Макеиме Ларивоновиче; того же лета и свершиша его, и церковь поставиша в неи святого архангела Михаила и освящаша. А делаше его мастери псковскии и с волощаны, 60 человек псковскых мастеров, а взяше от него, тако же и от церкви, дела своего мзду у всего Пскова 60 рублев, а потом придаша 30 рублев... Того же лета и псковичи заложиша иныи городок нов на Володчине горе, и нарекоша и Володимереч. Того же лета и церковь поставиша святого Николы и освящаша"[26].

В 1464 г. "князь псковскеи Иван Олександровичь и посадник степенныи Олексеи Васильевичь заложиша град нов древян на Сини реки, и нарекоша и Краснеи городець"[27].

С этого момента число псковских пригородов достигло двенадцати: Изборск, Остров, Вороноч, Велье, Дубков, Опочка, Выбор, Гдов, Кобыла, Володимерец, Врев, Красный Городок. 29 апреля 1467 г. из Москвы от великого князя в Псков приехал князь Федор Юрьевич. Его интронизация сопровождалась актом, касающимся пригородов: "а посадники псковски и Псков ему на всих 12 пригородах дашя наместников держяти и судови судити его наместником, на которых ни буди и из веков княжии наместники не бывали; колко ни есть княжей бывало во Пскове на столу, а наместники княжии были толко на 7 пригородах псковских"[28]. Это сообщение побуждало исследователей к мысли о том, что в какой-то период существовало только семь псковских пригородов. Например, возможно относить такой предполагаемый период к промежутку от 1428 г., когда сгорел Котелно, до 1431 г., когда число пригородов пополнилось Выбором и Гдовом. А.И.Никитский искал это соответствие между 1406 и 1414 гг., когда были разорены Коложе и Черница, но еще не основана Опочка[29].

Между тем, по всей вероятности, речь здесь идет о двух системах управления пригородами – княжеской, внедрившейся в семь каких-то пригородов, и иной — назовем ее осторожно некняжеской. Действительно, источники неоднократно фиксируют существование в разных псковских пригородах не княжеского наместничества, а посадничества. Под 1341 г. летопись рассказывает: во время нашествия на Псковскую землю немцев и латгалов "приспеше островичи о Васильи о Онисимовичи, тогда опять ему посадничество во Острове, и ударища на них"[30]. В 1426 г., когда Витовт подошел ратью к Вороначу, то "вороначяни и посадники их Тимофеи и Ермола начаша вести слати ко Пскову"[31]. Известна надпись на иконе Спаса о том, что она была написана в 1428 г. повелением опочецких городских старост Семена Колосова и Федора Глины и всех опочан при посадниках опочецких Прокофии Макове, Тимофее Поткине и Зеновии в честь отражения штурма Витовта в 1426 г. и снятия осады в день Исаакия, Далмата и Фавита, изображенных на той же иконе[32]. Все эти посадники в дальнейшем посадничали в самом Пскове.

Наместничье управление всеми псковскими пригородами продолжалось не более года. Так, в 1468 г. "весне, при посадникех степенных при Тимофеи Власьевиче и при Стефане Гаховновича, весь Псков поделиша по два пригорода на вси концы, коему же концю к старым пригородом новыя жеребьем делили, а имал жеребей князь Василеи князя Федора Юрьевича сын с престола"[33]. Поскольку концов в Пскове было шесть, число пригородов определяется той же цифрой — 12. Позднее указанной даты имя, действительно, управляют не княжеские наместники, а посадники. В 1480 г. в рассказе о нападении немцев на Кобылу сообщается: "А Макарью посадника и иных мужь и жен, их же не мощно исчести, живых поимавше, с собою сведоша, немилостивно извязавше"[34]. В договоре Пскова с Ливонией 1509 г. упомянут посадник Гдова[35].

Актом 1468 г. основание новых городов в Псковской земле не прекращается. В 1476 г., "тоя же зимы приехавши слобожяни из Кокшинскои

волости, учали бити челом князю Ярославу и посадником псковским и всему Пскову, чтобы их жаловали и ослобонили им на Городни у речке у Лоде поставити город; и Псков на вече ослобонил, и грамоту дал, чтобы им симы часы запасе всякеи запасая, на том месте класти, где быти городу; а дана грамота месяца марта в 10 день, в неделю... Того же лета послаша псковичи посадника пьсковского Олексея Васильевича и другага посадника Моисея Федоровича и бояр своих изо всех концов окладати города Городча у речке у Лоде, у Кокшинекои волости; и обложиша его месяца июня в 20 день, на память святого пророка Илии"[36]. Речь идет о Вышгороде: "Того же лета псковичи поставиша Вышегород на немецком рубежи, на реце на Лоди"[37]. Летописные известия о Вышегороде 1471 г.[38] относятся к одноименному городу в Новгородской земле, но в географическом указателе к Псковским летописям[39] они ошибочно отнесены к еще не существовавшему тогда псковскому пригороду.

Итак, число пригородов достигло тринадцати. Тем не менее, когда в 1510 г. Псков был окончательно лишен независимости, для управления Псковской землей великий князь учреждает "12 городничих, и старост московских 12, и псковичь 12, и деревни им даша; а велел им в суду седети с намесники и с тиуны, правды стеречи... И посла князь великии своих намесников по пригородом, и велел им пригорожан приводити к целованию; и начаша пригородцкие намесники пригорожаны торговати"[40]. Здесь цифра 12 оказывается в соответствии с разъяснением: "А пригородов 10 во Псковскои земли и 2 городища: Кобылье и Вышегородище"[41].

Превращение Вышегорода и Кобылы в городища связано с разорением 1480 г., когда "местеровы люди да и архиепископовы ... Вышегородок взяли, да и стену сожгли и церковь в городке Борис и Глеб, а мужеи и жен и детеи малых мечем сеекли". Тогда же немцы "придоша к городку Кобылеи, и почаше пушками бити, и взяше городок и дом святого архистратига Михаила плениша, и отместники правыя веры Немцы а городок сожгли и церковь, и люди правыя веры мужи и дети, 4000 без 15 мужеи, месяца марта в 5 день, инех с собою повегли, и волости"[42]. Поскольку за вычетом этих двух городищ остается живущих пригородов десять, а не одиннадцать, следовательно, один из псковских пригородов полностью запустел между 1468 и 1510 гг. Обращение к Писцовой книге Пскова и его пригородов 1585-1587 гг.[43] показывает, что к 80-м гг. XVI в. городищами были уже не только Кобыла и Вышгород, но также Вороноч, Дубков, Выбор, Врев, Велье и Володимерец. Однако как в уцелевших городах, так и в городищах тогда существовали наместничьи дворы или места наместничьих дворов — за одним исключением: наместничьего двора не было во Вреве, а это значит, что именно этот город к 1510 г. утратил функцию пригорода. В то же время он остается центром уезда, по-видимому, в административном отношении подчиненного наместнику одного из соседних уездов — Выборского или Вороначского.

Это сохранение внешней административной схемы времен независимости надолго консервирует список псковских пригородов, часть которых

уже перестала быть городами. Он, как и следует ожидать, включает тринадцать названий, присутствуя в духовной Ивана IV, составленной в 1572 г., но сохранившейся в неисправной копии: "Да сыну же моему Ивану даю город Псков со всеми Псковскими осадами и с пригороды: город Воронежь, город Дутсов, город Выборец, город Велье, город Врев, город Володимер, город Остров, город Красной, город Вышегородок, город Кобылье городище, город Изборск, город Опочка, город Гдов. А дал ему город Псков и те пригороды с волостьми, и засадами, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, по тому жь, как было при мне"[44].

Тот же полный список фигурирует в перемирной грамоте 1582 г. царя Ивана IV и польского короля Стефана Батория: "Нашему великому государю царю и великому князю передаются... кроме того, те псковские пригороды, которые король Стефан занял во владениях великого государя: Воронеч, Велью, Остров, Красное, и то, что мог бы взять впоследствии король Стефан из псковских пригородов: Врев или Володимерец, Дубков, Выборец, Вышеград, Изборск, Опочку, Гдов, Кобылье городище и Себеж"[45].

В Писцовой книге Пскова 1585-1587 гг. тот же состав пригородов, с добавлением, как и в перемирной грамоте 1582 г., Себежа. О существовании статуса псковского пригорода для Себежа известно из летописных сообщений 1607 г.[46] и 1616 г.[47] Однако включение этого города в состав Псковской земли состоялось не ранее 70-х гг. XVI в. О его принадлежности до 1535 г. Литве прямо говорится в псковских летописях. После зимнего похода 1534/35 г., когда "вся земля Московская государева область ходиша в землю Литовскую, за Двину и за Березу реку, и плениша землю Литовскую, и наполнися земля вся Руская полону литовского", "того же лета замыслиша государь нашь князь великии Иван Васильевичь поставити город на Себежи озери в Литовскои земли, 60 верст от Опочки, и послаша большие воеводы Ивана Бутурлина с силою города делати, в Петров день; а кончан быть месяца июля в 25"[48]. По духовной Ивана IV 1572 г. Себеж завещан Ивану Ивановичу отдельно от псковских пригородов (вместе с теми городами, которые были поставлены Иваном IV на отвоеванных от Литвы землях, "на литовском рубеже")[49], но уже в 1582 г., согласно цитированной выше перемирной грамоте с королем Стефаном, Себеж числится среди пригородов Пскова.

◆

1. *Беляев И.* Рассказы из русской истории, кн.3: История города Пскова и Псковской земли. М., 1867, с.10-14.
2. ПСРЛ, т.8. СПб., 1859, с.291; т.13, 1-я половина. СПб., 1904, с.89; 2-я половина. СПб., 1906, с.427.
3. Новгородские писцовые книги, т.5. СПб., 1905, стб.58.
4. Псковские летописи, вып.1. М.; Л., 1941, с.31; вып.2. М., 1955, с.115.
5. Там же, вып.1, с.55-57; вып.2, с.50, 144-145.
6. Единственная достоверная карта Псковской земли с обозначением ее границ и пригородов опубликована в кн.: *Васильев Арк., Янсон А.К.* Древний Псков. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1929, с.15 (воспроизведена без каких-либо ссылок в кн.: *Лавров В.*,

Максимов П. Псков. М., 1950, с.7), однако она не комментирована и не обоснована необходимыми указаниями на источник. Достоверную локализацию пригородов см. в кн.: *Васильев И.И.* Псковская губерния. Псков, 1896, с.226-234.

7. Псковские летописи, вып.1, с.97; вып.2, с.258.
8. *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, с.247-248.
9. Псковские летописи, вып.2, с.164.
10. *Митр.Евгений.* История княжества Псковского, 1. Киев, 1831, с.31.
11. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с.477.
12. Псковские летописи, вып.2, с.10.
13. См. систематическую информацию В.В.Седова о раскопках в Изборске в серии "Археологические открытия" (при дальнейших ссылках — АО) с 1971 по 1986 г. Древнейшие слои Изборска датированы рубежом VII и VIII вв.
14. Псковские летописи, вып.2, с.93-94.
15. Там же, вып.1, с.21; вып.2, с.27, 99.
16. Там же, вып.1, с.27-28; вып.2, с.104.
17. Там же, вып.1, с.28-29; вып.2, с.31-32, 111-112.
18. Там же, вып.1, с.37, 41; вып.2, с.123. Информацию об археологических работах в псковских пригородах см.: *Кирпичников А.Н.* Исследование Островской крепости в Псковской области // АО 1975, с.19-20; *Белецкий С.В., Станюкович А.К.* Разведка в Пушкинских горах // АО 1980, с.6-7; *Васильев М.Е., Кирпичников А.Н.* Разведочные раскопки древнего Велья // АО 1974, с.10; *Кирпичников А.Н., Васильев М.Е.* Открытие крепости Велья // АО 1976, с.15-16; *Александров А.А., Белецкий С.В.* Разведки в Псковской земле // АО 1982, с.3-5 (2-е издание той же заметки в АО 1983, с.3-5); *Розов А.А., Плоткин К.М.* Разведка в Островском районе Псковской области // АО 1974, с.35; *Артемьев А.Р.* Исследования псковских пригородов Врева, Выбора и их округи // АО 1985, с. 3; *Александров А.А., Артемьев А.Р. и др.* Исследования на Псковщине // АО 1986, с.3-5; *Артемьев А.Р.* Обследование псковских пригородов Велья, Черницы, Коложе, Опочки, Красного и Вышгородка // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков, 1987, с.106-107; *Он же.* Псковский пригород Красный // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков, 1988, с.65-66; *Он же.* Города Псковской земли в XIII—XV вв. Автореф. дисс. канд. истор. наук. М., 1987, *Харлашев Б.Н.* Погосты и губы в Псковской земле XIV—XVI вв. Автореф. дисс. канд. истор. наук. М., 1995.
19. Псковские летописи, вып.1, с.28; вып.2, с.31, 111.
20. Там же, вып.2, с.36.
21. Там же, с.42.
22. Там же, с.125.
23. Там же, с.43.
24. Там же, с.43, 125.
25. Там же, вып.1, с.15.
26. Там же, вып.2, с.150.
27. Там же, с.159.
28. Там же, с.164.
29. *Никитский А.* Указ. соч., с.245-246.
30. Псковские летописи, вып.2, с.94.
31. Там же, вып.1, с.36; вып.2, с.122.
32. *Артемьев А.Р.* Забытые источники по истории пригородских посадников Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков, 1986, с.36.
33. Псковские летописи, вып.2, с.164-165.
34. Там же, вып.2, с.59.
35. *Казакова Н.А.* Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // Вопросы истории, 1983, № 1, с.90-98.
36. Псковские летописи, вып.2, с.203.
37. Там же, вып.2, с.302.
38. Там же, с.55, 181-182.
39. Там же, с.338.
40. Там же, вып.1, с.96; вып.2, с.298.
41. Там же, вып.1, с.97; вып.2, с.299.

42. Там же, вып.1, с.76-77; вып.2, с.58-59, 219, 221 — здесь окончание рассказа: "А иных с собою повели из волостей и из городка, от пламени котории выбежали".
43. Сборник Московского архива Министерства юстиции, т.5. М., 1913.
44. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М; Л., 1950, с.438-439, № 104.
45. Древняя российская вивлиофика, ч.XII. М., 1789, с.210-225; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983, с.183.
46. "Приидоша ис табар пригородиие стрельцы со псковскими, и те пошли на свои пригороды, на Себеж, да на Опочку, да на Красной, да на Остров, да на Изборск" (Псковские летописи, вып.2, с.269).
47. Королевичу Владиславу Жигимонтовичу было дано "12 городов северских и Себеж псковской пригород" (Там же, вып.2, с. 280).
48. Там же, вып.1, с.106-107. Ср. с подробным рассказом о том же событии в Пискаревском летописце (ПСРЛ, т.34. М., 1978, с.169-170).
49. Духовные и договорные грамоты, с.438, № 103.

Административное устройство Псковской земли

Согласно Писцовой книге 1585-1587 гг., Псковская земля делилась на 14 уездов с центрами в пригородах (включая Себежский уезд) и 7 засад. Имеются основания говорить о том, что разница в статусе территорий восходит ко временам псковской независимости. В 1397 г. "от Пскова целовал крест князь Григореи и Сысои посадник и Роман посадник и дружина их к Новугороду за Псков, за пригороды и за все свои волости"[1]. То, что отличные от пригородов с их округой волости уже тогда именовались засадами, видно из летописного сообщения 1363 г., упоминающего "засаду Изборскую"[2]. Это сообщение позволяет также догадываться, что первоначально Псковская земля делилась на засады, число которых постепенно уменьшалось по мере возникновения пригородов: то, что в 1363 г. названо "Изборской засадой", затем стало уездом пригорода Изборска. Конкретный случай преобразования засады в пригородный "обруб" наблюдается в 1476 г., когда слобожане Кокшинской волости били челом о разрешении поставить город, основание которого дало начало Вышегородскому уезду. Вторичность уездов сравнительно с засадами подтверждается и единством системы внутреннего устройства тех и других — и уезды, и засады делятся на губы: губские старосты наряду со старостами пригородскими фигурируют в Псковской судной грамоте[3].

Заметим, однако, что термин "пригород" применительно к псковским городам в летописи впервые употреблен под 1397 г., а буквально за два года до этого, в 1395 г. приехавший в Псков митрополит Киприан благословил "весь Псков и окрестныа грады"[4]. Под 1348 и под 1350 гг. говорится об "Островской волости", "Изборской волости", "Вороначьской волости"[5].

I. Город Гдов и его уезд[6]

Город Гдов находится на восточном берегу Чудского оз.; в дальнейшем он стал уездным в С.-Петербургской губ., ныне районный центр Псковской обл. В 80-х гг. XVI в. в нем был наместничий двор. Гдовский уезд включал 9 губ.

Самая северная из них *Наровская губа* [1][7] занимала пространство между рр.Наровой (от ее истока из Чудского оз. до устья впадающей в нее Плюсы) и Плюсой, переходя и за Плюсу, поскольку писцовое описание отмечает в составе губы сельцо на правом притоке Плюсы рч.Кушелке. Центром губы был пог.Ольгин Крест на р.Нарове. С востока к ней примыкала *Кушелская губа* [2], получившая свое название от рч.Кушелки. Центр губы — д.Кушела на Кушелском оз. На ее территории писцовая

книга называет правые притоки Плюсы — рч.Чорную (Черня), Медвежку, Веенку, Руду, Сежню, Рую, Елемский ручей (Ельму). Эти две губы, составлявшие крайний север Псковской земли, в настоящее время находятся в составе Ленинградской обл. В 1341 г. "Немци, переехавше Норову, повоеваше села псковскаа по берегу; и Карп с дружиною сретошася с Немци с норовци на Кушели у села на болоте... и прогнаше их за Норову"[8].

К югу от этих двух губ пространство Гдовского уезда узкой полосой тянется по восточному берегу Чудского оз., где в направлении с севера на юг расположены следующие губы: *Каменская* [3] с центром в пог.Каменный (в 12 км севернее Гдова), *Черемоская* [4] по р.Черьме с центром в д.Черемшина (в 12 км восточнее Гдова), собственно *Гдовская* [5] с землями по рч.Гдовке и Селетцкому ручью, *Ветвенщкая* [6] с центром в пог.Ветвенник на берегу Чудского оз. (в 10 км южнее Гдова), *Кунейская* [7] по р.Кунесть с центром в пог.Кунестье на берегу Чудского оз. (в 15 км южнее Гдова), *Рудницкая* [8] с центром в пог.Рудница на берегу Чудского оз. (в 25 км южнее Гдова), *Мда* [9] с центром в одноименном погосте на южном берегу Лахтинского залива Чудского оз. (в 36 км южнее Гдова).

В 1323 г. "избиша Немци псковичь на миру, и гость во езере и ловець на Нарове; и берег Черемеск взяша"[9]. К 1383 г. относится запись в Мартовской половине Пролога о том, что книга была написана "святому Петру и Павлу на Витвеник при старосте церковьнемь Андреи ис Кунести, при другом Гюрги Городьньскомь, а при попе Федору"[10]. В 1539 г. "поставиша новую церковь святого мученика Георгиа в Островцах, отделя от большие волости ото Мды"[11]. В 1629 г. Никула Хозин ставил кабаки "по Нарове, на Камьи, на Куречки, и на Кунести и у Волгина креста"[12].

На западе Гдовский уезд граничил с Ливонской землей по р.Нарове и Чудскому оз.; на севере — по притоку Плюсы р.Пяте с Ивангородским и Ямским уездами Новгородской земли; на востоке — в направлении с севера на юг с Сумерским, Бельским, Щепецким и Прибужским погостами Шелонской пятины Новгорода; на юге — с псковским уездом г.Кобыльего Городища.

II. Город Кобылье Городище и его уезд[13]

Пог.Кобылье Городище расположен на восточном берегу Чудского оз., неподалеку от устья р.Желчи, в районе Узменя, т.е. пролива между Чудским и Псковским озерами, в Гдовском р-не Ленинградской обл. (по старому делению состоял в Гдовском уезде С.-Петербургской губ.). До разрушения в 1480 г. назывался Новым городком или Кобылой (Кобылье). В 1510 г. это уже городище[14]. В 80-х гг. XVI в. в нем был наместничий двор. В его уезде числилось 5 губ.

Центром *Полянской губы* [10], в состав которой входили земли по рч.Дубенке (Дубнице), был пог.Полна на р.Желчи (в 33 км к северо-востоку от Кобыльего Городища). Земли *Ремецкой губы* [11] располагались по

рч.Ремде, Лодве (Черной), Сомоловке, а ее центром был пог.Ремда (в 7 км восточнее Кобыльего Городища). Эти две губы были пограничными с Гдовским уездом. Под 1341 г. летопись рассказывает о нападении немцев на "село псковское Ремду"[15]. В 1453 г. новгородский архиепископ Евфимий II "у Пскова взя Ремду, ремедскую воду в свою владычькину"[16].

В 40 км восточнее Кобыльего Городища находится пог.Гвоздянский — центр *Гвоздинской губы* [12], а в 34 км к юго-востоку от него — пог.Маслогостицкий, центр *Мыслогостицкой губы* [13], на территории которой писцовая книга указывает впадающие в Псковское оз. рч.Липенку и Мишоколья. В 4 км восточнее Маслогостицкого расположен пог.Мельницы — центр *Мельницкой губы* [14] с рч.Меленкой, Городенкой (Черной) и Лудвицей.

На севере Кобыльский уезд граничил с Гдовским; на востоке — с новгородскими Лосицким и Быстреевским погостами Шелонской пятины; на юге — с псковскими Белской и Заклинской засадами. На западе он включал побережье Узменя и северо-восточной части Псковского оз. Уточняется эта граница описанием рыболовных исадов Кобыльского уезда[17], в числе которых названы в Ремецкой губе Низовцы, Гривки и Кол на р.Желче, Подолешье, Передки на берегу Чудского оз., севернее устья Желчи, Рудница, Черемошна и Пнев на берегу Узменя, а также острова в Чудском оз.: Возолицкий, Городец, Тетерицы. На о-ве Пирисар (Норка) карта показывает д.Желачик, что вместе с р.Желчью локализует "обиднос место" военных событий 1368 г., когда взятием немецкого городка Кирьипиги (Киремпи у западного берега Чудского оз.) псковичи мстили "про Жолчь обиду"[18], и 1459-1464 гг., когда происходил затяжной конфликт с немцами из-за Озолича и Жолочка, исчерпанный подписанием мира в пользу Пскова[19]. На эти пункты в 1471 г. безуспешно претендует рижский магистр[20]. В ходе большого конфликта в 1463 г. немцами были выжжены исады Островцы и Подолешье[21]. В настоящее время о-в Пирисар целиком входит в состав Эстонии. До 1917 г. он был разделен границей между С.-Петербургской и Эстлянской губерниями, что правильнее отражает исторический рубеж между Псковской и Ливонской землями.

III. Заклинская засада[22]

В ее состав входили 5 губ. Центром *Моложанской губы* [16] был пог.Моложани, находящийся в районе верховьев р.Псковы, в 20 км восточнее пог.Мельницы Кобыльского уезда. Поскольку в XIX в. имя Моложан носили две соседние деревни, более вероятной представляется локализация погоста в д.Старые Моложане на притоке Псковы рч.Лучке[23]. В 10 км к востоку от Ст.Моложан находится пог.Заклинье — центр *Заклинской губы* [17]. Южные пределы засады обозначены пог.Полицким — центром *Политцкой губы* [19], расположенным на р.Пскове, в 4 км к северо-западу от ж.д.станции Молоди, и д.Жеглицы — центром *Жеглитцкой губы* [18], в 5 км к северо-востоку от той же станции. Жеглитцкая губа на юге простиралась до р.Кепь, на которой писцовая книга отмечает

некоторые ее земли. Для локализации *Исколянской губы* [15] данных недостаточно; по-видимому, она находилась севернее Моложанской, в районе верховьев р.Псковы, вытекающей из оз.Псковяны. Местность в Пажегове (Моложанская губа), находящаяся в верховьях Псковы, обозначена: "*на новгородцком рубеже*"[24].

На юге Заклинская засада граничила с псковской Мелетовской засадой, где этот рубеж приходился на широкое малонаселенное пространство низовьев р.Псковицы и верхнего течения р.Кень. На востоке с ней соседствовали Быстреевский, Ширский и Ручайский погосты Шелонской пятины Новгорода. К западу от нее располагались земли псковской Белской засады, а на севере — земли Кобыльского уезда.

Следует остановиться на летописном рассказе о событиях, имевших место в этом районе. 10 июля 1471 г., исполняя требование Ивана III, начавшего войну с Новгородом, около полутора тысяч псковских "добровольных людей" собрались в Белской губе, откуда 12 июля перешли рубеж "и поидоша воюя по Новогородской волости, а хоромы сгуще". Поход продолжался полтора дня, "а воевали и жьгли на 20 верьстах", и бесславно окончился поражением псковичей "межи Лютои и Скиру"[25]. Лютая (Люта) - речка, берущая начало чуть севернее пог.Заклинье, текущая на север уже по территории Новгородской земли и впадающая в Плюсу. "Скира" — очевидный вариант написания имени речки, озера или погоста Ширского (Шира), ближайшего к Лютой. Любопытно было бы узнать, какими соображениями руководствовался составитель географического указателя к Псковским летописям, посчитав Лютую притоком Шелони[26].

IV. Белская засада[27]

Занимая территорию по восточному берегу Псковского оз. и будучи ограничена на юго-западе нижним течением р.Великой, Белская засада делилась на 4 губы. На ее северном рубеже (т.е. на границе с Кобыльским уездом) находились губы: *Верхолинская* [21] с центром в пог.Верхолино (в 20 км севернее Пскова) и *Белская* [20] с центром в пог.Белом (Бельском) (в 12 км к северо-востоку от Верхолина). Как уже отмечено выше, из Белской губы в 1471 г. начался поход псковичей на порубежные новгородские волости. В 9 км к северо-западу от Пскова расположена д.Кривовицы — центр *Кривовитцкой* губы [23]. Рч.Толвица и находящийся против ее устья Талавек на острове в Псковском оз. входили в состав этой губы, равно как и местности по правому берегу низовьев р.Великой. В 1529 г. "месяца июля в 4, згоре церковь вся деревяная в Кривовичах святы пророк Илья, и поставиша на то время церковь малую; и того же лета наняша мастеров на каменую церковь, и наидоша где камень ломить и печь жечи на речки на Турбенки"[28]. В 11 км к северо-востоку от Пскова, на рч.Торошенке находится пог.Торошинский — центр *Торошинской губы*[22][29].

На востоке Белская засада граничила с Заклинской, а на юге с Мелетовской засадой.

V. Мелетовская засада[30]

В ее состав входили 6 губ. Центром собственно *Мелетовской* губы [25] был пог.Мелетов на рч.Мелетинке (в 35 км к востоку от Пскова). Самое раннее его упоминание относится к 1341 г.[31] В 1462 г. "поставиша церковь камену на Мелотове Успение святыа Богородици"[32], знаменитую своими фресками, выполненными в 1465 г.[33] В летописных рассказах 1477 и 1480 гг. Мелетово упоминается как последняя псковская волость на пути из Пскова в Новгородскую землю[34]. В 15 км западнее Мелетова находится пог.Зряковский — центр *Зряковской* губы [24]. Под 1455 г. летопись описывает чудо в Зряковичах: "бысть знамение: от иконы святыа Богородици ис праваго ока слеза изьиде, в Зряковицах, и привезоша в Псков августа 24"[35]. В 9 км к юго-востоку от Зряковского и в 9 км к юго-западу от Мелетова расположен пог.Полонский — центр *Полонской* губы [27]. На современной карте не имеет четкого топонимического выражения *Каменская* губа [26], однако ее следует локализовать к востоку от Мелетовской: во-первых, в писцовом описании этой губы упомянуты пустошь Талицы и д.Лог, а они расположены около современной д.Закаменья; во-вторых, угодья Каменской губы находятся на новгородском рубеже[36].

На правом (северном) берегу р.Черехи расположен пог.Видилевье — центр *Видилебской* губы [29], а на левом берегу Черехи (в 14 км к юго-востоку от Пскова) — д.Б.Невадицы, центр *Невадитцкой* губы [28]. В 1435 г. в Невадичах псковичи догнали отъехавшего от них архиепископа Евфимия[37], а в 1463 г. до Невадичей провожали князя Федора Юрьевича, воеводу великого князя[38]. Видилебская и Невадитцкая губы образовывали границу с расположенной южнее Деманитцкой засадой, в составе которой также числились одноименные с мелетовскими Видилебская и Невадитцкая губы[39].

На востоке Мелетовская засада граничила с новгородским Ручайским погостом Шелонской пятины, на севере — с Белской и Заклинской засадами, на западе — с Завелицкой засадой.

VI. Завелицкая засада[40]

К Завелицкой засаде принадлежало 13 губ. Самая северная из них *Колпинская* [30] с центром в пог.Колпино на одноименном острове в Псковском оз., у его западного берега, в устье залива, образованного впадением в озеро рек Верхоустинской и Кулейской. В состав губы входили земли не только на острове, но и на западном берегу упомянутого залива, где принадлежащими к Колпинской губе обозначены исады Березье и Любницы. В 1463 г. после нападения немцев на Кобылу псковичи получили весть о готовящемся немецком набеге на "Калпиное": "и псковичи в тыя часы поидоша тамо, и придоша в Калпиное по рану, и узреша, что немецкая сила жгут исады и церков калпиньскую зажгли. И тако, помолившеся Богу, ударишася на них; а Немци убоявшеся и побегоша, а псковичи биша их в погоню на 15 верст до Кохове реке"[41].

К югу от Колпина, на противоположном берегу залива, находится пог.Кулье — центр *Кулейской* губы [31][42]. У южного берега Псковского оз. расположены погосты: Печки, в 4 км к востоку от него — Корлы, далее, в 4 км от последнего, — Устье; они, соответственно, были центрами *Пецкой* [33], *Корелской* [34][43] и *Никольской в Устьях* [35] губ. Под 1480 г. летопись рассказывает о сражении псковичей с немцами в Пецкой губе[44]. В 1483 г. была поставлена "церковь Георгиа в Печки"[45], а в 1629 г. там же Васька Болдин поставил кабак[46].

В 6 км западнее Пскова находится пог.Камно — центр *Каменской* губы [36], а на левом берегу Великой, в 12 км выше Пскова, — пог.Выбуты (Любуты), центр *Выбутцкой* губы [37]; одноименная губа имелась на противоположном берегу Великой, в Прудцкой засаде. В 3 км к юго-западу от г.Печоры расположен пог.Таилов, центр *Таиловской* губы [32].

В 1341 г. во время осады немцами Изборска псковичи и их союзники "ставше станми на Камне"[47]. В 1407 г. псковичи потерпели поражение от немцев "за Камном на Лозоговичьском поли"[48]. В 1487 г. в Камне градом побило много скотины[49]. Земли на Камне упоминаются в псковских грамотах XIV[50] и XV вв.[51] В Выбутах в 1393 г. псковичи одержали победу над новгородцами[52]. В 1407 г. "на броду у Выбута" псковичи преградили дорогу немецкой рати[53]. В 1480 г. "за Выбутом у броду" стояли "пригородяне", не допустившие немцев к Пскову[54]. В 1503 г. псковичи там же бились с немцами[55]. Таиловский погост упомянут в летописи под 1519 г. в рассказе об основании Псково-Печерского монастыря: "Того же лета начаша Мисюрь Мунехин, великого князя дьяк псковскои, да его подьячеи Ортюша Псковитин *назирати убогое место, незнаемо никим же, под* немецким рубежом 40 верст ото Пскова, а десять верст за Изборском, в *Таилове погосте, 7 верст от Нового городка от немецкого*, Печерскои монастырь, Вифляньскую пещеру, Богом сотвореную"[56].

Остальные губы расположены южнее. В 20 км выше Выбут на Великой находится погост Колбежицкий, центр *Колбежицкой* губы [38], а в 12 км выше Колбежицкого — пог.Ново-Уситовский, центр *Новоуситовской* губы [41], расположенной напротив правобережной Уситовской Старой губы Прудцкой засады[57]. В 8 км к юго-западу от Колбежицкого находится пог.Смоленский, центр *Смолинской* губы [39], а в 20 км западнее Ново-Уситовского — Качанова слобода, бывшая центром *Белской* губы [40]. Наконец, в нижнем течении р.Вяды, где она максимально сближается с р.Кухвой, в 19 км к юго-востоку от Качановой слободы, расположен пог.Муравейно, центр *Муравейской* губы [42]. В 1501 г. немцы, не сумев овладеть Изборском, "пошли в Колбежицы, жгучи и тручи к бродом по Завеличкой стороне"[58]. В 1563 г. "приходили литовскиа люди в Псковщину от Улеха городка, псковскиа волости воевали, Муравеино да Овсищи обои, Коровеи бор"[59]. Земли в Смолинской губе упоминаются в псковских грамотах XIV—XV вв.[60]

Восточную границу Завелицкой засады образует р.Великая, отделяющая ее от Белской, Мелетовской и Прудцкой засад. На юге она граничит с

Вышгородским уездом, на севере ее рубежом является южная часть Узменя. На западе северный и южный участки засады образуют границу с Ливонской землей, однако центральная часть Завелицкой засады здесь граничит с Изборским уездом, который был как бы буфером между Завелицкой засадой и Ливонией. Имея в виду, что в 1363 г. существовала "засада Изборская", можно предположить, что Изборский уезд был позднее выделен из этой засады, оставшаяся часть которой стала именоваться Завелицкой. Древняя граница между Псковской и Ливонской землями севернее г.Печоры проходила по р.Меде (Мядайыге), оставаясь стабильной вплоть до образования в 1920 г. Эстонии. В настоящее время граница между Псковской обл. и Эстонией проходит несколько восточнее этого рубежа.

VII. Город Изборск и его уезд[61]

Дер.Изборск (Ст.Изборск) расположена при р.Смолке, оз.Городищенском и Славянских ключах в Печорском р-не Псковской обл.; по губернскому делению состояла в Псковском уезде. В 80-х гг. XVI в. в Изборске был наместничий двор. Его уезд делился на 6 губ.

Никольская губа [46] локализуется в самом Изборске с его главной Никольской церковью: в летописи синонимом обозначения Изборска постоянно выступает выражение "дом святого Николы"[62]. В составе этой губы писцовая книга называет оз.Мальское. Центром *Сенской* губы [44] был погост Сенно (в 8 км к северо-востоку от Изборска); на территории губы числятся также Луки (в 3 км к северо-востоку от Сенна). *Павловская* губа [43] расположена к западу от Таиловской губы Завелицкой засады: кроме д.Павлово, бывшей центром этой губы, писцовая книга называет в ней находящиеся здесь же дд.Ермаково, Дуброва (Дубровка), Медведево, Малахово, Заречье. В 16 км к западу от Изборска находится д.Паниковичи, центр *Поиковской* губы [45], на территории которой карта фиксирует упомянутые в писцовом описании дд.Взвад (Узвад), Залесье, Бельска, Росолова. В 14 км на юго-запад от Паниковичей расположен пог.Щемерицы в верховьях р.Лидвы (притока р.Кудеб) — центр *Щемерицкой* губы [47]. В 22 км восточнее Щемериц — пог.Лакно, центр *Локонской* губы [48].

На западе Изборский уезд граничил с Ливонской землей. На всем остальном протяжении границы его соседом является Завелицкая засада, из состава которой он, как выше предположено, в свое время и был выделен. Вплоть до 1920 г. западная граница Псковской губ. сохраняла здесь свою стабильность со времен средневековья, проходя у Нейхаузена, основанного немцами в 1341 г.: "А Немци тое зимы, приехавше, поставиша Новыи городок на реце на Пивжи на Псковскои земли"[63]. В 1920 г. Эстонии была передана часть древней псковской территории с городами Печоры и Изборск. В 1944 г. эти земли в основном вернулись в состав России, однако в распоряжении Эстонии осталась почти полностью территория Павловской губы.

VIII. Прудцкая засада[64]

К востоку от Завелицкой засады располагались земли Прудцкой засады, ограниченные на западе течением р.Великой. В состав засады входили 10 губ.

Восточную границу засады обозначают губы, одноименные находящимся в соседних с Прудцкой засадах. В 12 км южнее Пскова расположен пог.Рюка — центр губы *Руха* [50]; то же наименование имеет губа в соседней Деманитцкой засаде. В 1364 г. "поставишя две варницы на Рухе, и начаша соль варити; и то не збысся и повергоша"[65]. В 1521 г. в "Рюхе в паствище" спасался от мора князь Михаил Кислица[66]. В 10 км к юго-востоку от пог.Рюка находится пог.Русицкий — центр губы *Руска* [54][67]; с тем же наименованием имеется губа в Деманитцкой засаде. В 10 км южнее Русицкого расположена д.Пруды — центр *Прудцкой* губы [56]; одноименная губа имелась в соседней Рожнитцой засаде. В 1490 г. "быть знамение у святого Николы на Пруде погосте"[68].

В 3 км к юго-западу от Русицкого находится д.Добривитка, центр *Добровитцкой* губы [55], а в 8 км западнее ее — пог.Чирский на р.Многе, центр *Чирской* губы [53]. В 1420 г. "быть знамение велие в Чирсках от иконы", подробно описанное в летописи[69]. В верховьях той же реки расположен пог.Погостище, центр *Погостицкой* губы [57]. В 11 км южнее (а ниже Чирского в 8-10 км) — д.Стримушка, центр *Стремутцкой* губы [51], а также упомянутый в писцовом описании *Заразинитский ям* [52], отождествляемый с д.Зарезницей. Пог.Ст.Уситовский на правом берегу Великой, в 20 км ниже г.Острова, был центром *Уситовской Старой* губы [58]. В 1470 г. молнией "зажже церковь в Ушитве деревяну, святеи Богородици, иконы и книги вся вымыкаше, а церковь вся до света сгоре"[70]. Расположенная в 9 км восточнее Ст.Уситовского д.Залеженье — центр *Залежинской* губы [59]. В составе Прудцкой засады числится также *Выбутцая* губа [49], одноименная ей с центром в пог.Выбуты (Любуты) входит в состав Завелицкой засады. Пог.Выбуты, как уже отмечено при описании Завелицкой засады, расположен на левом берегу Великой, в 12 км выше Пскова.

На юге Прудцкая засада граничила с Островским уездом, на западе течением Великой она была отделена от Завелицкой засады. На севере ее соседом была Мелетовская засада, а на востоке — Деманитцкая и Рожнитцкая засады.

IX. Деманитцкая засада[71]

Деманитцкая засада включала 9 губ. Две из них — *Видилебская* [65] и *Невадитцкая* [60], одноименные губам Мелетовской засады, расположены на р.Черехе. На той же реке, в 8 км выше Видиливья, находится д.Сюмска, центр *Сумской* губы [66], а в 20 км выше Сюмски, при впадении в Череху рч.Деменицы, центр *Деманитцкой* губы [68][72]. На Черехе, между Сумской

и Деманитцкой губами, находились земли *Теблевитцкой* (Теплевитцкой) губы [67], которая локализуется не по центральному ее пункту, ныне уже не существующему, а по обозначенным в писцовом описании губы дд.Крюкова, Заполье, Подгорье (Подгорная), Похнова (Кохново), концентрирующимся на левом берегу Черехи примерно на одинаковом расстоянии от Сюмски и от Деменищ.

Пог.Оклюдицы — центр *Оклюдитцкой* губы [62] — находится в 8 км к юго-западу от Невадиц. Из этого погоста происходит Пролог XIII—XIV вв.[73] В 14 км западнее Оклюдиц — пог.Рюка, центр губы *Руха* [61], а в 8 км к юго-западу от Оклюдиц расположен пог.Русицкий, центр губы *Руска* [63]. Губы Руха и Руска были пограничными с Прудцкой засадой, в составе которой имелись одноименные губы. Наконец, в 5 км южнее Русицкого находится пог.Знахлицы, центр *Знахлитцкой* губы [64], пограничной с Рожнитцкой засадой, где имелась одноименная губа.

Деманитцкая засада на севере граничила с Мелетовской, на востоке и на юге — с Рожнитцкой, а на западе — с Прудцкой засадами.

X. Рожнитцкая засада[74]

Рожнитцкая засада, занимавшая значительную площадь, включала 7 губ. Из них самой северной была *Славковская* [69] с центром в пог.Славковичи на правом (восточном) берегу р.Черехи, в 12 км к северо-востоку от Деменищ и напротив Теблевитцкой губы Деманитцкой засады. В состав Славковской губы, ограниченной с запада течением Черехи, входили и низовья впадающей в Череху с востока р.Петь. Южнее находились земли *Рожнитцкой* губы [70] с центром в пог.Рожницы (в 19 км к югу от Славкович). Западнее Рожнитцкой и южнее Деманитцкой губы Деманитцкой засады, на Черехе, в 6 км выше Деменищ, находился пог.Верхний Мост, центр *Верхомоской* губы [71]. Дер.Наволок — центр *Наволоцкой* губы [74] — расположена в 19 км западнее Верхнего Моста. В 15 км к северо-востоку от Наволока находится пог.Знахлицы — центр *Знахлитцкой* губы [72], одноименной с губой Деманитцкой засады. В 7 км юго-западнее Знахлиц — д.Пруды, центр *Прудцкой* губы [73], пограничной с Прудцкой засадой, где имелась одноименная губа. Наконец, в 20 км южнее Наволока находится пог.Воронцов, с которым связывается *Воронцовская четверть* [75], фигурирующая в писцовом описании как членение Рожнитцкой[74] засады; другая Воронцовская четверть имеется в составе соседнего Вревского уезда[75].

Рожнитцкая засада граничила на юге с Володимерским и Вревским уездами, на западе — с Островским уездом и Прудцкой засадой, на севере — с Деманитцкой засадой, на востоке — с западной частью Порховского окологородья, Ясенским и Жедрицким погостами Шелонской пятины Новгорода. Восточное пограничье засады соответствует северной части так называемого "Залесья", которое фигурирует в четырех эпизодах летописного рассказа.

Под 1368 г. в псковских летописях содержится краткое сообщение: "В то же время иная рать немецкая ходиша тороном около Велья и по Залесью"[76]. Сообщение 1408 г. даже в его краткой форме в Псковских 1 и 3 летописях содержит более конкретные материалы для локализации Залесья: "А местер в то время ходил по Демяничи и по Залесью и много пакости учиниша, и Новогородские волости много повоеваша, и до Кошькина городка гонячися"[77]. Пог.Деменицы, центр Деманитцкой губы и засады, находится в верхнем течении Черехи, в 17 км к западу от псковско-новгородского рубежа; на таком же расстоянии к востоку от него располагался новгородский Кошкин городок.

Более содержателен рассказ о том же событии в Псковской 2 летописи. Оказывается, что магистр на Деменице "станом стояше" трое суток "и распусти многыя воя по волостем": одна рать отправилась под Велье, другая под Вороноч, "и воеваша Немци всю Залескую страну и до Черехе, и прешедше за рубежъ воеваша в Леженицах и на Болотах и на Дубъске и на Гостени и под Кошкиным городъком, и много забеглых пскович и новгородцов овех иссекоша и овех плениша и пожгоша"[78]. Все перечисленные здесь пункты находятся в новгородско-псковском порубежье, на новгородской стороне, на водоразделе между текущей на запад и впадающей в Великую псковской Черехой и текущей на восток и впадающей в Шелонь новгородской Узой. Здесь карта показывает Лезеницу и в 8 км южнее — Болоты; рядом с последним пунктом, на р.Узе — Дубская, а в 12 км выше на той же Узе — Гостена. Лезеница, Болоты и Дубско числятся в Порховском окологородье, Гостена — в Ясенском погосте, а последний является составной частью новгородского уезда Кошкина городка[79].

Под 1431 г. летопись рассказывает: "*заложиша новыи городок на новом месте* на реке над Ругодивом, в Залесьи, Выбор"[80], а спустя три года, в 1434 г. "псковичи новые городы укрепиша стену и привалы к стене учиниша, единому в берегу на Гдове, а другому в Залесьи на Выборе"[81]. Коль скоро Выбор, основанный в "Котеленском обрубе"[82] на место сгоревшего в 1428 г. Котелна, находился на границе с Пусторжевской землей, в 10 км к северу от пусторжевского Ругодева, очевидно, что Залесьем в Пскове называли территорию, расположенную в районе верховьев Черехи и далее до границ с Пустой Ржевой. В нее, следовательно, входили уезды Дубкова, Выбора, Володимерца, значительная часть Рожнитцкой засады. Тем удивительнее в географическом указателе к Псковским летописям читать: "Залесье, вол. псков. на р.Нарове"[83].

XI. Город Вышгород и его уезд[84]

Пог.Вышгородок на р.Лоде, в 2 км выше ее впадения в р.Утрою, находится в Пыталовском р-не Псковской обл.; по губернскому делению он состоял в Островском уезде Псковской губ. В 80-х гг. XVI в. в нем отмечен "двор наместнич пуст". В уезде числилось 8 губ.

Сам город был центром *Борисоглебской* губы [80] (по церкви Бориса и Глеба в Вышгородке)[85]. Самой северной губой уезда была *Овсищская Старая* [76] с центром в пог.Овсище на р.Кухве, в 26 км севернее Вышгородка; Овсищи на Кухве упоминаются в псковской грамоте XV в.[86] В 1563 г. литовцы "вывоевали... Овсища обои"[87]. В 10 км южнее Овсищ находится пог.Дубки на р.Утрое центр *Дубоцкой* губы [78], часть земель которой описана и в низовьях притока Утрои р.Лажи. В 3 км севернее Дубков находится пог. Елины на р.Лаже близ ее впадения в Утрою — центр *Елинской* губы [79][88]. *Куховская* губа [77], получившая свое название от пограничной с Ливонией р.Кухвы, имела своим центром, вероятнее всего, пог.Верховье, расположенный на Кухве чуть выше впадения в нее рч.Ладумки. В междуречье Лажи и Синей, в 12 км к юго-востоку от Дубков, находится пог.Гривы — центр *Гривской* губы [81][89]. Еще две губы расположены южнее Вышгородка: в 9 км к юго-востоку от него пог.Кокшино — центр *Кокшинской* губы [83] на р.Лаже, а в 13 км к юго-западу — пог.Коровинский в верховьях р.Лоды — центр *Коровской* губы [82][90].

Вышгородский уезд граничил на севере с Завелицкой засадой, на востоке — с Вельевским и Островским уездами, на юге — с Красногородским уездом, на западе — с Ливонской землей. Порубежная ситуация с границей между Псковской обл. и Латвией сохраняется и сейчас, будучи исторически традиционной, однако в 20-х — 40-х гг. нашего столетия часть псковской территории с г.Пыталово передавалась в состав Латвии.

XII. Город Остров и его уезд[91]

Город Остров (по губернскому делению уездный, а ныне районный центр Псковской обл.) расположен на острове, образуемом р.Великой. В 80-х гг. XVI в. в нем отмечена каменная крепость и наместничий двор. В 3 км выше Острова находится д.Городец с остатками земляных укреплений на другом острове; писцовая книга об этом месте сообщает: "на острову, повыше города Острова, у стены на старом городище..."[92].

Сам город, в состав уезда которого входили 7 губ, был центром *Никольской в Острове* губы [85]. Ниже его, в 10 км на северо-запад, расположен пог.Михайловский на р.Великой — центр *Михайловской* губы [84]. Он находится между устьями впадающих в Великую справа рек Кухвы и Утрои, где, как и в Великой, имелись рыбные ловли Михайловской губы. Писцовая книга, в частности, отмечает: "Рыбная ж ловля в Михайловской губе в реке в Утрое от устья реки Утрои до вышегородского рубежа... а в Михайловской же губе рыбная ловля в реке в Щепце, от усть Великие реки до Прудцкие засады до Юрьевского конца..."[93], из чего следует, что указанная губа была пограничной как с Прудцкой засадой, так и с Вышгородским уездом. Ряд пунктов Михайловской губы назван в духовной жены князя Федора Акилины 1417-1421 гг.[94]

В 12 км выше Острова на р.Великой находится пог.Гнилки — центр *Гнилской* губы [88], а в 10 км выше Гнилок, при впадении в Великую

р.Синей – пог.Синей, центр *Синской* губы [90], на территории которой находятся озера Короховское (Горохово) и Мошно: "в реке Сине рыбная ловля от Синского устья до вышегороцкого рубежа..."[95]. В междуречье Утрои и Великой, в 4 км к юго-западу от оз.Мошно, расположено с.Заборовье – центр *Заборовской* губы [89], которая целиком находилась западнее р.Великой; остальные губы переходили и на ее правый берег. Это определенно можно утверждать относительно Михайловской губы, которая граничила с правобережной Прудицкой засадой, и Синской губы: "в Синской губе на Великой реке против Синского устья перевоз..."[96] – сам пог.Синей находится на правом берегу Великой, а Синское устье на левом берегу было центром Устенской губы Вельевского уезда. Две губы Островского уезда располагались восточнее Великой. Центром *Немоевской* губы [86] был пог.Немово в 12 км восточнее Острова; в ее состав входили земли и по р.Сосинце, локализуемой по сельцу Сосницы в 10 км севернее пог.Воронцова. В 9 км южнее Немова находится д.Заболотье – центр *Заболотцкой* губы [87].

Островский уезд граничил на севере с Прудицкой засадой, на западе – с Выщгородским, на юге – с Вельевским, на востоке – с Вревским уездом и Рожнитцкой засадой.

XIII. Город Велье и его уезд[97]

Пог.Велье расположен у озер Черное, Велье и Чадо в Пушкиногорском р-не Псковской обл.; по губернскому делению он числился в Опочецком уезде. К 80-м гг. XVI в. это уже городище, но с наместничьим двором на посаде. Территория уезда делилась на 15 губ.

Сам город был центром *Михайловской* губы [99], получившей свое название от городского храма Михаила архангела[98]. На западных рубежах уезда расположены губы по р.Синей. При ее впадении в Великую, у левого берега Великой, находятся дд.Устье и Устье Синское; одна из них была центром *Устенской* губы [91]. В правильности такой локализации убеждает указание на местонахождение земель этой губы "на реке на Сине"[99]. В 20 км выше устья Синей – пог.Борисоглебск, центр *Борисоглебской* губы [92], а в 7 км выше Борисоглебска – пог.Николо Синий, центр *Никольской* губы [96].

На восточных рубежах уезда находятся погосты, расположенные вдоль р.Великой. В 20 км выше впадения в нее Синей – пог.Печани, центр *Печанской* губы [95], а в 17 км выше этого пункта – пог.Рожество, центр *Рожественской* губы [101]. В междуречье Великой и Синей, в 6 км к юго-западу от Печань, находится пог.Кунево, центр *Кунейской* губы [94]. *Здвиженская* губа [97], не получившая отражения в современной топонимике, локализуется непосредственно к северу от Велья: в составе ее земель числится "пустошь Секирино над озером"[100], отождествляемая с д.Секирино над оз.Чадо в ближайших северных окрестностях Велья; ряд пожен

Здвиженской губы расположен по рч.Верше, вытекающей из оз.Велье и впадающей в Синюю в 5 км выше устья последней. Поскольку на Верше имелись и пожни Борисоглебской губы, локализовать Здвиженскую губу возможно лишь в верхнем течении этой речки. Название губы связывается с вельевской церковью Воздвижения, а ее административный центр находился, по-видимому, в самом Велье.

У южной оконечности оз.Велье находится пог.Ильинский — центр *Ильинской* губы [100]. В 7 км южнее его карта фиксирует рч.Граиня, давшую название *Граинской* губе [104], а чуть севернее Граини — оз. и д.Платишно, локализующие *Плотичинскую* губу [105]. В 1484 г. явилось знамение "некоему священнику в Велеикои волости на Плотичне"[101]. На р.Великой выше Рожественской губы располагались земли еще одной *Никольской* губы [103], среди них упомянуты пожни на Великой и в устье Тиховицы; рч.Тиховица впадает в Великую слева в 9 км южнее пог.Рожество. *Кузмодемьянская* губа [102] включала земли в бассейне р.Иссы, на которой фиксируются упомянутые в составе этой губы пункты Хлусово и Варыгино (в 8 км к северо-западу от г.Опочки), а также Матюшино (в 10 км севернее этих деревень). Наиболее трудны для локализации последние две губы Вельевского уезда. Относительно *Покровской* губы [93] имеется указание, что в ней была мельница на рч.Верше[102]. Поскольку верховья этой речки принадлежали Здвиженской губе, а ее среднее течение — Борисоглебской, локализовать Покровскую губу, как кажется, возможно лишь в нижнем течении Верши. *Богородицкую* губу [98] вероятнее всего локализовать в междуречье Великой и ее левого притока р.Петь, так как среди числящихся в ней пунктов имеется пустошь Запетье Жилкова, которая, судя по ее названию, находилась за р.Петь.

Вельевский уезд на западе граничил с Выштородским; естественным рубежом между ними была р.Синяя. На севере по рр.Синей и Великой он граничил с Островским, а на востоке — с Вороночским уездом, где рубеж проходил по р.Великой. На юге его соседями были Красногородский и Опочецкий уезды.

XIV. Город Врев и его уезд[103]

Пог.Врев расположен в верховьях рч.Вревки у оз.Зеленца в Островском р-не Псковской обл.; по губернскому делению он состоял в Мясовской волости Островского уезда. К 80-м гг. XVI в. Врев был городищем, не имевшим не только наместничьего двора, но даже упоминания его былого места. В его уезде числились 4 губы и *Воронцовская четверть* [110]; другая Воронцовская четверть фигурирует в Рожнитцкой засаде, что указывает на пограничное положение пог.Воронцова между Вревским уездом и этой засадой. Пог.Воронцов находится в верховьях р.Черехи, в 11 км к северо-западу от Врева.

Никольская губа [106] имела центром сам Врев, где существовала церковь Николы, или же сельцо Никольское, в 4 км к северо-западу от

пог.Котелно. Для локализации *Ильинской* [107], *Порецкой* [108] и *Богородицкой* [109] губ данных писцового описания явно недостаточно. Не исключено, что их центры находились в том же Вреве — "у Ильи Пророка со Врева, что на посаде", "у Покрова святей Богородицы, что во Вреве на посаде"[104]. Писцовое описание уезда отражает его тяжелое запустение: "Во Вреве ж порожжих поместных земель 1092 чети с полуосминою"[105].

Вревский уезд на севере граничил с Рожнитцкой засадой, на западе — с Островским и Вельевским, на юге — с Вороноческим, на востоке — с Выборским уездом. Поскольку объем этих уездов ниже достоверно определен, имеется возможность обозначить границы Вревского уезда несмотря на столь скудные о нем сведения писцового описания. Очевидно, что его южная граница от р.Великой проходила по рч.Щеглынь, а затем в восточном направлении до стыка с рубежом Крекшинской губы Выборского уезда. Западная граница, начинаясь у устья Щеглыни, направлялась на север к пог.Воронцову; частично она проходила по Великой, противоположная сторона которой принадлежала Печанской губе Вельевского уезда, а в месте крутого поворота Великой на запад продолжалась в меридиональном направлении к Воронцову. Северная граница примерно соответствует широтной линии от Воронцова к Котелну. Восточная граница определена западными рубежами выборских губ.

XV. Город Володимерец и его уезд[106]

Пог.Владимирский, расположенный на крутой и высокой горе, находится при рч.Лиственке в Порховском р-не Псковской обл.; по губернскому делению он состоял в Сонинской волости Островского уезда. К 80-м гг. XVI в. был городищем, на верхнем посаде которого существовал наместничий двор. Территория уезда делилась на 3 губы.

Самой южной губой была *Сигоритцкая* [112] с центром в пог.Сигорицы, в 5 км к юго-западу от Володимерца. Оз.Ямнец служило границей с Выборским уездом. В состав этой губы входили озерцо Белое и сельцо Захово над ним, а также сельцо Сонино, имеющиеся на современной карте. Севернее Сигоритцкой находилась *Никольская* губа [111] с озерами Черное и Листвено на ее границе с Дубковским уездом и землями по рч.Снице, протекавшей чуть севернее пог. Владимирского. Центром губы, несомненно, был сам Володимерец, на посаде которого существовала церковь Николы[107]. Находящаяся в 4 км к северо-западу от Владимирского на правом берегу рч.Лиственки д.Голубеницы — центр *Голубинитцкой* губы [113].

На севере и западе Володимерский уезд граничил с Рожнитцкой засадой, на юге — с Выборским, а на востоке — с Дубковским уездом.

XVI. Город Выбор и его уезд[108]

Пог.Выбор находится на рч.Выборке, впадающей в р.Милье, в Новоржевском р-не Псковской обл.; по губернскому делению он состоял в Корешовской волости Островского уезда. К 80-м гг. XVI в. был городищем с наместничьим двором на Кузмодемьянском посаде. Земляные укрепления города сохранились. Территория его уезда делилась на 5 губ.

В 11 км севернее Выбора находится пог.Котелно — центр *Котелинской* губы [114]. К юго-востоку от нее располагалась *Богородицкая* губа [115] с озерками Милье, Б.и М.Долосцо, Басинец, Мошинец, Кобылье, с землями на рч.Щерлятке, Ковце и Верхнице. Некоторые из этих гидронимов к настоящему времени трансформированы: Мошинец — Машновское, Басинец — Плоское (с д.Басина на его берегу), Б.Долосцо — Далызенское, М.Долосцо — Черное, Кобылье — Кобыляк. Расположение указанных водоемов таково, что центром Богородицкой губы оказывается сам Выбор, в котором существовала церковь Успения Богородицы, давшая название губе; основной же массив ее земель находился восточнее погоста. Севернее Богородицкой располагалась *Дияцкая* губа [116], граничившая по оз.Ямнец с Сигоритской губой Володимерского уезда; вероятным центром губы было сельцо Ивановское в 5 км к северо-востоку от Выбора. *Кузмодемьянская* губа [117] с озерами Корешенец (Харишевец), Корохново (Рахново) и землями на р.Милье локализуется западнее Выбора, где в 2,5 км от него находится сельцо Карешево, и юго-западнее — по течению Мильи; центр губы, скорее всего, был в самом Выборе, где существовал Кузмодемьянский посад. Южнее Кузмодемьянской располагались земли *Крекшинской* губы [118]. Пог.Крекшино находится на р.Милье, почти у самого ее впадения в р.Сороть; земли этой губы имелись и на Сороти. В ближайших окрестностях Крекшина карта показывает д.Свиномурову и сельцо Вишлево, числящиеся в писцовом описании губы, соответственно, как Свиноморово и Вешлево.

Выборский уезд на севере граничил с Володимерским, на западе — с Вревским, на востоке — с Дубковским уездом, а на юге — с Пусторжевской землей Новгорода. Рассказывая об основании Выбора, летопись сообщает о его местонахождении "на реке над Ругодивом"[109]. Между тем Ругодев был центром Ругодевской трети Бардовского погоста Пусторжевской земли, о чем сообщает "Запись о Ржевской дани" 1479 г.

XVII. Город Дубков и его уезд[110]

Пог.Дубки находится в Порховском р-не Псковской обл., на р.Погощенке; по губернскому делению он числился в Туровецкой волости Островского уезда. К 80-м гг. XVI в. был городищем, на посаде которого существовал наместничий двор. Территория уезда делилась на 5 губ.

Погостищская (Погостицкая) губа [122] располагалась в районе озер Севко Малое, Погостище, Черное, Лиственно, Ямно. Пог.Дубки в писцовой книге именуется "погостищем" и является центром губы, в дальнейшем передавшим свои функции пог.Чернозерье на одноименном озере, идентифицируемом с оз.Погостище писцового описания. Озера Черное и Лиственно были пограничными: другие их половины входили в Никольскую губу Володимерского уезда. Севернее Погостищской находилась *Лучинская* губа [119] с оз.Лучно и верховьями одноименной речки. В 7 км западнее Дубков — д.Логи, центр *Лоской* (Ложской) губы [123]. Находящееся в 7 км к северо-западу оз.Перетес уже не входило в состав Дубковского уезда: *оно обозначено принадлежащим Володимерскому уезду*[111] В 5 км к северо-востоку от Дубков — сельцо Спасское, центр *Спасской* губы [121], который в 80-х гг. XVI в. был уже "погостищем"; на территории этой губы находится оз.Сево. Центром *Навережской* губы [120] был пог. Навережье на восточном берегу одноименного озера; в состав этой губы входили озерки Судомцо и М.Судомцо, не отмеченные на карте, но, очевидно, связанные с рч.Судомой, верховья которой отстоят на 7 км к востоку от пог.Навережье. В 1471 г. во время похода Ивана III на Новгород "пригонивше новогородци из зарубежья с Вышегородка, и в Навережкои губе и много хоромов пожгли, и церков святого Николы съжгли, велми преудивлену и чюдну, такове не было в всеи Псковскои волости, о пол третью десяти углах"[112].

Дубковский уезд был самой восточной территорией Псковской земли, вдававшейся клином в новгородские владения. На севере он граничил с Рожнитцкой засадой, на западе — с Володимерским и Выборским уездами, на востоке — с Жедрицким и Пажеревицким погостами Шелонской пятины Новгорода, на юге — с новгородской Пусторжевской землей. Вместе с Рожнитцкой засадой, Володимерским и Выборским уездами Дубковский уезд образовывал так называемое псковское "Залесье" (см. описание Рожнитцкой засады).

XVIII. Город Вороноч и его уезд[113]

Пог.Вороничи расположен на левом (южном) берегу р.Сороти, в 4 км выше ее впадения в Великую, в Пушкиногорском р-не Псковской обл.; по губернскому делению он числился в Опочецком уезде. В 80-х гг. XVI в. это уже "городище что был город Вороноч"; в нем тогда существовал наместничий двор. Земляные валы городища сохранились. Вороноческий уезд состоял из 8 губ и Богородицкого утретка.

Сам город был центром *Егорьевской* (Юрьевской) губы [127], получившей название от церкви Георгия в Вороноче. Выше по Сороти располагалась *Михайловская* губа [126] с центром в сельце Михайловском (пушкинском); в состав губы входили земли у озер Воронач (Кучане), Белогуля, Маленец, Долосцо и Повистно (Петровское?), а также у рч.Коруза. В 16

км южнее Михайловского — пог.Заклинье, центр *Заклинской* губы [131]; в ней "под деревнею под Наволоком половина озера Столбовщина, а другая половина — Ржевского уезда", и "озерко Издрано под деревнею под Издраном — в одну сторону Воронацкого уезда, а в другую сторону Ржевской уезд"[114]. На современной карте это озера Столбушино и Здраново. В состав Заклинской губы входили оз.Настцыно и земли по р.Шести. В 8 км к юго-западу от Заклинья находится пог.Поляне — центр *Полянской* губы [130], а в 11 км южнее Заклинья — пог.Теребени, центр *Теребенской* губы [132].

В писцовой книге имеется суммарное описание западной границы Вороноческого уезда: "да по Великой же реке ловят от опотцкого рубежа от речки от Кутки от устья, по одну сторону Воронацкого уезду вниз по Великой реке до Щеглины пониже Печенские губы верст с тритцать, а по другую сторону Великой реки Велейский уезд"[115]. Южную часть этой полосы составлял *Богородицкий* утреток [129], название которого связано с пог.Утрешки (Утретки) в устье р.Кудки; другая половина утретка была в Опочецком уезде. Описание внешней границы утретка также имеется: "В Богородицком утретки речки Кутки от Великие реки вверх Куткою, по одну сторону речки до Ерешкина до опоцкого рубежа 2 версты"[116].

К северу от Богородицкого утретка располагались земли *Ильинской* губы [128], которые, в частности, находились на реках Великой, Шести и Вересове. На севере Ильинская губа подходила близко к Вороноче: "да в-Ыльинской губе в Егорьевском клинце озерко Каменец"[117] — оно находится в 2 км южнее Вороноча. Земли *Спасской* губы [125] тяготеют к Сороти, располагаясь, несомненно, по ее правому (северному) берегу, коль скоро южный берег принадлежал Михайловской губе: "в обеих губах, в Спасской и Михайловской губе, по обе стороны Сороти..."[118]. *Богородицкая* губа [124] в писцовом описании отлична от Богородицкого утретка. Для ее локализации ничтожно мало данных, однако имеется сообщение, что принадлежащее к ней селище Бабеево находилось "у воронацкого посаду"[119]. Это дает основание помещать губу по восточному берегу Великой ниже устья Сороти до устья рч.Щеглынь и по северному берегу низовьев Сороти. Весьма симптоматично, что позднейшая граница между Опочецким и Островским уездами губернского деления проходила по рч.Щеглынь, включая в Опочецкий уезд заметную территорию севернее Сороти.

Вороноческий уезд граничил на севере с Вревским, на западе — с Вельевским, на юге — с Опочецким, на востоке — с Выборским уездом Пскова и Пусторжевской землей Новгорода.

XIX. Город Красный и его уезд[120]

Город Красный на р.Синей (ныне пос.Красногородский, районный центр Псковской обл.) по губернскому делению числился в Опочецком

уезде. В 80-х гг. XVI в. в нем было место дворцовое наместничье. Его уезд составляли 7 губ.

Сам город был центром двух губ — *Спасской* [135] (по церкви Спаса в Красненском застенье)[121] и *Никольской* [134] (по церкви Николы в Никольском конце на посадской стороне). На Синей, в 15 км выше Красного, находится пог.Покровский — центр *Покровской* губы [137], а в 19 км выше Покровского — пог.Синий у одноименного озера, центр *Петровской Синеозерской* губы [139] "на немецком рубеже"[122]. В 1469 г. "пришедше Немци ратью на мир на Псковскую землю, на Сине на озеро, и побиша псковичь 26 муж, и хороми пожгли; а переветник Немець и Чюдь на псковичь подвегли, а перевет учинил на них Иванке Подкурскеи да другои Иванке Торгоша... а они там же жили оба недалече от Синя озера на Псковскои земли, а там за рубежь такы держяли перевет к Немцом о порубежьных делех"[123].

В 14 км к юго-востоку от Красного имеется оз.Дреча, а также вытекающая из него и впадающая в р.Иссу рч.Дреча и на ней деревня с тем же наименованием, по которым локализуется *Никольская Дрецкая* губа [138]. В 12 км к юго-западу от Красного расположена д.Ключки – центр *Ключицкой* губы [136], местонахождение которой именно здесь подтверждается наличием по-соседству с Ключками дд.Ноготкино и Александрово, фигурирующих в писцовом описании этой губы. По-видимому, с Ключками идентифицируются Ключищи в рассказе о событиях 1518 г., когда "сила литовская пришла от Бряславля красногородцкие волости... они обострожились на Ключищах"[124]. Земли *Борисоглебской* губы [133] числятся на рр.Синей и Льже, что позволяет только приблизительно локализовать эту губу в районе к западу и к северо-западу от Красного, где эти реки сближаются.

Красногородский уезд граничил на севере с Вышгородским и Вельевским, на востоке — с Опочецким уездом, на юге — с Полоцкой землей, на западе — с Ливонской землей. Верховья рр.Иссы и Синей еще в дореволюционное время были включены в Витебскую губ.

XX. Город Опочка и его уезд[125]

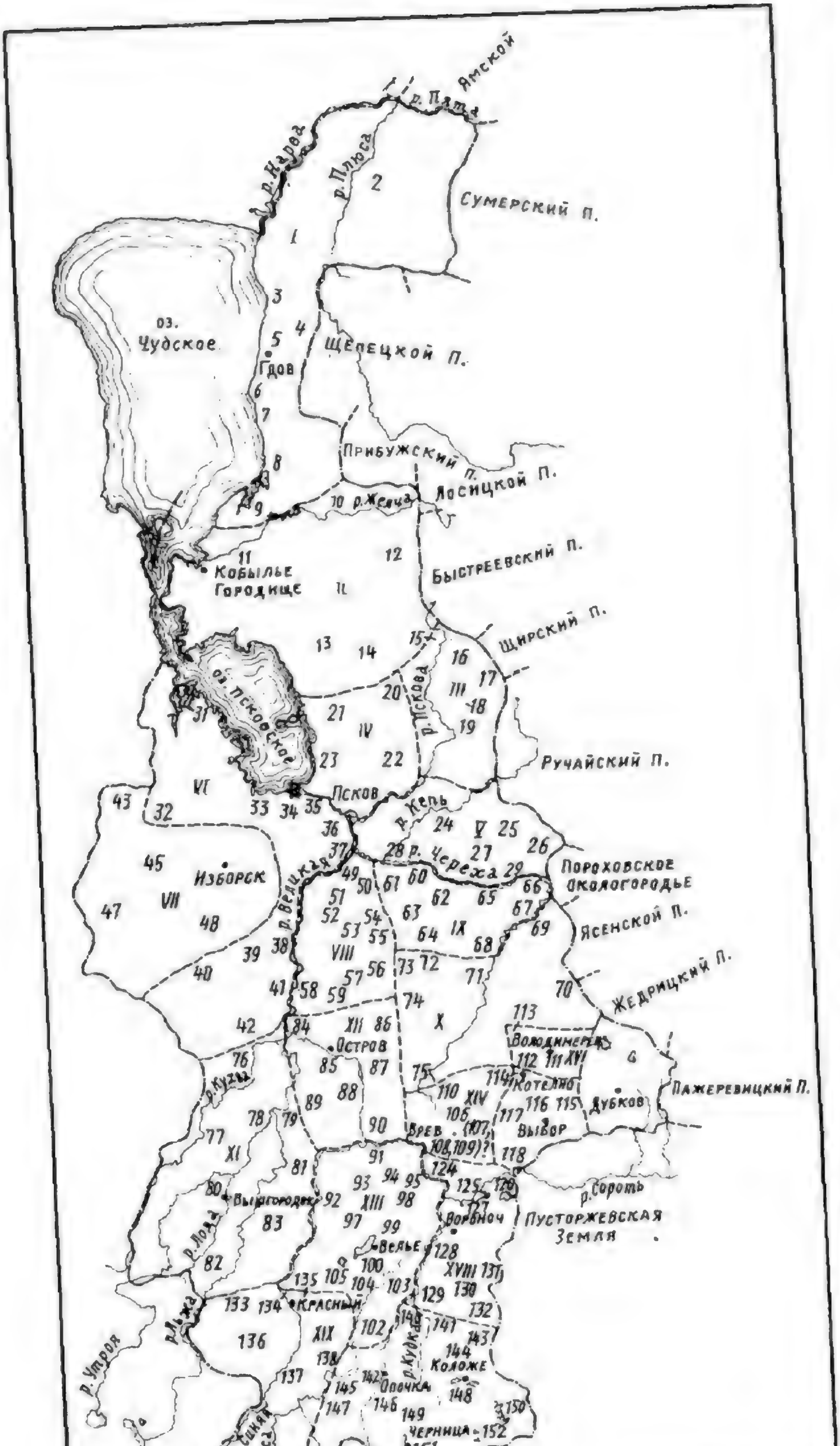
Город Опочка (в дальнейшем уездный, а ныне районный центр Псковской области) расположен на острове, образуемом течением р.Великой. В 80-х гг. XVI в. в нем были дворы наместника и воеводы. Примерный объем его уезда демонстрируется исчислением рыбных ловель на его территории: "В Опоцком уезде рыбные ловли. По Опоцкому уезду меж поместных и дворцовых деревень: озеро Кудо, озеро Крушино, озеро Рыбно, озеро Велья, озеро Глубокое, озеро Синовца, озеро Коложа, озеро Черное, озеро Нивна, озеро Жадреца, озеро Светно, озеро Кудо, озеро Ясенно, озеро Круглое, озеро Круглое ж, озеро Рубино (!) ж, озеро Долгое; да Великая река по Опоцкому уезду мимо город Опочку, речка Изгожица, речка

Каменка, речка Калитиха, речка Глубожица, речка Вельица, речка Куден, речка Касарница, речка Желотница, речка Черница, речка Крушинница, половина речки Исы, речка Ветица, речка Чертеница; половина озера Изгожа да половина озера Березова. ...В Каменской губе в Шибанове поместье Неклюдова озеро Камено..."[126].

Почти все эти гидронимы имеются на современной карте. Опираясь на их показания, можно утверждать, что Опочецкий уезд включал в себя земли по обеим сторонам р.Великой. К западу от нее протекала р.Исса (приток Великой), половина которой (т.е. она была пограничной) принадлежала Опочецкому уезду; на ее левом (западном) берегу находилась, в частности, пожня Петровской Синеозерской губы Красногородского уезда[127]. Между Иссой и Великой текут с юга на север притоки Иссы — речки Веть ("Ветица" писцовой книги) и Чертеница. Однако на некотором участке Опочецкий уезд простирался и западнее Иссы, поскольку известен пункт в составе Егорьевской Верхней губы этого уезда на р.Синей[128]. В суммарном описании пустошей Никольской, Богородицкой и Егорьевской губ фигурирует д.Пестово Рожново[129], между тем как карта указывает Пестово на правом (восточном) берегу Синей, в 15 км выше Красногородского. Остальные озера и речки, перечисленные в цитированном списке рыбных ловель, находятся восточнее Великой.

Опочецкий уезд включал 13 губ и Богородицкий утреток. Центром *Никольской посадцкой* губы [142], как это очевидно из ее названия, была сама Опочка, где на посаде существовала Никольская монастырская слобода; принадлежащие этой губе земли располагались к югу от города, т.е. восточнее Великой: среди них упомянута пустошь у оз.Невно, находящегося в 10 км южнее Опочки. С юга же, но по течению Великой, к городу примыкали земли *Кузмодемьянской* губы [146], о чем можно судить по писцовому описанию: "В Кузмодемьянской губе по Великой реке от Опочки вверх от ямские деревни от Бисеровы"[130]; сельцо Бисерово находится в ближайших юго-западных окрестностях Опочки. К городу примыкала и *Богородицкая* губа [145]: в ее кратком описании названа д.Филимоново "у посаду на Великой реке", но также пустошь на рч.Чертице[131], что локализует ее к юго-западу от Опочки. В *Егорьевской Верхней* губе [147] имелось сельцо Дорожки, идентифицируемое с сельцом Дорожнино у восточного берега Иссы.

На р.Кудке, в 12 км к северо-востоку от Опочки, находится сельцо Пустое Николо — центр *Никольской на Кутке* губы [141], а в 11 км к юго-востоку от этого сельца карта отмечает на рч.Изгоже два сельца — Покровское и Ильинское, которые были центрами *Покровской* [143] и *Ильинской* [144] губ. Земли Ильинской губы, в частности, фиксированы писцовой книгой на Кудке и на Изгожице. В 6 км южнее Покровского, на северном берегу оз.Кудо, расположен пог. Воскресенский — центр *Воскресенской* губы [148]. Севернее Никольской на Кутке губы находился пограничный с Вороночским уездом *Богородицкий утреток* [140], связанный с пог.Утрешки (Утретки) на р.Великой при впадении в нее Кудки; приходским храмом



Ямской
р. Пята
р. Нарва
р. Плюса
Сумерский п.
оз. Чудское
Гдов
Щепецкой п.
Прибужский п.
р. Желча
Лосицкой п.
Кобылье Городище
Быстреевский п.
Щирский п.
оз. Псковское
р. Пскова
Ручайский п.
Псков
р. Кепь
р. Череха
Пороховское окологородье
Изборск
р. Великая
Ясенской п.
Жедрицкий п.
Остров
Володимерец
Котельно
Дубков
Пажеревицкий п.
р. Кухва
Врев
Выбор
р. Сороть
Выбгородок
р. Лода
Ворònоч
Пусторжевская Земля
Велье
Красный
р. Лжа
р. Утроя
р. Кудка
Опочка
Коложе
Черница
р. Синяя
р. Неса

Рис.5

Локализация псковских уездов, засад и губ по писцовой книге 1585-1587 гг.

I. Уезд г.Глова; губы: 1.Наровская, 2.Кушелская, 3.Каменская, 4.Черемоская, 5.Гловская, 6.Ветвеницкая, 7.Кунейская, 8.Рудницкая, 9.Мда;

II. Уезд г.Кобылье Городище; губы: 10.Полянская, 11.Ремда (Ремецкая), 12.Гвоздинская, 13.Мыслогостицкая, 14.Мелницкая;

III. Заклинская засада; губы: 15.Псколянская, 16.Моложанская, 17.Заклинская, 18.Жеглитцкая, 19.Политцкая;

IV. Белская засада; губы: 20.Белская, 21.Верхолинская, 22.Горошинская, 23.Кривовитцкая;

V. Мелетовская засада; губы: 24.Зряковская, 25.Мелетовская, 26.Каменская, 27.Полонская, 28.Невадитцкая, 29.Видлебская;

VI. Завелицкая засада; губы: 30.Колпинская, 31.Кулейская, 32.Таиловская, 33.Пецкая, 34.Корелская, 35.Никольская в Устьях, 36.Каменская, 37.Выбутцкая, 38.Колбежицкая, 39.Смолинская, 40.Белская (Качанова слобода), 41.Новоуситовская, 42.Муравейская;

VII. Уезд г.Изборска; губы: 43.Павловская, 44.Сенская, 45.Пониковская, 46.Никольская, 47.Щемерицкая, 48.Локонская;

VIII. Прудцкая засада; губы: 49.Выбутцкая, 50.Руха, 51.Стремутцкая, 52.Заразанитцкий ям, 53.Чирская, 54.Руска, 55.Добровитцкая, 56.Прудцкая, 57.Погостицкая, 58.Усиговская Старая, 59.Залежинская;

IX. Деманитцкая засада; губы: 60.Невадитцкая, 61.Руха, 62.Оклюдитцкая, 63.Руска, 64.Знахлитцкая, 65.Видлебская, 66.Сумская, 67.Теблевитцкая, 68.Деманитцкая;

X. Рожнитцкая засада; губы: 69.Славковская, 70.Рожнитцкая, 71.Верхомоская, 72.Знахлитцкая, 73.Прудцкая, 74.Наволоцкая, 75.Воронцовская четверть;

XI. Уезд г.Вышгорода; губы: 76.Овсищская Старая, 77.Куховская, 78.Дуботцкая, 79.Елинская, 80.Борисоглебская, 81.Гривская, 82.Коровская, 83.Кокшинская;

XII. Уезд г.Острова; губы: 84.Михайловская, 85.Никольская в Острове, 86.Немоевская, 87.Заболотцкая, 88.Глинская, 89.Заборовская, 90.Синская;

XIII. Уезд г.Вельс; губы: 91.Устенская, 92.Борисоглебская, 93.Покровская, 94.Кунейская, 95.Печанская, 96.Никольская, 97.Здвиженская, 98.Богородицкая, 99.Михайловская, 100.Ильинская, 101.Рожественская, 102.Кузмодемьянская, 103.Никольская, 104.Граинская, 105.Плотичинская;

XIV. Уезд г.Врева; губы: 106.Никольская, 107.Ильинская, 108.Порецкая, 109.Богородицкая, 110.Воронцовская четверть;

XV. Уезд г.Володимерца; губы: 111.Никольская, 112.Сигоритцкая, 113.Голубинитцкая;

XVI. Уезд г.Выбора; губы: 114.Котелинская, 115.Богородицкая, 116.Дияцкая, 117.Кузмодемьянская, 118.Крекшинская;

XVII. Уезд г.Дубкова; губы: 119.Лучинская, 120.Навережская, 121.Спасская, 122.Погостищская, 123.Лоская;

XVIII. Уезд г.Воронача; губы: 124.Богородицкая, 125.Спасская, 126.Михайловская, 127.Егорьевская, 128.Ильинская, 129.Богородицкий угреток, 130.Полянская, 131.Заклинская, 132.Теребенская;

XIX. Уезд г.Красного; губы: 133.Борисоглебская, 134.Никольская, 135.Спасская, 136.Ключитцкая, 137.Покровская, 138.Никольская Дрецкая, 139.Петровская Синеозерская;

XX. Уезд г.Опочки; губы: 140.Богородицкий утреток, 141.Никольская на Кутке, 142.Никольская посадцкая, 143.Покровская, 144.Ильинская, 145.Богородицкая, 146.Кузмодемьянская, 147.Егорьевская Верхняя, 148.Воскресенская, 149.Спасская, 150.Каменская, 151.Черницкая, 152.Синовецкая, 153.Егорьевская Нижняя.

этого погоста была церковь Введения Богородицы[132]. Без должной уверенности *Спасскую* губу [149] возможно отождествить с округой пог.Жадры у одноименного озера (в писцовом описании — "Жадреца") в 10 км южнее

Опочки; в составе этой губы упомянута д.Погорелое, которая, вероятно, идентифицируется с находящимся там же Погореловым. Не исключено, что административный центр Спасской губы находился в самой Опочке, главным храмом которой была церковь Спаса Преображения[133]. В 27 км на юго-восток от Опочки, на восточном берегу оз.Каменного, расположен погост Каменный — центр *Каменской* губы [150][134]. На таком же удалении от Опочки и в 8 км к юго-западу от Каменного находятся оз. и д.Синовец — центр *Синовецкой* губы [152], а в 14 км западнее Синовца, у оз.Черного с вытекающей из него рч.Черницей, — пог.Чернецкий, центр *Черницкой* губы [151]; этот погост до начала XV в. был городом.

Отсутствуют данные для сколько-нибудь уверенной локализации *Егорьевской Нижней* губы [153]. В ее составе числится "пустошь, что была сельцо Кочатыгово, на речке на Вети" (в книге ошибочно "Вели")[135].

Опочецкий уезд граничил на севере с Вороноческим, на западе — с Красногородским уездом, на юге — с Полоцкой землей, на востоке — с Пусторжевской землей Новгорода. В дореволюционное время граница между Опочецким и Новоржевским уездами проходила по озерам Изгожье и Березово, что отражает стабильность этого рубежа со средневекового времени: в цитированном описании рыбных ловель Опочецкого уезда за этим уездом числятся "половина озера Изгожа да половина озера Березова".

◆

1. Псковские летописи, вып.2. М., 1955, с.108; ср. вып.1. М.; Л., 1941, с.26 (вместо "и за все свои волости" — "и за всю свою область").
2. Там же, вып.2, с.27; ср, там же, с.103. С 1323 г. до смерти в 1360 г. в псковских летописях упоминается Остафий князь Изборский, а с 1397 г. до смерти в 1417 г. князь Григорий Остафьевич, который принимает деятельное участие в псковских делах, уже не титулуется Изборским и сосуществует с рядом псковских князей. Не он ли был псковским посадником в 1375 и 1380 гг.? По-видимому, выделение пригорода Изборска из засады произошло одновременно с ликвидацией Изборского княжества.
3. *Российское законодательство X—XX веков, т.1: Законодательство Древней Руси.* М., 1984, с.338-339, статьи 76-77.
4. Псковские летописи, вып.2, с.107.
5. Там же, вып.2, с.26-27.
6. Сборник Московского архива Министерства юстиции (при дальнейших ссылках — Сб.МАМЮ), т.5. М., 1913, с.211-257.
7. Цифра в квадратных скобках при названиях губ соответствует позициям на прилагаемом плане.
8. Псковские летописи, вып.2, с.94.
9. Там же, вып.1, с.15; вып.2, с.22, 89.
10. *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Изд.2-е. СПб., 1882, стб.250.
11. Псковские летописи, вып.1, с.109.
12. Там же, вып.2, с.281.
13. Сб.МАМЮ, т.5, с.269-279.
14. Псковские летописи, вып.1, с.97; вып.2, с.258.
15. Там же, вып.2, с.94-95.
16. Там же, вып.2, с.140.
17. Сб.МАМЮ, т.5, с.95-103, 105-108.

18. Псковские летописи, вып.1, с.23; вып.2, с.28. Взятие Кирьипиги отражено в приписке 1368/69 г. писца Параклитика псковской Георгиевской церкви (*Срезневский И.И.* Указ. соч., стб.222).
19. Псковские летописи, вып.1, с.55-57, 61, 67, 69; вып.2, с. 50, 53, 57, 144-145, 149.
20. Там же, вып.2, с .174.
21. Там же, вып.1, с.64; вып.2, с.53, 152.
22. Сб.МАМЮ, т.5, с.165-170.
23. Известно Евангелие XIV—XV вв. с пометой XVII в.: "Моложенского погосту" (*Покровский А.В.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т.2. М., 1916, с.263, № 3).
24. Сб.МАМЮ, т.5, с.167.
25. Псковские летописи, вып.2, с.183.
26. Там же, вып.2, с.344.
27. Сб.МАМЮ, т.5, с.79-87, 155-164, 443-444.
28. Псковские летописи, вып.1, с.105.
29. На Апостоле XIII—XIV вв. имеется помета XVII в. "С Торошена" (*Покровский А.В.* Указ. соч., с.267, № 14).
30. Сб.МАМЮ, т.5, с.109-110, 201-210, 446.
31. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950, с.354.
32. Псковские летописи, вып.1, с.61; вып.2, с.52.
33. Там же, вып.2, с.160 ("Почаша подписывати церковь на Мелетове")
34. Там же, вып.2, с.61, 208.
35. Там же, вып.1, с.52; вып.2, с.49, 141. Среди записей писца в знаменитом Шестодневе XIV в. имеется и такая: "Поехати хотъ в Зряковици" (*Покровский А.В.* Указ. соч., с.278, № 43).
36. Сб.МАМЮ, т.5, с.206, 446.
37. Псковские летописи, вып.2, с.130.
38. Там же, вып.1, с.68; вып.2, с.70, 157.
39. Сб.МАМЮ, т.5, с.171-173, 176, 446.
40. Там же, с.111-132, 138-155, 442-443.
41. Псковские летописи, вып.1, с.64, 68-69; вып.2, с.52-53, 152, 156. На расстоянии около 15 км к юго-западу от Колпина на р.Меде и ее притоках имеются пункты Кахкова, Журава-Кахова, Кахква.
42. В Евангелии XIV в. имеется поздняя запись: "Ко святому Илии в Кулью" (*Покровский А.В.* Указ.соч., с.265, № 8).
43. В Прологе XIII—XIV вв. имеется запись XVII в.: "Корельского погосту Ильинской церкви" (Там же, с.291, № 89).
44. Псковские летописи, вып.1, с.77; вып.2, с.220.
45. Там же, вып.1, с.79; вып.2, с.223, 292.
46. Там же, вып.2, с.281.
47. Там же, вып.1, с.19; вып.2, с.25, 49.
48. Там же, вып.1, с.31; вып.2, с.33, 115.
49. Там же, вып.1, с.80; вып.2, с.292.
50. *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, с.48-50, № 3-6.
51. Там же, с.68, № 29.
52. Псковские летописи, вып.2, с.30, 107.
53. Там же, вып.2, с.33.
54. Там же, вып.1, с.78; вып.2, с.60, 222.
55. Там же, вып.1, с.87.
56. Там же, вып.1, с.101.
57. Уситово ("Ушиство") упоминается под 1471 г.: Псковские летописи, вып.2, с.176.
58. Там же, вып.1, с.86; вып.2, с.252.
59. Там же, вып.2, с.243.
60. *Марасинова Л.М.* Указ. соч., с.56-58, № 14, 15; с.69-71, № 30, 31.
61. Сб.МАМЮ, т.5, с.295-317, 447-448.
62. Псковские летописи, вып.2, с.95 (1341 г.), 104 (1369 г.), 221 (1480 г.).
63. Там же, вып.2, с.24. Современное наименование Нейхаузена — Ватселина.
64. Сб.МАМЮ, т.5, с.123, 127, 181-192, 445-446.

65. Псковские летописи, вып.2, с.27, 103.
66. Там же, вып.1, с.102; вып.2, с.292.
67. Земли в Русках упоминаются в псковской грамоте XIV—XV вв. (*Марасинова Л.М.* Указ. соч., с.58, № 16).
68. Псковские летописи, вып.1, с.81; вып.2, с.224, 291.
69. Там же, вып.1, с.34; вып.2, с.37.
70. Там же, вып.2, с.171. В 1629 г. Васька Болдин "во Уситвах" поставил кабак (там же, вып.2, с.281).
71. Сб.МАМЮ, т.5, с.170-180, 446-447.
72. Деманицы упомянуты в летописи под 1408 г. (Псковские летописи, вып.1, с.31).
73. *Покровский А.В.* Указ. соч., с.291, № 90.
74. Сб.МАМЮ, т.5, с.193-200.
75. Там же, с.370.
76. Псковские летописи, вып.2, с.27-28.
77. Там же, вып.1, с.31; вып.2, с.116.
78. Там же, вып.2, с.34.
79. *Андриашев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. 1. Списки селений. М., 1914, с.359-379.
80. Псковские летописи, вып.2, с.43.
81. Там же, вып.1, с.41; вып.2, с.128.
82. Там же, вып.2, с.125.
83. Там же, вып.2, с.340.
84. Сб.МАМЮ, т.5, с.318-331, 449.
85. Псковские летописи, вып.1, с.76; вып.2, с.219.
86. *Марасинова Л.М.* Указ. соч., с.74, № 34.
87. Псковские летописи, вып.2, с.243.
88. В 1629 г. Васька Болдин поставил в Елинах кабак (там же, вып.2, с.282), а в 1634 г "приходиша Литва в Вышегородщину, и много шкоты сотвориша и въ Елинах" (там же, с.282).
89. В том же 1634 г. "побиша казаки Литву в Гривах и языки приведоша в Псков" (там же, с.282).
90. С Коровинским идентифицируется топоним Коровий Бор. В 1502 г. "пришедши Немци к Красному городку и в Коровьи бору волость взяше и голов посекоша много" (там же, вып.1, с.87); в 1563 г. литовцы "вывоевывали Муравеино да Овсища обои, Коровей бор" (Там же, вып.2, с.243).
91. Сб.МАМЮ, т.5, с.280-294, 448.
92. Там же, с.133.
93. Там же, с.135.
94. *Марасинова Л.М.* Указ. соч., с.72-73 и схема на с.122.
95. Сб.МАМЮ,. т.5, с.135.
96. Там же, с.133.
97. Там же, с.372-389, 448-449.
98. Псковские летописи, вып.1, с.31; вып.2, с.116.
99. Сб.МАМЮ, т.5, с.387.
100. Там же, с.382.
101. Псковские летописи, вып.2, с.64.
102. Сб.МАМЮ, т.5, с.379.
103. Там же, с.367-371.
104. Там же, с.369-370.
105. Там же, с.371.
106. Там же, с.390-395, 449.
107. Псковские летописи, вып.1, с.62; вып.2, с.64, 150.
108. Сб.МАМЮ, т.5, с.360-365, 449.
109. Псковские летописи, вып.2, с.43.
110. Сб.МАМЮ, т.5, с.355-359.
111. Там же, с.136.
112. Псковские летописи, вып.2, с.181.

113. Сб.МАМЮ, т.5, с.332-354.
114-117. Там же, с.341.
118. Там же, с.346.
119. Там же, с.353.
120. Там же, с.258-268, 449.
121. Псковские летописи, вып.1, с.87. На свинцовой печати г. Красного 1470 г. имеется надпись: "Печа[ть с]вятого Спаса [К]расно[го]родь..." (*Янин В.Л.* Вислые печати Пскова // Советская археология, 1960, № 3, с.258).
122. Сб.МАМЮ, т.5, с.263.
123. Псковские летописи, вып.2, с.167.
124. Там же, вып.1, с.100.
125. Сб.МАМЮ, т.5, с.366, 395-417.
126. Там же, с.366.
127. Там же, с.267.
128-129. Там же, с.414. Правда, здесь не исключена ошибка: р.Синяя вместо р.Нещы.
130. Там же, с.416.
131. Там же, с.409.
132. *Васильев И.И.* Псковская губерния. Псков, 1896, с.137.
133. Псковские летописи, вып.1, с.45, 99; вып.2, с.46, 134.
134. Вероятно, к этой местности относится летописное сообщение 1239 г.: "Избиша Литва на Комне пскович засадою, месяца сентября в 25 день (там же, вып.1, с.13; вып.2, с.81) и упоминание "Каменя озера" под 1425 г. (там же, вып.1, с. 35; вып.2, с.40, 121).
135. Сб.МАМЮ, т.5, с.414.

Пусторжевская земля в XV в.: объем и границы

Ржева как административно-фискальная единица в составе новгородских владений дважды упомянута в летописных рассказах о событиях XV в. Под 1435 г. сообщается о карательном походе новгородцев на ржевичей из-за их отказа платить традиционную дань: "Тоа же зимы новогородци ходиша на Великыа Лукы рать и повоеваша; тогда же и Ржеву воеваше своих данщиков: а они не почаша дани давати новогородцем"[1]. 1 января 1478 г. во время последних переговоров еще независимого Новгорода с Иваном III новгородцы, пытаясь откупиться от великого князя, "явили ему волостей: Луки Великие да Ржеву Пустую; он же не взя того"[2].

Новгородская государственная принадлежность этой территории четко обозначена в новгородско-литовских докончаниях 1431 и 1441/42 гг.[3], а также в договоре 1471 г.: "А что Ржова и Великиа Луки, и Холмовски погост четыре перевары, а то земли новгородцкие, а в то ся тобе, честному королю, не вступати, а знати тебе своя черна куна, а те земли к Великому Новугороду. А Ржеве и Лукам, и Холмовьскому погосту, и иным землям новгородцким и водам от Литовскои земли рубежь по старине"[4]. Как видно из приведенной цитаты, Ржева, принадлежа Новгороду, платит Литве черную куну. Размер последней договорами с Литвой обозначен в виде индивидуальной нормы обложения: "а во Ржеве по две куници и по две бели, а с перевары мед, пиво по силе"[5]. В валовом выражении это образует *весьма солидную сумму: общий объем следующих с Ржевы ежегодных* податей равен 178 рублям, из которых 165 идет королю, 3 — подскарбьему, а 10 выплачивается в виде коровщины (яловщины)[6].

Вопрос об исторических обстоятельствах сложения такого совместного новгородско-литовского владения названными выше землями составляет особую проблему, которая исследована в первой части книги[7]. Целью же исследования в настоящей главе является локализация как самого ныне несуществующего города Пустой Ржевы, так и его административной округи в системе Новгородского государства XV в. Решение этой задачи представляется достаточно сложным. При организации московского фиска на новгородских территориях в конце XV в. Ржева (равно как и Великие Луки) не вошла в пятинное деление, будучи, следовательно, изъята из новгородских земель и подчинена прямо московской администрации в лице направленного в нее наместника: вопреки первоначальному отказу Ивана III взять Великие Луки и Пустую Ржеву великий князь затем все же взял их как особым образом врученные ему территории. Поэтому в комплексе новгородских писцовых описаний рубежа XV—XVI вв. пусторжевских писцовых книг не имеется, из-за чего Ржева с ее округой осталась вне поля зрения К.А.Неволина в его основополагающем исследовании исторической географии Новгородской

земли. Первая (и единственная) попытка локализации этой округи была предпринята в 1951 г. А.Н.Насоновым на ограниченном материале источников[8] и оказалась, как будет показано ниже, далеко не безупречной.

Ощутимый налет дилетантизма в суждениях о местоположении Пустой Ржевы, постоянное ее отождествление с Ржевом на Волге (Ржевой Володимеровой) были вызваны очевидным пренебрежением историографической традицией в изучении этой проблемы. В свое время К.А.Неволин, даже не занимаясь специально ржевскими загадками и используя наблюдения Н.М.Карамзина, совершенно правильно писал: "В 1536 г. вместо прежней Ржевы поставлен город на озере Заволочье, на острове Груде, и по этому озеру назван Заволочьем. Великий князь повелел перевезти сюда дворы из прежней Ржевы (Карамз., VIII, пр.49). По чему новому городу присвоялись два названия: Заволочье и Пустая Ржева. Последнее название важным считалось сохранять для сношений с королями польскими и великими князьями литовскими, которые собственно знали только древнюю Ржеву (ср. Карамз.,IX, пр.600). Местоположение нынешнего Новоржева, уездного города Псковской губернии при озере Подце, отлично от местоположения как древней Ржевы, так и Заволочья"[9]. Между тем Насонов оказался глух к этому основанному на летописных свидетельствах положению, когда, игнорируя "заволочский этап" истории Ржевы, писал: "Ржева — с.Пустая Ржева, бывшее до 1777 г. уездным центром, когда уездное управление было переведено в Аршанский стан, где учредили новый город — Новоржев"; под с.Пустой Ржевой исследователь, разделяя популярную точку зрения, понимал не Заволочье, а д.Подоржевку в районе погоста Бардово[10].

Досадным образцом поверхностности в представлениях по интересующей нас проблеме оказались суждения М.Н.Тихомирова, который, рассматривая местоположение городков в верховьях Волги, писал: "Ржев (Ржева) был крупнейшей пограничной крепостью, часто упоминаемой в разрядных книгах и в летописях. Ржевский рубеж соседил с Литовским великим княжеством и считался опасным местом, где обычно стояли большие военные силы. В 1536 г. у ржевского рубежа была построена крепость, получившая название Заволочье. Во время Ливонской войны Ржева и Заволочье выделялись в разрядных книгах как местонахождение особого воеводы"[11]. Спутав, таким образом, Ржеву Пустую с Ржевой Володимеровой, цитированный автор был последователен в своем заблуждении: "Запись о Ржевской дани", трактующую о доходах с Пусторжевской земли, он посчитал относящейся к Ржеве Володимеровой, так как упомянутую в этой записи "Туровскую треть" идентифицировал с Турами в Торопецкой земле у границы с Ржевой Володимеровой[12]. "Что касается Пустой Ржевы, — писал М.Н.Тихомиров, — то под этим названием известен был городок в Псковской земле поблизости от Воронача. Между тем этот городок, чаще называемый просто Ржовой, почему-то отсутствует среди собственно псковских городов", перечисленных в "Списке городов русских дальних и ближних"[13]. Здесь проявилось еще одно заблуждение:

ведь к Псковской провинции С.-Петербургской губернии Пустая Ржева была приписана только в 1719 г., а до того к Псковщине никакого отношения не имела[14]. Что касается Ржовы, то она как новгородский город в "Списке городов русских дальних и ближних" фигурирует, подобно другим новгородским городам, как ей и положено, среди "Залесских" городов[15].

Тот же набор неверных представлений находим в труде К.В.Базилевича: "К северу от Вяземского княжества, у границ Тверского княжества и Новгородско-Псковской земли, также лежали земли, вызывавшие многолетние споры об их принадлежности: Ржев, Торопец и Великие Луки. Экономическое и военно-политическое значение Ржева определялось его положением в верховьях Волги... В особой записке, составленной для великого князя литовского о "Ржевской дани", сообщалось: "Дань ржовъская здавна по тому шла господару королю его милости и к Новугороду и к Москве". Это дало возможность Казимиру послать в Ржевские волости своих наместников"[16]. Как и М.Н.Тихомиров, К.В.Базилевич ошибочно идентифицировал Ржеву Пустую с Ржевой Володимеровой, а на карте в своей книге истинные территории Пусторжевской волости обозначил в пределах Псковской земли.

Проблема Пустой Ржевы трудна не только потому, что исследовалась столь поверхностно, но и сама по себе. Став в какой-то момент "пустой", Ржева была затем перенесена на новое место, а ее прежнее местоположение оказалось утраченным настолько основательно, что достоверные его следы до сих пор не отысканы. Будучи пограничной с Литвой, Пусторжевская земля могла увеличиваться за счет отвоеванных у Литвы в конце XV и начале XVI вв. русских территорий, непосредственно к ней примыкавших, но в эпоху новгородской независимости входивших не в состав Пустой Ржевы, а в состав Полоцких волостей. Так, уже упомянутый город Заволочье, который на долгое время в XVI—XVIII вв. сделался административным центром Пусторжевского уезда, находился в пределах Острейской волости, отвоеванной у Литвы только в конце княжения Ивана III. Поэтому для определения объема Пусторжевской земли эпохи новгородской самостоятельности не могут быть с легкостью, без необходимых оговорок и тщательного исследования использованы материалы более позднего, хотя бы и очень близкого к 70-м гг. XV в. времени, поскольку они могут оказаться деформированными теми коррективами, какие неизбежно привносила изменчивая обстановка московско-литовской войны.

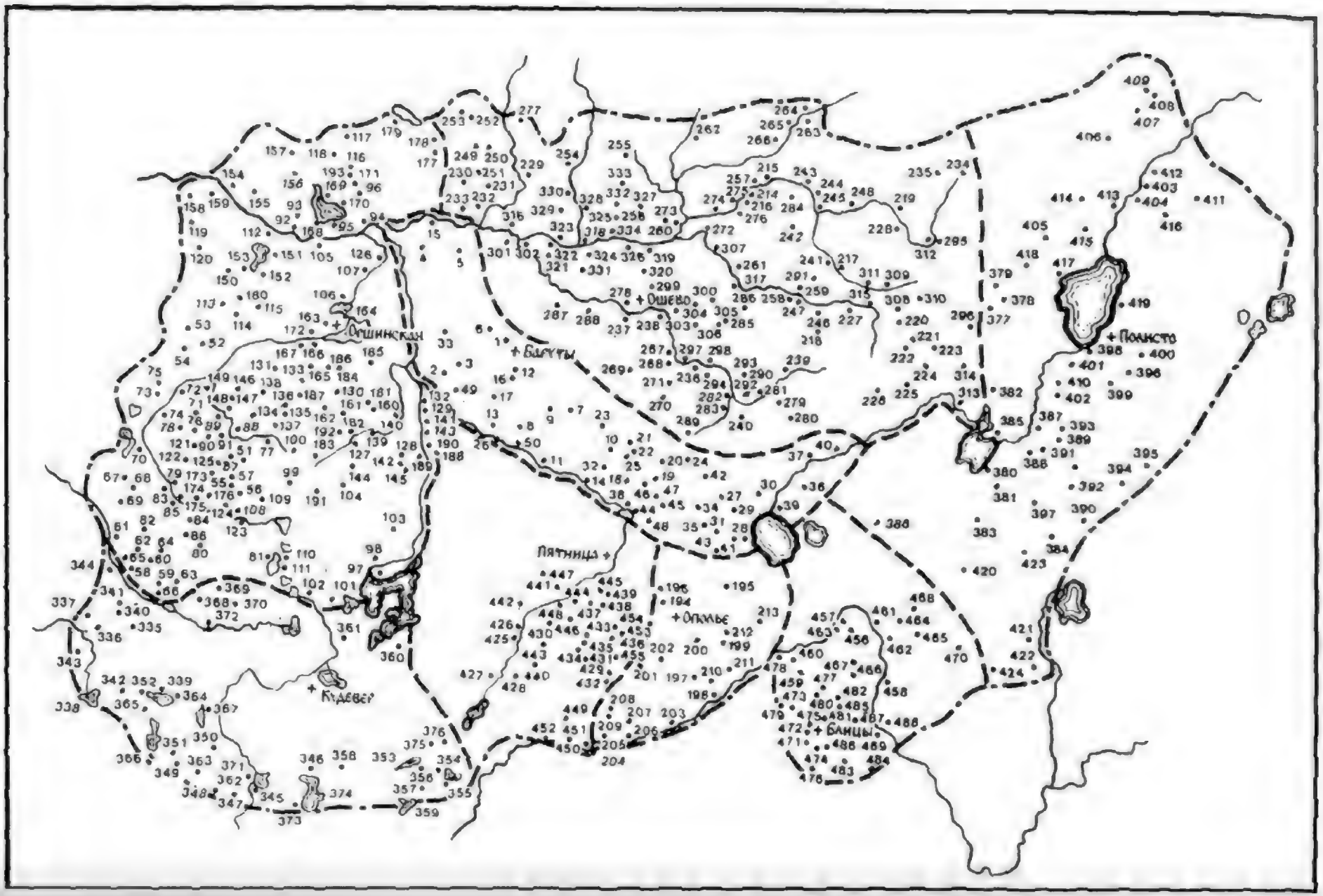
И тем не менее исходный источник для определения объема Пусторжевской земли времени новгородской независимости составляет писцовая книга Пусторжевского уезда 7091 (1582/83) г. В РГАДА имеются два списка 20-х гг. XVII в. с этой книги: 1) ф.1209, оп.1, № 8183 — со скрепою по листам подъячего Григория Гаврилова, 834 лл.; 2) ф.1209, оп.1, № 8167 — со скрепою по листам дьяка Венедикта Мохова, 880 лл. Оба списка сохранились со значительными дефектами, сами же списки идентичны вплоть до перестановки нескольких листов, связанной, возможно, с последующими реставра-

ционными и переплетными работами (во втором списке, сравнительно с первым, недостает нескольких последних листов). Первый список в дальнейших ссылках на него обозначается для краткости как "книга 7091 г." Появление списков, возможно, связано с составлением Пусторжевской книги письма и меры князя С.Д.Шеховского и подъячего Григория Гаврилова 135, 136 гг. и 137 гг. (в РГАДА имеется составленная по этой книге Платежница превосходной сохранности — ф.1209, оп.1, № 8170; несколько списков с самой писцовой книги также хранятся в РГАДА — мы будем пользоваться списком второй половины XVII в., ф.1209, оп.3, № 17229, именуя его как "книга 135-137 гг.").

Книга 7091 г. описывает поместные земли в черных волостях и станах Пусторжевского уезда — в общем итоге указано наличие в них 2528 селений (701 живущего, 265 сожженных, 1562 пустых). Сохранилось описание примерно 200 поместий и 2100 селений. Из этого числа удалось определить местонахождение около 500 селений, существовавших и в XIX в., когда составлялись 3- и 10- верстные карты Генштаба. Результаты работы представлены на топографической схеме (рис.6) Здесь следует специально подчеркнуть, что речь пока идет только о поместных землях, которые все находятся в восьми станах Пусторжевского уезда: Кудеверском, Оршанском, Борутцком, Ошевском, Полиском, Влицком, Ополенском, Пятницком. Однако это не означает, что не существовало других станов или волостей в это время в Пусторжевском уезде, тем более что некоторые намеки на их наличие имеются и в самой книге 7091 г.: "д.Смогиревичи была Туровского стану, а приписана в Борутцкий стан" (л.30); "написано было в Олянском стану" (л.751об.); "ешел в Весноболоцкую черную волость" (л.782); "ешел в черную в Олянскую волость" (л.782); "вышли в Олянский стан в черную волость" (л.784); "да за ним же поместья в Острейской черной волости" (лл.284, 351, 763об., 768).

Здесь помогает обращение к Платежнице и книге 135-137 гг.: помимо перечисленных выше восьми станов они включают в состав Пусторжевского уезда еще четыре стана: Туровский и Олянский, а также Острейский и Подгородный. Острейский стан (включающий Весноболоцкую волость) и Подгородный стан (окрестности г.Заволочья) заведомо не входили в состав собственно Пусторжевской земли, которой мы только и интересуемся, а были присоединены к Пусторжевскому уезду лишь в XVI в.[17] (г.Заволочье был основан только в 1536 г. и стал административным центром Пусторжевского уезда— описание его имеется в книге 7091 г.; г.Острее с волостьми был отвоеван у литовцев лишь на рубеже XV и XVI вв. и поначалу являл собой самостоятельную территориальную единицу — подробнее см. ниже).

Совсем иная ситуация с Туровским и Олянским станами (достаточно упомянуть, что в "Записи о Ржевской дани" наличествуют и Туровская, и Олянская трети). Пропуск их описания в книге 7091 г. мы связываем с


Пятница
Опкулье
Полисто
Ошево
Кудеверь
Блицы

отсутствием в них в это время поместных земель, на что имеется прямое указание в книге 135-137 гг.: "А положено в Туровском стану четвертные пашни в соху по 800 чети потому что мешалась добрая и середняя земля с худою землею. А поместных земель в ней не бывало, все черные волости были" (л.1161); "А положено четвертные пашни по 900 чети в соху потому что тот стан (Олянский) черных волостей" (л.1122) (возможна и иная точка зрения: описание этих станов в книге 7091 г. не сохранилось).

Сравнение данных по восьми станам книги 7091 г. и Платежницы показывает, что не произошло сколько-нибудь заметных изменений их объемов в период между письмом 7091 г. и 7135—7137 гг. (об этом, кстати, свидетельствует и тот факт, что Платежница, как и книга 7091 г., числит в восьми станах около 2500 селений. Надо учесть, что, в отличие от писцовых книг, в Платежнице для каждого поместья указывается лишь количество селений и только одно селение с названием, так что, к примеру, в указанных выше восьми станах перечислено лишь около 370 названий селений, из которых около 280, т.е. примерно 75%, встречаются и в книге 7091 г., причем ни в одном из станов этот "уровень встречаемости" не опускается ниже 50%. Действительно, в книге 7091 г. лишь Пятницкий стан описан полностью и для него "уровень встречаемости" равен 95% (в книге 7091 г. не удалось обнаружить лишь 2 из 42 селений, приведенных в Платежнице). В Борутцком и Кудеверском станах этот коэффициент равен примерно 50%, что вполне ожидаемо, так как эти станы описаны в книге 7091 г. с большими пропусками. В четырех станах — Оршанском, Ошевском, Влицком и Ополенском — он составляет примерно 90%, что показывает достаточную полноту описания этих станов в книге 7091 г. Из всех восьми станов лишь Полиский доставил сюрприз: в Платежнице обнаружилась Радежская черная волость с центром в большом селе Ратча, следов которой не было в книге 7091 г. (но это село названо в "Записи о Ржевской дани").

Рис.6

Локализация селений Пусторжевского уезда по писцовой книге 7091 г.

Борутцкий стан: 1.Юхново на р.Подлужнице; 2.Мыльнева; 3.Жар; 4.Ядренина; 5.Мирославля; 6.Подлужье на р.Подлужнице; 7.Замошье; 8.Мишкова; 9.Старополье; 10.Хряпева; 11.Турово; 12.Заборье на р. Борутице; 13.Июдина, 14.Гричкова на р.Льете, 15.Заболотье; 16.Погорелое; 17.Коростовец; 18.Дегжа; 19.Яхново; 20.Федково; 21.Заход; 22.Круглово над оз.Круглым; 23.Рудная слобода (Рудницы), 24.Ублеск (Ублиска); 25.Микулина; 26.Симанова, 27.Сушево,28.Опарино; 29.Смыково, 30.Огорелец (Горелец); 31.Конопилцыно, 32.Дорожново; 33.Пизщина (Пищина), 34.Бежаничи; 35.Дешкова; 36.Подсев; 37.Скопихин на р.Пылке, 38.Городищо, 39.Трофимов на р.Пылке; 40.Подлаево на р.Пылке; 41.Иванкова; 42.Лужница; 43.Шахматово; 44.Махново; 45.Сырой Остров; 46.Горка; 47.Спирово; 48.Мухорова на р.Шиболице, 49.Горка; 50.Одоева.

Оршанский стан: 51.Розичепово; 52.Кораблево; 53.Перхова; 54.Борки; 55.Гавзово (Габзово); 56.Горончарова; 57.Пашкова, 58.Чернаново (Чалпаново); 59.Быкова; 60.Ступино на р.Блядни (Тупино); 61.Шигиха (Шидиха); 62.Лисицина; 63.Лебединец на оз. Лебединце; 64.Косорово; 65.Лыткина на р.Блядни; 66.Ханина; 67.Брянцева, 68.Лодино; 69.Долосцо над оз.Долосцом; 70.Жукова на р.Верже; 71.Юшкова; 72.Холодный Бор; 73.Семилово у оз.Белого, 74.Степанково; 75.Полозово; 76.Рудново (Рудняха); 77.Горбачева; 78.Гришина; 79.Игнатова на р.Верже; 80.Бородулино; 81.Дудино; 82.Луковище;

83.Себеж на р.Верже; 84.Куницыно; 85.Мотовилово; 86.Гринцова; 87.Шилово; 88.Фомино на р.Медведице; 89.Щербово; 90.Сахарова; 91.Опрасово; 92.Соболицина на р.Сороти; 93.Стехов (Стехнова); 94.Лашковская (Ласковская); 95.Посадникова у оз.Шарстия; 96.Речки; 97.Гостилова; 98.Мелехова; 99.Пришвина на оз.Медведеве; 100.Черноярцов (Черноярцов); 101.Харитонов (Харитоновка); 102.Ва голино; 103.Гром; 104.Мелехова; 105.Муравичи на р.Сороти; 106.Онашкина; 107.Воманова на р.Оршице (Ломанова); 108.Захарово; 109.Тростин (Тростинец); 110.Колишкина (Колишкина); 111.Шиитева; 112.Скоморохово; 113.Онтун у оз.Онтуна (Олтун); 114.Курохново; 115.Дуткина; 116.Жукево на оз.Ругодиве; 117.Заборовье; 118 Васнлево; 119.Медведева; 120.Жарки; 121.Жадрец над р.Жадрецею; 122.Гринева; 123.Махново; 124.Ровная (Ровново); 125.Лучиновик; 126.Строжня; 127.Овдокимово; 128.Сохлово (Сухлева); 129.Иванково; 130.Скорянова; 131.Заход; 132.Коньково на р.Льсте; 133.Савина; 134.Сенное на р.Сенной; 135.Дровнево; 136.Слитина; 137.Гришина; 138.Овцыно (Овчина); 139.Опросова на р.Скроботке (Апросьева); 140.Боровичи; 141.Дшаурина (Шаурина); 142.Руднево; 143.Ячина Гора (Ячина); 144.Олексино; 145.Созонова; 146.Дуброва на р. Селянке; 147.Васютино на р.Селянке; 148.Севриково (Севериково); 149.Лосина (Лосина); 150.Свистогузова; 151.Дорожкина над оз.Вехном; 152.Селище; 153.Шкубово; 154.Нискунова; 155. Баи (Бои); 156.Стихнево (Стехнево); 157.Залучье (Залужье); 158.Коруза; 159.Селиванова; 160.Боранова; 161.Манушкино; 162.Полозова; 163.Орно на оз.Орно; 164.Шастово на р.Шице; 165.Высокая; 166.Староселье; 167.Борок; 168.Гараскина у оз.Шерстна; 169.Ракова у оз. Шерстна; 170.Пестово; 171.Ботвина на р.Ругодиве; 172.Балуково на р.Верже (Булохово); 173.Бибирево; 174.Хмелища; 175.Харитонова; 176.Добрюха; 177.Петров Погост (Петрова); 178.Кудрова; 179.Марчикова; 180.Задолжье над оз.Задоложем; 181.Мокарево; 182.Симаниха (Симииниха); 183.Лычинна (Лышинца); 184.Запятково; 185.Васюгина (Васютина); 186.Жекопино на р.Селянке; 187 Бородина; 188.Сахарово; 189.Сычя на р.Ослице (Сычева); 190.Залог; 191.Терехова; 192.Корманово; 193.Галово над оз.Ругодивом.

Отоленский стан: 194.Загоскино; 195.Глубокое (Глубоково); 196.Рагозник (Рагозно); 197.Селиваново; 198.Грибово, 199.Терехово; 200.Лубенское; 201.Пестино; 202.Вирина; 203.Боранова; 204.Погарелое; 205.Радионово; 206.Онтонова; 207. Гархово, 208.Подвишенье; 209.Кононово; 210.Хилково; 211.Минино; 212.Бруева; 213.Ощеркина.

Ошевской стан: 214.Добровичи на р.Удае (Добривицы); 215.Ларивонова на р.Удае; 216.Заполье; 217.Красное на р.Илещенкае; 218.Язва; 219.Лошково; 220.Воробец (Своробец); 221.Боровицы; 222.Городец; 223.Грязивень (Грязивицы); 224.Мошница; 225.Хошно (Хвошня); 226.Зайцов; 227.Брус; 228.Заболотье; 229.Даваритино (Варитино); 230.Суслово; 231.Окулово; 232.Доманьково на р.Чичорке; 233.Максово; 234.Шабанова на р.Удае; 235.Железенка; 236.Филино; 237.Яковлево (Яковлевское); 238.Каменка; 239.Ваншино (Вышина); 240.Борок; 241.Нехново на р.Илешинке; 242.Паскалкино (Пискалкино); 243.Дровшева (Даровшина); 244.Луковец; 245.Ворсино (Орсино); 246.Горка на р.Вревке; 247.Ворожейкина на р.Вревке; 248.Сорочиново; 249.Олешня над оз.Олешным; 250.Рог; 251.Клинец; 252.Басти Вышние (Мал.Баски); 253.Басти (Бол.Баски); 254.Цвен на р.Цвени; 255.Полозово; 256.Гривка; 257.Моютино на р.Удае; 258.Куртошки на р.Вревке (Крутошки); 259.Быныгина; 260.Греченева; 261.Грани на р. Вревке. 262.Большой Старик (Старики); 263.Псковково (Псковки); 264.Гружлово; 265.Котлница; 266.Тетерков; 267.Минино на р.Ошевке; 268.Федорово на р.Ошевке (Федово); 269.Сопрыгино; 270.Павлов Заход (Павлова); 271.Полесосенье; 272.Костоломово на р.Вревке (Хвастолом); 273.Оклад; 274.Душилово (Душилиха); 275.Бабкина (Бабина); 276.Зародовка (Наротова); 277.Тетеркин на р.Севе; 278.Великое Поле на р.Ошевке; 279.Зайкова (Зайцевка); 280.Гребло; 281.Калинина; 282.Рогалево на р.Ошевке; 283.Финаково на р.Ошевке (Финьково); 284.Чертеное (Чертенова); 285.Стега; 286.Шилово; 287.Судеревье на р.Сороти; 288.Гагрино; 289.Сменово; 290.Ситьков; 291.Черная Грязь; 292.Глушиево; 293.Глодово; 294.Брилина; 295.Плотки; 296.Язвы; 297.Гора; 298.Миткова на р.Ошевке (Маткова); 299.Пожар; 300.Озерцо на Поганых озерах; 301.Струга; 302.Кузина на р.Удае; 303.Симонова Гора на р.Ошевке; 304.Заборье; 305.Гущино; 306.Подосенов; 307.Заболотье; 308.Черемша; 309.Федорцово; 310.Желнино; 311.Пезово; 312.Соколово; 313.Горохново на р.Пылке у оз.Цевла (Трахнова); 314.Крутец; 315.Всенина; 316.Старой Двор на р.Сороти; 317.Голодуша; 318.Николы на Пласах на рр.Удае и Цвенке; 319.Княжая Дорога (Княжая); 320.Старцова; 321.Продолжие; 322.Застремянье (Застремье); 323.Поженка; 324.Савкина; 325.Пешкина на р.Удае; 326.Горбачов; 327.Кожелиха на рр.Локнице и Удае; 328.Луковище; 329.Воронов; 330.Решетников; 331.Степенино; 332.Селиванов; 333.Офонасков (Афонасова); 334.Рябкин Бор(Рябкина).

Кудеверский стан: 335.Духново; 336.Бобошино; 337.Барсуки; 338.Труфанова над оз.Изгожим, 339.Вараксино над оз.Быковым; 340.Курбакова; 341.Кудичкова (Куденкова), 342.Тишково; 343.Лаврово у оз.Гочново; 344.Зубова; 345.Гришина у р.Ололи на оз.Бардове; 346.Скоморохова над оз.Островитым; 347.Зайцова; 348.Быханова (Быхнова), 349.Голованово; 350.Скрыплев (Скрыпли), 351.Лысково (Лысово), 352.Быддино у оз.Быкова (Болдино); 353.Тишково у оз.Долгово; 354.Дорога Ратькова (Ратьково); 355.Лянина; 356.Пожар на р.Лубянице, 357.Веретея (Веретье), 358.Савино (Савкино), 359.Давыдкова у оз.Исаева; 360.Кебино у оз. Оля; 361.Зубкова; 362.Надоржевка; 363.Оленина, 364.Васинькова у оз. Быкова; 365.Веретея; 366.Хонева у оз.Березуя; 367.Глашнево над оз. Глушневым, 368.Белавино, 369.Филатовской, 370.Жданково (Жданово), 371.Романово у оз.Бардова, 372.Заборья на р.Шести (Загорье); 373.Переколотино на оз.Камени; 374.Упирки; 375.Темное у оз.Темного; 376.Сутолоки.

Полиской стан: 377.Засосье; 378.Селище, 379.Остров; 380.Цевло на оз.Цевле; 381.Смородина (Смородовик); 382.Деревенец у оз. Цевла на р.Деревенце; 383.Макарьина, 384.Боротное (Боретна); 385.Городок за оз.Цевлом; 386.Муравьи, 387.Стволно на оз.Озеравке; 388.Озеравка у оз.Озеравки; 389.Кузмина; 390.Ровная; 391.Замостье; 392.Несмино (Несвино); 393.Соколья у оз.Соколья, 394.Свиное, 395.Бредное (Бридья); 396.Язвища; 397.Веретея (Верешье), 398.Вережа у оз.Полиста, 399.Заход; 400.Лушки (Лужки), 401.Овсища, 402.Плавница; 403.Залужная; 404.Сланницы; 405.Исурьева; 406.Кисельница (Сусельница); 407.Грива, 408.Грива другая; 409.Подлезной, 410.Середняя, 411.Городище (Бол.Городище); 412.Борок, 413.Ухожена (Ухошина); 414.Рог; 415.Звездино (Гвездино); 416.Городище Меншое (Мал.Городище), 417.Шипова у оз. Полиста, 418.Грива;419.Чилец; 420.Спас в Клину (Спасов Клин); 421.Ямная; 422.Юховичи (Юхова); 423.Вихрища; 424.Осиновица (Осиновка).

Пятницкий стан: 425.Тростное (Бол.Трасны); 426.Тростная другая (Мал.Трасны); 427.Заборье; 428.Кузнецово; 429.Мастерова; 430.Глазатовское (Глазатова); 431.Голубово, 432.Затыкино; 433.Рындино; 434.Бурасово (Барасово); 435.Тиманово; 436.Межеватая Ляда (Межеватова), 437.Буткиничи (Бутки); 438.Обакумово на р. Полонице; 439.Софонтьева на р.Полонице; 440.Кожина; 441.Горка над р.Льстою; 442.Вырича; 443.Горбачево (Горбачи); 444.Кучино; 445.Дмитреево (Дмитровка); 446.Шилово; 447.Иванково на р.Овнице (Иваново); 448.Березница на р.Льсте; 449.Сорокино у оз.Волхова; 450.Малеево (Милеево), 451.Борисовская; 452.Стволово; 453.Осташкова (Осташкино), 454.Иванова (Яванова); 455.Михахина Гора (Миханина).

Влицкий стан: 456.Бор; 457.Бор другой; 458.Орехово (Орехов Брод), 459.Дряхово, 460.Гришина; 461.Плотки на р.Локнее, 462.Котово; 463.Ржаницы (Ржавник); 464.Задорожье; 465.Грива (Гривки); 466.Васково; 467.Наволок; 468.Козина; 469.Телятева; 470.Корелка; 471.Игнатово; 472.Копытово; 473.Стехирово; 474.Швилово; 475.Павлова; 476.Лутово, 477.Иванкова; 478.Утехино на р.Локнее; 479.Решетникова; 480.Васильево; 481.Рысина; 482.Дорка; 483.Продолжье; 484.Черничкина; 485.Горка; 486.Федорово; 487.Кладовицы; 488.Михайлова на р.Локнее.

В тех случаях, когда приведены два варианта названия населенного пункта, сначала оно дается по писцовой книге, а затем (в скобках) по наименованию на картах Генштаба второй половины XIX — начала XX вв.

Что касается Туровского и Олянского станов, для которых в Платежнице указано соответственно 53 и 20 названий селений, то не удается с достаточной достоверностью обнаружить ни одного из этих селений среди тех, что перечислены в книге 7091 г. В то же время те из них, какие удается локализовать, заполняют как раз пустое пространство в центре схемы (рис.6) южнее р.Льсты и в окрестностях оз.Але.

Учет этих земель, однако, практически не влияет на границы собственно Пусторжевской земли конца XVI в., как они показаны на приведенной схеме. Граница же эта выглядит следующим образом. Находящиеся в западной части уезда Оршанский и Кудеверский станы соседствовали с Псковской землей. *Оршанский стан* с центром в погосте Оршинском (ныне д.Орша Оршанского с/с Новоржевского р-на Псковской обл., на северном берегу одноименного озера; на его южном берегу в 1777 г. был

основан город Новоржев)[18] граничил на севере с псковскими пригородами Выбор и Дубков, а на западе с псковским пригородом Вороночем. Центром *Кудеверского стана* был погост Кудевер у южного берега одноименного озера (ныне с.Кудеверь Кудеверского с/с Бежаницкого р-на Псковской обл.). Этот стан на западе граничил с псковским пригородом Опочкой. *Локализация пограничной с Псковской землей линии Пусторжевского* уезда полностью подтверждается материалами Псковской писцовой книги 1585-1587 гг.[19] Следует особо отметить, что эта линия и в XIX – начале XX вв. служила границей между Новоржевским уездом, с одной стороны, и Островским и Опочецким уездами — с другой, т.е. сохранялась на протяжении столетий как традиционный административный рубеж.

К востоку от Оршанского располагался Ошевский стан, а к востоку от последнего Полистский стан, северные рубежи которых образовывали границу Пусторжевского уезда. *Ошевский стан* с центром в погосте Ашево на левом притоке Сороти речке Ашевке (ныне с.Ашево Ашевского с/с Бежаницкого р-на) соседствовал с псковским пригородом Дубков, Пажеревицким и Дегожским погостами Шелонской пятины Новгорода. *Полистский стан* с центром в погосте Полисто у южного берега одноименного озера – истока р.Полисть (ныне д.Полисто Бежаницкого с/с и р-на) граничил на севере с Дегожским погостом Шелонской пятины, а на востоке – с Офремовским погостом Шелонской пятины и Холмским погостом Деревской пятины. Пусторжевско-псковская граница и здесь полностью соответствует материалам Псковской писцовой книги 1585-1587 гг. Что касается пусторжевско-шелонского рубежа, то здесь возможно опираться на работу А.М.Андрияшева, исследовавшего эту проблему со стороны Шелонской пятины на основании данных ее писцового описания конца XV в. и 30-х гг. XVI в. К сожалению, имевшиеся у него данные позволили удовлетворительно восстановить только границы Пажеревицкого погоста — границу с Пусторжевской землей он провел, придерживаясь современной ему южной границы Порховского уезда, и эта граница полностью подтверждается нашими данными. С Дегожским погостом ситуация иная: "Границы погоста, за исключением восточной, проведенной по нынешней границе Новгородской губ., очень неопределенны. Указания писцовой книги 1539 г. (IV, 242, 264) на то, что дд.Городище и Лебяжья лежали близко ржевского рубежа, заставили провести на карте пятины границу погоста к северу от оз.Полиста и р.Гвозденки; почти вся граница с Ржевской землей очень сомнительна"[20]. Наши данные говорят о том, что эта граница проходила еще немного севернее, нежели указано А.М.Андрияшевым. Кроме того, А.М.Андрияшев не отметил границы с Пусторжевской землей Офремовского погоста, распространив слишком далеко на запад Холмский погост.

Традиционность границ позволяет, с большой вероятностью, провести северную границу Пусторжевского уезда по административному рубежу Новоржевского уезда. Граница с Холмским погостом проходила по линии оз.Дулово — оз. Русское и Межницкое (в названии последнего отразилось

его порубежное положение): пограничные деревни Пусторжевского уезда расположены к западу от этой линии, а пограничные деревни Холмского погоста, фигурирующие в писцовой книге Деревской пятины конца XV в.[21], — к востоку от нее. Немного юго-западнее оз.Дулова находится стык границ Пустой Ржевы, Холмского погоста и Великих Лук[22].

Центральную часть Пусторжевского уезда занимали Борутцкий, Туровский и Олянский станы. Центр *Борутцкого стана* находился в погосте Баруты, в 15 км восточнее Орши (ныне с.Барута Юхновского с/с Новоржевского р-на). Центром *Туровского стана* был погост Турово, в 19 км к западу от Бежаниц (ныне д.Турово на р.Льсте в Успенском с/с Бежаницкого р-на). *Олянский стан* получил свое название от оз.Але, в 20 км севернее Бардова; вопрос о наименовании его центра остается открытым за неимением убедительных данных. Названные здесь станы удалены от внешних границ уезда.

К южной границе собственно Пусторжевской земли выходили станы Кудеверский, Пятницкий, Ополенский и Влицкий, а на небольшом участке также и Полиский. *Кудеверский стан* на всем протяжении своей южной границы соседствовал с волостями Веснеболог, Острие, Вяз, бывшими до рубежа XV—XVI вв. литовскими; остальные станы — с Великолукской землей. От стыка волости Вяз с Пусторжевской и Великолукской землями граница шла по речке Рубеженке (левому притоку р.Локни в верховьях последней; она, несомненно, обязана своим названием пограничному положению), затем по р.Локне, образующей южный рубеж Пятницкого и Ополенского станов, поворачивая резко на юг от места впадения в Локню справа речки Дрегуты на границе между Влицким и Ополенским станами. Существует позднейшее (1683/84 гг.) описание небольшого участка границы между Пустой Ржевой и Великими Луками как раз в этом месте[23]. От устья Дрегуты рубеж идет по этой речке до дороги, "которою ездят с Лук Великих Пусторжевского уезду в Николаевский монастырь, что именуется Дворцы", далее, оставляя в пределах Великолукского уезда пустошь Акулину, граница направляется к дороге, "которою ездят Луцкого уезду с Михайловского погосту Пусторжевского уезду в деревню Жукову", оставляя затем в пределах Великолукского уезда д.Старостину и сельцо Шабаново (на картах XIX в. — Шипанева), а в Пусторжевском уезде д.Исакову. Отсюда граница поворачивает на северо-восток к оз.Дулову, т.е. к стыку Пусторжевской, Великолукской земель и Холмского погоста.

Центром *Пятницкого стана* был погост Пятница на р.Льсте (ныне не существует) рядом с д.Дворцы Дворицого с/с Бежаницкого р-на, в 12 км к юго-западу от Бежаниц. Центр *Влицкого стана* — погост Блицы (ныне не существует), находившийся около поселка Локня — центра Локнейского р-на Псковской обл. Центр *Ополенского стана* — д.Аполье Аполинского с/с Бежаницкого р-на, в 13 км к югу от Бежаниц.

Таким образом определяется объем собственно Пусторжевской земли в конце XVI в. Существуют ли основания утверждать, что именно таким он был и в XV в., в эпоху новгородской независимости? Ведь, как уже отмечено выше, он мог быть деформирован административными процес-

сами конца XV — XVI вв., связанными с отвоеванием у Литвы соседних русских волостей. Оказывается, что такие основания имеются.

В непосредственной близости от южной границы собственно Пусторжевской земли, как она была установлена по писцовому описанию 7091 г., находятся бывшие до конца XV в. литовскими волости Вяз, Веснеболог, город Острие. Между тем в духовной Ивана III 1504 г. эти пункты не *числятся за Пустой Ржевой. После отвоевания у Литвы волость Вяз* включена в состав "Лутцких волостей", а город Острие обозначен как центр самостоятельного административного округа: сыну Василию "даю город Острее с волостьми и со всем, что к нему потяглю, а волости Березан, Невле, Усван, Ловцо, Весневолого"[24].

Традиционность пусторжевско-псковской границы подтверждается летописным сообщением 1435 г., согласно которому новгородцы во время уже упомянутого карательного похода "села вся пожгоша по Ръжове, по плесковьскыи рубежь и на Бардове"[25]. Бардово легко отыскать на топографической схеме (рис.6) в юго-западном углу Пусторжевской земли (пункт 345); это самый удаленный от Новгорода заметный пункт Пусторжевской земли, *действительно находящийся непосредственно у "плесковского рубежа"*. О принципиальном соответствии пусторжевско-новгородской границы конца XVI в. рубежам этих земель в XV в. выше уже сказано.

Еще одним доводом в пользу традиционности этих границ является пообежное обложение селений Пусторжевского уезда по книге 7091 г. (в поместных землях числится около 2100 обеж). Учитывая, что обжа была специфической мерой обложения именно новгородских земель, можно думать, что обежное обложение Пустой Ржевы было произведено в то же время, что и в пятинах, а следовательно, в тот момент пусторжевские земли рассматривались как несомненно новгородские. Разумеется, этот аргумент действителен для подтверждения пусторжевско-псковской и пусторжевско-литовской границы, *но не касается рубежей Пустой Ржевы с новгородскими* пятинами и с Великолукской землей, которые, как и Пустая Ржева, до 1478 г. принадлежали Новгороду.

Однако решающим для подтверждения вывода о неизменности пусторжевских границ оказывается суммарное описание Пусторжевской земли в "Записи о Ржевской дани" 1479 г., излагающей традиционную схему распределения доходов от эксплуатации этой территории, как она сложилась "здавна"[26].

Следует отметить прежде всего, что отраженная в этом документе административная система Пустой Ржевы еще не знает деления на станы, которое, следовательно, было учреждено уже московской администрацией. Надо полагать, что такое нововведение датируется еще концом XV в., т.е. временем, непосредственно последовавшим за падением Новгорода, поскольку в писцовом описании соседнего с Пустой Ржевой новгородского Холмского погоста рубежа XV—XVI вв. также уже фигурирует деление территории на станы[27], которых не было еще в 1471 г.: тогда Холмский погост делился на переварЫ[28].

Согласно показаниям "Записи о Ржевской дани", территория Пустой Ржевы в 1479 г. состояла из двух погостов — Ошевского и Бардовского, каждый из которых делился на "трети" (иначе называвшиеся "губами")[29].

Центр *Ошевского погоста* — уже известное нам с.Ашево на речке Ашевке, в 20 км к северу от Бежаниц.

К 1-й трети этого погоста относились Влицы, Цебло и Рачьчин. *Влицы* — уже упоминавшийся погост Блицы, который в конце XVI в. был центром Влицкого стана. *Цебло* — д.Цевло на южном берегу одноименного озера в Цевельском с/с Бежаницкого р-на, в 28 км к востоку от Бежаниц. *Рачьчин — д.Ратча, между оз.Полисто и оз.Русским, в Бежаницком с/с и* р-не, в 58 км к северо-востоку от Бежаниц. Таким образом, описанная треть Ошевского погоста занимала восточную часть Пусторжевской земли, граница на севере с Пажеревицким и Дегожским погостами Шелонской пятины, а на востоке и на юге с Офремовским погостом Шелонской пятины, Холмским погостом Деревской пятины и Великолукской землей. Территория этой трети в дальнейшем была разделена на Влицкий и Полиский станы.

2-я треть Ошевского погоста называлась *Будкинской*. Ее центр находился в д.Будки (Будкиничи, Бутки) Дворицкого с/с Бежаницкого р-на, в 16,5 км к юго-западу от Бежаниц (и в 4 км к юго-западу от погоста Пятница). Поскольку в "Записи о ржевской дани" в рамках рассказа о событиях, случившихся в Ошевском погосте, упоминается и Опольский "въездъ" (уезд), к Будкинской трети следует отнести также и Ополье — уже упомянутую выше д.Аполье, ставшую в XVI в. центром Ополенского стана. Будкинская треть примыкала с запада к южной части описанной выше 1-й губы, граница на юге с Великолукской землей, а на западе с Бардовским погостом Пустой Ржевы.

С севера к Будкинской трети примыкала 3-я треть Ошевского погоста, которая называлась *Туровской*. Ее центр — уже известная нам д.Турово на р.Льсте, в 19 км к западу от Бежаниц. В "Записи о ржевской дани" имеются сведения о том, что в Туровской трети на сорока жеребьях, принадлежавших новгородцам "Киприяновичу", Василию Костелеву и Илье, "тые люди живуть по самому рубежу Новгородьскому"[30]. В силу самой географической ситуации речь здесь может идти только о рубеже между Пусторжевской землей и Пажеревицким погостом Шелонской пятины, иными словами, — о том, что Туровская треть примыкала к 2-й трети Ошевского погоста с запада, простираясь на север до границы Пусторжевской земли с Шелонской пятиной.

Подтверждение этому можно извлечь из наблюдений над составом новгородских землевладельцев Туровской трети. Из 109,5 обжи, зафиксированных в Шелонской пятине как принадлежащие Василию Костелеву, 32,5 обжи находились в Пажеревицком погосте, а 64 обжи — в соседних Вышегородском, Облучском и Дегожском погостах[31]. В других пятинах Василий Костелев земли не имел. В Пажеревицком погосте также числилось 113 обеж Кузьмы Киприянова; еще 8,5 обжи принадлежали ему в

соседнем Дегожском погосте[32]. В том же Пажеревицком погосте 84,5 обжи принадлежали Есифу Киприянову, который владел еще 12 обжами в соседнем Ясенском погосте[33]. Ни Кузьма, ни Есиф Киприяновы земли в других пятинах не имели. Очевидно, что землевладение Василия Костелева и "Киприяновича" (был ли он Кузьмой или Есифом) в Туровской трети Ошевского погоста было как бы продолжением их земельных массивов в примыкающих с севера к Пусторжевской земле погостах Шелонской пятины Новгорода.

Надо полагать, что, хотя центром Туровской трети XV в. и Туровского стана XVI в. было одно и то же селение, однако подвластные ему в разное время территории не совпадали. Туровский стан вместе с Пятницким и Опольским станами возникли при разделении на станы Будкинской трети. Туровская же треть была в дальнейшем поделена на Борутцкий и Ошевский станы.

Центр *Бардовского погоста* локализуется в д.Бардово близ южного берега одноименного озера в Бардовском с/с Бежаницкого р-на, в 57 км к юго-западу от Бежаниц, на "псковском рубеже". Бардово было центром и 1-й — *Бардовской* — трети Бардовского погоста, совпадающей с позднейшим Кудеверским станом.

2-я его треть называлась *Ольской* по оз.Алс, в 20 км севернее Бардова. Позднее она превратилась в Олянский стан.

3-я треть Бардовского погоста — *Ругодевская*. Ее центр — д.Ругодево на речке Ругодеве Стехновского с/с Новоржевского р-на, в 20 км к северу от Новоржева. В московское время Ругодевская треть наверняка совпадала с Оршанским станом.

Таким образом, Бардовский погост XV в., располагаясь к западу от Ошевского, представлял собой вытянутую с юга на север полосу вдоль границы с Псковской землей. С ней же он граничил на севере, где территория псковских пригородов Выбора и Дубкова образует выступ, направленный в сторону новгородско-пусторжевского пограничья.

Погосты Пусторжевской земли не были равновелики, как не были равновелики и составляющие их трети. Сравнительную оценку территорий возможно извлечь из сопоставления сумм, следующих с них в литовскую казну согласно "Записи о ржевской дани". Из общей суммы в 178 руб. на Ошевской погост приходится 111,25 руб. (103 руб. королю, 2 руб. подекарбьему, 6,25 руб. яловщины), а на Бардовский погост 66,75 руб. (62 руб. королю, 1 руб. подскарбьему, 3,75 руб. яловщины). Если расклад дани по третям в Бардовском погосте не был регламентирован ("которая треть больши людеи въ неи, отътуль дани больше идеть, а которая меньша треть, съ тое дани меньши по головамъ бирывали")[34], то расклад по третям в Ошевском погосте жестко фиксирован. Там королю с 1-й трети (Влицы, Цебло, Рачьчин) идет 28 руб., с Будкинской трети 48 руб., с Туровской трети 29 руб.[35]. Наименьшая сумма указана для самой обширной по площади 1-й трети, однако это и наименее населенная часть Пусторжевской земли, изобилующая болотами и лесами (большое пространство в ней занимал район непроходимых Полистовских болот). Наибольшая

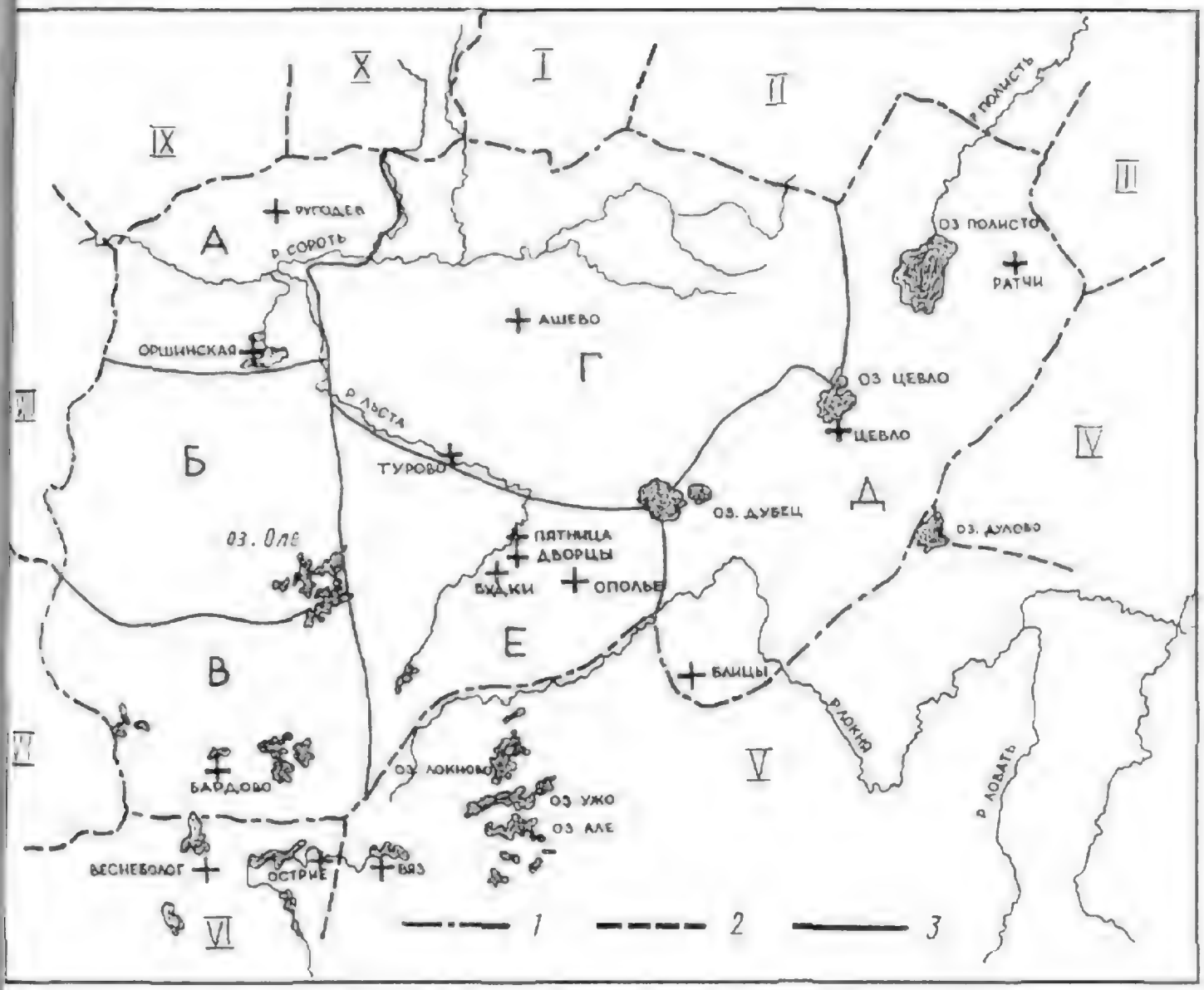


Рис.7

Пусторжевская земля в XV в.

Границы: 1 - Пусторжевской земли; 2 - соседних земель, погостов и пригородов; 3 - третей (губ). Трети погостов *Бардовского:* А. Ругодевская, Б. Ольская, В. Бардовская; *Ошевского:* Г. Туровская, Д. Блицы, Цевло, Рачьчии, Е. Будкинская. *Соседние территории:* в Новгородской земле погосты - I. Пажеревицкий, II. Детожский, III. Офремовский, IV. Холмский; V. Великолукская земля; VI. Литовские земли; в Псковской земле пригороды - VII. Опочка, VIII. Вороноч, IX. Выбор, X. Дубков

сумма идет с Будкинской трети с ее самым плотным в пределах Пусторжевской земли населением.

Установленная таким образом территория древней Пустой Ржевы имеет протяженность с запада на восток около 90 км, а с севера на юг около 60 км (рис.7).

Полученные результаты близки к предложенным А.Н.Насоновым, однако в локализации Пусторжевской земли, предпринятой этим исследователем, имеются три существенные погрешности. Во-первых, он не

смог идентифицировать Будкинскую треть и определить местонахождение ее центра. Во-вторых, Ольскую треть он связал с д.Олисово, "находившейся в 22 км от Новоржева, между левою стороною Святогорского тракта, правою Опочецкого и б.границей Опочецкого уезда"[36]. Между тем эта деревня не имеет никакого отношения к Пустой Ржеве, находясь уже в псковских пределах. В-третьих, — и это наиболее существенная ошибка, — намечая южную границу Пусторжевской земли, А.Н.Насонов писал: "Рубеж этот проходил южнее так называемого "Заволочья" и озера Подце, расположенного к востоку от верховьев р.Великой"[37]. Как уже отмечено выше, эта территория была отвоевана у Литвы уже в московское время, а *в эпоху новгородской независимости составляла часть округи литовского* города Острие. По свидетельству "Записи о Ржевской дани", в Острие, за литовский рубеж, укрывались из Пустой Ржевы ее жители от произвола московских наместников. В частности, в Острие к пану Богдану бегут оба ржевских королевских наместника — и Ошевской, и Бардовский[38].

* * *

В особом рассмотрении нуждается вопрос о местонахождении древнего центра Пусторжевской земли — города Пустой Ржевы. В ранних ее летописных упоминаниях (1406-1435 гг.) Ржева еще не называется "Пустой". Впервые "Пустая Ржева" фигурирует с ошибкой в ее локализации ("Пустаа Ржова на Волге"), прямо свидетельствующей о молодости и еще непривычности нового термина, в рукописи середины XV в.[39] Поэтому запустение Ржевы и обретение соответствующего эпитета к ее названию естественно связывается с событиями 1435 г., уже упоминавшимися выше по их изложению в Псковской летописи. Подробнее этот эпизод описан в Новгородской I летописи: "В лето 6943. Ездиша воеводы новгородчкыи в зиме: посадник новгородчкои Иван Васильевиць, и посадник Григории Кюрилович, и тысячкои Федор Олисиевич, Есиф Васильевиць, Онанья Семенович, Остафеи Есифович, и бояри новгородскыи и новгородчов много, а с рушаны Федор Остафьев, Михаила Буиносов, и порховице; и идоша тримя путми, и казниша ржевиць, и села вся пожгоша по Ръжове, по плесковьскыи рубежь и на Бардове, божиею помощью придоша в Новъгород вси здрави и с полоном"[40]. В "Записи о Ржевской дани" Пустая Ржева не упоминается вовсе, равно как и в более поздних писцовых материалах. В летописном рассказе 1478 г. о предложении новгородцев *Ивану III* взять под свою руку Ржеву Пустую и Великие Луки, очевидно, имеются в виду волости с таким названием, а не их центры.

В январе 1536 г. "велел князь велики поставити во Ржевьском на Литовском рубежи град землян, нарек его Заволочье и дворы Ржевские велел перевести"[41]. Очевидно, что поход 1435 г. оказался роковым для *Ржевы, хотя ее агония и затянулась на целое столетие. С возникновением* Заволочья в него был перенесен административный центр Пусторжевского уезда. В качестве местопребывания воеводы город Заволочье в писцовых и разрядных книгах, как правило, носит двойное обозначение: "во Ржеве

и в Заволочье", "во Ржеве в Заволочье", "во Ржеве Пустой и в Заволочье"[42]. Центром Пусторжевского уезда город Заволочье оставался до 1777 г., когда администрация уезда была переведена в основанный тогда же город Новоржев.

Где же находился в XV в. город Пустая Ржева? Вероятно, первая версия его местонахождения могла бы основаться на данных И.К.Кирилова в его знаменитом труде 1727 г. Различая Заволочье и Пустую Ржеву, И.К.Кирилов изложил следующие сведения, касающиеся ямской гоньбы: "Во Ржеве Пустой ям. Гоняют до Пскова 180 в., до Лук Великих 70, до С.-П. 500, до Новогорода 300, за польский рубеж до гор.Мемля 50, до Опочка 60"[43]. Под Мемлем здесь подразумевается Невель, а Пустая Ржева в системе указанных Кириловым расстояний соответствует нынешнему городу Пустошке (точнее — его пригородному пункту Старой Пустошке). Однако Пустошка была во времена И.К.Кирилова лишь ямской станцией Заволочья (у Кирилова — "Заволочье — городок деревянный к польскому рубежу"), находившегося от Пустошки в 10 верстах, и, поскольку в первой половине XVIII в. Заволочье было синонимом Пустой Ржевы, Пустошка и возникла как ям Пустой Ржевы, заимствовав от нее и свое упрощенное название.

В 1822 г. профессор П.Цеплин высказал мнение о том, что местом древней Пустой Ржевы является с.Подоржевка, находящееся в 5 км к западу от Бардова, т.е. на псковском рубеже Пусторжевской земли[44]. Это мнение было затем сочувственно воспроизведено Н.С.Арцыбашевым и К.А.Неволиным[45], после чего превратилось в традиционное[46], хотя никаких сколько-нибудь серьезных аргументов в его пользу в литературе не приводилось. Не привел их и один из последних исследователей проблемы М.Е.Васильев, называющий Подоржевку городищем, хотя никаких следов фортификаций там нет. Находки на селище в Подоржевке относятся или к IX—X, или же к XVI в.[47], что никак не соответствует летописной Пустой Ржеве. Между тем локализация Пустой Ржевы в Подоржевке вступает в явное противоречие с уже цитированным показанием Новгородской I летописи под 1435 г., где крайним пределом похода новгородцев показаны псковский рубеж и Бардово, хотя Подоржевка находится ближе к псковскому рубежу нежели Бардово. Цитированное место по существу содержит очень простую мысль: новгородцы прошли, сжигая села, по всей Ржевской земле вплоть до псковского рубежа и самого дальнего от Новгорода пусторжевского пункта — Бардова. Если город Пустая Ржева находился в непосредственном соседстве с Бардовым и даже ближе к псковской границе, предпочтение Бардова нелогично и непонятно. Столь же нелогичным представляется и расположение центрального пункта обширной земли в ее крайнем юго-западном углу, на опасном пограничье с Литвой и Псковом.

Более обоснованным кажется намерение искать место Пустой Ржевы там, где существовало более густое население и где положение административного центра представляло бы большие удобства для его коммуникаций с подведомственной ему округой. По-видимому, из подобных

соображений исходили К.А.Неволин, который вопреки сочувственному цитированию мнения о Подоржевке показал на своей карте место Пустой Ржевы около Кудевера, и М.К.Любавский, поместивший Пустую Ржеву близ восточного берега оз.Алс[48]. Наиболее перспективными, однако, кажутся такие поиски в Будкинской трети Ошевского погоста, с которой не только собирались наиболее значительные суммы дани, но которая, по всей вероятности, играла особую роль в системе административного управления, по крайней мере, Ошевского погоста: в "Записи о ржевской дани" говорится, что князь Константин (московский наместник) приехал "в тую треть в Будкиничи, как мужи собрались, и он немъши королева наместника Онисима въбил до смерти"[49].

Существует возможность указать пункт достоверной локализации Пустой Ржевы. Он прямо назван в тексте, хорошо известном историкам, но не понятом из-за неправильного воспроизведения в изданиях. Приведем рассказ псковской летописи об основании города Заволочья в той транскрипции, которая всегда публиковалась: "Тоя же весны замысли государь наш князь великии Иван Васильевичь новои город поставити от литовского рубежа на Заволочье озеро Подце, а остров Груда, начаша его звати по озеру город Заволочье; и церкви постави Покров святеи богородицы, а приделы Иванна Усекновение главы да Георгия великого, и присуд з дворец и наместников дву, и посажан свел на Заволочье, и повеле им там дворы ставити"[50]. В приведенной цитате издателями начиная с Н.М.Карамзина[51] конец не был понят и в публиковавшемся виде синтаксически бессмыслен. Правильна следующая транскрипция: "...и присуд з Дворец, и наместников дву, и посажан свел на Заволочье, и повеле им там дворы ставити", где слово "Дворец" является топонимом. До перевода в Заволочье присуд (т.е. административный округ), двое наместников (как и в системе литовской администрации XV в.) и посажане имели своим местопребыванием некий пункт, носивший название Дворцы[52]. Но именно так назывался погост на р.Льсте в пределах Будкинской трети Ошевского погоста — нынешняя д.Дворцы Дворицкого с/с Бежаницкого р-на. Бок о бок с ним расположен еще один погост — Пятница (будущий центр Пятницкого стана), практически неотделимый от Дворцев, а в 4 км — Будки (Будкиничи), центр Будкинской трети. Такая концентрация центров указывает на особую административную освоенность ближайшей округи Дворцев. Подтверждение такой локализации Пустой Ржевы обнаруживаем в "Выписи из новгородских изгонных книг" 1703 г., в которой на основании данных начала XVII в. сообщается, "сколко от которого яму до которого города и до урочища верст". В этой выписи указано, в частности, "по счетным списком", что от Новгорода "до Ржовы Пустые и до Дворец 220 в."[53]. Очевидно, что Дворцы и Пустая Ржева не могли бы находиться на равном удалении от Новгорода, если бы Пустая Ржева идентифицировалась с Подоржевкой, отстоящей от Новгорода на 36 верст дальше Дворцев.

В системе ямской гоньбы Дворцы были важнейшим узлом дорог. Через них проходила Луцкая дорога, соединявшая Новгород с Великими Луками,

которая начиналась от Сухловского яма на дороге из Новгорода в Псков. На этой дороге "от Ошевского яму до Дворецкого яму 25 в., от Дворецкого яму до Дунянского яму 30 в." В Псковскую землю из Дворцев уходила Воронетцкая дорога, на которой "от Дворетцкого ж яму до Оршанского яму до Воронеча 30 в.; и всего от Дворетцкого яму до Воронеча 60 в., а от Новгорода 280 в." Еще одна дорога, начинаясь от Дворцев, называлась Заволоцкой и вела к Полоцку: "По Заволоцкой дороге от Дворетцкого яму до Елинского яму 30 в. ...Ям в городе Заволочье, от Заволочья до Полотска 150 в. А до Невелского и до Горожанского яму по 60 в., а до Елинского 35 в."[54]. О наличии яма в Дворцах говорит уже книга 135-137 гг.: "В Пятницком же стану на Дворцах по сказке старост и старажилцов бывала ямская слобода... Да к той же ямской слободе отхожие пустоши" (л.1091); "да на Дворцах в ямской слободе церковь во имя Ильи пророка" (л.1093).

Дворцы называются городом в "Книге большому чертежу": "На Великой же реке город Выбор. От Воронача 25 в. город Дубков; от Дубкова 20 верст город Володимерец да город Дворца... Полотск от Озерища 100 верст, на реке на Двине на правом берегу; от Невля города до Нещорды 30 верст; Нещорда стоит на озере; от Нещорды 40 верст город Заволочье; от Заволочья 25 верст Дворца"[55]. Все указанные здесь расстояния совершенно фантастичны, поэтому не могут быть приняты в расчет для каких-либо локализаций; важно только именование Дворцев городом.

В высшей степени показательным представляется следующий эпизод, приведенный Н.В.Пиотух. В середине XVII в. возникла необходимость в восстановлении крепости в Заволочье, однако местные помещики, стремясь предотвратить бегство холопов из сильно вдавшейся в литовские пределы территории, просили "для воровства и управы" быть по-прежнему "губному старосте, а не воеводе ... на Дворцах"[56].

Все приведенные здесь характеристики Дворцев (одинаковая с Пустой Ржевой удаленность от Новгорода, центральное положение в пусторжевских коммуникациях, именование городом, прямые указания на важное положение в административной системе) способствуют локализации Пустой Ржевы в районе Дворцев. В то же время очевидно недвусмысленное противопоставление в "Выписи из изгонных книг" Дворцев Пустой Ржеве. Это противопоставление дает возможность предполагать первоначальное место Пустой Ржевы в соседней с Дворцами Пятнице, откуда администрация после запустения Ржевы в 1435 г. переместилась в Дворцы.

Материалы для окончательного понимания ситуации дает книга 135-137 гг.: "В Пятницком стану на Дворцах на реке на Льсте был монастырь во имя великого чюдотворца Николы, монастырь и храм сожгли, игумена и братью побили литовские люди, а ныне на том монастырском месте строил монастырь по государеву указу старец Никандра... Да к тому ж монастырю монастырская слободка... А написано за тем монастырем та земля по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте... 128 году, а дана им та земля к тому монастырю из Дворецкие из ямские слободы земли" (лл.1089-1090об.); "На Дворцах же место дворовое, а бывал

двор намесничей, а у двора стоит церковь во имя великие Христовы мученицы Пороскове нарицаемые Пятницы" (л.1092 об.).

Способом проверить эту локализацию послужили бы археологические раскопки, которые однако не должны ограничиваться поисками древних фортификаций: Ржева упоминается в источниках лишь с 60-х гг. XIII в.[57] и запустевает в 1435 г.; она могла иметь только острог, а не систему валов и рвов.

1. Псковские летописи, вып.2. М., 1955, с.132.
2. ПСРЛ, т.25. М.; Л., 1949, с.319; т.8. СПб., 1859, с.194; т.6. СПб., 1855, с. 216; т.12. СПб., 1901, с.183.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (при дальнейших ссылках — ГВНиП), с.105-106, № 63; с.116, № 70. В докончании 1431 г., дошедшем в сильно фрагментированном виде, интересующее нас место не сохранилось, однако расчет конъектур убедительно показывает полную тождественность договоров 1431 и 1441/42 гг.
4. ГВНиП, с.130-131, № 77.
5. Там же, с.116, № 70; с.131, № 77.
6. Акты, относящиеся к истории Западной России (при дальнейших ссылках — АЗР), т.1 (1340-1506). СПб., 1846, с.87-92, № 71; Сборник Муханова. Изд.2-е. СПб., 1866, № 29; *Русская историческая библиотека* (при дальнейших ссылках — РИБ), т.27. СПб., 1910, № 140.
7. Формуляр новгородско-литовского докончания, возобновлявшегося всякий раз при перемене на литовском столе, восходит, по крайней мере, к первой половине XIV в. См.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991, с.178-179.
8. *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951, с.124-126.
9. *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853, с.225-226, примеч.1. В действительности на оз.Нодце расположен г.Заволочье (см. ссылку 36).
10. *Насонов А.Н.* Указ. соч., с.125.
11. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с.199.
12. *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // Исторические записки, т.40, 1952; перепечатано в кн.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979, с.117.
13. Там же, с.116.
14. *Неволин К.А.* Указ. соч., с.233-234.
15. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (при дальнейших ссылках — НПЛ). М.; Л., 1950, с.477. По мнению Н.В.Пиотух, "совершенно очевидно", что залесская Ржева и была Володимеровой, а Пустая якобы в XIV в. была литовской (*Пиотух Н.В.* Ржева Пустая // Вопросы истории, 1992, № 11-12, с.175). В действительности Литве в момент составления "Списка городов русских дальних и ближних" принадлежала как раз Ржева Володимерова, ошибочно обозначенная в нем как "Пустая", но в окружении других литовских городков верхней Волги. Ср.: *Успенский Вл.* Литовские пограничные городки Селук, Горышин и другие. Тверь, 1892; *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР, 1984, № 6.
16. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, с.285 и карта-вкладка.
17. Н.В.Пиотух справедливо указала, что Острейский и Подгородный станы входили в Пусторжевский уезд во время составления книги 7091 г. (*Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII в. и материалами генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: Модели и технологии исторической информатики. Труды III Конференции ассоциации "История и компьютер". М., 1996, с.307-308; *Аракчеев В.А.* Великолукский и Пусторжевский уезды

во второй половине XVI в.: землевладение и земледельцы // Studia humanistica. 1996: Исследования по истории и филологии. СПб., 1996, с. 47-65).

18. Привязка к современной ситуации осуществлена с помощью издания: Административно-территориальное деление Псковской области (1917-1988 гг.). Справочник, Кн.1 и 2. Л., 1988, а также 3-километровой карты "Псковская область", отражающей состояние местности на 1981-1990 гг.
19. Сборник Московского архива Министерства юстиции (при дальнейших ссылках — Сб.МАМЮ), т.5. М., 1913.
20. *Андриашев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг., вып.1: Списки селений. М., 1914, с.286, 313; вып.2: Карты погостов. М., 1914, карты IX и X.
21. Новгородские писцовые книги (при дальнейших ссылках — НПК), т.2. СПб., 1862, стб. 826-880.
22. Упоминание рг. Перетина на Луцком рубеже с Холмом (РГАДА, ф.1209, оп.3, № 17150, л.75) не имеет отношения к рассматриваемому сюжету.
23. РГАДА, *ф.1209*, оп.1, № 478, *лл.488-492*: "*Межа учинена меж Лукого и Пусторжевского* уездов по старожиловым разводам и по скаскам".
24. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950, с.357, № 89.
25. НПЛ, с.418.
26. АЗР, т.1, с.87-92, № 71.
27. НПК, т.2, стб.826-880.
28. ГВНиП, с.131, № 77.
29. АЗР, т.1, с.89. Н.В.Пиотух неверно относит этот документ к 1484-1488 гг.(*Пиотух Н.В.* Ржева Пустая, с.177-178). Правильную дату — 1479 г. — дает сам контекст "Записи о ржевской дани" (см.: *Янин В.Л.* Указ. соч., с.200-202). Документ также недвусмысленно отождествляет "треть" и "губу". Указание Н.В.Пиотух (*Пиотух Н.В.* Ржева Пустая, с.176; по-видимому, вслед за Грековым — ср.: *Греков Б.Д.* Избранные труды, т.IV. М., 1960, с.156) о том, что Ошевская треть якобы делилась на губы, неверно.
30. АЗР, т.1, с.89.
31. *Андриашев А.М.* Указ. соч., вып.1, с.22, 143, 270, 313, 349.
32. Там же, с.285, 313.
33. Там же, с.165, 313, 367, 401.
34. АЗР, т.1, с.91.
35. Там же, с.87.
36. *Насонов А.Н.* Указ. соч., с.125.
37. Там же, с.124-125.
38. АЗР, т.1, с.87-92.
39. НПЛ, с.476.
40. Там же, с.417-418.
41. ПСРЛ, т.8, с.291; т.13, 1-я половина, СПб., 1904, с.89.
42. См., например: Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974, с.49, 131, 152, 169; *Васильев М.Е.* Городище Заволочье // Краткие сообщения Института археологии, вып.144. М., 1975, с.95-99.
43. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977, с.92.
44. Северный архив, 1822, № 23, с.366.
45. *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России, т.3. М., 1843, примеч.1131; *Неволин К.А.* Указ. соч., с.225.
46. *Васильев Н.Н.* Псковская губерния. Историко-географические очерки. Псков, 1896, с.236-237; *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912, с. 188; *Насонов А.Н.* Указ.соч., с.125; *Васильев М.Е.* Городище Ржева Пустая // Краткие сообщения Института археологии, вып.150. М., 1977, с.96-97; *Янин В.Л.* Указ. соч., с.200.
47. Труды Псковского археологического общества за 1913-1914 гг., вып.10, с.164; *Васильев М.Е.* Городище Ржева Пустая, с. 96-97.
48. *Неволин К.А.* Указ. соч., карта; *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовского государства. М., 1893, карта; *Голубцов И.А.* Пути сообщения на бывших землях

Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в // Вопросы географии, сб.20, 1950, с.301 и карта.

49. Отказ от традиции локализовать Пустую Ржеву в Подоржевке демонстрирует Н.В.Пиотух (*Пиотух Н.В.* Ржева Пустая, с. 176), предпринявшая попытку искать ее на территории Борутцкого стана.
50. ПСРЛ, т.4. СПб., 1848, с.301; Псковские летописи, вып.1. М.; Л., 1941, с.108.
51. *Карамзин Н.М.* История государства Российского, т.VIII, примеч.49.
52. Досадно, что Н.В.Пиотух, заметившая некоторое административное значение Дворцев в XVII в. (*Пиотух Н.В.* Ржева Пустая, с.177), не обратила внимания на их завуалированное *неверной транскрипцией упоминание в летописном рассказе 1536 г. Цитируя этот* рассказ, она даже опустила в нем наиболее важное для понимания проблемы место.
53. *Голубцов И.А.* Указ. соч., с.296.
54. Там же, с.297.
55. Книга большому чертежу. М.; Л., 1950, с.154-155. В Дворцах находился Дворецкий Пусторжевский Николаевский монастырь (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, стб.406, № 39), соборная церковь которого по упразднении монастыря стала приходской (*Васильев И.И.* Указ. соч., с.138).
56. Сб.МАМЮ, т.6, М., 1913, № 76/III, 76/IV, 78; *Пиотух Н.В.* Ржева Пустая, с.177.
57. Имеется в виду ее упоминание в "Уставе о мостех".

Великолукская земля: объем и границы

Важным источником для определения объема и границ Великолукской земли является духовная грамота Ивана III 1504 г., в которой его сыну и наследнику Василию завещаются "...город Луки Великие с волостьми, и с погосты, и со всеми пошлинами, да Лутцкие же волости Пуповичи, Вяз, Чяспла, Коротаи, Дубно, Комша и с ыными месты, что к ним потягло"[1]. Перечисленные здесь пункты имеются на 10-верстной карте Генштаба: *Пуповичи* — в 25 км западнее Великих Лук (между Сокольниками и Новосокольниками); *Вяз* — д.Вяз на южном берегу оз.Б.Вяз, в Вязовском с/с Новосокольнического р-на Псковской обл., в 65 км к северо-западу от Новосокольников; *Чяспла* — по-видимому, д.Гаспля, в 10 км к северо-западу от г.Невеля; *Коротаи* — д.Коротаи на восточном берегу одноименного озера, в 10 км к северо-востоку от Невеля; *Дубно* — д.Дубно, в 25 км севернее Невеля, или же озеро с таким названием рядом с Заволочьем; *Комша* — д.Комша на р.Ловать в Борковском с/с Великолукского р-на Псковской обл., в 45 км к югу от Великих Лук.

Эта и предпринимаемые ниже локализации представлены на топографической схеме (рис.8).

Все локализованные пункты расположены в узкой полосе, которая как бы обозначает западную и южную границы Великолукской земли. Это кажется тем более очевидным, что непосредственно к западу от указанной полосы находится территория, заведомо не имевшая отношения к Великим Лукам; о ней в той же духовной грамоте 1504 г. говорится: "Да ему ж даю город Острее с волостьми и с всем, что к нему потягло, а волости Березаи, Невле, Усваи, Ловцо, Веснеболого"[2]. Нынешнее *с.Острие* находится у восточной оконечности одноименного озера, в 6 км западнее локализованной выше д.Вяз, которая в духовной Ивана III поименована "Лутцкой волостью". В 10 км западнее Острия и в 8 км южнее пусторжевского погоста Бардово расположен погост *Веснеболог. Невле* — округа оз.Невле, на берегу которого позднее возник г.Невель, находящийся в 10 км к юго-западу от "Лутцкой волости" Коротая. Близ Невеля, в 10 км западнее этого города, расположено *оз.Усвоя*, а к северо-западу — *оз.Ловица*, на берегу которого находится д.Ловец Ловецкого с/с Невельского р-на, в 21 км от Невеля. *Березаи* — вероятнее всего, оз.Березно в 10 км к юго-западу от г.Пустошки.

Локализация перечисленных пунктов, действительно, фиксирует западную и южную границы Великолукской земли, однако эта граница не древняя, а та, что возникла к моменту составления духовной Ивана III в 1504 г. Еще в конце 70-х гг. XV в. и Острие, и Пуповичи находились за пределами как Пусторжевской, так и Великолукской земли, поскольку "Запись о Ржевской дани" свидетельствует о том, что в этих пунктах жители Пустой Ржевы укрывались от произвола московских наместников:

в Острие к пану Богдану бежит ржевский королевский наместник Зенько, а затем Ивашка Незнашев; "иньшие" убежали в Пуповичи к пану Зеновею. Тот же статус Пуповичи сохраняют и в 1492 г.[3] Однако уже к началу 1494 г., когда состоялись литовско-московские переговоры о заключении мирного и брачного договора, положение меняется. 1 февраля 1494 г. "говорили опосле того о Пуповичях, что к Лукам у Корсаковичев взято, да у князя у Семена у Соколинского. И бояре говорили: что в старых докончаньех писано, а и ныне в докончанье писати по тому же. Великому Новугороду рубеж с Литвою по старому рубежу; и кто будет перелез через старой рубеж, ино тому суд и обыск. И они на то и положили, что по тому и докончанье писати"[4]. Как это очевидно, московским боярам не было ясно, кто же первым "перелез через старой рубеж". Однако в марте того же года в "Памяти бояром", отправляющимся на переговоры в Литву, Иван III указывает: "А учнут говорити о Пуповичах и о иных волостках, что задавалися к Лукам, — и бояром молвити: сказывают то, что Лутское, а

Рис. 8
Локализация урочищ, упоминаемых в литовско-московских спорах конца XV — начала XVI в.

земля Новогородская; ино на то обыск"[5]. Такой же наказ повторяется и в марте 1498 г.: "А възмолвят что о Пуповичах, или о иных о которых волостках, которые тянут к Пуповичам, или о Рогачеве, — ино говорити: Пуповичи и те волостки изстарины земля Новогородцкая, а Рогачев изстарины Тферскос"[6]. В 1500 г. в Пуповичах был особый московский наместник[7]. В 1502 г. Пуповичи явно принадлежат Москве: "тое весны, априля, приходил пан Петраш Епимахович из Полотьцка на Пуповичи на волость; и дети боярьские князя великого многых жолнырей избиша, а иных поимаша"[8].

Литовско-московская война 1500-1503 гг., в ходе которой 9 августа 1500 г. москвичами был взят Торопец, завершилась перемирием на шесть лет, заключенным 26 марта 1503 г. В ходе переговоров литовская сторона уже не претендует на Пуповичи, но настаивает на принадлежности Литве волостей Вяз и Каратан, признаваемые Москвой пуповичскими. Среди волостей, обозначенных литовскими послами как "свои", числятся "Витебские волости: Брус, Дречьи Луки, Велиж, Усвят, Озерища, Плавсец, Жижец, Озерца. — Полотцкие волости: Замошье, Боровляне, Мошники, Дрыса, Освие, Нещердо, Лисно, Вяз[9], Коротае, Вязмо, Клинно, Ситняне, Озерища, Кубок, Весноболого, Непоротовичи, Вербилова слобода"[10]. Очевидно, что это перечисление характеризует состав тех территорий, которые уже находились практически в руках московских воевод.

В ответных пунктах московской стороны завоеванные территории были разделены на три разряда: 1. "А се те волости, которые дали послы в списке написавши, а в перемирном были списке; и князь велики обыскал, что те волости к целованью не приваживаны и не сидит на них никто". На интересующей нас территории Иван III из числа таких волостей признал литовскими следующие: "А Витебские волости: Брус, *Дречьи Луки*. А *Полотцкие волости: Мошники, Дрыса, Освичье, Нещорда*, Лиственна[11], Непоротовичи, Вербилова слобода, Кубок, Вязмо, Клино, Ситняне, Себеж, Замошье". 2. "А се те волости, которые были в перемирном списке написаны, а послы их в своем списке не писали; и князь велики о них обыскал, что они к целованью не приваживаны и не сидит на них никто: Речица, Брянин, Горболь, Навоз, Сороковичи, Остр, Лучичи, Свержень, Туров, Долыс, Вщо, Мушковичи, деревни Похмости"[12]. 3. "А се те волости, кои написали послы, что их к целованью не приваживали, а в перемирной грамоте были написаны, а и ныне им в перемирной грамоте быти"; на интересующей нас территории к таким волостям, которые, как ниже будет очевидно, целовали крест к Москве, относятся: "Велиж, Озерцо, Плавсец, Жижец, то волости Торопецкие и ныне тянут к Торопцу; а Замошье и Боровляне Велижские волости погосты; а Свято заложилось к Лукам тогды, коли Торопец взяли, да от тех мест тянут к Лукам; а Озерища тогды ж целовали к Пуповичам, да и ныне тянут к пуповскому волостелю; а Коротан и Вязма[13], то Пуповские волости изстарины; а Весноболого целовали ко Ржеве, и ныне тянут ко Ржеве". Однако Иван III "для первого свойства с

государем с вашим поступается" ряда волостей, в том числе из интересующих нас — Озериц и Свята (Усвята)[14].

Переговоры завершились следующим размежеванием. К Москве перешли территории "...города Торопца и волостей Данькова, Любуты, Дубны, Рожны, Туры, Бибиревы, Старцовы, Нежелские, Велижские, Плавестцкие, Жижетцкие, Озерские, Казариновские; города Острея и волостей: Березаа, Невля, Усваа, Ловца, Веснеболога и что к тем городам и к волостем изстарины потягло земль и вод и всяких угодей; и тебе, Александру, королю полскому и великому князю Литовскому и Русскому, в те перемирные лета, в шесть лет, тех наших городов и волостей и земль всех не воевати, не зацепляти ничем". Легко заметить, что именно в этих границах вновь присоединенные к Москве земли фигурируют в составленной спустя год духовной Ивана III. Однако так называемые "Лутцкие волости" (Пуповичи, Вяз, Чяспла, Каратан, Дубна, Комша) в перемирной грамоте не названы: они тем самым признаны безусловно принадлежащими Москве, вероятно, на основе декларированных в 1494-1498 гг. обысков.

Со своей стороны, Иван III обещал "также не воевати, ни зацепляти ничем в те перемирные лета" "города Витбеска и волостей: Бруса, Дричьих Лук, Свята, Озериша; города Полтеска и волостей: Мошников, Дрысы, Освия, Нещорды, Непоротович, Вербиловы слободы, Кубка, Вязма, Клина, Ситняи, Лисны, Себежа, Замошна"[15]. Локализация перечисленных здесь пунктов важна для определения границы, фиксированной перемирием 1503 г.

Свято — поселок Усвяты, районный центр Псковской обл. на р. Усвяче и оз.Усвят. *Озерище* — поселок Езерище на южном берегу одноименного озера в Витебской обл., в 20 км к югу от Невеля. *Брус* и *Дречьи Луки* локализовать не удается; относительно Дречьих Лук известно, что они находились на Зап.Двине[16].

Себеж — г.Себеж, центр Себежского р-на Псковской обл., на северном берегу Себежского оз. *Лисна* — д.Лисно на южном берегу одноименного озера в Витебской обл., в 29 км к югу от Себежа. *Освия* — поселок Освея на южном берегу оз.Освейского в Витебской обл., в 16 км к западу от Лисна. *Нещорда* — оз.Нещердо в Витебской обл., в 40 км к юго-востоку от Лисна. *Дрыса* — оз.Дриссы (исток р.Дриссы), в 12 км к востоку от Нещердо. *Ситняне* — д.Ситно у одноименного озера в Витебской обл., в 28 км к юго-востоку от Нещердо. *Замошне* — по-видимому, д.Замошье (Замошница) Чайкинского с/с Себежского р-на, в 9 км к северу от Нещердо[17].

Вербилова слобода — д.Вербилово Алольского с/с Пустошкинского р-на Псковской обл., при впадении р.Алоли в Великую, в 22 км к северо-западу от г.Пустошки. *Кубок* — д.Кубок Усть-Долысского с/с Невельского р-на Псковской обл., на восточном берегу оз.Кубецкого, в 13 км к северо-западу от Невеля. *Клин* — по-видимому, д.Клиновая Ловецкого с/с Невельского р-на, в 47 км к западу от Невеля. *Вязмо* — по-видимому, д.Язно Ловецкого с/с Невельского р-на, на южном берегу одноименного озера, в 40 км к западу от Невеля. *Мошники* и *Непоротовичи* локализовать не удалось.

Размежевание 1503 г. оставило открытым вопрос о принадлежности ряда волостей, входящих в число тех, которые были перечислены в перемирном списке, но не названы в списке литовских послов, -- в частности, волостей Свержень, Долыс, Вщо. *Свержень* -- оз.Сверзно в 6 км к западу от Пустошки. *Долыс* — оз.Долысское в 18 км к северо-западу от Невеля. *Вщо* — оз.Ущо в 6 км к северу от оз.Долысского. Именно этот район становится сразу в силу его двусмысленного положения особенно притягательным для московского проникновения. В 1510 г. король Сигизмунд жалуется на то, что москвичи "землями его многими завладели королевскими: в Полотцку четырнадцатью волостми, да бояр его пять волостей, да Витебских волостей половину волости Озерищские, да половину волости Усвятцкие; и государь бы в те волости, которые писаны у него в перемирной, вступатись не велел и виноватых велел скарати, чтобы вперед обид и насильств никоторых не было"[18].

Конкретный состав захваченных после перемирия волостей и реакцию на литовские жалобы отражают документы 1512 г. Сначала разговор между литовской и московской сторонами касался волости Неведро; так называется озеро и погост на его восточном берегу, в 21 км к юго-западу от Пустошки. Литовскому послу сообщено: "...о том писал король, что государев волостель Пуповской завладел его королевскою Полотцкою волостью Неведрое; ино то урочище Неведрее изстари государевы волости Пуповские, и тянули к Пуповской волости при отце государеве, великом князе Иване, и при его брате, короле Александре"[19]. От короля последовало новое представление, утверждающее, в частности, что "наместник государев, Пуповской, забрал в полотцком повете село Могилно, Сутаки, Неведрее, Свирбло, Вклейно, Аливо, Утог Великое, Утойцо Малое, Звозное, Клейна, Замшу", на что был получен однородный с предыдущим ответ: "А те волости с урочищи, о которых еси говорил, — государевы, к Пуповской волости по старине и писаны в доканчалной в государеве стороне; а ныне государь там пошлет и велит того сыскати и ведомо королю о том учинити"[20].

Почти все указанные здесь пункты отыскиваются на картах и в списках населенных мест. *Могилно* — погост, а ныне д.Могильно Красноармейского с/с Себежского р-на, на северном берегу оз.Могильно, в 17 км к западу от Пустошки. *Сутаки* — д.Суток на южном берегу одноименного озера, центр с/с Себежского р-на, в 17 км к юго-западу от Пустошки. *Неведрее* — озеро и погост, выше уже локализованные. *Свирбло* — оз. и д.Свибло Красного (в д.Сутоки) с/с Себежского р-на, в 20 км к юго-западу от Пустошки. *Вклейно* — оз. и д.Уклейно Красного с/с Себежского р-на, в 24 км к юго-западу от Пустошки. *Аливо* – оз. и погост Лива на его западном берегу в Чайкинском с/с Себежского р-на, в 30 км к юго-западу от Пустошки. *Утог Великое* -- оз. и д.Утуга на его южном берегу в Чайкинском с/с Себежского р-на, в 33 км к юго-западу от Пустошки. *Утойцо Малое* — по-видимому, д.Утужица в 7 км к северо-западу от Утуги. *Клейна* — д.Уклейница в Бояриновском с/с Себежского р-на, в 15 км к западу

от Уклейно. *Замша* — д.Замощье (Замошница) в Чайкинском с/с Себежского р-на, в 2 км к югу от д.Утуга. *Свозное* локализовать не удалось.

Цитированные документы с очевидностью показывают, что, вопреки свидетельству духовной 1504 г. о принадлежности Пуповичей к "Лутцким волостям", они остаются центром самостоятельного административного района с особым волостелем. В самостоятельности этой административной единицы убеждает и формула перемирной грамоты 1522 г., в которой утверждается рубеж "Новгородцким волостем, Лукам Великим и Пуповичам, и Ржове, и городу Острею, и волостем: Березаю, Невлю, Уеваю, Лопцу[21], Веснеболоту, и Холмскому погосту, и Велиле, и Лопастицам, и Буйцу, и иным волостем всей земле Новгородцкой с твоею землею с Литвою, и с Полочаны, и с Витбляны, земле и воде по старым рубежам". Впрочем, это те же рубежи, которые были установлены перемирием 1503 г., *признающим литовскую принадлежность* "города Витебска и волостей Бруса, Дречьих Лук, Свята, Озерища; города Полотцка и волостей Мошников, Дрысы, Освия, Нещорды, Непоротовичь, Вербиловы слободы, Лубка[22], Вязма, Клина, Ситнян, Лисны, Себежа, Замошья"[23]. Проблемы "Пуповских волостей" перемирная грамота не затрагивает.

Эта проблема еще какое-то время сохраняет свою неопределенность. В конце 1522 г. в памяти, данной московским послам в Литву, говорится: "да учнут говорити... о Лутцкой волости о Острее, или о иных волостей в ту ж версту... или о Велижской волости учнут говорити, чтоб князь великий которого места из тех одного, или двух поступился королю... молвити: нам государем нашим о докончанье так не наказано делати"[24]. В 1524 г. в ответ на жалобу короля, что "наместники твои луцкии волость нашу Усвятцкую к Лукам приворачивают и иншии волости Полотцкии, листы свои к ним присылают, велячи им дани наши куничныи собе давати", великий князь Василий отвечает: "мы им в те волости вступатись не велим"[25]. Впрочем, в следующем, 1525 г. Москва высказывает встречную претензию: "Да из иных наших украинных городов присылают к нам наши воеводы и наместники украинных городов из нашие отчины из Смоленска, и из Торопца, и с Лук Великих, и изо Ржевы, и из иных наших украинных городов, а сказывают, что из твоих городов вступаются в наши земли и в воды, через перемирные грамоты, и обиды нашим людем велики чинятся от твоих людей татбами и розбои и грабежи великими"[26]. По-видимому, именно равновесие претензий привело к тому, что новое перемирие, заключенное в 1527 г. на два года, повторило все детали размежевания 1503 и 1522 гг., не коснувшись вопроса о принадлежности "Пуповских волостей"[27].

Западные районы этих волостей, претензию на возвращение которых неоднократно заявляла Литва, к 1531 г. прочно освоены московской администрацией. В конце указанного года претензию по поводу литовского *вмешательства в эти земли вносит уже Москва*: "а на Луках и во Ржеве вступаютца твои люди в наши волости в Острее, в Суточи, в Могилной, в Верзно, и в Березной, и в Шапчницы, и в Ясо, и в Пестун, и Вербилово, и в Рыбно, и людем нашим обиды велики чинят татбами и розбои и грабежи

великими, и к целованью наших людей тех волостей приводят к Витебску"[28].

Большинство перечисленных здесь пунктов выше локализовано (в том числе *Верзно*, несомненно, тождественное Свержну, которое в другом документе транскрибировано как Свержень). *Ясо* — оз. и погост Яссы на его южном берегу в Алольском с/с Пустошкинского р-на, в 13 км к северо-западу от Пустошки. *Рыбно* — оз. и д.Рыбно в Макеютинском с/с Себежского р-на, в 22 км к северо-западу от Пустошки. *Шапчицы* — по-видимому, д.Шапчина у западного берега оз.Каратан. *Пестун* локализовать не удалось. Следует обратить внимание на то, что в числе защищаемых от Литвы волостей оказывается и Вербилово, принадлежность которого Литве провозглашена всеми перемирными грамотами.

Изложенные материалы позволяют сделать вывод о том, что так называемая Пуповичская волость не была частью Великолукской земли. Присоединенная к ней около 1498 г., она является особой административной единицей, постепенно расширяющейся захватом расположенных западнее ее земель, да и созданной, вероятно, для такого расширения. К моменту падения новгородской независимости Пуповичская волость управлялась литовскими чиновниками, и, хотя с самого момента присоединения Пуповичей к московским владениям внедряется версия об исконной принадлежности Пуповичей к новгородским владениям, подтверждения этому московские власти не обнаружили, всякий раз только декларируя необходимость обыска по этому поводу.

* * *

Подтверждает приведенные выше наблюдения относительно того, что ряд волостей, обозначенных в духовной Ивана III принадлежащими к "Лутцким волостям", в действительности к ним не относился, "Великолуцкая писцовая книга письма и меры Тимофея Бабарыкина да подъячего Евлампия Шатохина 134 и 135 (1625-1627) гг.", превосходно сохранившийся список XVIII в. с которой находится в РГАДА[29]. В дальнейшем эта книга для краткости называется "книгой 134/5 гг." В ней описаны поместные земли трех волостей (Озерецкой, Жижецкой и Плавецкой) и 15 станов. Выше уже приведены свидетельства 1503 г. о том, что Плавец, Жижец и Озерца в литовское время принадлежали к числу Витебских волостей, а после отвоевания Торопца стали волостями Торопецкими. Следовательно, в состав собственно Великолукской территории входили только земли 15 станов, перечисляемые ниже в той последовательности, в какой они приведены в книге 134/5 гг. (см. рис.9; названия станов даны по книге, названия погостов — по 10-верстной карте Генштаба).

Центром *Михайловского стана* был погост Михайловский, в 11 км к юго-востоку от пусторжевского Ополья и в 8 км к западу от пусторжевских Блиц. Центр *Дунянского стана* — погост Дуняни, в 12 км южнее Михайловского погоста. Еще южнее, в 25 км от Михайловского погоста, расположен погост Горожане — центр *Горожанского стана*, а в 7 км западнее

Дунян — центр *Надеинского стана* погост Надеино. Погост Локново над оз.Локново, в 12 км к юго-западу от Михайловского погоста, был центром *Локновоцкого стана*. В 10 км к югу от Локнова, на южном берегу оз.Але (не путать с одноименным озером в Пусторжевской земле), находился погост Меритеницы — центр *Миритиницкого стана*.

Центр *Хрянского стана* погост Храны расположен в 14 км южнее Меритенец. В 9 км к юго-востоку от Хран расположен погост Раменье, центр *Раменского стана*, а в 8 км восточнее Раменья — погост Балагой, центр *Бологоцкого стана*. В 6 км к юго-востоку от последнего находится погост Горки, центр *Горецкого стана*.

Центры *Спасского*, *Сельчецкого* и *Никольского станов* не установлены. Возможно, центром как Спасского, так и Никольского — самых обширных станов, единственных, название которых не связано с обозначением местности, был сам город Великие Луки, так как два этих стана примыкают к городу и именно части этих станов составили дворцовую Никольскую волость, что "стала под Луками Великими вместо отбылые Невельские Плисские волости"[30]. Для общей ориентации следует отметить, что Спасскому стану принадлежали погосты Окны (с церковью Николы) над оз.Окнями, в 19 км к югу от погоста Раменье, и Ловно (с церковью Покрова), в 12 км к юго-востоку от погоста Окны и в 19 км к юго-западу от Великих Лук, а Никольскому стану — погосты Плаи (с церковью Троицы), в 15 км к западу от Великих Лук, и Детковичи (с церковью Покрова) над р.Ловатью, в 27 км к северу от города. Судя по находящимся в них церквам, эти погосты не могли быть центрами соответствующих станов; между тем административная система XIX в. еще числит в Великих Луках Спасоникольскую волость[31].

Местонахождение Сельчецкого стана определяется принадлежностью к нему погостов Низовичи на р.Насве, в 17 км к северу от Великих Лук, и Крутовраг, в 12 км к северо-западу от города. В состав стана входил также и погост Троицы, запустевший "от поветрия 72 году"[32], местонахождение которого не установлено: не исключено, что этот погост назывался Сельцом, давшим свое название стану.

Последние два стана занимали юго-восточный угол Великолукской земли. Центром *Славуйского стана* был погост Славуи над р.Ловатью, в 17 км к югу от Великих Лук, а *Липецкого стана* — погост Липец, в 15 км к юго-востоку от города.

Всего во всех станах перечислено около трех с половиной тысяч селений в поместных землях, из которых примерно шестьсот удалось локализовать в основном на 3- и 10-верстных картах Генштаба второй половины XIX — начала XX вв. и частично на недавно изданных 2- и 3-километровых картах Псковской обл. Результаты работы представлены на топографической схеме (рис.9), в основу которой положена 10-верстная карта Генштаба. Пустое пространство на схеме около Великих Лук объясняется расположением там Никольской дворцовой волости, земли которой описывались отдельно от поместных ("А писал дворцовую Никольскую

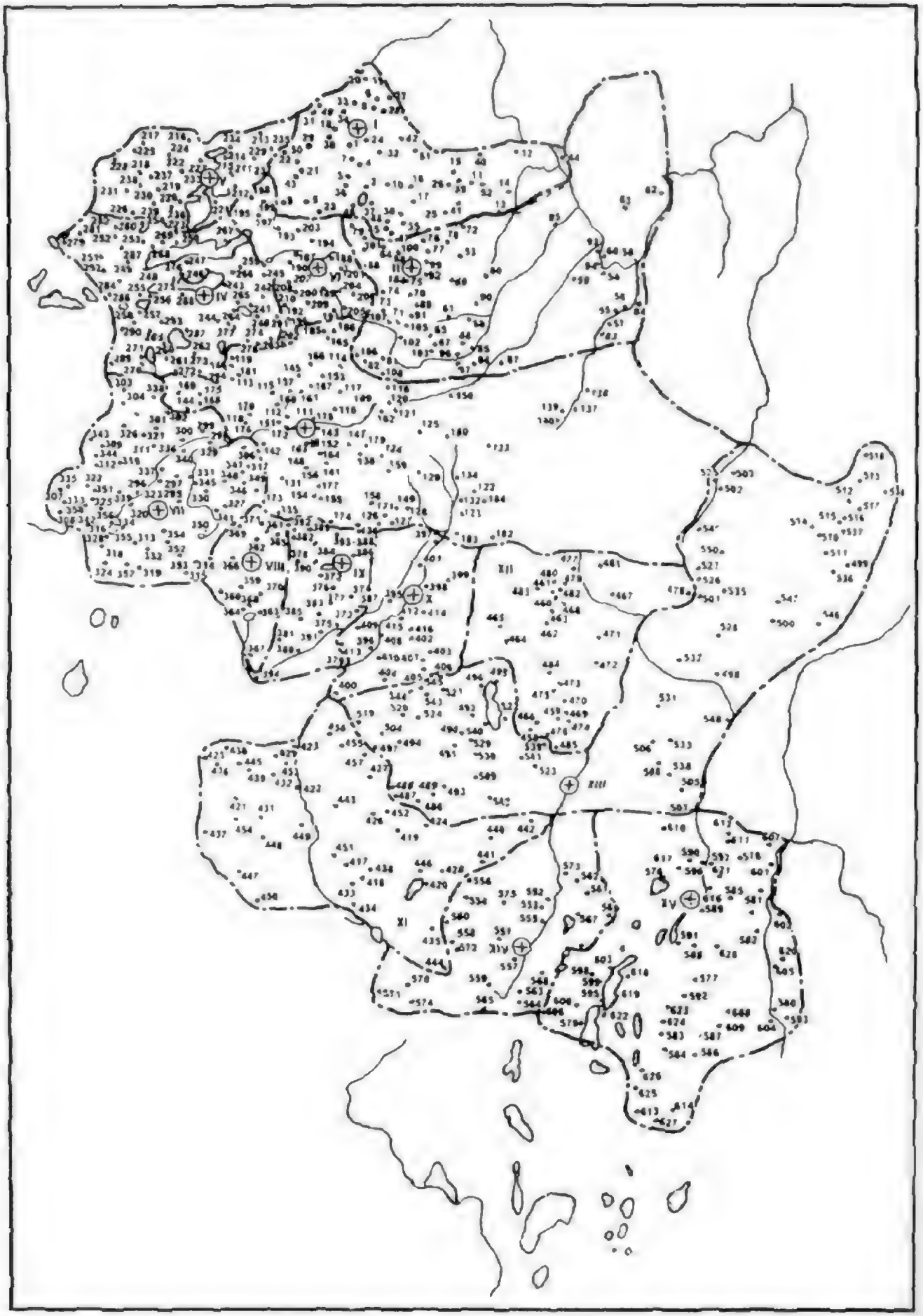
волость Илья Беклимишев из Устюжские четверти" — книга 134/5 г., л.709); более поздние (154/5 г.) переписные книги[33], включающие также и указанную волость, подтверждают это.

Наличие других значимых массивов черных земель в станах в это время маловероятно (нигде нет никаких намеков или ссылок на такие земли); поэтому достаточно уверенно можно утверждать, что схема (рис.9) правильно отражает реальные границы собственно Великолукской земли в первой четверти XVII в. Однако основная трудность заключается, конечно, в обосновании нашей уверенности, что практически те же самые границы Великолукская земля имела и в последний период новгородской самостоятельности. Эта уверенность зиждется на уже проделанном выше аналогичном исследовании Пусторжевской земли. Между тем ситуация с Великолукской землей существенно сложнее, во-первых, потому, что само составление соответствующей топографической схемы основывалось на более раннем (1582/83 г.) описании Пусторжевской земли, а во-вторых, — и это главное — мы располагали "Записью о Ржевской дани" 1479 г., дающей особое административное устройство Пусторжевской земли этого времени.

Первым нашим шагом будет доказательство того, что схема (рис. 9) правильно отражает ситуацию с собственно Великолукской землей не только на момент составления писцовой книги 134/5 гг., но и для более раннего времени — даты составления писцовых книг 7093 (1584/85) и 7102 (1593/94) гг. Также пока мы не будем прибегать к аналогии с Пусторжевской землей, для которой было проверено, что описания 1582/83 г. и 1626—1628 гг. практически идентичны, приберегая этот довод для второго шага.

В РГАДА хранятся две писцовые Великолукские книги конца XVI в. в списках 20-х гг. XVII в.: 1) *Книга письма и дозору князя Дмитрия Елецкого* 7093 г. со скрепою по полям дьяка Венедикта Махова, 534 л., ф.1209, оп.1, № 244; 2) *Книга письма и меры Михаила Вельяминова* 7102 г. со скрепою по полям дьяка Третьяка Корсакова, 877 л., ф.1209, оп.1, № 8392. Обратим внимание, что хотя вторая книга и числится как книга Т.Бабарыкина и Е.Шатохина 134/5 гг., как раз сравнение с истинной книгой этих писцов и позволяет определить книгу № 8392 как результат письма М.Вельяминова. К сожалению, обе указанные книги, являясь списками лишь вторых половин соответствующих писцовых книг Д.Елецкого и М.Вельяминова, описывают в основном Озерецкую, Жижецкую и Плавецкую волости. Но все же в них имеются некоторые сведения и о станах.

Во-первых, в них упомянуты все 15 перечисленных выше станов (при описании поместий указывалось расположение других земель помещика). Более того, наряду с Горецким и Никольским станами упоминаются также Горецкий черный стан и Никольский Подгородный черный стан. Так как о Горецком черном стане имеются лишь упоминания, то его судьбу проследить трудно. Скорее всего, он был роздан в поместья и эти земли вошли в состав Горецкого стана: во-первых, все эти упоминания в книге 7093 г. связаны как раз с перечислением других земель помещиков и, следовательно, хотя бы частично земли Горецкого черного стана были



розданы в поместья уже к 7093 г.; во-вторых, среди поместных земель Горецкого стана в книге 134/5 гг. встречаются однажды земли Горецкого черного стана[34], а также земли, которые в книге 7093 г. упоминались как земли Горецкого черного стана[35].

Судьба же Никольского Подгородного стана устанавливается довольно точно. Дело в том, что книга 7093 г. (№ 244) сохранила описание порозжих черных земель в этом стане, а также в Спасском и Славуйском станах. Сравнение этого описания с книгой 134/5 гг. показывает, что земли

Рис. 9

Локализация селений Великолукского уезда по писцовой книге 134/5 гг.

I. *Михайловский стан:* 1.Антипова, 2.Андрошково; 3.Булыгина (Балыгина); 4.Белен (Белина); 5.Грибаново; 6.Заборье; 7.Крепугино; 8.Коскова (Каскова); 9.Каменка; 10.Лукина; 11.Бередниково (Беренникова); 12.Веретеи (Веретье); 13.Грива (Гривы); 14.Борки; 15.Корелово (Карелова); 16.Марьино; 17.Медведево, 18.Марково; 19.Акулино; 20.Барино (Обарино); 21.Орешково, 22.Острилова; 23.Пашкова; 24.Проконова (Прокопина); 25.Пугилово; 26.Плиски (Плиска), 27.Панова; 28.Старостина, 29.Сивцово, 30.Бакалово; 31.Такарево (Токарево); 32.Шебанова (Шипанево); 33.Щукино; 34.Юдино (Юдкино); 35.Жаболедово (Живоедова); 36.Осаново (Асаново); 37.Смыково (Смык); 38.Микулина; 39.Дроздова; 40.Жилина, 41.Сенино; 42.Мерликово (Мерлякова); 43.Тарасова (Тараскина); 44.Ляхова на р.Локнее; 45.Барканово; 46.Шеверино (Шаверина); 47.Харьково, 48.Давыдова (Давидова); 49.Александрово; 50.Сопроново; 51.Жабрович (Жабровичи); 52.Загрязья (Загрязье).

II. *Дунянский стан:* 53.Алексеево (Алексеевское); 54.Царево на р.Локнее; 55.Брютова на р.Черной (Брутово), 56.Черные (Черный); 57.Чуринино на р.Черной (Чюлинина); 58.Шиповская на р.Локнее (Шипова); 59.Ушаково на р.Смерделе, 60.Сохино (Сахина), 61.Заходы; 62.Горки; 63.Каговицыно (Касавицы); 64.Дощерово (Дощари); 65.Васкова; 66.Дятлова на р.Дятленке, 67.Самолукова; 68.Залужье на р.Черноручье; 69.Заклюки; 70.Ранково на р.Грядице; 71.Говорово; 72.Козино, 73.Зарубина; 74.Оверово (Аверова); 75.Лахново (Лахны); 76.Лаврова; 77.Ковезино (Кувезина), 78.Жукова; 79.Красихино (Красюхина); 80.Отрепова на р.Грядице, 81.Терехова; 82.Тарасова; 83.Зимотрина на р.Черной (Зимодрина); 84.Коростелево, 85.Шерехова; 86.Ледяхино (Лядяха); 87.Херолева (Хорайлово); 88.Воронцова; 89.Сухлово; 90.Онофреевская (Онуфриева); 91.Гарино (Горина); 92.Усадище; 93.Шеровская на р.Локнее (Шерова); 94.Ильинская (Ильино); 95.Омосово на р.Пузне (Амосово); 96.Невелиха на р.Пузне; 97.Невелихино на р.Пузне (Невелиха); 98.Деткова (Дедкова); 99.Подвишенье; 100.Забли (Зябли); 101.Филатова; 102.Волынцова; 103.Ескино; 104.Сазыбино (Садыбино); 105.Бурнасова (Бурносово); 106.Хворово; 107.Искова (Исакова); 108.Тростино (Тристино).

III. *Горожанский стан:* 109.Дроздово; 110.Земцова на рр.Демянке и Насве (Зенцова); 111.Сумино; 112.Крестилова на р.Волколысице; 113.Лебедева; 114.Кожнево (Кошнево); 115.Илюхино на р.Волколысице, 116.Монаково (Манакова); 117.Волотково (Володкова); 118.Грыжово (Грижова); 119.Жеравки (Журавка); 120.Казачиха; 121.Воево на р.[С]мерделе; 122.Якимово (Екимова); 123.Овсище на р.Насве; 124.Назимово; 125.Чирки погост на р.Насве (Черки); 126.Бракулино; 127.Теренино, 128.Заболотье; 129.Оровни (Ровни); 130.Королево; 131.Наскова (Носкова); 132.Сопки на р.Насве; 133.Горушка; 134.Черная (Чорнова); 135.Фелютино (Палютина); 136.Борсуки (Барсуки); 137.Борок на р.Черной (Борки); 138.Жары; 139.Замошья (Замошье); 140.Олфимово (Альхимова); 141.Ортемоново (Артамонова); 142.Жолобово; 143.Федорово на р.Насве (Федоровское); 144.Лог на р.Веине; 145.Поддубница (Поддубье); 146.Ильина; 147.Забелино (Забелено), 148.Конново; 149.Киселевичи; 150.Щинаилово (Щенаилово); 151.Брагино на р.Илеменке; 152.Мартиново; 153.Паново; 154.Климово; 155.Матвеевская над оз.Гахновым (Матвеиково); 156.Петрухново (Петрухны), 157.Черногубово; 158.Часовня на р.Колотиловке; 159.Голубово; 160.Работино; 161.Окулино (Акулина); 162.Мелихова на р.Смерделе, 163.Горловичи; 164.Дошнево; 165.Созоново; 166.Микулино; 167.Болтин погост (Болдино); 168.Овсеево (Авсеева); 169.Лопастица (Лапастицы); 170.Дудорево; 171.Чертеж; 172.Великая Лука над р.Насвою; 173.Рогово; 174.Феклино; 175.Ярцово, 176.Астратов погост на р.Насве (Астратово); 177.Фетинино у оз.Погостица; 178.Трутруно на р.Насве (Трутрина); 179.Утаево; 180.Орехово; 181.Зеленино; 182.Агафоново на р.Насве; 183.Авсище (Овсище); 184.Бачевская (Бачева); 185.Глухова; 186.Веретея (Веретье).

IV. *Надеинский стан:* 187.Каменка на р.Прискухе; 188.Кузмариво (Кузмарева); 189.Сметанино; 190.Левково; 191.Щипуново (Щепунова); 192.Филинова; 193.Раменка на р.Раменке; 194.Исакова; 195.Вережина на р.Уже (Вережье); 196.Пестино над оз.Городном; 197.Китова; 198.Шендякова (Шиндякова); 199.Максимова (Максимиха); 200.Монтеево; 201.Синихова; 202.Анцыферово (Анциферово); 203.Свилебино (Свелебино); 204.Переезд; 205.Савина; 206.Заторье; 207.Шилово (Шиловы нивы); 208.Козлова; 209.Коромыслова; 210.Сухарева.

V. *Локновоцкий стан:* 211.Копытово; 212.Сихново у оз.Локновата (Сехново); 213.Сысоево; 214.Калитино над оз.Волчим (Калиткина); 215.Оборино над оз.Волчим; 216.Михайлова; 217.Алексеева; 218.Мауркина; 219.Левково; 220.Федорово над оз.Локновотом (Федориево); 221.Яхново над оз.Локновотом (Яхнова); 222.Киниково (Кеникова); 223.Осташкова (Асташкино); 224.Демидова гора (Демидово); 225.Железово; 226.Васьково; 227.Исаково у оз.Волчья; 228.Сахново; 229.Перелучье; 230.Рыскахово над оз.Глубоким (Рыкайлово); 231.Заходи (Заход); 232.Борок на р.Локнее; 233.Щедрина; 234.Рылова; 235.Чортова (Чертова); 236.Обухова; 237.Андроново; 238.Писчальниково (Писчальникова); 239.Козоногово.

VI. *Миритиницкий стан:* 240.Банлова; 241.Хоботово у оз.Долгова; 242.Шальнецово (Шальнева); 243.Теплюхина над оз.Олем (Теплушкина); 244.Вавулино у оз.Старого (Ваулина); 245.Ушакова; 246.Терехова у оз.Оля; 247.Олексино над оз.Ужом (Алексино); 248.Звереничи на оз.Уже (Зверинец); 249.Литвитнова; 250.Мартьянова над оз.Ужом; 251.Лежакин (Лежакина); 252.Заход (Заходы); 253.Староселье над оз.Горбовым; 254.Богданова над оз.Горбовым; 255.Родивоиково на оз.Островие; 256.Горка на оз.Островие; 257.Малофеево у оз.Чорнова (Молофеева); 258.Дронина; 259.Бобровка на р.Бобровке (Боброва); 260.Шерстилово у оз.Веина (Шерстиново); 261.Ходышино (Ходушино); 262.Самофалово над оз.Веином (Самохвало); 263.Сотонина (Сатанино); 264.Свинухово у оз.Долгова; 265.Иванцово над оз.Городном; 266.Пузево у оз.Оля; 267.Кривцы над оз.Ужом; 268.Панютина (Поняшино); 269.Осташкино на оз.Осташковском; 270.Толкачева; 271.Пестово; 272.Воловиново (Валовики); 273.Чупрово, 274.Барсуки; 275.Федоровская над оз.Олем (Федоркова); 276.Мокрятино над оз.Олем (Маркятино); 277.Гетаново над оз. Плотничным; 278.Кононово; 279.Соломенина на оз.Островке у Невельского рубежа (Соломенец); 280.Ольфимова (Альфимова), 281.Кашина, 282.Холм (Холмы); 283.Овинчище (Овчинище); 284.Гришутина; 285.Соино; 286.Волково; 287.Гольцова над оз.Веином (Голицово); 288.Заполье над оз.Олем, 289.Строкино; 290.Небакина у Невельского рубежа; 291.Мокохново (Мокохнова); 292.Пажарная (Пожарова); 293.Яхново (Яхны); 294.Фельково.

VII. *Хрянский стан:* 295.Волосановская на р.Лушнице (Волосанова); 296.Слузово; 297.Заболотье; 298.Кожемякино на р.Насве (Кожемяки); 299.Новое на р.Насве; 300.Борисово на р.Олице; 301.Дмитровичи; 302.Шарово; 303.Митково; 304.Сенково; 305.Волчихино (Волчиха); 306.Ржавенье на р.Насве (Ржавина); 307.Макарово над оз.Буровцом; 308.Сотонкино над оз.Язном (Сатонкина); 309.Каменье на р.Островчище; 310.Сушина; 311.Работина над оз.Осниками; 312.Меньково; 313.Быкова; 314.Рышкино (Рыкшино); 315.Филково; 316.Настенкий м-рь над оз.Насцом (Насцы погост); 317.Порфеево; 318.Курочкина над оз.Насцом; 319.Шманы над оз.Светлым; 320.Жюково на р.Насве (Жуково); 321.Зубатово над р.Зубатовкою; 322.Криванино (Кривандино); 323.Поречье на р.Насве; 324.Бурцова над оз. Олем; 325.Гришино на оз.Юрьевце; 326.Островичи (Островки); 327.Рущово над оз.Плотенцом (Рубцово); 328.Бурцово над р.Олицею (Бурцово Ближнее); 329.Полочаново на р.Лучнице; 330.Щепчино; 331.Курухново; 332.Лукино; 333.Серьгина; 334.Руновская на р.Насве (Руново); 335.Буровец (Буравец); 336.Заимарева на р.Насве (Земорева); 337.Сысоева; 338.Лехово; 339.Колачова (Калачево); 340.Маслово на р.Насве; 341.Иваницево; 342.Гришино; 343.Проявино; 344.Дикарева (Дикарева); 345.Селиваново на р.Лучнице; 346.Козоногово (Козиногова); 347.Чеснокова; 348.Чушки; 349.Юрьева гора; 350.Струги; 351.Олухова (Олохово); 352.Овсяниково; 353.Батково (Банкова); 354.Жогово; 355.Говорово над оз.Насцом, 356.Скуратово на р.Насве (Скороты); 357.Вшивцово над оз.Светлым (Вшивцево); 358.Пятчино.353.Батково (Банкова); 354.Жогово; 355.Говорово над оз.Насцом; 356.Скуратово на р.Насве (Скороты); 357.Вшивцово над оз.Светлым (Вшивцево); 358.Пятчино.

VIII. *Раменский стан:* 359.Болбоново на р.Рачице (Балабонова), 360 Семеново; 361.Торхово (Тархово); 362.Губино; 363.Савино, 364 Мухино над оз.Рачевым; 365.Борисово; 366.Страшново (Страхново); 367.Филинова; 368.Ондрейково над оз.Рачею (Андрейково); 369.Олексина (Алекшина); 370.Лутково (Лутковец); 371.Гаврильцова.

IX. *Бологоцкий стан:* 372.Дерганова над оз.Бологим; 373.Смыково над р.Рачицею; 374.Остафьево над р.Осиновицею (Астафьево); 375.Зуево на р.Рачице; 376.Бардино; 377.Смолинское (Смолино); 378.Бритвино; 379 Конопелцыно на р.Удрае; 380.Сракино на р.Рачице (Изракина); 381.Лопырево; 382.Беликово у Торожанского рубежа; 383.Гос-

тилова; 384.Прорыстицы (Прорытицы); 385.Борисово; 386.Выторопино (Выгропина); 387.Салтаново на р.Осиновице (Санталово); 388.Зубарево (Зубари); 389.Соболево (Собольки); 390.Осыпкино; 391.Воронино на устье р.Рачицы; 392.Рядохново; 393.Коростовица (Коростовицы); 394.Песок.

X. *Горецкий стан:* 395.Бор на р.Рачице; 396.Теренино на р.Удраице; 397.Устье на р.Рачице; 398.Иваново на р.Удрае (Ивановское); 399.Боброво; 400.Подолы на р.Удраице; 401.Олфимово на р.Рачице (Альхимова); 402.Шубино Большое на р.Стербянке; 403.Гвоздово на р.Гвоздовке; 404.Шугурово; 405.Курово над оз.Глухим; 406.Волокитино; 407.Крыле (Крылы); 408.Петрушино над р.Удраем; 409.Зеленино; 410.Жарок (Жарки); 411.Семенов; 412.Кучино; 413.Скордино (Скорнево); 414.Корнятино (Корняки); 415.Мишнево на р.Удрае; 416.Шубино Малое на р.Стербянке.

XI. *Спасский стан:* 417.Слизино (Слезино); 418.Палкино (Палки); 419.Зосимово (Изосимова); 420.Дерганово над оз.Северетом; 421.Щекино (в Оконском пригубке - № 8394, 366); 422.Пинагарева над р.Видогою (Пингерева); 423.Волненина на р.Окнице усть р.Видоги у Пуповского и Невельского рубежа; 424.Башмаково; 425.Рядохново (Радохнова); 426.Голубово; 427.Гущино; 428.Розинково (Разинкова); 429.Захарово; 430.Лошково; 431.Ломиногино (Ломыгино); 432.Сракина над рр.Липницею и Окницею (Изракино); 433.Олексеево (Алексейкова); 434.Беззубово; 435.Перхово; 436.Городец над оз. Городцом (Городенец); 437.Кошелевская на р.Чересице (Кошелево); 438.Погост в Ловенском пригубке на оз.Ловенце Малом (Ловно); 439.Погост в Оконском пригубке (Окни); 440.Ботова; 441.Брюхново на р.Коркунице; 442.Кобылино; 443.Першутино над оз.Вороным (Першунова); 444.Соколовская (Соколова); 445.Павловская у Пуповского рубежа на р.Видоге; 446.Птахино у оз.Северета (№ 8394: Костино, а ныне Птахино); 447.Кузнецово; 448.Плешково; 449.Плешково другое; 450.Костелево (Гостилово); 451.Сунгурова гора (Сунгурино); 452.Кожино; 453.Иваново (Иваниха); 454.Гришино; 455.Жолобово; 456.Мешково; 457.Загорье.

XII. *Сельчецкий стан:* 458.Маслово; 459.Лакомицы (Лакомица); 460.Тарасова; 461.Жихарева; 462.Борок; 463.Перекалье; 464.Погост на Горецкой дороге Ильи Пророка (Крутой враг - № 8394) (Крутовраг); 465.Дюкино; 466.Ильинская (Ильина); 467.Молоди; 468.Загарье; 469.Борлякино; 470.Бетелево (Бителева); 471.Веретея (Веретья); 472.Андреево (Андрейково); 473.Клинцово; 474.Филатово (Филатиха); 475.Земленицыно (Земляничино); 476.Веснинская на р.Озерице; 477.Погост в Низовичах (Низовичи); 478.Марьинское на р.Ловати против Юрьева (Марьино); 479.Горушна (Горушка); 480.Харино; 481.Болтино; 482.Лосево; 483.Першутино (Паршутина); 484.Бабарыкинская (Бабарыкина); 485.Маленка (Меленка).

XIII. *Никольский стан:* 486.Бутетино над оз.Линевцом в Плаиском конце (Бутитино); 487.Попково Большое в Плаиском конце; 488.Малахово в Плаиском конце; 489.Пупково в Плаиском конце; 490.Золотково над оз.Удраем; 491.Брюхново над оз.Удраем; 492.Спицыно (№ 8394 - в Плаиском конце); 493.Демян над оз.Демянем; 494.Копылово; 495.Русаново над оз.Озерею; 496.Кислово (№ 8394 - в Плаиском конце); 497.Афанасьево в Плаиском конце; 498.Суховаринская за р.Вятицею (Суховарино); 499.Власова (Власкова); 500.Пашкова; 501.Усадище Юрьевское на р.Ловати (№ 8394 - в Рождественском конце) (Юрево); 502.Владыкино над р.Ловатью в Рожковском конце в Дедковичах; 503.Городище над р.Ловотью в Рожковском конце в Дедковичах; 504.Щетинино на р.Удрайке в Плаиском конце; 505.Корытово на р.Вскуице; 506.Бажно над оз.Божном (Божна); 507.Лосево; 508.Гобзово над оз.Божном (Габзова); 509. Остреянова (Остриань); 510.Маринчелкинский м-рь (Маринчелки); 511.Бурково (Букрова); 512.Болябин (Балабина); 513.Олехнов (Алехнова); 514.Моложа; 515.Омосов (Амосова); 516.Лосев (Лосева); 517.Свистунов (Свистунова); 518.Мартынов (Мартинкова); 519.Захарьино в Плаиском конце (Захарино); 520.Пашкова в Плаиском конце; 521.Михалев погост в Плаиском конце на р.Стербянке (Михали); 522.Калитино над оз.Озерею; 523.Шеболдино; 524.Погост в Плаиском конце над оз.Плаем (Плаи); 525.Детковичи над р.Ловотью в Рожковском конце; 526.Смычок на р.Ловоти в Рожковском конце (Смычек); 527.Отока на р.Ловоти в Рожковском конце (Атока); 528.Волково в Рожковском конце; 529.Житовда над оз.Сапагом в Плаиском конце (Житово); 530.Гречюхина в Плаиском конце подле Бабина; 531.Беседино; 532.Ведерниково; 533.Баландино над оз.Божном; 534.Игнашев (Игнатова); 535.Курова гора; 536.Клихнов (Клюхнова); 537.Галщеников (Гащельникова); 538.Назаровская на р.Вскуице (Назарова); 539.Каменка; 540.Лукьяново над оз.Озерею; 541.Лахново на р.Озерице в Плаиском конце (Лахны); 542.Иванцово; 543.Олфимово (Альхимова); 544.Кононово (Конново); 545.Рогаткинова в Плаиском конце (Рогадки); 546.Михеево; 547.Горушка; 548.Опекалово (Апекалова); 549.Кошевица (Кошевицы); 550.Зуево.

XIV. *Славуйский стан:* 551.Ильино над оз.Славуем; 552.Бабино; на Ловоти; 553.Яковлево; 554.Петрягино на р.Череватице; 555.Белокозово (Белокозьева); 556.Платонова на

р.Северице; 557.Песок (Пески); 558.Станки (Станки); 559.Микитина над р.Ловотью (Никитина); 560 Павлово; 561 Ляховская (Ляхово); 562.Пронина; 563.Ступино на р.Суточице, 564.Мартьяново; 565.Крюкова; 566 Еремино (Еремкино); 567.Кузнецово на оз.М.Купуице, 568.Зубово, 569.Сеньково; 570 Макарова, 571.Зеленое (Зеленина, Зеленово); 572.Чихачово (Чихачево); 573.Рыжиково (Рыжакова); 574.Минино; 575.Костелево на р.Череватице

XV. *Липецкий стан:* 576 Немково над оз.Задежом (Немкина); 577.Васково; 578.Шушерино (Шушариха); 579.Демоница над оз.Песовым (Демьянница); 580.Подолы на р.Кунее (Подол), 581.Захаркино на р. Кунее; 582.Ситорицы над р.Кунею; 583.Сенчито над оз.Сенчитом; 584.Мартьиново (Мартинова); 585.Песенкино (Песенково); 586.Кашино; 587.Царево; 588.Букино; 589.Козулино; 590.Михалцово на Усовской дороге (Михальки); 591.Савина над оз.Векуем; 592.Плакеино на р.Оспине; 593 Колотово на р.Кунее; 594.Рудное (Руднева, Рудново); 595.В Колюбаках м рь над оз.Сокотом (Кулебякина); 596.Горивица (Горивицы); 597 Гороватка по конец оз.Беленца, 598.Коровниково над оз.Сокотом (Коровнино); 599.Копылово; 600.Шединино (Шодинина); 601.Корнилово; 602.Красная горка; 603.Нянинское над оз.Усоритом (Нянино); 604 Коковкино на р.Кунее (Каколкина); 605.Кузнецово на р.Моряте; 606.Сыроквашино; 607.Быково; 608.Обливкино по конец оз.Моржова; 609.Химино; 610.Окорачково (Акарачково); 611.Гречюхино (Гречиха); 612.Новоселки; 613.Исаково над оз.Борзом у Невельского рубежа; 614.Ореховно над оз.Ореховным (Орехново); 615.Темриково (Темрево); 616.Левково; 617.Лядишниково; 618.Волково над оз.Усоритом; 619.Мишакин (Мишатино); 620.Ямниково на р.Морятице; 621.Олбашкина на р.Векуице (Албашкино); 622.Рогаткина (Рогатка); 623.Федорково; 624.Пирогово; 625.Валиево (Вальева); 626.Нестеровская горка; 627.Борисово; 628.Мисенец (Мисаниц); 629.Баево.

Спасского и Никольского Подгородного станов распределились между Никольской дворцовой волостью и порозжими землями, "что бывали деревни черные, а в дворцовую Никольскую волость не приписаны"[36], и последние вошли в книгу 134/5 гг. при описании Спасского и Никольского станов (в книге 7093 г. описано примерно 300 селений, из которых около половины попало в книгу 134/5 гг., а остальные наверняка вошли в дворцовую волость). Славуйский же стан был "из черных волостей роздан помещиком" в 105 г.[37], и мы действительно находим полное подтверждение этому в книге 134/5 гг. (в книге 7093 г. описано примерно 150 селений, из них лишь менее десятка мы не обнаружили в книге 134/5 гг.). Таким образом, существование в конце первой четверти XVII в. других черных земель, помимо дворцовой Никольской волости, в собственно Великолукской земле маловероятно (кстати, об этом же свидетельствует и включение в книгу 134/5 гг. при описании Спасского и Никольского станов порозжих земель, не являющихся поместными).

Что же касается поместных земель, описание которых сохранилось в книгах 7093 и 7102 гг., то здесь совпадение с книгой 134/5 гг. таково, что не остается никаких сомнений в полном тождестве описываемых там и тут территорий. Действительно, в книге 7102 г. частично описаны поместные земли Миритинского (51 селение), Хрянского (90 селений), Спасского (145 селений) и Никольского (24 селения) станов. Все они, за исключением двух в Никольском стане, имеются и в книге 134/5 гг. Точно такая же ситуация и с дворцовыми землями, розданными в поместья, описание которых сохранилось в книге 7093 г. (177 селений), и расположенными в основном в Горожанском стане.

Итак, все сказанное выше дает заведомое основание полагать, что схема (рис.9) правильно отражает границы собственно Великолукской земли и в конце XVI в. Отметим кстати, что в это время все волости, названные "Лутцкими" в духовной Ивана III (кроме Комши), упомина-

ются как станы Невельского уезда в Пусторжевской писцовой книге 7091 г. (при описании поместий имеются отсылки к Пуповскому, Вязовскому, Часепскому, Коротайскому и Дубенскому станам Невельского уезда), а первое упоминание о включении в состав Великолукских земель Озерецкой, Жижецкой и Плавецкой волостей относится к 1529 г.: "пишут государя нашего наместники... с Лук Великих, что королевы люди... на Луках вступаютца в Озерекую волость"[38].

Мы, конечно, не располагаем непосредственным доказательством того, что границы схемы (рис.9) достаточно точны для Великолукской земли последней трети XV в., когда она еще входила в состав новгородских владений. Здесь мы вынуждены прибегнуть к аналогии с Пусторжевской землей, для которой это так. Однако существует еще один важный индикатор исконной принадлежности к Великим Лукам очерченных территорий. Рассматривая материалы Пусторжевской земли, мы видели, что она еще в 1479 г. делилась не на станы, а на погосты, подразделяющиеся, в свою очередь, на трети-губы. Между тем писцовая книга Деревской пятины конца XV в. уже демонстрирует деление на станы Холмского погоста, который во времена новгородской независимости, как это видно из показаний новгородско-литовского докончания 1471 г., делился на перевары. И хотя устройство новгородской Великолукской земли нам неизвестно, такие явные анахронизмы в книге 134/35 гг. как Ловенский и Оконский пригубки в Спасском погосте (ср. с губами в Псковской и Пусторжевской землях) и деление на концы (встречаются Планский, Рожковский и Добропольский концы Никольского стана; ср. с делением на концы владычной волости Жабны в Деревской пятине), позволяют предполагать, что и Великолукская земля делилась в домосковское время не на станы. Первое известное нам упоминание о станах в ней относится к 1492 г.: "Наехав на нашу Лугскую волость на Хрянский стан... деревни выграбили"[39]. Из этого сопоставления видно, что после 1479 г., но еще до 1492 г. московская администрация реформировала устройство Пусторжевской, Великолукской земель и Холмского погоста в их исторически сложившемся объеме. Иными словами, применительно к рассматриваемой проблеме, само деление на станы или его отсутствие является указанием на принадлежность той или иной территории к Великолукской земле или же на непринадлежность к ней такой территории. Это дает дополнительное основание реконструировать объем и границы Великолукской земли только в составе перечисленных выше пятнадцати станов.

◆

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с.357, № 89.
2. Там же.
3. "Да бежали шесть голов Сенкиных людей Носковых Лучанниковых в Пуповичи, а взяли у него мерин в руль в рижской и в пятнадцать грошей; и Сенка тех своих людей наехал у Глебова Остафьева человека у проселка, и бил челом Глебу, чтобы ему его людей велел выдати, и он их ему не выдал, а свел их в Литву за Полотеко, а мирин его себе взял" (Сборник Русского исторического общества (при дальнейших ссылках — Сб.РИО), т.35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т.1, с 1487 по 1533 год. СПб., 1882, с.67, № 16 — документ от мая 1492 г.).

4. Там же, с.122, № 24
5. Там же, с.141, № 25.
6. Там же, с.256, № 53.
7. "Тово же году ходили с Волока воеводы воевать в Литовскую землю князь Федор да князь Иван Борисовичи Волоцкие, а с ними велел князь великий Иван Васильевич всеа Русии сходитца во Вселуки намеснику новгородцкому Ондрею Федоровичю Челяднину, а лукским намесником Гупке Янову Ростовскому да Стерляту Вельяминову, да пуповскому намеснику Олексею Заволоцкому велел с ними же сходитца" (Разрядная книга 1475-1605 гг., т.1, ч.1. М., 1977, с.57-58; Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966, с.29).
8. ПСРЛ, т.6. СПб., 1853, с.47-48; т.8. СПб., 1859, с.241.
9. В издании ошибочно: "Лисновязъ".
10. Сб.РИО, т.35, с.395.
11. Ошибочно, вместо "Лисно".
12. Из числа этих волостей Речица, Брягин, Горволь, Навоз находились на среднем Днепре, Мушковичи – в Смоленской земле, там же — деревни по Хмости. См.: Сб.РИО, т.35, с.32, 400; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979, с.103.
13. Ошибочно, вместо "Вязъ".
14. Сб.РИО, т.35, с.395-396.
15. Там же, с.400.
16. В 1490 г. в Дрецких Луках слугой князя Семена Соколинского и дьяком смоленского мытника были ограблены тверские купцы, отправившиеся торговать в Полоцк, они "пришли в Дрецкие Луки рекою Двиною в судне" (Там же, с.44), само же это происшествие случилось "на Двине на реце, в Дрецких Луках" (Там же, с.42).
17. Не следует путать это Замошие с одноименным пунктом в Велижской волости, которая при литовском владычестве относилась не к Полоцким, а к Витебским владениям (Сб.РИО, т.35, с.395-396).
18. Там же, с.492, № 84.
19. Там же, с.496, № 84.
20. Там же, с.498, № 84.
21. Ошибочно, вместо "Ловцу".
22. Ошибочно, вместо "Кубка".
23. Сб.РИО, т.35, с.639-640, № 93.
24. Там же, с.653, № 94.
25. Там же, с.684, 686, № 96.
26. Там же, с.693, 697, № 98.
27. Там же, с.745-746, № 102.
28. Там же, с.843, № 110.
29. РГАДА, ф.1209, оп.1, № 599 (1013 л.) и № 600 (868 л.).
30. См. неоднократные упоминания об этом в книге 134/5 гг. № 599, л.709, 963; № 600, л.785. Плисская волость рядом с Невелем отошла вместе с ним к Польше по Деулинскому перемирию 1618 г.
31. *Васильев И.Н.* Псковская губерния. Историко-географические очерки. Псков, 1896, с.148, 243.
32. РГАДА, ф.1209, оп.1, № 599, л.801.
33. Там же, № 8393, л.57об.-142.
34. Там же, № 599, л.617.
35. Там же, л.618.
36. Там же, л.703об., 953.
37. Там же, № 600, л.15об.
38. Сб.РИО, т.35, с.773.
39. Там же, с.64. К.В.Баранов любезно ознакомил нас с неизданной жалованной грамотой великих князей Ивана Васильевича и Василия Ивановича на земли "в своей отчине в Новогороцкой земле в Луках в Великих в Болотоском стану" (РГАДА, ф. 199, портф.127, д.5, л.1-2). Документ сохранился в копии, имеющей дату 7002 г., которая не соответствует титулованию Василия Ивановича великим князем; вероятно, грамота была выдана в 7012 г.

Холмский погост в XV веке: объем и границы

Первое упоминание Холмского погоста среди земель Великого Новгорода встречается в договорной грамоте 1471 г. Новгорода с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV: "А что Ржова, и Великиа Луки, и Холмовски погост, четыре перевары, а то земли новгородцкие; а в то ся тобе, честному королю, не вступати, а знати тебе своя черна куна, а те земли к Великому Новугороду. А Ржеве, и Лукам, и Холмовьскому погосту, и иным землям новгородцким и водам от Литовскои земли рубежь по старине"[1]. В предыдущих же докончаниях Новгорода с великими литовскими князьями Свидригайлом (1431 г.) и тем же Казимиром (1441/42 г.), написанных по тому же формуляру, Холмский погост не упомянут, тогда как и Ржева, и Великие Луки там присутствуют[2].

Возможно высказать предположение, что Холмский погост был присоединен к новгородским землям незадолго до заключения этих докончаний, а до того входил в состав земель, подчиненных Литве и, скорее всего, спорных. Деление Холмского погоста на перевары, аналогичное делению соседней с ним Торопецкой земли, вполне соответствует такому предположению, так как никакие другие новгородские земли в этом районе не делились на перевары.

Ржева Пустая, Великие Луки и Холмский погост находились в особом отношении с Литвой: дани с них шли в основном великому князю литовскому. Помимо упомянутых выше грамот и "Записи о Ржевской дани" 1479 г.[3] об этом неоднократно говорилось и при дипломатических сношениях между Иваном III и Казимиром IV в 1488-1492 гг., причем король всегда называет Холмский погост "Чернокунством" и претендует на все три волости как на свои: "Што есмо перво многократ наших послов до тебе слали о волостех наших о Великих Луках и о Ржове и о Чернокунстве, иж нам в тых волостех от тебе шкоды велики деются, што нашим предком и нам дани шли и доходы с тых волостей и наши многи пошлины за твоих предков и за тебе самого; а ныне нам от колка лет даней и доходов нет с тых наших волостей" (1489, 1490, 1491 гг.)[4]. В 1491 г. Казимир жалуется также на Андрея Колычева: "Тыми разы твой наместник, на имя Колычев, которой же от тебе на тот час наместником на Чернокунстве, наслал многих людей на нашу Торопецкую волость... и многи земли нашое волости Торопецкое и Казариньское позарубали и з людми к Чернокунству". Великий же князь московский в ответе дает такой наказ Ивану Беклемишеву: "А возмолвят о Луках и о Ржеве и о Холмском погосте, и Ивану молвити: Луки и Ржева и Холмъской погост вотчина государя нашего Ноугородцкая земля; а неодинова осподарь наш о тех волостех х королю отказывал с его послы да и своими послы наказывал" и жалуется

на торопецкого наместника: "Также и нынеча ново сее весны твой торопецкий наместник Зенко пришод войною с многими людми на нашу землю на Ноугородцкую волость, на Холмский погост, наместника нашего холмского Андреа Колычова двор выграбил... и волость нашу Холмский погост выграбил"[5].

И хотя описание Холмского погоста вошло в писцовую книгу Деревской пятины и тем самым этот погост как бы причислен к давним собственно новгородским волостям, административное его разделение московскими властями на станы сразу же по присоединении новгородских земель к Москве, подобно тому как это было сделано в Пустой Ржеве и Великих Луках, отличает Холмский погост от всех других погостов и волостей, описанных в новгородских писцовых книгах этого времени (1495-1501 гг.).

Отличает его также и отсутствие прежних новгородских владельцев и деление (по всей видимости, реликтовое) на десятки. Об этом делении, впрочем, следует сказать особо. *Оно присуще новгородским волостям* Велиле и Мореве и новгородским владычным волостям Пиросу и Удомле[6], что может быть воспринято как свидетельство давней принадлежности Холма Новгороду. Однако десятки как административный реликт зафиксированы также и в Торопецкой волости[7]. Таким образом, мы пока не только не видим каких-либо фактов, противоречащих нашему осторожному предположению о позднем вхождении Холмского погоста в состав новгородских земель, но и считаем, что оно позволяет достаточно убедительно объяснить своеобразное положение этого погоста среди других новгородских волостей.

Приступая к выяснению границ и объема Холмского погоста непосредственно перед присоединением Новгорода к Москве, укажем использованные источники:

I. Писцовая книга Деревской пятины 7004 (1495/96) г.[8] Несмотря на общую хорошую сохранность этой книги, именно Холмский погост пострадал более всего, будучи последним в описании: сохранилось описание лишь 214 селений, положенных при 2-м письме в 437 обеж. Та же участь, к сожалению, постигла и платежницу 7051 (1542/43) г., по которой, правда, могло бы быть полностью восстановлено только обежное обложение 2-го письма, а не описание деревень: конец ее также отсутствует, но она приводит имена новых владельцев уже 714 обеж (включая, естественно, и указанные выше 437 обеж[9]).

В писцовой книге упомянуты четыре стана и девять десятков:

Лазаревский стан (десятки: Замошский — 37 сел., 95 об.; Лукинский — 16 сел., 67,5 об.; Хлавицкий — 23 сел., 52 об.; Заечков — 24 сел., 41,5 об.; Стерженский — 44 сел., 69 об. Всего 144 сел., 325 об.).

Кунский стан (десятки: Зуевский — 23 сел., 32,5 об.; Голибинский — 13 сел., 23 об.; Прилуцкий — 2 сел., 3 об.; без названия десятка — 20 сел., 26,5 об. Всего 58 сел., 85 об.).

Ратновский стан (упомянут Муравьевский десяток — 4 сел., 7 об.).

Морховский стан (без названия десятка — 8 сел., 20 об.).

В платежнице в Холмском погосте не упоминаются ни станы, ни десятки, что, впрочем, естественно, так как в ней перечисляются только владельцы и количество сох у них для учета платежей. Сама платежница отражает промежуточную владельческую ситуацию между 2-м (7004-7009 гг.) и 3-м (7047-7053 гг.) письмом.

Хранящаяся в Архиве ЛОИИ выпись 1673 г. из писцовых книг Прокофья Скурата и Петра Волка Борисова 7004 г., данная из Новгородской приказной палаты Троицкому Хлавицкому монастырю на состоящие за ним земли и угодья в Холмском погосте[10], несколько пополняет опубликованные материалы 2-го письма.

II. Писцовая книга 3-го письма (7047-7053 гг.) Жихоря Рябчикова (Ивана Андреевича Белеутова), весьма неполный список с которой второй половины XVI в. хранится в РГАДА[11]. Холмский погост представлен в ней отрывком, содержащим описание 89 селений, положенных в 124,5 обжи, из которых 57 селений (69,5 обеж) встречаются впервые. Станы в отрывке не упомянуты, но зато упомянуты десятки: дважды Лазаревский (один раз так: "в Холмском уезде в Лазаревском десятке"), дважды Кунейский (один раз так: "Куневежский") и однажды Локнейский (скорее всего, ошибочно вместо Кунейского, судя по местоположению селений).

III. Подлинная обыскная книга Деревской пятины (вероятно, половины Жихоря Рябчикова) 7069-7070 гг. обыска Юрия Шарапова сына Охлебаева да подъячего Васюка Лукина — отрывок, содержащий, к счастью, полный обыск Холмского погоста[12]. Последний в ней зовется Холмским уездом, который делится на пять станов (десятков нет): Хлавицкий (70 сел.), Кунейский (21 сел.), Морховский (39 сел.), Загорский (38 сел.), Ратновский (50 сел.). Всего приведено 218 селений.

В списке с отдельных книг 7090 г. разных отдельщиков в Холмском уезде встречаются станы: Лазаревский, Кунейский (Куневский), Морховский, Загородцкий, Ратновский, а также Муравинский и Черевенский (Черепеский погост) (РГАДА, ф.1209, оп.3, № 17146, лл. 177об.-212об.).

IV. Писцовая книга Холмского уезда Д.Е.Воейкова да подъячего Ф.Протопопова 136 и 137 гг., список с которой XVIII в. в хорошем состоянии хранится в РГАДА[13]. Согласно этой книге, описывающей поместные и вотчинные земли, в Холмском уезде имеются восемь станов:

1. Кунейский — 137 сел. (с повторами, так как жеребьи одной и той же деревни могут принадлежать разным поместьям — таких повторов, однако, немного: в этом стане мы насчитали только 10, так что число различных деревень мало меняется от учета повторов, и мы в дальнейшем всегда приводим суммарное число деревень по поместьям, не выявляя одинаковые); 2. Загорский — 150 сел.; 3. Морховский — 215 сел.; 4. Локнейский — 13 сел.; 5. Ратновский — 91 сел.; 6. Лазоревский — 84 сел.; 7. Хлавицкий — 114 сел., но также 16 сел. "в Хлавицком стану в Локнейском погосте"; 8. Муравейский — 14 сел. Всего приведено 834 селения. К сожалению, в станах имелось еще довольно много порожжих

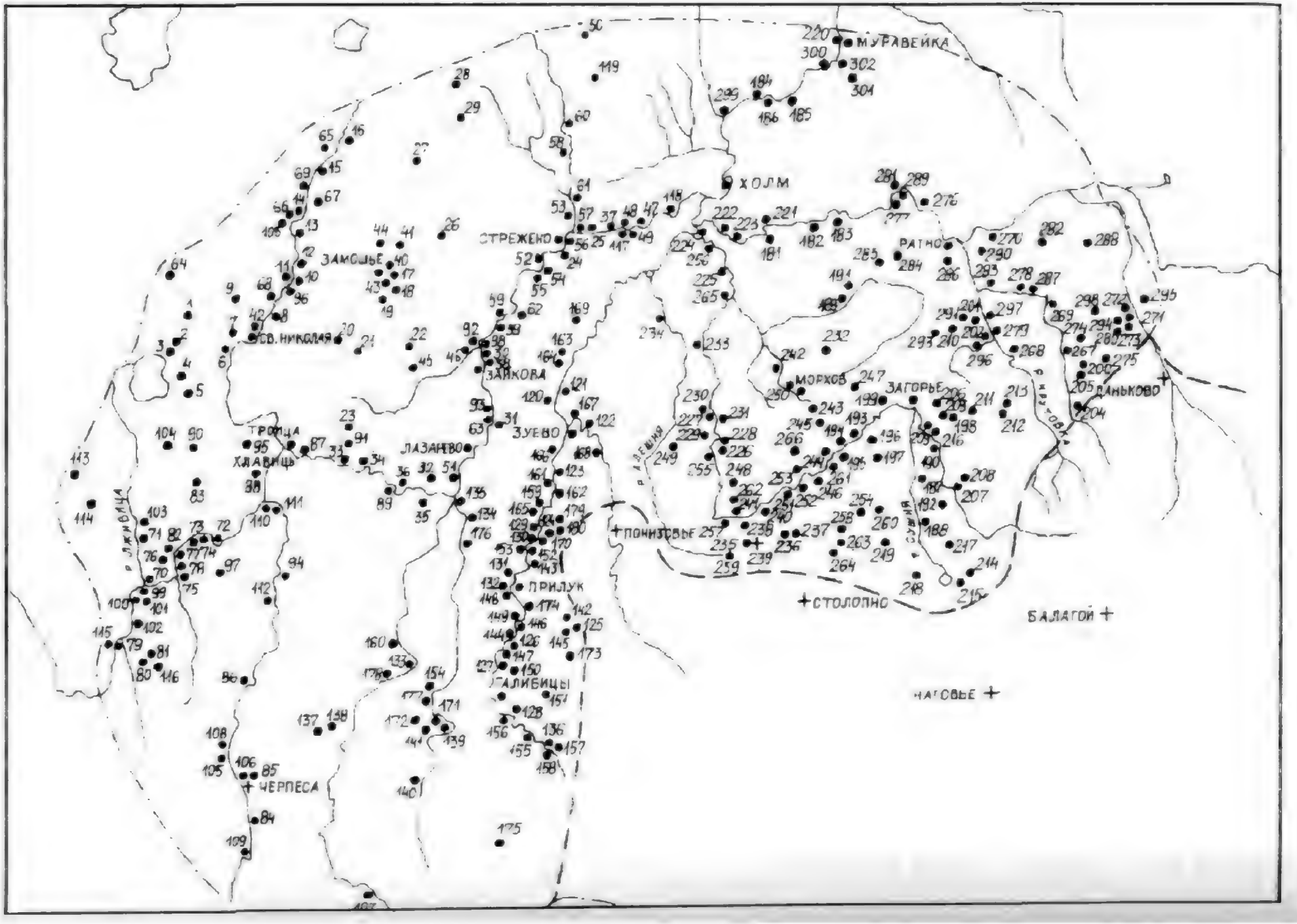

МУРАВЕЙКА
ХОЛМ
СТРЕЖЕНО
ЗАМОШЬЕ
СВ. НИКОЛАЯ
ЗАЙКОВА
ЗУЕВО
ЛАЗАРЕВО
ТРОИЦА
ХЛАВИЦЬ
ПРИЛУК
ГАЛИБИЦЫ
ЧЕРПЕСА
ПОНИЗОВЬЕ
СТОЛОПНО
МОРХОВ
ЗАГОРЬЕ
РАТНО
ДАНЬКОВО
БАЛАГОЙ
НАГОВЬЕ
р. ЛЖИВИЦА
р. АЛЕШНЯ
р. СУШНЯ
р. КРУТОВКА

Рис. 10

Локализация селений Холмского погоста

I. *Лазаревский стан (включая Хлавицкий и Локнейский станы)* 1.Сосное (Соснова); 2.Дулова; 3.Мал.Дулова, 4.Полушутино, 5.Кузминых (Кузмино), 6.Холодец, 7.Гоголь (Гоголева); 8.Иванисово (Ванисова), 9.Язвы, 10.Ручей (Ручейки), 11.Гривы; 12.За Каменкою (Закаменна); 13.Болонье (Аболонье), 14.Лебедева; 15.Заход, 16.Дубовец; 17.Жолынья (Жалыни), 18.Клюйводино (Клевдина), 19.Лехина; 20.Чижова; 21.Грива; 22.Ручяй (Ручейки); 23.Витца (Вица), 24.Степанова, 25.Пескова, 26.Варавино (Варавинка), 27.Горки, 28.Коровай (Караваева), 29.Коровай же (Караваева Гора), 30.Городок (Городец); 31.Ситна на р.Ловоти; 32.Язвы, 33.Молод (Молоди), 34.На Куннице (Бол.Куницы); 35.Опочка (Опоки); 36.На Легде (Легод), 37.Хворощино, 38.Гребень (Грыбино), 39.Ветно (Веткова); 40.Обалки (Балкина); 41.Фрюнино; 42.Горки на р.Хлавице, 43.Борисово; 44.Рок (Рог), 45.Темной Бор; 46.Ширеевская (Ширяева), 47.Пронино, 48.Гороканово, 49.Дуброва, 50.Высокая, 51.Клювадино на р.Ловоти, 52.Острецова (Стрецова), 53.Дубровково (Дубовики); 54.Горховшина на р.Ловоти (Граховшина), 55.Борок (Борки); 56.Макарово на р.Ловоти; 57.Савинская на р.Близне, 58.Сутоки; 59.Ильинская, 60.Бобылевская (Бобылевка); 61.Дмитрово, 62.Гора (Горки), 63.Бабья Лука (Бабина), 64.Гривки, 65.Лукавое на р.Хлавице (Лукова); 66.Ловягинская на р.Хлавице (Ловягина), 67.Гороховская на р.Хлавице, 68.Бороватая на р.Хлавице, 69.Кондратово на р.Хлавице, 70.Игнатково над р.Локнею, 71.Чертеж над р.Лживицею; 72.Ямища на р.Локнее, 73.Петрова на р. Локнее, 74.Усадище на р.Локнее; 75.Савино; 76.Осипова селища (Осипово село); 77.Логоть; 78.Погорелка; 79.Малеевское; 80.Плешово; 81.Дощерева, 82.Погост на р.Локнее (Локня), 83.Черногузовская (Черногузово); 84.Житищи, 85.Дроздово, 86.Мглуши (Имглуши), 87.Сельцо; 88.Лядища, 89.Плес (Кривой Плес), 90.Фекина, 91.Герасимово, 92.Шюриновская (Шуринская), 93.Плоская Лука (Лука), 94.Хочюж (Бол.Хочюж), 95.Гряда (Бол.Гряда); 96.Лужная на р.Хлавице, 97.Корело; 98.Богоявленье, 99.Пожар на р.Локнее, 100.Петрова; 101.Заход, 102.Шетилово (Шатилова); 103.Середнея (Среднее); 104.Хвошно (Квошня), 105.Залесок Бол. (Залесье), 106.Медведева (Михали), 107.На Смоте (Смота), 108.Сивцово (Сивцево), 109.Вазавое (Вязавое), 110.На Устье (Устье), 111.Лютец, 112.Бор, 113.Красная, 114.В Клине (Клин); 115.Савино; 116.На Бору (Бор)

II. *Кунейский стан* 117.Скаруева, 118.Кузмкина, 119.Какачева, 120.Устье, 121.Заход; 122.Кузнецова Лука (Кузнецова), 123.Плуженица (Плужницы), 124.На Лебеде (Лебедева), 125.На Язвене (Язвина), 126.На Каменом (Каменка), 127.На Красном Дубе (Краснодубье); 128. Избище; 129.Лудилова, 130.Хочуты, 131.Либакова, 132.Щепково, 133.Святиво (Усвятива), 134.Мялицыно (Мялкино), 135.На Усть Смоты (Усть Смоты), 136.На Сквожене (Сквожино), 137.Под Бором (Бор), 138.Петряево, 139.Сосонье на р.Смоте, 140.Погорелица на р.Смоте; 141.Медведица; 142.Сосонье; 143.Тучинская Лука, 144.Узмень (Изюмень), 145.Парфеньиха, 146.Сяорино, 147.Воронцова, 148.Ширина на р.Кунее, 149.Железна; 150.Горбовастая (Горбоватая), 151.Поповская (Поповская); 152.Вайлево, 153.Чюпрос Водос на р.Кунее (Водосы); 154.Латакова на р.Смоте, 155.Кокорево (Кокорино); 156.Залужья, 157.Приторы под Скожиным; 158.Паршинина (Першина), 159.Дуброва на р.Кунее; 160.Стешово в Латакове конце (Стешина); 161.Чертеж на р.Кунее; 162.Чюпрова на р.Кунее, 163.Царев Заход (Царева), 164.Заплатиной на р.Кунее (Заплатина); 165.Кузнецово на р.Кунее, 166.Спирова на р.Кунее, 167.Юринская на р.Сереже (Юринки), 168.Батюшкино на р.Сереже; 169.Короваиниково (Караваева); 170.Горка на р.Кунее, 171.Яшково, 172.Клюкин починок (Клюкова), 173.Шуклиха (Шуплиха); 174.Вудинская (Дудинская); 175.Ортюшинская за мхом (Артюшино), 176.Дуловская (Дулова), 177.Ситково, 178.Зерново в Латакове конце (Зехново, Зехны), 179.Заборье на р.Озеречне, 180.Озеречно на р.Озеречне

III. *Загорский стан* 181.Борисово, 182.Смехново (Смехова), 183.Березовская, 184.Раков, 185.Метень (Метня), 186.Семиводь, 187.Лисеиха; 188.Рокичево над р.Сушною (Роковичи), 189.Родилово над р.Заднею, 190.Корелкина над р.Гудром; 191.Мал.Радилово (Переднее Радилово), 192.Офанасово у Торопецкого рубежа, 193.Елно на р.Гудре с.ц.Преображения; 194.Кленцовец на р.Гудре (Кленовицы), 195.Тестово на р.Гудре (Честова), 196.Плоское (Плоскина); 197.Кандалово, 198.Подсадье, 199.Щюлакино; 200.Лехнево, 201.Груздиха (Груздева, на 2-х км карте - Груздиха), 202.Борисово; 203.Рогово, 204.Самошково (Самошкина), 205.Пальцово, 206.Сыромолотово (Сырая Молотово), 207.Кузнецовская (Кузнецова), 208.Сорокино; 209.Собакино, 210.Клин (Клины); 211.Максимова, 212.Грахова (Грехова), 213.Пятницкое; 214.Стехиревская (Стихарева), 215.Кузмина, 216.Суроженицы (Сурожница = Золотово), 217.Бедриншына (Бедринск = Ветошки), 218.Дроздово (Дроздовы Нивы = Матюшина), 219.Проплетенево (Проплеткино = Ефишожка); 220.Нижнее Вязье (= Горки)

IV. *Морховский стан* 221.Залесье, 222.Петрово над р.Гудром; 223.Бебяхтино над р.Гудром (Бабахина), 224.Подзорово на р.Кунее, 225.Бреков на р.Гудре (Брецкое); 226.Жуко

вичи над р.Тудром; 227.Ветшилово над р.Тудром (Вешелова); 228.Бор над р.Тудром; 229.Подмолодья над р.Тудром; 230.Туровская над р.Тудром; 231.Старое над р.Тудром; 232.Осца; 233.Лосево; 234.Олешня на р.Олешне; 235.Киселево; 236.Палкино на р.Прудке; 237.Быково; 238.Денжинская (Держанская); 239.Фокино на р.Меженке; 240.Ровное на р.Тудре; 241.Жихино; 242.Первые Дубровки (Дубровы); 243.Болдашева; 244.Елно на р.Тудре (Елны); 245.Суроежино; 246.Мосолова на р.Тудре; 247.Малашово (Малышева); 248.Шелуднево; 249.Веретея; 250.Бачкова; 251.Киевичи; 252.Ондрейково на р.Тудре; 253.Самохваловская (Самохвалово); 254.Соколово; 255.Ивановское; *256.Полиборов на р.Тудре Жуковском (Прибород); 257.Билова на р.Тудре; 258.Швецова;* 259.Снопова на р.Олешне; 260.Бохово над р.Еленкою; 261.Тумасово на рр.Тудре и Еленке; 262.Кашино; 263.Лушнево (Лушня); 264.Банино в Клине (Банино = Клин); 265.Мошонкина над р.Олешнею (Мошонки); 266.Юринская (Юринки).

V. *Ратновский стан (включая Муравейский стан)* 267.Осечна (Осенчиха, Синчиха); 268.Беликова (Белики); 269.Заязовка (Язовка); 270.Полосы; 271.Тогоды на р.Тудре; 272.Дошерово; 273.Березовка; 274.Павловская; 275.Нестово; 276.Копылово; 277.Козино; 278.Четовизец над р.Лужнею (Четовизно); 279.Бобрава над р.Крутовкою; 280.Безлядьево; 281.Наход; 282.Крутой Ручей; 283.Каменка над р.Каменкою; 284.Лужки; 285.Коптева; 286.Демидова; 287.Бабавища на р.Каменке (Бобовищи); 288.Долгая Ляда (Ляды); 289.Гороховище (Гороховка); 290.Быкова Лядина (Быкова); 291.Бебяхтина (Бабихина); 292.Лесугино; 293.Рогова; 294.Болданова (Болванова, Болвани); 295.Кишечкино (Покровское); 296.Рыбья Болото (Рыбуха); 297.Реутово над р.Крутовкою (=Авдунино); 298.Ворогузово (Рогузово); 299.Козлово на р.Ловоти; 300.Осетища на р.Ловоти; 301.Варухина (Барухина); 302.Приезжая Лука (Приезжая).

Тождество новых наименований со старыми в позициях 216, 217, 218, 219, 220, 264, 297 установлено по Списку населенных мест Псковской губернии 1885 г.

которых указано лишь количество обеж, что позволяет оценить лишь примерное число селений в порозжих землях, описания которых нет в книге. Достаточно уверенно можно утверждать, что это число заключено *между 500 и 600.*

Книга 136-137 гг. лежит в основе нашего описания границ и объема Холмского погоста в конце новгородской независимости. Эта ситуация аналогична ситуации с Великолукской землей, где в основе нашего описания лежала писцовая книга этого же времени. Но зато теперь мы имеем замечательный источник для проверки того, насколько правильно книга 136-137 гг. отражает границы и объем Холмского погоста в интересующее нас время, а именно книгу 2-го письма (см. пункт I). Сохранившаяся часть последней описывает от четверти до трети Холмского погоста (в обежном обложении), что вполне достаточно для убедительной проверки. Кроме того, писцовая книга Жихоря Рябчикова (см. пункт II) и обыскная книга 7069-7070 гг. (см.пункт III) также дают очень хороший материал для проверки. Сравнение станов во всех этих трех книгах и десятков в первой позволяет предположить, что первоначально Холмский погост был поделен московскими властями на пять станов: Лазаревский, Кунейский, Морховский, Ратновский и Загорский. Этого (быть может, несколько условного) разделения мы будем придерживаться, относя к Лазаревскому стану три стана книги 136-137 гг. — Лазаревский, Хлавицкий и Локнейский, а к Ратновскому стану два стана книги 136-137 гг. — Ратновский и Муравейский. При таком описании в Лазаревский стан попадает 227 селений из книги 136-137 гг., а в Ратновский — 105 селений.

При отыскании и нанесении селений на карту мы пользовались 3- и 10-верстными картами Генштаба прошлого века и 3-километровой картой

Псковской области 1990 г., а также списком населенных мест Псковской губернии 1885 г.[14] Результаты этой работы приведены на рис.10.

Общие итоги по станам относительно числа селений, местоположение которых удалось установить: Лазаревский — 86 сел. из 227; Кунейский — 49 сел. из 137; Морховский — 45 сел. из 215; Ратновский — 30 сел. из 105; Загорский — 39 сел. из 150. Всего установлено местоположение 249 селений из книги 136-137 гг.

По книгам 2-го и 3-го письма удалось установить местоположение 78 селений, из которых только 22 не встретились в книге 136-137 гг. Столь хорошее отражение этих книг в писцовом описании 136-137 гг. является достаточно убедительным доказательством того, что последнее довольно правильно передает ситуацию и конца новгородской независимости (напомним, что писцовая книга 136-137 гг. не содержит описания селений в порожжих землях, так что большего совпадения было бы трудно ожидать уже по этой причине). Подтверждает сказанное и обыскная книга 7069-7070 гг.: число селений в ней, местоположение которых удается установить, равно 85, но новых селений, сравнительно со всеми указанными выше книгами, всего 23.

Холмский погост граничит на севере с Офремовским и Коломенским погостами Шелонской пятины, а также с Курским присудом и волостью Велилей Деревской пятины; на востоке и на юго-востоке с Торопецкой землей; на юге и на юго-востоке с Великолукской землей; на западе с Пусторжевской землей. Если рубежи с новгородскими землями (включая Пустую Ржеву и Великие Луки) подтверждаются локализацией соответствующих границ Торопецкой, Пусторжевской, Великолукской волостей и Шелонской пятины[15], то рубеж с Торопецкой землей, в частности, вполне соответствует ситуации, описанной в документе 1489 г. В указанном году в жалобе на пограничные обиды, предъявленной послом короля Казимира в Москве, перечислен ряд пунктов Торопецкой земли, подвергшихся нападению из-за московского (новгородского) рубежа, а именно: Столпно, Унцово, Наволок, Мирилово, Сельцо, Тяполово, Полесье, Воротигорцы, Понизовье[16]. Между тем Торопецкая писцовая книга числит в Столопенской волости сельцо Понизовье на р.Сереже, Старое Сельцо, Воротигорнец[17], Юнцов Заход, сельцо Мирилево, сельцо Наволок, сельцо Столопно[18], Тяполово (последний пункт числится на р.Сереже)[19]. Все эти селения расположены у установленной локализацией Холмского погоста границы на Торопецкой земле (см. рис.12).

◆

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с.130-131, № 77.
2. Там же, с.105-106, № 63; с.115-116, № 70.
3. Русская историческая библиотека, т.27. СПб., 1910, № 140.
4. Сборник Русского исторического общества, т.35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1882, с.14, 48, 54.

5 Там же, с 63, 66

6 Книги новгородские Деревской пятины великого князя волостей и тех дворцовых письма Прокофья Зиновьевича Скурата да Петра Волка Борисова сына лета семь тысяч четвертаго ГИМ, ф 342, № 46; *Самоквасов Д Я* Архивный материал, т I М , 1908, с 80-86, 220

7 Горопецкая книга 1540 года / Подг к печати М Н Тихомиров и Б Н Флоря // Археографический ежегодник за 1963 год М , 1964, с 277-357

8. Новгородские писцовые книги, т 2 СПб , 1862, стб 826-880

9 РГАДА, ф.1209, оп 3, № 17149, л.270-276

10 Архив ЛОИИ, колл 172, перечень IV № 296 Сердечно благодарим И Ю.Анкудинова за сообщение этого документа.

11. РГАДА, ф.1209, оп 3, № 17150, л.167-187

12. РГАДА, ф.1209, оп 3, № 17140, л 143-178

13. РГАДА, ф 1209, оп 1, № 906

14. Списки населенных мест Российской империи, т XXXIV Псковская губерния СПб , 1885

15 См предыдущие очерки Пусторжевской и Великолукской земель, а также *Андриашев А М* Материалы по исторической географии Новгородской земли Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг , вып 1-2 М , 1914; Новгородские писцовые книги, т 2

16 Сборник Русского исторического общества, т.35, с.35, 36.

17. Горопецкая книга 1540 г., с.317

18. Там же, с.318.

19. Там же, с 328

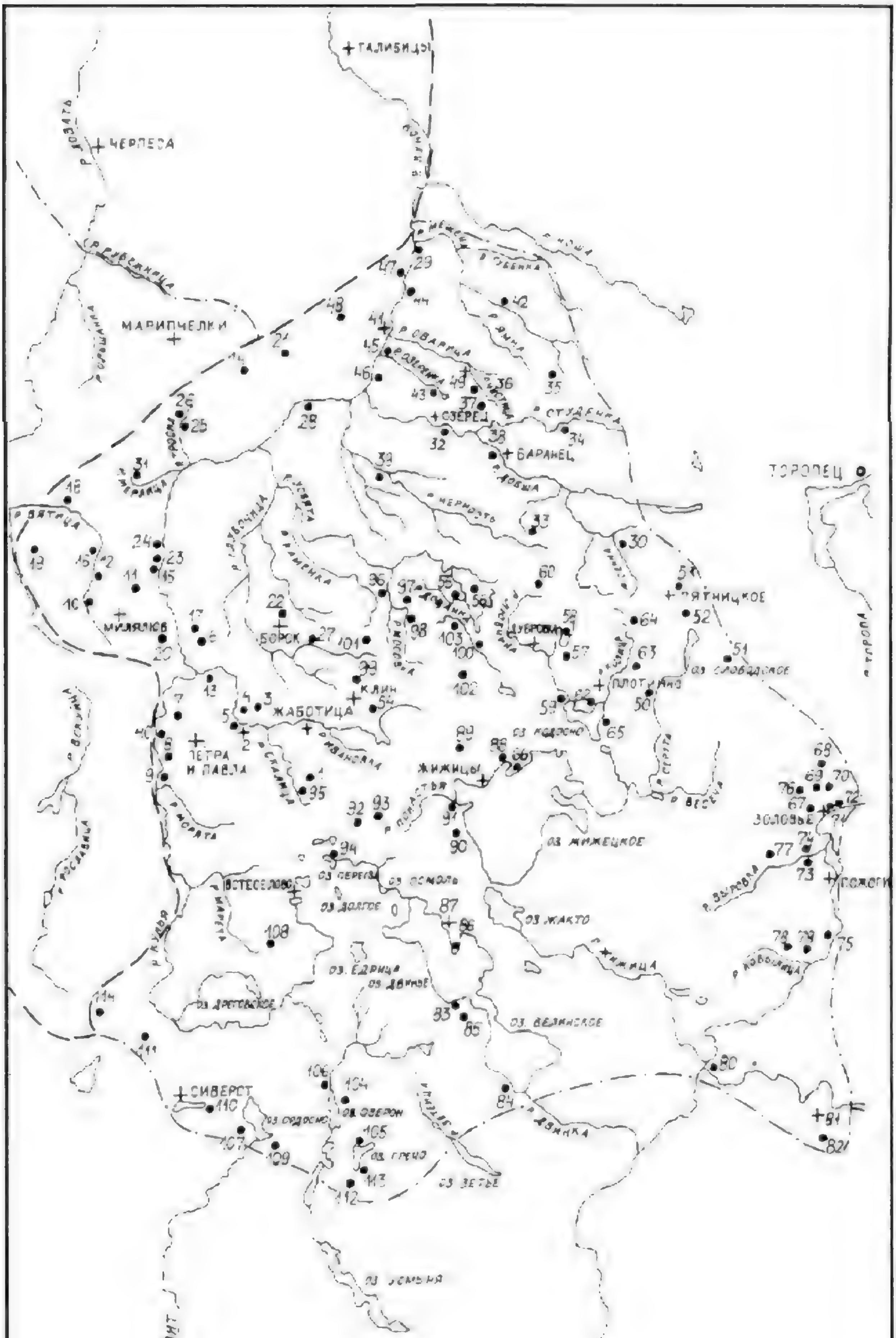
Озерецкая, Плавеецкая и Жижицкая волости

Эти три волости в духовной Ивана III 1504 г. обозначены принадлежащими к Торопцу: "Да сыну ж своему Василью даю город Торопец с волостьми, и с погосты, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потянло, да волости Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Бибирево, Старцева, Нежелская, Велижскаа, Плавеетцкаа, Жыжетцкаа, Озерскаа, Казариновскаа"[1]. Тот же текст повторен и в духовной Ивана IV 1572 г.[2] Между тем их торопецкая принадлежность — результат успехов московского оружия рубежа XIV—XV вв. и явление сугубо временное, поскольку уже к 1540 г. в составе Торопецкой земли ни одной из этих трех волостей не значится. Разъясним оба этих обстоятельства.

В ходе московско-литовских переговоров, завершивших войну 1500-1503 гг. перемирием на шесть лет, которое было заключено 26 марта 1503 г., литовская сторона настаивает на принадлежности Литве "Витебских волостей": Бруса, Дречьих Лук, Велижа, Усвята, Озерищ, Плавеца, Жижеца, Озерца, которые, как это очевидно, к моменту переговоров находились уже в руках московских воевод. В ответных пунктах Москва признала литовскими "Витебские волости Брус, Дречьи Луки". Что же касается интересующих нас территорий, то о них было заявлено: "Велиж, Озерцо, Плавец, Жижец, то волости Торопецкие и ныне тянут к Торопцу; а Замошье и Боровляне Велижские волости погосты; а Свято заложилось к Лукам тогды, коли Торопец взяли, да от тех мест тянут к Лукам; а Озерища тогды ж целовали к Пуповичам, да и ныне тянут к пуповскому волостелю; а Коротан и Вяз [в оригинале ошибочно — Вязма], то Пуповские волости изстарины; а Веснеболого целовали ко Ржеве, и ныне тянут ко Ржеве". Однако Иван III "для первого свойства с государем с вашим поступается" ряда волостей — из перечисленных выше Озерищ и Свята (Усвята)[3].

Приведенные тексты показывают, как по мере отвоевания у Литвы русских территорий их население присягало о принадлежности уже сформировавшимся на возвращенных землях административным центрам (Пуповичам, Торопцу) или старым центрам (Ржеве, Лукам), что вело к образованию временной административной системы. Переговоры завершились переходом к Москве "...города Торопца и волостей Данькова, Любуты, Дубны, Рожны, Туры, Бибиревы, Старцовы, Нежелские, Велижские, Плавеетцкие, Жижетцкие, Озерские, Казариновские". Легко заметить, что именно этот порядок перечисления был использован как клише в составленной вскоре же по заключении перемирия духовной Ивана III.

Торопецкая писцовая книга 1540 г. не числит Плавецкой, Жижетцкой, Озерской (равно как и Велижской) волостей в составе Торопецкой земли[4]. Это означает, между прочим, что их повторное упоминание в том же


ТАЛИБИЦЫ
ЧЕРПЕСА
МАРИПЧЕЛКИ
ОЗЕРЕЦ
БАРАНЕЦ
р. Студенка
р. Лобша
ТОРОПЕЦ
р. Торопа
ПЯТНИЦКОЕ
БОРОК
КЛИН
ЖАБОТИЦА
ЖИЖИЦЫ
ПЛОТИЧНО
оз. Слободское
оз. Жижецкое
ЗОЛОВЬЕ
ПОЖОГИ
оз. Жакто
р. Жижица
оз. Долгое
оз. Едрица
оз. Двиное
оз. Велинское
р. Двинка
СИВЕРСТ
оз. Озерон
оз. Зетье
р. Усвят

контексте в духовной Ивана IV 1572 г. является реликтовым, основанным на воспроизведении старого формуляра, не откорректированного реальной обстановкой времени.

По-видимому, уже к 1540 г. Плавецкая, Жижицкая и Озерская волости вошли в состав Великолукской земли, где их знают более поздние писцовые материалы. Те же писцовые книги, которые были использованы для восстановления объема и границ Великолукской земли, являются основой для локализации рассматриваемых здесь бывших витебских волостей.

Озерецкая волость по всем писцовым книгам (93 г., 102 г., 134/35 г.) делится на шесть "штин" и Змееву слободку (центры всех штин, кроме Чистолуцкой, восстанавливаются по книге 93 г.): 1. **Комоневская** (Команевская, Каменевская), на погосте церковь Петра и Павла; 2. **Болонецкая** — на погосте церковь Николая на Озерцах; 3. **Милолюбская** — на погосте церковь Ильи Пророка; 4. **Боровская** — на погосте церковь Николая на Борку; 5. **Боранецкая** (Баранецкая, Боронецкая) — на погосте церковь Козмы и Дамиана; 6. **Чистолуцкая** — на погосте церковь Успения в Чистолучье; погост запустел от войны литовских людей в 1581 г., центр не определяется, так как в этом районе не найдены ни Чистолучье, ни Успенское.

Центр **Змеевой слободки** — погост с церковью Параскевы Пятницы над оз.Серутом, почти наверняка идентифицируемый с с.Пятницким.

Рис.11

Локализация селений Озерецкой, Жиженкой и Плавецкой волостей по писцовым книгам 93 и 102 гг.

ОЗЕРЕЦКАЯ ВОЛОСТЬ

Комоневская штина. 1.Вторыкова (Вторикова), Серебряницы на р.Лусне; 3.Роговская (Рогова); 4.Нафомовская (Нахомова); 5.Гришинская на старой Комоневе на р.Лусне (Гришино); 6.Пески; 7.Дубняки на р.Кунее; 8.Монастырь на р.Кунее (Монастырка); 9.Ватолино. * Упом.селения на Жижецком рубеже;

Милолюбская штина: 10.Рыжкова на р.Вятице; 11.Сивцов погост (Сивцево); 12.Погрелая (Погорелка); 13.Жеталева на р.Лусне (Жеталово); 14.Игнатов остров (Островщина); 15.Литвиниха на р.Кунее; 16.Дубровка; 17.Еремина; 18.Суховарино; 19.Зимаревская (Зимари); 20. Ступина; 21.Шелеховская (Шелихова). *Упом.селения на Жижецком рубеже;

Боровская штина: 22.Ивашковский на р.Нудовше (Ивашево);

Болонетцкая штина: 23.Олесова на р.Кунее; 24.Кривандина на р.Кунее; 25.Унина на р.Кунее, 26.Иванково на р.Гросне; 27.Ивоздево на р.Нудовше; 28.Долгая нива; 29.Павловская на р.Кунее (Павлово); 30.Сенна на р.Сенне; 31.Веретея на р.Мерлине;

Боранецкая штина: 32.Мандусова на р.Добше; 33.Гороватка на р.Черности; 34.Окулинская на р.Студенце (Студенка); 35.Русанова над оз.Солочьем; 36.Окиншина (Акиншино); 37.Фомина на р.Череватице; 38.Бритаусово на р.Добше; 39.Кочнево на р.Черности, 40.Ушицы на р.Кунее у перевозу. *Упом.селения на Торопецком рубеже;

Чистолуцкая штина: 41.Дмитриевская на р.Кунее в Чистолучье; 42.Мишково; 43.Яшутинской (Яшутино); 44.Моланково на р.Кунее (Заборье); 45.Горка на р.Кунее (Зуи); 46.Василево на р.Кунее; 47.Гольцова на р.Кунее (Чальцова); 48.Загорье; 49.Метлино;

Змеева слободка: 50.Нещевина; 51.Гришино в Острой слободке; 52.Лощадье (Лошаеды); 53.Костино. *Упом.селения на Торопецком рубеже.

ЖИЖЕЦКАЯ ВОЛОСТЬ

Жеботицкая четвертина: 54.Жалтилова. *Упом.рр.Лусня, Сколица, Ивановка;

Железинская четвертина: 55.Карпова (Староселье), 56.Подовалова (Подавалово). *Упом.рр.Усвята, Дощанка, Каменка и селения на Торопецком рубеже;

Дубровская четвертина: 57.Васехнова (Васихнова); 58.Михалково; 59.Смыковская

*(Смыкина). *Упом.р.Любчина, оз.Кодосно;*

Чюпровская четвертина: 60.Барсуки. *Уп.рр.Любчина, Черность, Усвята и селения на Торопецком рубеже;

Березовская четвертина: 61.Ханина на р.Кулице (Воскресенское), 62.Савина на р.Лотовнице, 63.Воробьевская на р.Колице (Воробьи); 64.Корниловская на оз.Пулце (Аполец). *Упом.озера Плотично, Слободское Серута и селения на Озерецком и Торопецком рубежах;

Шептовская четвертина: 65.Высокое над оз.Кодосном, 66.Петровская над оз.Жисцом. *Упом.рр.Кулица, Висяча, озера Кодосно, Плотично, Жисцо и селения на Озерецком рубеже;

Золвецкая четвертина: 67.Юшкова; 68.Комлево (Комлова); 69.Романова; 70.Олексеевская (Алексеева); 71.Онтоновская на р.Тороне (Антоново), 72.Полутинская (Полютино). *Упом.селения на Озерецком рубеже.

Пожевская четвертина: 73.Иванкова над оз.Выровком; 74.Власовская на р.Выровке (Алексаполь); 75.Голашкина на р.Тороне (Терехово); 76.Яковлевская (Гейсма); 77.Осташково; 78.Пестово, 79.Степаново (Степаньково); 80.в Клинце на устье р.Двины и Торопки (Устье); 81.Огрызкова; 82.Огафоново. *Упом.рр.Торопа, Выровка, Двина, Вергла, Кобылица и селения на Торопецком рубеже;

Узменская четвертина: 83.Кретиви над оз.Двинью (Кретивля); 84.Борок над оз.Двинью; 85.Кретивля над оз.Двинью (Н.Кретивля); 86.Теребицы над оз.Двинью (п-ов Теребичий Рог); 87.у пог.Петра и Павла на оз.Двинье. *Упом.озера Жисцо Большое, Жисцо Малое, Двинье, Зетее;

Жижецкая четвертина: 88.Куровская над оз.Жисцом (Курово), 89.Волякино (Болякино). *Упом.р.Осмолица — имеется оз.Осмоль — и озера Жисцо, Двинье;

Волынская четвертина: 90.Каменская у оз.Жисца (Каменка), 91.Ластовка у оз.Жисца, 92.Пухлова; 93.Минина Гора (Мина Гора). *Упом.р.Попасть и оз.Жисцо;

Сколская четвертина: 94.Рогатинская над оз.Перегвом (Пынки); 95.Харитонова. *Упом.рр.Сколица, Морята, Осмолица, озера Перегва=Рогаткино, Двинье и селения на Плавецком рубеже;

Гостивлицкая четвертина: 96.Герасимово, 97.Микитинская над р.Двойниною (Никиткина); 98.Гороватка на р.Мосовке (Гароваха). *Упом.рр.Усвята, Дощанка, Мосовка;

Клинская четвертина: 99.Бритикова, 100.Медведево (Б.Горки), 101.Мосеевская на р.Харинке (Масеева); 102.Гороватка. *Упом. р.Мосовка;

Осташковская четвертина: 103.Сидоровская на р.Новоселке (Сидорово).

ПЛАВЕЦКАЯ ВОЛОСТЬ

104.Соловьево на оз.Зароное; 105.Липец над оз.Гречом (Липовец); 106.Куркино на усть-реки Лютиницы; 107.Турновское над оз.Ордосном (Турное); 108.под городцом Шахваростом (Шехвера); 109.Печково на оз.Ордосне; 110.Воробьевская (Воробьево), 111.Овсянниковская над руч.Малышевым; 112.Ермолино (Ермолово); 113.Пухново; 114.Климятино над руч.Малышевым (Клемятино). *Упом.рр.Зетейна, Морята, Кунея, озера Зароное, Гречо, Ордосно, Дрегло, Долгое, Зетее, Встеселово, Северсто, Ядрецо.

Жижицкая волость по книгам 93 и 102 гг. делится на пятнадцать "четвертин": 1. **Жеботицкая** (Жеботинская), центр Жеботица на р.Лусне; 2. **Железинская**, на нелокализованном погосте церковь Козмы и Дамиана; 3. **Дубровская**, центр погост Дубровки с церковью Преображения; 4. **Чюпровская**, центр не локализован; 5. **Березовская,** упоминается пустошь, что был погост Березовский с церковью Троицы над оз.Плотичным, — возможно, нынешний погост Плотично; 6. **Шептовская,** среди селений есть Шептова над оз.Жисцом, ныне не существующее; 7. **Золвецкая,** центр погост Золвецкий (Золовье); 8. **Пожевская,** центр погост на Мелехове горе на р.Глушице с церковью Воскресения; 9. **Узменская**, погост над оз.Двинье с церковью Петра и Павла, — возможно, Двин; оз.М.Жизцо названо также Узмень; 10. **Жижецкая,** погост Жижец на оз.Жисце с церковью Рождества Богородицы; 11. **Волынская,** центр не локализован, упоминается селение в Волынском мху на оз.Жисце;

12. **Сколская**, центр не локализован, но имеется р.Сколица, давшая ей название; 13. **Гостивлицкая** (Гостивлецкая), погост Гостивлицы с церковью Ильи пророка (в списке селений Псковской губ., но на карте отсутствует, почему и не локализован); 14. **Клинская** (Клиновская), погост Клин с церковью Николы; 15. **Осташковская**, центр не локализован, имеется сел.Осташковская на Рябове лугу и сел.Осташковская Хрептова на р.Харинке.

Плавецкая (Пловецкая) *волость* по писцовым книгам 93 и 102 гг. не имеет явного административного деления, но в них четырежды упоминается **Никольская половина** и дважды **Спасская половина**. Центр не определяется, так как ни на картах, ни в списках селений ничего похожего на Пла(о)вец нет. Однако имеются два погоста — на оз.Ветееле погост Николы (Ветеселово) и над оз.Северстом погост Покров (Сиверет).

Если деление Озерецкой волости на шесть штин закономерно, то деление Жижецкой волости на 15 четвертин нелогично. Более понятным было бы деление на 16 четвертин (т.е. на 4 четверти, которые в свою очередь каждая делится на четвертины). Может быть, недостающей 16-й четвертиной была некогда Плавецкая волость, которая могла выделиться в особую административную единицу в ходе отвоевания Москвой этих территорий?

Во всяком случае, административная система рассматриваемых волостей отличается как от системы торопецкой волости, граничащей с ними на востоке, так и от системы Великолукской земли, граничащей с ними на западе, что лишний раз подтверждает принадлежность Озерецкой, Жижецкой и Плавецкой волостей к Витебским, а не к Торопецким землям.

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М., Л., 1950, с.357, № 89.
2. Там же, с.438, № 104.
3. Сборник РИО, т.35 Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т.1, с 1487 по 1533 год. СПб., 1882, с.395-396
4. Торопецкая книга 1540 года. Подготовили к печати М.Н.Тихомиров и Б.Н.Флоря // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с.277-357.

Вопрос об объеме Торопецкой земли во времена, предшествовавшие падению новгородской независимости, достаточно сложен. В указанное время она входила в состав литовских владений, однако вскоре после присоединения Новгорода к Москве, в 1500 г. Торопец в ходе московско-литовской войны был взят войском Ивана III и в перемирной грамоте 1503 г. город Торопец и волости Даньково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Бибирево, Старцова, Нежелская, Велижская, Плаветцкая, Жижетцкая, Озерская, Казариновская перечисляются среди тех земель, которые Александр Казимирович обязуется "в те перемирные лета, в шесть лет... не воевати, ни зацепляти ничем"[1]. Те же волости как торопецкие названы в духовной Ивана III, составленной в 1504 г.[2], и в перемирных грамотах 1522 и 1527 гг.[3] То, что они в это время действительно тянули к Торопцу, подтверждается и жалобой Василию III торопецкого наместника князя М.М.Курбского, заявленной сразу же после заключения перемирия 1522 г.: "витебской наместник Ивашко Сапега вступается во государя нашего волость в Велижскую, и Велижские волости крестьян велел взяти десять человек и свели их в Витебск"[4].

Однако причисление к давним Торопецким землям Велижской, Плаветцкой, Жижетцкой и Озерской волостей сомнительно, ибо в переговорах 1503 г. сами литовские послы числили их витебскими[5]. Доводы же московской стороны ("а Велиж, Озерцо, Плавсец, Жижец — то волости Торопецкие и ныне тянут к Торопцу"[6] легко объясняются необходимостью причисления новых отвоеванных у Литвы волостей к какому-либо естественному центру, и выбор Торопца как такого центра почти однозначен[7]. Однако, когда острота проблемы со временем спала, они (кроме Велижской, о которой речь пойдет ниже; см. примеч.14) вошли в состав Великолуцкого уезда[8]. Первое же упоминание о вхождении их в состав Великолукских земель относится к 1529 г., когда наместник Великих Лук жаловался, что "королевы люди... на Луках вступаютца в Озерскую волость и в иные волости и села"[9]. В Торопецкой же писцовой книге 1540/41 г.[10] эти волости не упомянуты.

Так как эта книга является основным нашим источником, следует прежде всего обсудить степень ее сохранности. Издатели текста отмечают, что "книга дошла до нас не полностью. Текст рукописи на л.265 обрывается на полуслове: конец описания поместных земель и общие итоги отсутствуют. Можно отметить два пропуска и в самом тексте"[11]. Мы решительно не согласны с тем, что отсутствует конец рукописи (завершающая фраза в ней отнюдь не оборвана на полуслове). Полагаем, что мнение издателей основано на предпосылке об обязательности общих итогов, что неверно для писцовых книг этого времени. Что касается явного пропуска текста между лл.132 и 133, то там отсутствует 18-я тетрадь и по одному листу предыдущей и последующей тетрадей. Других сколько-ни-

будь существенных пропусков текста обнаружить не удается. Замечание издателей о том, что "в состав описания черных земель попал также фрагмент описания поместных земель (земли помещиков Раздеришиных — л.82-85об.)"[12], не соответствует действительности: Роздеришины не помещики, а почти наверняка земцы. Во-первых, формуляр описания их земель никак не соответствует поместному; во-вторых, при описании дворов г.Торопца сказано: "двор семцов Семенов да Родивонов Ефимъевых детей Роздеришиных да братаничов их Офромеиков да Харитонов Роздеришиных" (ТПК, л.2об.) (вероятно, "семцов" — ошибочно вместо "земцов"). В таком случае описание их земель могло располагаться именно там, где оно и приведено.

К самому изданию, осуществленному хорошо, у нас имеется лишь одно замечание, связанное с восстановлением правильного порядка размещения текста: описание двух деревень ("над рекою над Плесневицею Ермолки Ескова" и "Заселье Еськи Захарова") со страницы 298, строки 34-38 сверху должно быть перенесено на страницу 290 перед строкой 24 сверху ("В Торопецкой же переваре деревни над Моржовым озером"). Это оказывается верным не только по смыслу (поскольку на с.298 указанный текст явно не на месте), но и по подсчету числа деревень в Порецкой переваре (их должно быть 62, а без этих двух деревень их только 60).

Таким образом, мы полагаем, что Торопецкая писцовая книга 1540/41 г., за исключением указанного выше пропуска, сохранилась практически полностью. Подтверждает такое предположение и сравнение ее с целиком сохранившейся книгой Торопецкого уезда письма и меры Д.Е.Воейкова да подьячего Ф.Протопопова 136, 137, 138, 139 (1627-1631) гг.[13] Это сравнение демонстрирует практически почти полное совпадение описанных там земель. Поэтому можно достаточно уверенно утверждать, что Торопецкая писцовая книга 1540/41 г. точно описывает объем Торопецкой земли своего времени[14].

На рис.12 представлена территория Торопецкой земли согласно этой книге. Пропуск десяти ее листов (в основном поместья семейства Кушелевых, видимо, в Столопенской волости) восстанавливается по книге 1627-1631 гг. (позиции 12-26 в экспликации).

Из перечисленных в перемирной грамоте 1503 г. Торопецких волостей в книге 1540/41 г., помимо приведенных выше четырех "витебских" волостей, не упоминаются еще две волости — Рожна и Бибирево, локализация которых на левой стороне Западной Двины не встречает затруднений: погост Рожня находится в 8 км южнее торопецкого погоста Дубна, село Бибирево расположено в 19 км юго-восточнее торопецкого погоста Тура. Старцевой же волости в книге описывается только половина (ТПК, с.310: "Половина Старцевой волости"). Быть может, некоторый свет на это обстоятельство может пролить жалоба Василию III "наместника с Белые" князя А.И.Булгакова 1522 г.: "витебской же наместник Ивашко Сапега вступается в государя нашего в Бельскую волость в Старцову, да

также крестьян к собе свел в Витебск"[15]. Можно предположить, что Старцева волость была в литовское время поделена между городами Торопцом и Белым; последний также был присоединен к Москве по перемирной грамоте 1503 г. со своими волостями, среди которых, впрочем, не названа Старцева. Что касается Рожны и Бибирева, то в XVII в. их территория, составлявшая южную половину Волговской волости Ржевского уезда, обозначена как приписная из Бельского уезда[16], т.е. имеет ту же природу, что и бельская половина Старцевой волости.

Все остальные волости перемирной грамоты 1503 г. (Даньково, Любута, Тура, Нежельская, Казаринская, собственно Торопецкая) описаны в ТПК. К ним добавлена еще Столопенская волость, отсутствующая в перемирной грамоте. Но как раз ее принадлежность к Торопцу не вызывает сомнений (возможно, в литовское время — в составе собственно Торопецкой волости), ибо Столпно упоминается еще в 1489 г. при перечислении королем Казимиром пограничных обид, творимых московской стороной: "А сего лета волости Торопецкии выграбили на Столпне, сожгли дворов 50... А на Воротигорци да на Понизовьи 30 дворов сожгли...; а у Селка двор сожгли... А Унцове 10 дворов сожгли... На Наволоце 10 дворов сожгли... У Мирилове 10 дворов сожгли... У Селци 10 дворов сожгли... У Тяполове 20 дворов сожгли..."[17]. Все эти селения упомянуты и в ТПК и все, помимо Тяполова, в сохранившейся части описания Столопенской волости. Всех их, кроме Воротигорец, удалось локализовать (см. позиции 1, 3, 4, 6, 7, 10, 290 в экспликации к схеме).

Несколько замечаний об административном делении Торопецкой земли по ТПК. В ней был "писан посад Торопецкой, волости черные и помечкии". Волости Любута, Тура, Старцова, Нежельская, Торопецкая входили только в состав черных земель, Казаринская и Дубна — только в состав поместных, Данковская — в состав и тех, и других. В состав некоторых волостей, в свою очередь, входили перевары (упомянуты перевары: Данковская и Сережская — в Данковской волости; Зимецкая, Вехонская, Соловская, Вережунская, Бенская, Скунская — в Старцовой волости; Порецкая, Збуцкая, Добжоская, Струская, Лаширская и Кудинская и Меденская и Язвецкая — это одна перевара — в Торопецкой волости). Описаны и некоторые перевары независимо от волостей: Стрежинская — в черных землях, Желинская, Лобинская, Пантелеевская, Замошская — в поместных. Трижды при описании черных земель попадаются упоминания о десятках: "В Турской же волости за рекою за Двиною в Заборье жо Торопецкие волости Зиновова десятка, а изстари были Турской же волости"; "В Торопецкой ж волости деревни Лобенского десятка над озером над Белым промеж Старцовой волости и Нежельской, а в перевару не тянули ни в которую"; "деревня Островна Збудские перевары Сушкова десятка, а приписана была к Лобенскому десятку"[18].

Нам кажется бесспорным, что и перевары, и десятки унаследованы московскими писцами от стародавних времен (по крайней мере, в книге 1627-1631 гг. перевары уже зовутся волостями, хотя даже там в тексте встречаются упоминания перевар и десятков). Скорее всего, перевары как территориальные единицы всегда входили в состав лишь черных земель,

— конечно, до присоединения к Москве, когда черные земли постепенно раздавались в поместья, а название "перевары" еще сохранялось. По крайней мере, в Новгородских писцовых книгах перевары встречаются лишь в Корельском уезде и лишь в волостях "за наместники за корельскими" или "чернокунских что были за владыкою"[19]. "Холмовский погост, четыре перевары" (1471 г.)[20] также заведомо принадлежал к черным землям (примеры других перевар нам неизвестны). Думаем, что не ошибемся, если причислим к Торопецкой земле литовского времени все черные земли ТПК (некоторые сомнения может вызывать только Нежельская волость) и все переварные земли среди поместных.

Остается рассмотреть вопрос о Казаринской волости — самый трудный, ибо в жалобах Казимира 1489 и 1491 гг. на пограничные обиды Казаринская волость рассматривается независимо от Торопецких волостей: "А сего лета сел бояр витебских, у Казаринской волости подле Торопца, Герасимовы и братьи его и Олехна Поддубенского и братьи его твои люди выбрали, 50 дворов сожгли, а люди в полон головами повели, а инших села около Торопца пожгли и люди побрали; а сего ж лета волости Торопецкие выграбили на Столпне..."[21]; "...твой наместник, на имя Колычев... наслал многих людей на нашу Торопецкую волость на погост, на имя на Болого... многих людей поимали и на Морхо возвели; а потом тот же Колычев собрался з многими людми и въехал в нашу Торопетцкую волость на нашого торопецкого наместника... а волости нашое Торопецкое, також и Казаринское, много выжгли и звоевали и многи земли нашое волости Торопецкое и Казариньское позарубали и з людми к Чернокунству"[22]. Такое последовательное разделение Торопецкой и Казаринской волостей, а также наличие в последней сел витебских бояр не исключает ее причисления к витебским волостям, хотя она и отсутствует в списке витебских волостей, предъявленных литовскими послами в 1503 г.

Мы оставляем открытым вопрос как о принадлежности, так и об объеме Казаринской волости в литовское время. Дело в том, что при описании поместных земель в ТПК часто не указывается, к какой волости принадлежит поместье, а обозначается лишь название местности, например: "в Лужниках поместье...", "в Лузех поместье за ...", "в Дубне и Раменье поместье..." и т.п. (здесь уместно отметить, что в ТПК Дубна ни разу не названа волостью в отличие от всех других волостей). Поэтому наше распределение селений в поместных землях по волостям несколько условно, и мы не в состоянии провести точные границы между волостями Торопецкой земли по материалам ТПК (конкретно такими волостями являются Дубна, Казаринская, Данковская и собственно Торопецкая, волости Любута, Тура, Старцова и Нежельская определяются достоверно). Принадлежность волости Дубна к Торопецкой земле вряд ли вызывает сомнения (достаточно взглянуть на ее географическое положение), но ее объем также не удается установить точно, хотя ее северо-восточная граница (рис.12) подтверждается все той же жалобой Казимира 1489 г.: "Наместник князь Васильев Ивановича Вселуцкий Василий Давыдович отрубил волости нашое Дубны половину земли тыми разы, а врочищи Павиницею речкою на Хороший остров, да у Кривицю, да у Моринцо

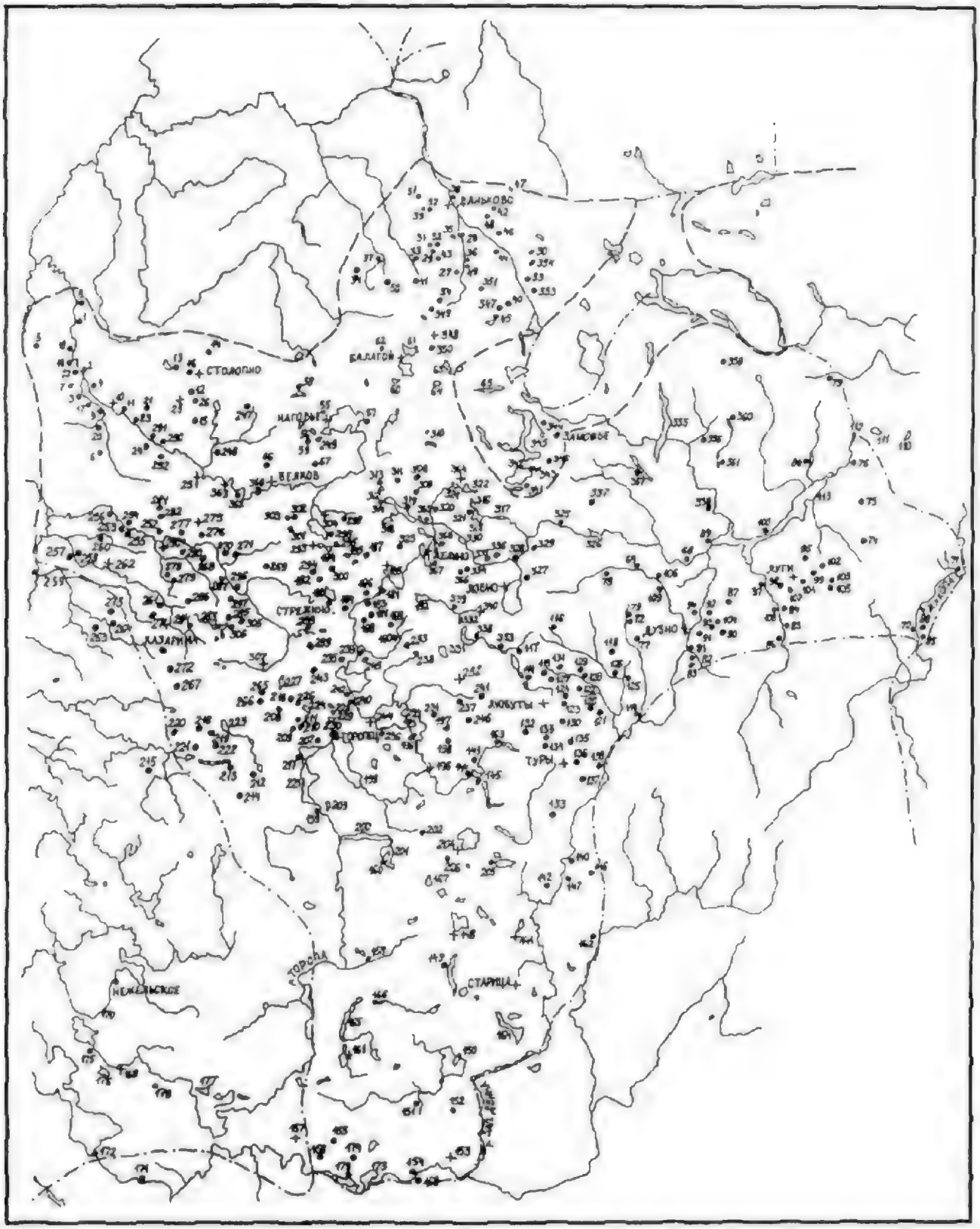

ДАНЬКОВО
БАЛАГОЙ
СТОЛОПНО
НАГОВЬЕ
ВЕЛИКОВ
ЗАМОВЬЕ
ЛЕДНО
ЛОВНО
СТРЕЖНЮ
ЛАЗАРИНА
ЛУГИ
ДУЗНО
ЛЮБУТЫ
ТОРОПЕЦ
ТУРЫ
ТОРОПА
СТАРИЦА
НЕЖЕЛЬСКОЕ

Рис.12

Торопецкая земля по материалам писцового описания 1540/41 г.

Столотно: 1.Понизовье на р.Сереже; 2.Мятлева (Мяцлево); 3.Старое; 4.Селково; 5.Борок; 6.Юнцов Заход (Юнцево); 7.Мирилево (Мерелева); 8.Обухово на р.Сереже (Обуховицы); 9.за р.Кунашевкою до Дубровской стороны (Дубровки), 10.Наволок (Волок); 11.Медведево; 12.Шолковец (Шолковичи); 13.Орловская (Орлова); 14.Пестрикова (Пестрякова); 15.Наставкина, 16 Князевская (Князева); 17.Микулинская на р.Кунашевке (Никулина); 18.Санбуровская на р.Сереже (Сабурова); 19.Сидоровская на р.Сереже; 20.Сенинская в Юнцове Заходе на р Городенце (Сенина); 21.Дружево на р.Столоше; 22.Монастырева Зуи; 23.Кумовская на р.Сереже; 24.Середухово (Середохина); 25.Заходомье на р.Столоценке; 26.Небогатовская-Кулеши:

Ланков: 27.Зубцова (Зубова); 28.Плахино; 29.Ермолино; 30.Онаньина; 31.Погостище; 32.Моржева; 33.Красялида (Красные Ляды); 34.Кильцово (Вельцова); 35.Бусово; 36.Ноздрина; 37.Окуловская (Акулина); 38.Сычевская (Сычево); 39.Чюриловское (Чюрилово); 40.Заболотье; 41.Пересопница (Пересыпница); 42.Быкова; 43.Красково; 44.Горки; 45.Макаровская (Макарова); 46.Бабкина (Бабина); 47.Ваву.линская (Ваулина); 48.Кувшинова (Кувшиново); 49.Юркино (Юренки); 50.Савина (Савинка); 51.Веретея; 52.Копытова; 53.Игнатово; 54.Медведева;

Сережская перевара: 55.оз.Хвощня; 56.оз.Скоропец; 57.Лахова (Ь.Лаховка); 58.Яхновица; 59.Хмелино; 60.оз.Лукое; 61.оз.Колпино; 62.оз.Быково; 63.оз.Городно; 64.оз.Сосновец; 65.оз.Хмелино; 66.Шапкино; 67.Валавская (Волаево);

Лубна: 68.Жабера на р.Жаберке; 69.Дудина на р.Городенке; 70.Сычево на р.Жукопе; 71.Дубровка на р.Кутове; 72.Федотово в Раменье-Александровка; 73.Раменье; 74.Гольцова (Гальцова); 75.на Красном Болоте (Красная); 76.Волочок (Волоки); 77.Кликупово; 78.Дмитровская-Чижовница; 79.Орехово на р.Ореховне (Ореховня); 80.Мариницы; 81.Рогово над р.Двиною; 82.Роженко над р.Двиною (Рожанка); 83.Коробанова (Карабанова); 84.Дорофеево; 85.Пантелеевская (Пантелеева); 86.Селино; 87.Кремично (Кременица); 88.Лаврова; 89.Боброво (Бобровка); 90.Обрубово (Абруб); 91.Заболотье Великое (Великое); 92.Черпево; 93.Пирогово; 94.Курова над р.Двиною; 95.Горка; 96.Захаркина (Захарьина); 97.Нечетова над р.Нетесмою (Чечетова); 98.Олексино (Алексина); 99.Величкого (Величково); 100.Бдынь; 101.Бучково (Будкова); 102.Омосово (Амосово); 103.Родивоновская (Родионова); 104.Жабкино; 105.Шилово; 106.Загузовское (Загузье); 107.Трепарева (Трипалева); 108.Плаксино (Плакина); 109.Костюшино; 110.оз.Орлино; 111.оз.Соблаго; 112.оз.Двинец; 113.оз.Охват;

Любута: 114.Старина; 115.Старина (Старая); 116.Язвы; 117.Поречье (Заречье); 118.Кожухово; 119.Ерохино; 120.Захаровская (Захарова); 121.Сопово; 122.Феляево (Фельково); 123.Савинская (Савина); 124.Васькова; 125.Демидовская (Демидова); 126.Сергеево (Сергеевское); 127.Павлово; 128.Сысоева; 129.Дроздова; 130.Березова; 131.Иваново-Алех;

Тура: 132.Старина; 133.Теляков Конец (Телякова); 134.Каменка (Каменец); 135.Заболотье; 136.Гришина (Гришкина); 137.Мехово; 138.Чиживо (Чижево); 139.Голаново (Гаваново); 140.Железница (Железово);

Старцова: 0141.Хочовицы (Кочевицы); 142.Клин; 143.Заборье; 144.Зимицы над оз.Зимцом (Зимцы); 145.Ивашкова (Ивахнова); 146.Борок; 147.Новоселье (Новая); 148.Пестно над оз.Пестном; 149.Нефедкова над оз.Елиным; 150.Погост над оз.Вережом (Вережуни); 151.Созонкова (Созонова); 152.Окатьева над р.Двиною (Акатькова); 153.Холм; 154.Брод над р.Двиною; 155.Грядобо (Гряда); 156.Степанова над оз.Жюлебиным (Степанкина); 157.Милятино над р.Двиною; 158.Всхонье на р.Вергле (Всхоново); 159.Речаня (Речан); 160.Песовец (Псовец); 161.Ьенцы; 162.Колотово; 163.Кислово; 164.оз.Наркомле (Ракомле); 165.оз.Велье; 166.оз.Городно; 167.оз.Морожо (Морозно); 168.перевара Соловская (Салово);

Нежельская: 169.Прилуки на р.Жижце; 170.оз.Жижцо Большое; 171.Селище на р.Двинце; 172.по р.Двинце вверх до устья до оз.Велинца; 173.оз.Лукое над р.Двиною; 174.на Песке (Пески); 175.Устьяне; 176.оз.Гвято (Девято); 177.оз.Святое; 178.Сидорова над р.Жижцою (Сидоровка); 179.Михалева на р.Двине;

Стрежинская: 180.оз.Стрежино; 181.Паршутина (Паршина); 182.Заселица; 183.Отафонова; 184.Окуловская (Акулина); 185.Неворож; 186.Новая над оз.Моховым; 187.Новая надоз.Молчаным; 188.Овсевьево (Авсеева); 189.Сидоркова (Сидоровка); 190.Гришина; 191.Кадушкино; 192.оз.Велье; 193.оз.Славно; 194.оз.Сомино.

Порецкая перевара: 195.Понизовье; 196.Гришина над оз.Кудиным; 197.Рчполово; 198.Новоселки (Новоселок); 199.у оз.Торопца у устья Понизовского у р.Торопицы; 200.оз.Сельцо; 201.оз.Псовец; 202.Лаптева-Подсовье; 203.оз.Званца (Изванце);

Грядцы 204.Грядцы; 205.Галанова над оз.Мошком (Галанова над оз.Мошном), 206.Гавриилкова на р.Грядце;

Порецкая перевара: 195.Понизовье; 196.Гришина над оз.Кудиным; 197.Ряполово; 198.Новоселки (Новоселок); 199.у оз.Торопца у устья Понизовского у р.Торопицы; 200.оз.Сельцо, 201.оз.Псовец; 202.Лаптева-Подсовые; 203.оз.Званца (Изванце);

Грядцы: 204.Грядцы, 205.Галанова над оз.Мошком (Галанова над оз.Мошном); 206.Гавриилкова на р.Грядце;

Зоуцкая перевара: 207.Святица; 208.Рябцово; 209.Овжа (Ожа); 210.Овжа (Ожа); 211.Обжа; 212.Зорково (Зоркина); 213.Добша над оз.Добшом, 214 Семивье, 215 Кленец; 216.Дергино; 217.Ратное над оз.Торопом; 218 Городок, 219.Оталово (Аталова), 220.Голован (Голованово); 221.Родивонов (Родионово); 222.Ефимовская над оз. Добшом; 223.оз.Збуцко (Избурцо); 224.оз.Любеговец (Лебевец); 225.оз.Заликовское;

Стрдги: 226.оз.Юрово (Юрино); 227 оз.Должино (Должно), 228.оз.Уклейно Верхнее; 229.оз.Уклейно Среднее; 230.оз.Уклейно Нижнее;

Лаширская и Кудинская и Меденская и Язвецкая перевара 231.Лашира (Лашери); 232.Заборье; 233.Брищова (Брищи); 234.Сенкова-Шелаи; 235.Лужок, 236.Цикорева у оз.Кудина, 237.Сушина; 238.Мелехова, 239.Колюхова, 240.Федькова; 241.Чижово; 242.Фролова-Рылова; 243.Отрадова; 244.монастырь на р.Торопице (Кудино); 245.Каменка-Вельможина; 246.Мединец;

Казаринская волость: 247.Врево; 248.Кошнева (Кошняки); 249.Васькова; 250.Перемилово на р.Оке Канищево; 251.Княжо Село на р.Сереже; 252.Перемилово на р.Оке-Полибино; 253.Изори; 254.Изори (Изорка), 255.в Изорех (Зори); 256.Заборовье (Заборье); 257.Гаврилова (Гавриловка); 258.Гаврилово (Гавриловка); 259.на усть Мощены р. (Мощены); 260.Стремилово-Дергачи; 261.Лужники; 262.Яхнова; 263.Филимонова (Филимонцева Вязы); 264.Семенова (Семенцова); 265.Якшино; 266.Спинькно; 267.Офонасовекая-Ганюхи; 268.Ильина (Ильинская); 269.Павловская-Харламова; 270.Зайцово, 271 Мирошкино; 272.Корташово; 273.Костькова (Каськова); 274.Овсница; 275.Манушкино Новое; 276.Манушкино на р.Оке, 277.Сухоряне; 278.Суходол; 279 Иванова (Иванькова), 280.Власова; 281 Курова, 282.Русанова, 283.Почеп; 284.Новое (Новая), 285.Новое (Новинки), 286.Остаховское (Останова); 287.Стрелица, 288.Горшино (Гершино, Кершино); 289.Филистова Хмельники; 290.Гяполово Руново, 291.в Гяполове на р.Сереже, 292.Плоскуша (Плоскошь); 293 Чистое над оз.Чистым; 294.Наршина; 295.Фоминская; 296.в Пожнях (Пожни); 297 Яковлева; 298.Демидово; 299.Иванова (Ивановская), 300.Левоновская (Левониха), 301.Павлова, 302.Бобовичи (Бобынины); 303.Селино Старое Бобовичи (Селище); 304.оз.Ручейское; 305.в Крестах (Кресты); 306.Климятино, 307.Нешевичи (Нишевицы);

Казаринская волость (дополнение): 362.Осташова (Осташиха); 363.Бончарово; 364.село над оз Торопацем (Торопацо); 365.в Лучках (Лучки), 366.Демехова у оз.Ладомера Осиновка, 367.Филиповская над оз.Ладомером, 368.Новинка, 369 Островок над р.Сережею (Островки);

Желинская перевара. 308.Корнилово на р.Пушнице; 309.Бели, 310.оз Ратша (Ратча); 311.Глубокая у оз.Глубокого, 312 оз.Глубно (Стабно); 313.Голубокое у оз.Глубокого; 314.Загородье; 315.оз Ведно; 316.оз.Сельно, 317.оз.Кропивно, 318.оз.Высокое; 319.Лонатино над оз.Городном; 320.Заселок (Заселье); 321.Коростнова над оз Ведном (Коростино); 322.оз.Стародуно (Страдуно); 323.Мишина; 324.оз.Торопацо;

Любинская и Пантелеевская перевары: 325 Кленец на р.Кленце; 326.оз Жаберко (Жаберы); 327.в Заплавье (Заплавье), 328.Васильево, 329.Ильейкинская (Ильинская); 330.оз.Чересово (Чересово); 331.оз.Понтелеево (Покгелеево); 332 оз.Долгое; 333 Горка, 334.в Поляне (Поляне); 335.Федоровское Ленькина, 336.Козлово-Снегири; 337.Обакумово (Абаканово); 338.Ляхова; 339.Лутки; 340.Хотилицы; 341.Жуково-Никольское;

Замошская перевара. 342.Побережье над оз.Брисном (Подберезье); 343 оз.Брисно (Брисо); 344.над р.Брошницею (Брошницы), 345.оз.Шатун (Шатуново), 346.Ольховец на р.Студенце; 347.Заболотье; 348.Пужакинская (Пужакино); 349.Лунево; 350.Ульяницева (Ульяники); 351.Буроково; 352.оз.Косое (Закасое); 353.Лезно; 354.Герюхино; 355 оз.Воголово (Отолово); 356.Гари на р.Колпинке; 357.в Стеклине над оз.Стеклиным (Стеклина); 358.Теребота (Тереботка Волкота); 359.Колпинская над оз.Глубоким (Калинина), 360.в Заборье на р.Колпинце (Заборье); 361.Лебедева.

озеро, да с Моринца озера да в речку Студеницю. Студеницею речкою у озеро Студенец и устья речки Полянницы мхом Студенецким"[23]. С другой стороны, указанная область занимает существенно меньше половины той

территории, где расположены селения, отнесенные нами к волости Дубна (см. позиции 68-113 в экспликации к схеме). К сожалению, ничем не помогает книга 1627-1631 гг., так как в ней все поместные земли ТПК включены в состав Казаринской волости, ставшей тем самым необычайно огромной[24].

◆

1. Сборник Русского исторического общества, т.35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т.1, с 1487 по 1533 год. СПб., 1882 (при дальнейших ссылках — Сборник РИО, т.35), с.400, № 75.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950 (при дальнейших ссылках — ДДГ), с.357, № 89.
3. Сборник РИО, т.35, с.639, 745.
4. Там же, с.658, № 94.
5. Там же, с.395, № 75.
6. Там же.
7. Кроме Торопца на роль такого центра могли бы претендовать лишь Великие Луки, но они были унаследованы Москвой как новгородская земля, а перечисленные четыре волости заведомо не относились к бывшим новгородским владениям.
8. По писцовой книге 1584/85 г. (РГАДА, ф.1209, оп.1, № 244) и дальнейшим книгам.
9. Сборник РИО, т.35, с.773, № 104.
10. Торопецкая книга 1540 г. Подготовили к печати М.Н.Тихомиров и Б.Н.Флоря // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964 (при дальнейших ссылках — ТПК), с.277-357.
11. Там же, с.277.
12. Там же, с.278.
13. РГАДА, ф.1209, оп.1, № 888, копия XVIII в.; там же, № 8165 — список XVII в. плохой сохранности.
14. Противоречит этому выводу только один факт — в духовной Ивана IV 1572 г. к торопецким причислены все те волости, какие фигурируют в духовной Ивана III (ДДГ, с.438, № 104). Однако вполне очевидно, что указанный документ слепо копирует формуляр духовной 1504 г., *не корректируя его применительно к административной системе второй половины* XVI в. Единственная коррекция коснулась Велижа, фигурирующего в духовной 1572 г. как особая административно-территориальная единица, но этот пограничный город был в центре особого внимания и московской, и литовской сторон на протяжении всего XVI в. В 1536 г. он еще входил в состав Торопецкого уезда: "Того же месяца Апреля 19 князь великий Иван и его мати велели поставити град в Торопетцком уезде на Велищьском городище, город Велижь, и доделан месяца Июлиа" (ПСРЛ, т.13, первая половина. СПб., 1904, с.111; там же, вторая половина. СПб., 1906, с.431); "а преже в том месте бывал Литовской город" (ПСРЛ, т.6. СПб., 1853, с.300). В особую единицу он был выделен до 1540 г. (возможно, сразу же после сооружения крепости), так как не описан в ТПК.
15. Сборник РИО, т.35, с.658, № 94.
16. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Изд.2-е. М., 1937, с.396-397.
17. Сб.РИО, т.35, с.35, 36.
18. ТПК, л.37, 66об., 67.
19. Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины, 7008 года // Временник ОИДР, кн.12. М., 1852, с.122-139, 145-165, 172-178.
20. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М; Л., 1949, с.130-131, № 77.
21. Сборник РИО, т.35, с.35, № 8.
22. Там же, с.54-55, № 14.
23. Там же, с.36, № 8.
24. Это показывает, что книгами XVII в. как источником по исторической географии более раннего времени надо пользоваться с большой осторожностью, непременно сверяя их с другими источниками, в чем мы полностью согласны с Н.Б.Шеломановой (*Шеломанова Н.Б.* Себежская земля в XVI в. // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с.73-95).

Новгородские пограничные волости и погосты на юге Деревской и Бежецкой пятин

Локализация населенных пунктов этих волостей и погостов предпринята по материалам изданных писцовых книг Деревской (рис.13 и 14) и Бежецкой (рис.15) пятин[1].

◆

1. Новгородские писцовые книги. т.1. СПб., 1859; т.2. СПб., 1862; т.6. СПб., 1910.

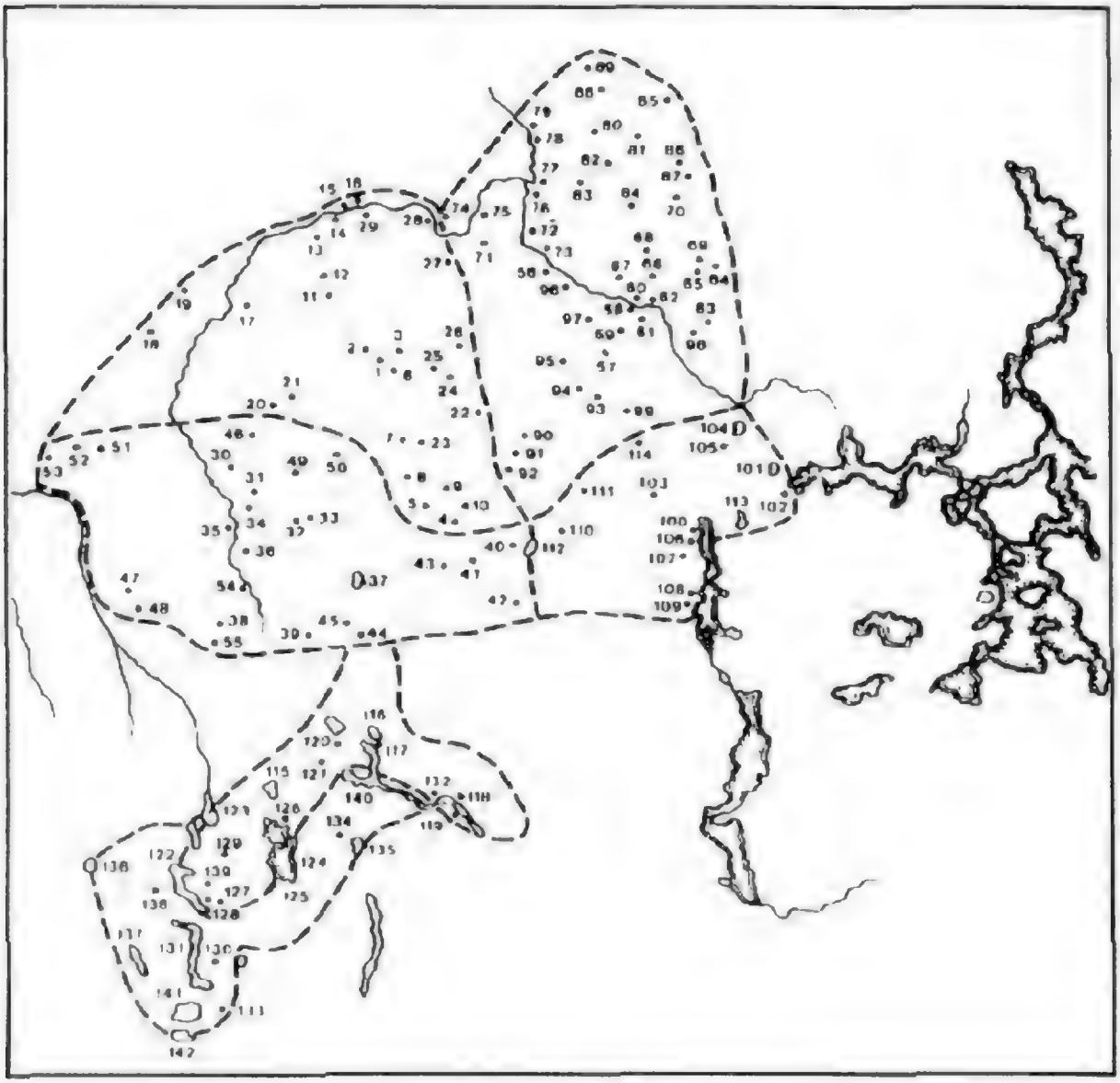


Рис. 13

Волости Морева, Велила, Молвятицы, Стерж, Лопастицы, Буен

Морева: 1.Марево, 2.Заборовья; 3.Власьевская Грубицына; 4.Кравай; 5.Лаптева; 6.Оптоново; 7.Голошинца; 8.Лютая; 9.Фомкина; 10.Веснебалок; 11.Бол.Жабны, 12.Дубровка; 13.Усть Марева; 14.Стайкова; 15.Мал.Выдомер; 16 Бол.Выдомер; 17.Вышатино, 18.Гвоздево;

19.Грихново; 20.Григориова, 21.Ветхая; 22.Галичина; 23.Адоево; 24.Чепятино; 25.Бол.Гридиева; 26.Липья; 27.Дубровка; 28.Латкина; 29.Кочетыгово.

Велила: 30.Велилы; 31.Красное; 32.С.Осьянка; 33.Мал.Осьянка; 34.Адамова; 35.Дебри; 36.Бобровец; 37.оз.Платишное; 38.Синега; 39.Пог.Доброе; 40.Меглино; 41.Вихмарево; 42.Переволока; 43.Бол. Бахоты; 44.Бол.Вальна; 45.Мал.Вальна; 46.Старица; 47.Аполец; 48.Верхн.Аполец; 49.Масылина; 50.Рунница; 51.Задние Клины; 52.Передние Клины; 53.на Струбищах (Иструбищи); 54.Стебеница; 55.Трахново.

Молвятицы: 56.Молвятицы и Егорьевский, 57.Сысоева; 58.Горки; 59.Конищева; 60.Котово; 61.Просекова; 62.Гоголина; 63.Шебанова; 64.Шепелева; 65.Мокшея; 66.Шевлово; 67.Шерякина; 68.Липья; 69.Пог.Поля; 70.Колотино; 71.Сидорова; 72.Дорошкова; 73.Наумово; 74.Белая; 75.Гучево; 76.Дягелева; 77.Бутыкова; 78.Андреевская; 79.Новосел; 80.Маслова; 81.Икандова; 82.Лунева; 83.Ожеелы; 84.Залесье; 85 Меглина; 86.Пенькова; 87.Заболотье; 88.Ермакова; 89.Ладомер, 90.Бол.Татары; 91.Манцы; 92.Межник; 93.Караева; 94.Слотино; 95.Луг; 96.Мышкина; 97.Пупово; 98.Кожино; 99.Ескина.

Стерж: 100.Стерж; 101.оз.Чайны; 102.Свапуша; 103.Воронова; 104.оз.Грестино; 105.Горбово; 106.Дубки; 107.Залесье; 108.Соснова; 109.Полякшина; 110.Полица; 111.Люшина; 112.оз.Меглино; 113.оз.Стергут; 114.Озерцы.

Лопастицы: 115.оз.Либино; 116.оз.Кочюжье; 117.Закочюжье; 118.Погорелище; 119.Заселье; 120.Задуковье; 121.Столб; 122.оз.Волокито (Волокто); 123.оз.Каменное; 124.оз.Лучане; 125.Колотилова; 126.Молькина; 127.Кузнецова; 128.Заборовье; 129.Внучки; 130.Микшина; 131.оз.Бросно; 132.оз.Лопастица.

Буец. 122.оз.Волокито (Волокто); 123. оз Каменное; 124.оз.Лучане; 125.Колотилова; 132.оз.Лопастица; 133.Заход; 134.Осешна; 135.оз.Заселье; 136.оз.Городно; 137.оз.Долгцо; 138.Гущино; 139.Милишева; 140.оз.Витбино; 141.оз.Бойно; 142.оз.Буйца.

Рис.14

Городок Демон, погосты Полоновский, Березовский, волости Куньско, Жабна, погосты Посонский, Ясеновичский

Городок Демон: 1.Демянск; 2.Кремно; 3.Липна; 4.Гористец; 5.Влазово; 6.Кривская; 7.Неверы; 8.Плешевицы; 9.Накладец; 10.Клевичи; 11.Скроицова; 12.Екимовщина; 13.Домаша; 14.Мирохны; 15.Тесны; 16.Хани, 17.Курган; 18.Митрошино; 19.Михеева, 20.Линицы; 21.Роспыно; 22.Масылино; 23.Заходец; 24.Скобова; 25.Каменка; 26.Мошина; 27.Крутуша; 28.Горица; 29.Филипногорское; 30.Березник; 31.Черный Ручей; 32.Опуево; 33.Коза; 34.Намещи; 35.Ижожова; 36.Подсосенье; 37.Обрыня; 38.Белый Бор; 39.Ямники; 40.Зеленая.

Погост Полоновский: 41.Покров; 42.Ходыриха; 43.Запрометно; 44.Гослав; 45.Козино; 46.Ковряки; 47.Зимницы; 48.Долматиха; 49.оз.Полонец; 50.Девятовщина; 51.Вятка; 52.Карпово; 53.Филиповщина; 54.Ореховна; 55.оз.Истошно; 56.Полново; 57.Залуница; 58.Воздухи; 59.Сосница; 60.Мошенка; 61.Турская; 62.Овинец; 63.Ореховка; 64.Осотно; 65.Могилево; 66.Горка; 67.Кривая Клетка; 68.Крутуша.

Погост Березовский: 69.Пог.Березовский; 70.Заполье; 71.Лучки; 72.Зуевка; 73.Забузье; 74.Чистословен; 75.Пог.Троице-Переволока; 76.Бухвастово; 77.Дубова; 78.Вялицы; 79.Картуш; 80.Шиловатица; 81.Непри; 82.Заборки; 83.Барутина; 84.Кустицы; 85.Жирома; 86.Дорица; 87.Щебериха; 88.Игнашево; 89.Подгорье; 90.оз.Святое; 91.Зальцо; 92.Краватынь; 93.Святая.

Куньско: 94.Куньская; 95.Метижа; 96.Карпово; 97.Соболева; 98.Чижова.

Волость Жабна:

У погоста: 99.Жабны; 100.Ст.Бухово; 101.Велыца; 102.Ст.Бухово; 103.оз.Конытовское;

Луцкий конец: 104.Кузнецово; 105.Лука; 106.оз.Шлино; 107. Домажирова; 108.Рабеж; 109.Заковья; 110.Каменник; Жаровский конец: 111.Иваньково; 112.Поддубье; 113.Жары;

Гранитцкий конец: 114.Раево; 115.Ст.Дупье; 116 оз.Серемо, 117.Плосково; 118.Святицы; 119.Озерова; 120.оз.Гранишно;

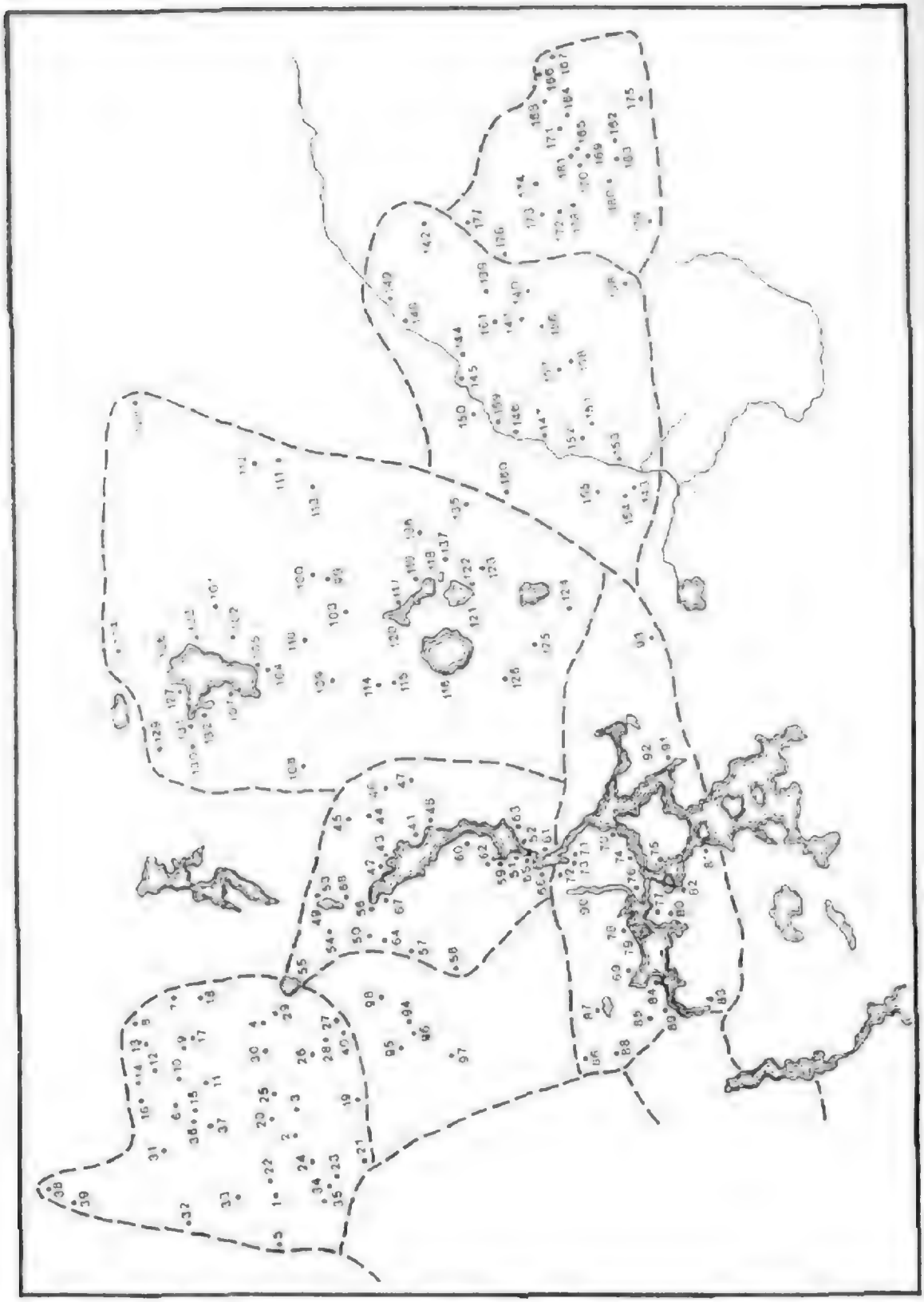
Чигаревский конец: 121.оз.Тихмань, 122.Букица; 123.Раменье; 124.Читариха;

Повиткинский конец: 125.Щучье; 126.Роги;

Клуборьский конец: 127.Красилова;

В Вятичах: 128.Градобит; 129.Клеветны; 130.Маркова; 131.Лютиха; 132.Плав; 133.Наволок; 134.Высокуша;

вотчины разных владельцев: 135.Каструбли; 136.Королева; 137. Домкино.



Погост Посонский. 138.Скоморохова, 139.Голубинцы; 140.Красени; 141.Деревкова; 142.Ситникова; 143.Погост; 144.Болобанова; 145.Подол; 146.Ломаки; 147.Телякова; 148.Городок. 149.Земцова; 150.Резанова, 151.Астрцово; 152.Дерева; 153.Погорелова; 154.Трестин, 155.Федоров Двор; 156.Белятино, 157.Заполъки; 158.Старое, 159.Шемилинка; 160.Ракитна; 161.Черемлева.

Погост Ясеновичский. 162.Печенникова, 163.Рагмирово, 164.Лаврова, 165.Горки; 166.Кожина; 167.Хотимерен; 168.Макарьина; 169.Матеева; 170.Дуброва; 171.Дюмина; 172.Фешина; 173.Яковлева; 174.Андреева, 175.Рамение, 176.Первитина; 177.Сушино; 178.Страйкова; 179.Ильятина; 180.Дорникова; 181.Спас-Есиновичи.

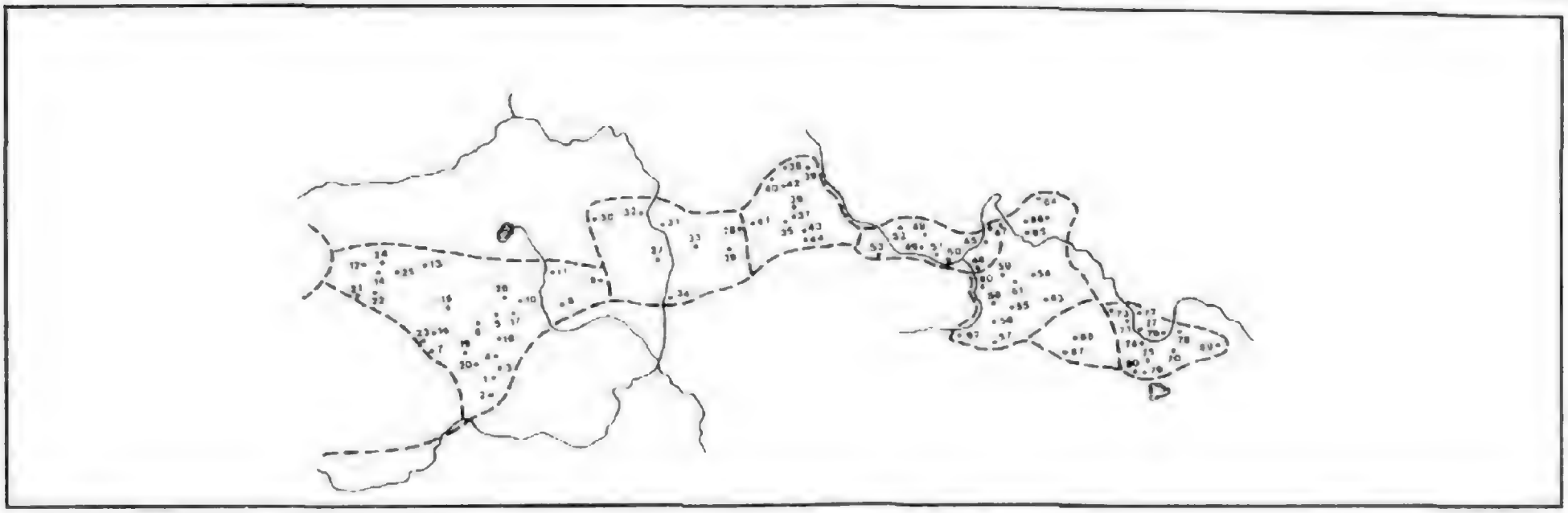


Рис. 15

Погосты Заборовский, Егорьевский в Мокрыних, Егорьевский Чюдини, Богородицкий Дорский, Богородицкий Залазненский, слободки Микшино в Никольском погосте, Никольская Стучево

Погост Заборовский: 1.Брылева; 2.Столпникова; 3.Влалычна; 4.Подсадиха; 5.Манькова; 6.Плотична; 7.Кожина; 8.Черенцово; 9.Старое; 10.Гритникова; 11.Починок; 12.Смотрова; 13.Жильцы; 14.Петрилова; 15.Гарусова; 16.Дроздова; 17.Ескина; 18.Шубина; 19.Житова; 20.Кухаркина; 21.Новины; 22.Ветча; 23.Дуплева; 24.Полберезье; 25.Елохова; 26.Лашина.

Погост Егорьевский в Мокрынях: 27.Бабье; 28.Пенково; 29.Высочек; 30.Нестово; 31.Лохтино на р.Тверце; 32.Холохлони на дороге; 33.Юхово; 34.Пог.Выдропуск на р.Тверце.

Погост Егорьевский Чюдини: 35.Матвеевское; 36 Черный Ручай; 37.Гришутино; 38.Городок; 39.Фалин; 40.Козиха; 41.Реброво; 42.Гупик; 43.Вожаниново; 44.Чюдини. Погост Богородицкий Дорский: 45.Осташково; 46.Стан; 47.Бор; 48.Язвиха; 49.Марьина; 50.Шульгина; 51.Пантелиха; 52.Палюшка; 53.Комоедиха.

Погост Богородицкий Залазненский: 54.Залазино; 55.Волхова; 56.Луковникова; 57.Бол.Житна; 58.Кузмиха; 59.Маркова; 60.Ручейки; 61.Сенная; 62.Хмелевка; 63.Анашкина; *Забрусье:* 64.Толмачи; 65.Климова; 66.Бол.Козлова.

Слободка Микшино в Никольском погосте: 67.Микшино; 68.Бабья.

Слободка Никальская Стучево: 69.Лютиева; 70.Григоркова; 71.Слободиха; 72.Ловцова; 73.Ловцова; 74.Никольское; 75.Сыркова; 76.Верескова; 77.Шеломец; 78.Раменья; 79.Гучева; 80.Погорельцы.

Наиболее значительным источником для определения границ и объема Ржевской земли являются ее описания в писцовых книгах XVII в., обобщенные Ю.В.Готье (рис.16)[1]. К этому времени территория Ржевского уезда несколько расширилась за счет включения в нее отдельных местностей Старицкого, Бельского, Торопецкого, Новоторжского и Новгородского уездов, однако такие включения фигурируют в писцовых материалах как "приписи", что дает возможность несложной корректировки.

Крайней северо-западной волостью уезда была **Вселуцкая** и **Стержская**, разделяемая озерами Вселук и Стерж на две половины — западную и восточную. К востоку от нее располагалась волость **Кличен**, территория которой занимала западный берег оз.Селигер южнее Березовского плеса, а от его южного берега простиралась до оз. Сиг. К северу от Березовского и к западу от Полоновского плесов оз.Селигер находилась волость **Березовский погост**, отписанная от Новгородской земли. На восточном берегу Осташковского плеса оз. Селигер локализуется волость **Лещин**, где карта показывает дд.Лищины и Лещино. К востоку от нее — **Сонская** волость, называемая по оз.Сонино, из которого вытекает один из истоков р.Сны (Цны). Земли Сонской волости занимают верховья другого истока Сны и верховья р.Поведи. К этой волости были приписаны земли новгородского Ясеновичского погоста. С юга к Сонской волости примыкали земли **Чуриловской** и **Репочевской** волостей, приписанные из Новоторжского уезда. Погост Чурилов находится в верховьях новоторжской р.Осуги, а с.Ропачево — в районе ее среднего течения.

Южнее Вселуцкой и Кличенской волостей лежали земли **Езжинской** волости, занимавшей пространство между озерами Пено, Сиг и Волго, а также правый берег Волги на участке от ее выхода из оз.Пено до оз.Волго. Центр волости — с.Ясинское на Волге. С запада к ней была приписана часть территории Торопецкого уезда с оз.Охват. Южнее Езжинской располагались земли **Волговской** волости, включающей весь бассейн р.Жукопы, которая впадает в Волгу у оз. Пено. К Волговской волости на юге приписаны некоторые земли из Бельского уезда. К югу от Лещинской волости находилась **Котицкая** волость на р.Селижаровке. Погост Котицы карта показывает у южной оконечности Селижаровского плеса оз.Селигер, близ истока из него Селижаровки. С юга к ней примыкала **Горышкинская** волость, центр которой погост Горишин находится на Волге в 17 км ниже впадения в нее Селижаровки.

Для удобства дальнейшего обзора рассмотрим сначала волости, относящиеся к западной части Ржевской земли, разделяемой Волгой на западную и восточную половины. Писцовые материалы знают ржевскую волость **Озерца**, относительно которой Ю.В.Готье заметил, что ее "положение неясно", хотя на карте поместил ее у правого берега Волги, напротив Осечена. В действительности д.Озерцы находится на речке Тюдьме у ее

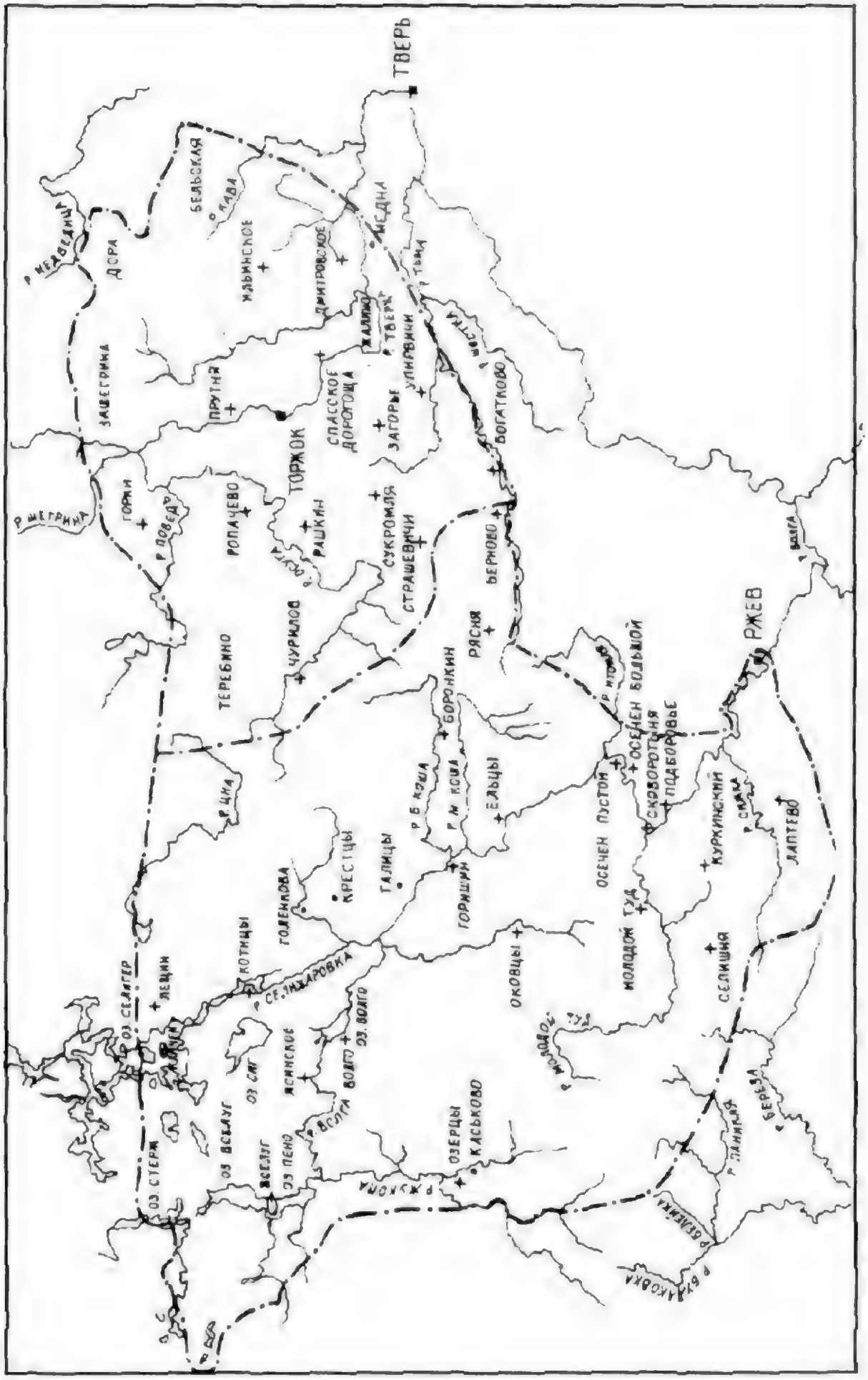


Рис. 16
Ржевская и Новоторжская земли

впадения в Жукопу и входит в ограниченный лесами и болотами небольшой населенный массив, к которому, в частности, относится с.Каськово. Между этой и Горышкинской волостями лежат земли **Оковецкой** волости *с центром в погосте Оковцы, находящемся в 16 км юго-западнее Горишина.* Южнее названных здесь волостей лежит бассейн р.Молодой Туд, текущей в общем направлении с запада на восток и впадающей в Волгу. В верховьях Туда находилась **Жилогостицкая** волость, которая граничила с Бельским уездом. Далее по его течению следовали волости **Дворца** (ее название идет от дворцовой принадлежности составляющих ее земель), **Старый** и **Молодой Туд** и, наконец, **Тудовская-Сковорытня**; последняя — на правом берегу Волги выше впадения М.Туда.

Ю.В.Готье ошибся, определяя положение волости **Бортной-Селиловской** — "на правом берегу Волги против устья Селижаровки. На юго-запад тянулась, по-видимому, до Бельского рубежа (позднейшей границы Тверской и Смоленской губерний)". От устья Селижаровки до указанного рубежа добрых 50 км, на пространстве которых размещается ряд упомянутых выше волостей (в частности, Оковецкой и Дворца). В действительности Бортный-Селиловский погост расположен к югу от р.М.Туд и локализуется по д.Бортники у правого берега М.Туда близ его впадения в Волгу и по погосту Селишня в 13 км юго-западне д.М.Туд. Между этой волостью и р.Сижкой, правым притоком Волги, также текущей с запада на восток, находились **Скворцовская** и **Куркинская** волости; погост Куркинский расположен в 10 км к юго-западу от устья М.Туда.

В верховьях Сижки писцовые материалы фиксируют **Ртищевскую** волость, а восточнее ее, по течению Сижки, — **Лаптевскую** и **Сижскую-Пороховскую** волости. Д.Лаптево на карте показана в 4 км южнее р.Сижки в ее среднем течении. Наконец, восточнее Сижской-Пороховской волости и южнее г.Ржева лежали земли **Рокитинского стана**, очевидно, приписанного из Зубцовского уезда, который, в отличие от Ржевского, делился не на волости, а на станы.

Переходя в восточную половину Ржевского уезда, к востоку от Горышкинской обнаруживаем волость **Боронкину** на реках Б. и М.Коше. Погост Боронкин расположен на Б.Коше в ее среднем течении. К юго-востоку от него, в верховьях рек Б. и М.Коши, Тьмы и Итомли находились земли **Рясенской** волости с центром в с.Рясня, а восточнее ее, в верховьях Тьмы, — **Берновская** волость с центром в с.Берново. Севернее Рясенской и Берновской волостей *лежали земли* **Страшевской** *губы, приписанной к* Ржевскому уезду из Новоторжского.

В 12 км ниже Горишина на левом берегу Волги находится большое с.Ельцы — центр волости **Ельца**, а ниже ее, при впадении в Волгу р.Итомли, — волости **Осечен Большой** на левом берегу Волги и **Осечен Пустой** на ее правом берегу. Остальные четыре ржевские волости располагались узкой полосой по левому берегу Волги. **Теплостанская** примыкала к Осечену. Ниже ее находились земли Подборовской волости с центром в с.Подборовье, в 25 км выше Ржева. Далее, — по р.Кокоше **Кокошский**

стан, а по р.Доброй **Поддобринский стан**. По всей вероятности, обе последние волости, именуемые станами, приписаны из Зубцовского уезда, а древняя граница между ржевскими и тверскими землями выше Ржева шла по Волге до рубежа Подборовской волости.

Приведенный список ржевских волостей, очищенный от приписных к Ржевскому уезду земель, надо полагать, отражает традиционный, древний состав Ржевского княжества. Эта мысль, естественно, нуждается в проверке более ранними материалами. Рассмотрим, прежде всего, сведения конца XV — начала XVI вв.

Ржев был завещан Василием Темным по духовной 1461-1462 гг. младшему сыну Борису: "да даю ему Ржеву с волостми, и с путми, и с селы, и з бортью, и со всеми пошлинами"[2]. По духовной князя Бориса Васильевича, составленной в 1477 г., Ржевская волость завещана его сыну Федору, но часть земель из ее состава назначена жене Бориса: "А княгине своеи даю во Ржеве Осечен, да Рясну, и с Кочковым, и з Боронкиным, и с своим прикупом, что есмь купил у Ивана у Ромеикова у Головы и з слободками, которые на Кличенскои земле сели, да Елецкое село з деревнями, да Красное з деревнями, да Резанцево з деревнями". В той же духовной имеется еще один текст, имеющий отношение к Ржеву: "А что есмь взял у Ильи у Олександрова сына Ловчего его отчину Кочково, и яз ему дал в то место во Ржеве свою волость Телицю со всем, что к неи потягло изстарины, как было за ним жо, ему в отчину, в его отчины место"[3]. Названные здесь Осечен, Рясна, Кличен, Елецкое село (Ельцы) уже известны из писцовых книг. Кочково идентифицируется с с.Каськово на р.Тюдьме, уже упомянутым выше; Телица — с с.Галицы у левого берега Волги немного ниже устья Селижаровки. Резанцево идентифицируется с д.Рязанцево на р.Дунке, в 25 км к юго-западу от Ржева, а д.Красное находится на р.Осуге, в 20 км южнее Рязанцева.

После смерти в 1494 г. князя Бориса Васильевича[4] Ржевское княжество было каким-то способом разделено между его детьми Федором и Иваном, что произошло не ранее рубежа XV и XVI вв. Во всяком случае, писцовая книга Деревской пятины самого конца XV в. называет границу новгородской волости Велиля с ржевской волостью Вселук рубежом "княжь Борисовых детей Васильевича"[5], а в духовной Ивана Борисовича 1503 г. говорится: "А что моя вотчина, Руза и половина Ржовы..."[6]. В духовной великого князя Ивана Васильевича определена дальнейшая судьба этой половины: "А что ми дал братанич мои, князь Иван Борисович, свою отчину, половину Ржевы с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, по тому, как ся делил с своим братом с Фсодором, и яз половину Ржевы с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами даю сыну же своему Дмитрею со всем по тому, как было за моим братаничем за Иваном"[7].

По духовной князя Ивана Борисовича, составленной в 1506 г. (он умер в 1514 г.)[8], Ржевская земля (т.е. принадлежащая ему половина) завещана сыну, но некоторые волости назначены жене: "А во Ржове даю своеи

княгине волость Вселук, да Яжжину, да Кличен, да Лещину, да Котицы, да Горышин, опрочь Хрестець да Голенкова, да Боронкино, да Осечен, да Сытково, с слободами, что в тех волостех, и со всем с тем, как те волости и села, и слободы были за мною"[9]. Причина исключения из этого списка Хрестец и Голенкова оговорена: "А к Троицы к Живоначальной в Селижаров даю свою вотчину в Горышинской волости, Хрестци да Голенково, и со всем с тем, что к тем деревням потягло, и с лесом, и с бортью"[10]. Деревни Голенкова и М.Голенкова находятся на левом притоке Селижаровки — р.Тихвине; деревня Крестцы — в 6 км южнее этих пунктов и в 19 км севернее Горишина. Местоположение всех назначенных жене Федора Борисовича волостей выше определено. Они составляют компактный массив на севере Ржевской земли, расположенный по обоим берегам Волги, но не южнее Осечена; упомянутое в духовной Сытково находится на правом берегу Волги против устья Итомли. Поэтому не может быть правильным утверждение, что рубежом деления Ржевы между детьми Бориса Васильевича была Волга[11]. Два села — Федотково и Спаское — Федор Борисович завещал дочери; их с достаточной вероятностью на карте отыскать не удалось. Кроме того, соборной церкви в Ржеве назначены два поместья, названные лишь именами их владельцев: "А к Пречистой к соборной церкви в городе во Ржеве даю Игнатьево поместье Глазатого да Пронино поместье Плотниково, и со всем с тем, что к тем деревням потягло изстарины"[12]. Заметим, что завещание земель сыну является условным, поскольку в документе замечено: "А дасть Бог, родитца у моей княгини сын..."

К 1572 г., когда составлялась духовная Ивана IV, обе половины Ржевы находились в руках Москвы: Ивану Ивановичу дан среди прочих владений город Ржева Володимерова — "обе половины, с волостьми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами"[13].

Важнейшее значение для проверки объема Ржевской земли и уточнения части ее границ имеют докончание Василия Темного с литовским великим князем Казимиром 1449 г., написанный в интересующей нас части по тому же формуляру договор Ивана III с литовским великим князем Александром 1494 г. и разводная грамота Ивана III с волоцким князем Борисом Васильевичем о границах Новгородской и Ржевской земель, составленная в 1483 г. Этот последний документ[14] был подробно анализирован В.А.Кучкиным[15]. В нем дается подробное описание рубежа между ржевскими Кличенской и Вселуцкой волостями, с одной стороны, и новгородскими Березовской, Стержской, Велильской и Лопастицкой волостями — с другой. Описание границы проведено с востока на запад, однако начинается не от стыка Новоторжской, Новгородской и Ржевской земель, что было бы логично, а от ручья Межника, впадающего с востока в Селигер. Значительный участок границы восточнее этого пункта не описан, надо думать, потому, что он приходился на широкую лесную незаселенную полосу между верховьями и средним течением р.Сны; с этой полосой граничила ржевская Сонская волость. Участок рубежа по ручью

Межник определяется в разводной грамоте как граница между новгородской Березовской и ржевской Кличенской волостями, хотя с ржевской стороны здесь находилась волость Лещин, а с новгородской — владычная волостка Кравотынь. Надо полагать, что, именуя эти волостки волостями, другие документы имеют в виду их не административное, а хозяйственное положение. Далее граница проходит по оз.Селигер, включив в территорию новгородской Березовской волости и южное побережье Березовского плеса. Затем она переходит на оз.Стерж, оттуда по р.Руне в озера Плотишно и Хвощня, потом поворачивает на юг в район оз.Лопастицкого, переходит на р.Кудь и заканчивается у истока Куди из оз.Тихого (на современных картах — оз.Трешино), где, по логике вещей, должен находиться стык Новгородской, Ржевской и Торопецкой земель.

Коль скоро до 1500 г. Торопец оставался литовским владением, вопрос о границе между ржевскими и литовскими (в том числе торопецкими) территориями обсуждается в московско-литовских докончаниях 1449 г.[16] и 1494 г.[17] Формулы, касающиеся ржевско-литовского рубежа, в обоих документах идентичны. Соответствующий текст цитируется по более раннему документу: "А тобе, Казимиру, королю полскому и великому князю литовскому, не въступатисе в мою отчыну, ни во все мое великое княженье, ни в мое братьи молодшое отчыну, и во Ржеву з волостьми, по озеро по Орлинце наполы, по озеро по Плотинцо, по Красный борок, по Баранью речку, на верх Белеики, по Белеике на Поникль, с Поникль на верх Сижки, з березы на мох, со мху на верх Осухи, — тых ти, брате, мест всих подо мною блюсти, а не обидити, а не въступатисе в тые места. А которыи места волостили веда[ли] Осугу пры великом князи Кестутьи, и твоим волостелем по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не въступатисе"[18].

Следует, прежде всего, отметить стабильность границы, установленной при Кейстуте, правление которого было недолгим: в 1377 г. умер Ольгерд, а в 1382 г. убит и Кейстут, который не был непосредственным преемником Ольгерда, а отнял власть у Ягайла незадолго до лишившей его жизни замятни[19]. Стабильность границы, таким образом, сохранялась с начала 80-х гг. XIV в. до 1500 г., когда порубежные литовские земли были отвоеваны Москвой. Ржевская земля на протяжении этого периода переходила из рук в руки, сохраняя границу незыблемой. В 1390 г. Ржев находился во владении князя Владимира Андреевича Серпуховского, которому был дан в удел великим князем Василием Дмитриевичем[20]. Около 1401-1402 гг. Ржев был выменен Василием Дмитриевичем у Владимира Андреевича на Углич и село Золоторусское[21]. В 1408 г. его получил в кормление литовский князь Свидригайло Олгердович[22], оставивший его, по-видимому, в 1410 г.[23] В дальнейшем Ржев был отдан в удел князю Константину Дмитриевичу, после него Юрию Дмитриевичу, а ему наследовали сыновья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный[24]. В 1447 г. Ржев вернулся к Василию Темному[25] и, наконец, завещан последним Борису Васильевичу Волоцкому.

Граница между Ржевской землей и литовскими владениями проложена в докончании 1449 г. в общем направлении с севера на юг. Это обстоятельство следует подчеркнуть, чтобы избежать неправомерного сопоставления, предпринятого М.Н.Тихомировым, который, касаясь истолкования гидронима Сижка в рассматриваемом документе, локализовал его у оз.Сиг, т.е. в северной части Ржевской земли[26], тогда как речь там идет о р.Сижка, впадающей в Волгу справа в 16 км выше Ржева, т.е. в южной части Ржевской земли. Озера Орлинцо и Плотинцо находятся в районе Соблаго, в 8 км южнее оз.Трешино, т.е. того пункта, до которого доведена ржевско-новгородская граница в разводной грамоте 1483 г. Трешино и Соблаго разделены лесистой местностью, в которой карта не показывает ни одной деревни. Красный Борок на карте не обнаружен, равно как и Баранья речка, однако в 35 км южнее Соблаго существует д.Баранкина у устья безымянной речки, впадающей слева в р.Жукопу. Не была ли эта речка Бараньей? Указанный пункт находится на западном рубеже ржевской волости Озерца. В 18 км южнее д.Баранкиной находится д.Белейка в верховьях одноименной речки, впадающей справа в р.Межу. В 15 км к юго-востоку от д.Белейки карта фиксирует д.Поникли на речке Паникля, левом притоке Межи. Верховья Сижки (около ж/д ст.Оленино) отстоят от Паникли на 30 км к юго-востоку. Отсюда до верховьев ржевской р.Осуги около 20 км на юго-восток. Как видно из текста докончания 1449 г., на Осуге сидели литовские волостели.

Рассмотренная граница проводит западный рубеж Ржевской земли в полном соответствии с теми наблюдениями о ее объеме в этой ее части, которые получены по материалам позднейших писцовых книг. Следует заметить только, что не на всем протяжении эта граница была ржевско-торопецким рубежом. Коль скоро ржевские волости в верховьях рек Туда и Сижки соприкасаются не с Торопецким, а с Бельским уездом, надо полагать, что ржевско-торопецкий рубеж простирался только до того пункта, где граница делает поворот на юго-восток, т.е. между Белейкой и Паниклей, а далее начинается ржевско-бельский рубеж.

Ржевско-литовский рубеж докончания 1449 г. доведен до верховьев Осуги, где сидят литовские волостели. Однако в районе среднего течения этой реки, впадающей в р.Вазузу неподалеку от г.Зубцова, ржевская граница отделяет земли Ржева уже от тверских владений. По левой стороне Осуги, левой стороне низовьев Вазузы и правому берегу Волги между Ржевом и Зубцовом располагаются зубцовские станы Борисоглебский, Лоцкий, Негоморский, Никольский, Отрубский, Рогачевский, Текутьевский, Тешутинский, Гостижский[27]. Владельческое прошлое этих территорий неоднородно. В духовной Ивана III указанные земли завещаны сыну великого князя Дмитрию, однако в раздельных формулах: "Да ему ж даю город Хлепен, и с Рогачевым, и с Негомирем, с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами. Да в Тферской земле даю ему город Зубцов с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, по тому, по каа места писал к Зубцову и к Опокам писец наш Дмитрей Пешков"[28].

Выделение Хлепена, Рогачева и Негомиря, свидетельствуя об особом административном состоянии этой волости, восходит к более раннему времени, нежели начало XVI в. В докончании Василия Темного с Казимиром 1449 г. имеется особый пункт: "А Федора Блудова, а Олександъдрова Борысова сына Хлепенъского, и князя Романова Фоминского, и их братьи, и братаничов отчыны, земли и воды, все мое, великого князя Васильево... А тобе, брате, всих тых мест блюсти, не обидити, не вступатисе"[29]. Та же формула имеется и в докончании Ивана III с Александром Казимировичем 1494 г.[30]

Село Хлепен находится на левом берегу Вазузы в 22 км выше ее устья и было пограничным с литовскими вяземскими землями. В 1487 г. посол Казимира жаловался Ивану III на его брата Андрея, люди которого разоряют имения князя Михаила Вяземского — волости Хлепенские[31]. Ниже Хлепена, на правом берегу Вазузы, соответственно в 14 и в 10 км от ее устья, находятся села Молодой Березуй и Старый Березуй; Березуеск был центром особого Березуйского княжества. Еще ниже, на левом берегу Вазузы, в 6 км выше ее устья расположено с.Фоминское, которое также было центром особого Фоминского княжества. Ближайшими соседями Ржевы на юге в районе Зубцова, таким образом, были Хлепенские земли и земли Фоминского и Березуйского княжеств, бывшие к 1449 г. уже в руках московских великих князей. Как это очевидно, Рогачев и Негомирь относятся к землям Хлепена. Рогачев находился на Осуге в 11 км к северо-западу от Хлепена.

Рубеж между Ржевом и зубцовскими станами на правой стороне Волги подходил вплотную к самому г.Ржеву, находящемуся уже на левой стороне Волги, где он отделял Ржев от тверского города Опоки: с.Апоки, существующее ныне на месте древнего города, составляет теперь окраину Ржева. Далее, как уже отмечено выше, граница Ржевской и Тверской земель шла параллельно Волге, оставляя за Ржевом узкую полосу приволжских волостей. Заметим, что верховья Итомли Ржевской земле не принадлежали: находившаяся там в XVII в. дворцовая Мологинская волость числилась за тверским Старицким уездом[32]. Однако севернее и северо-восточнее Мологина в верховьях р.Тьмы существовали ржевские Рясинская и Бернов-ская волости, что свидетельствует о повороте здесь ржевско-тверской границы на восток. Указанные волости в то же время были пограничными и с землями Нового Торга. Как уже отмечено, они на севере граничили с новоторжской Страшевской губой.

◆

1. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII в. Изд.2-е. М., 1937, с.396-397.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 (при дальнейших ссылках — ДДГ), с.195, № 61.
3. Там же, с.250-251, № 71.
4. ПСРЛ, т.12. СПб., 1901, с.238.
5. Новгородские писцовые книги, т.2. СПб., 1862, стб.784.

6. ДДГ, с.352, № 88.
7. Там же, с.360, № 89.
8. ПСРЛ, т.13, первая половина. СПб., 1904, с.16.
9. ДДГ, с.407, № 98.
10. Там же, с.408.
11. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с.147.
12. ДДГ, с.408, № 98.
13. Там же, с.438, № 104.
14. Там же, с.290-292, № 77.
15. *Кучкин В.А.* Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник, вып.2(12). Л., 1984, с.165-176.
16. ДДГ, с.160-163, № 53.
17. Там же, с.329-332, № 83.
18. Там же, с.160-161, № 53.
19. ПСРЛ, т.11. СПб., 1897, с.25, 26, 70.
20. ДДГ, с.37-38, № 13; ПСРЛ, т.11, с.121.
21. ДДГ, с.43-44, № 16.
22. ПСРЛ, т.11, с.204.
23. Там же, с.211.
24. ДДГ, с.87, 90, 95, 98, № 34 — 1434 г.; с.108, 110, 113, 115, № 38 — 1441/42 г.
25. Там же, с.141, № 46.
26. *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // Исторические записки, т.40. М., 1952; перепечатано в кн.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979, с.116—117.
27. *Готье Ю.В.* Указ. соч., с.380-381.
28. ДДГ, с.360, № 89.
29. Там же, с.161-162, № 53.
30. Там же, с.330, № 83.
31. *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892, с.283.
32. *Готье Ю.В.* Указ. соч., с.401.

Наиболее значительные материалы, отражающие объем и пределы Новоторжской земли, содержатся в переписных книгах XVII в., которые запечатлели древнюю административную систему этой территории — ее деление на губы-волости. Впервые существование именно такой системы зафиксировано в Рогожском летописце и в Тверском сборнике под 1373 г.: "Того же лета в лъсенние князь великии Михаило Александровичь Тферьскымы волостьми да Новоторжьскыми губами теми людми около города Тфери валу ров выкопали и вал засыпали от Волги до Тмаки"[1]. Новоторжские губы упомянуты в 1456 г.: "А что серебро и хлеб князем великим не добран в Торъжку или на губах, а то князем великим не надобе"[2]. Спасская губа названа в Отводном списке Новоторжских земель 1476 г.[3] Действительно, в соседних с Новым Торгом территориях административные единицы обозначались иначе: в собственно новгородских владениях — "погостами", в тверских — "станами" и "волостями", в ржевских — "волостями".

Писцовые материалы по Новому Торгу обобщены Ю.В.Готье (рис. 16)[4], который, однако, не был достаточно точен, говоря, что губное деление этого края напоминает административную терминологию Новгородско-Псковского края. Аналогия может быть отмечена лишь для Псковской земли и новгородской Пустой Ржевы, в которых также имелись губы. Описывая Новоторжский уезд, Ю.В.Готье называет 16 губ-волостей. "Позднее, — отмечал он, — некоторые местности были отписаны к Ржеву". Имеются в виду две бывшие новоторжские губы-волости — Чуриловская и Страшевская[5].

Крайней западной губой Нового Торга была **Теребенская**, земли которой располагались по рекам Поведи и Осуге (новоторжской), на севере эта волость граничила с новгородским Ясеновическим погостом. В.С.Борзаковский, комментируя Отводной список Новоторжских земель 1476 г., в котором упоминается Теребино, неосновательно помещал его на р.Теребинке, правом притоке р.Кавы, впадающей в Тверцу слева неподалеку от Твери[6], в чем был легкомысленно поддержан В.А.Кучкиным[7]; в действительности несуществующее ныне Теребино находилось не у самого восточного, а у самого западного предела Новоторжской земли.

С востока к Теребенской губе примыкала **Горицкая** губа-волость, включавшая земли в низовьях рек Поведи и Осуги, а также на р.Тверце (центр этой губы погост Горки находится в 32 км к северо-западу от Торжка), а севернее ее — губа-волость **Зашегринская** по низовьям правого притока Тверцы р.Шегрина; на севере эти губы граничили соответственно с новгородскими Заборовским и Егорьевским в Мокрынях погостами. Существует подробное описание границы между Зашегринской волостью и Новгородским уездом в межевой книге Новоторжского уезда межеванья Григория Нефимова да подъячего Бориса Башмакова 7191 (1683 г.)[8]

Восточнее Горицкой и Зашегринской лежали земли **Прутенской** губы-волости, граничившей на севере с новгородским Егорьевским в Чудини погостом; центр губы погост Прутня находится в 8 км севернее Торжка. Далее на восток располагаются земли **Дорской** губы-волости в бассейне р.Медведицы, граничившие на севере с новгородским Богородицким Дорским, а на востоке с новгородским же Богородицким Залазненским погостами. Самой восточной губой-волостью Нового Торга была **Бельская** в верховьях р.Кавы, соседствующая на севере с новгородской Залазненской слободкой, о которой в Писцовой книге Бежецкой пятины говорится: "Да в Залазне же в слободке в Васильевской Есипова на Новоторжском рубеже в Никольском погосте в Толмачевском..."[9]. Относительно смежной с Залазной на востоке слободки Никольской Стучево та же писцовая книга сообщает: "Да в Никольской слободке в Стучеве на Тверском рубеже на реке Медведице..."[10]. Перечисленные губы составляют новоторжско-новгородское порубежье.

От стыка новгородских, тверских и новоторжских рубежей новоторжско-тверская граница поворачивала на юго-запад, так как низовья р.Кавы принадлежали уже Твери: здесь находился тверской стан Шостка, Кава и Чеглов и слившиеся с ним волости на левом берегу Кавы: Рокитна, Узкий угол и Видемля[11]; упомянутому стану принадлежали земли по нижнему течению р.Тьмы и по ее правому притоку р.Шостке. Пограничным пунктом между Тверью и Новым Торгом в этом районе оказывается с.Медное на р.Тверце в 25 км к северо-западу от Твери, находившееся "на тверском рубеже"[12].

Далее на запад граница с Тверью выходила к р.Тьме, где фиксируются земли **Упиривицкой** губы-волости с центром в с.Упервичи на левом притоке Тьмы речке Крапивне. На юге Упиривицкая губа граничила с тверскими (старицкими) волостями Иворовской в верховьях Шостки и Рогачевской (Рыкачевской) на правом берегу Тьмы[13]. Западнее Упиривицкой находилась **Богатинская** губа-волость с центром в Богатково на левом берегу Тьмы в 6 км ниже ржевского Бернова. К этой волости принадлежало и с.Хотунецкое, которое, по данным конца 40-х — начала 50-х гг. XV в., стояло "в Торжку на Тферском рубеже"[14]; ныне это село называется Кунганово[15] и показано на карте в 5 км ниже Богаткова на р.Тьме. На южном рубеже Богатинской губы находился стык новоторжских, тверских и ржевских границ.

К северо-западу от этого стыка располагались две новоторжские губы, приписанные позднее к Ржевскому уезду. **Страшевская** губа-волость занимала верховья Тьмы, где находился погост Страшевичи; указанная губа граничила с ржевской волостью Рясна. К **Чуриловской** губе-волости относились земли в верховьях р.Осуги (новоторжской), где карта показывает погост Чурилов. На западе Чуриловской губе противостояла ржевская волость Боронкина, а на севере с ней соседствовали земли новоторжской Теребинской губы.

Завершив обзор пограничных новоторжских губ, рассмотрим теперь те административные членения, которые составляли середину земель Нового Торга. В 19 км западнее Торжка находится погост Рашкин — центр

Рашкинской губы-волости в среднем течении р.Осуги. Именно здесь концентрируются в основном села, которые по Отводному списку 1476 г. возвращались новгородским владельцам (из их числа на карте отысканы дд.Подол, Тимофеево, Маслово, Щербово, Шумцово, Макаркино, Чевакино, Екотино). В 12 км южнее Рашкина расположено большое село **Сукромля** — центр одноименной губы-волости. Между губами Сукромлей и Упиривицкой, в 12 км южнее Торжка на карте показано село **Загорье** — центр одноименной губы-волости. Восточнее их находились земли губ-волостей **Дорогоша** и **Жалинской**; последняя выходила на правый берег Тверцы. Вдоль ее левого берега лежали земли губ-волостей **Спасской** (упоминаемой в Отводном списке 1476 г.) с центром в с.Спасском в 10 км ниже Торжка и **Дмитровской** с центром в с.Дмитровское в 18 км восточнее Спасского. Наконец, последняя губа-волость именовалась **Ильинской** по с.Ильинскому в 8 км к юго-западу от современного г.Лихославля.

Следует сделать оговорку, касающуюся возможной древней принадлежности Берновской волости, а вместе с ней и каких-то территорий между реками Тверцой и Шосткой, где находится с.Глухово, не, соответственно, к Ржеву и тверской Старице, а к Новому Торгу. В летописном рассказе о походе Ивана III на Новгород в 1477 г. говорится об участии в *великокняжеском войске новоторжцев — "Берновы и Глуховы"*[16]. При повторном упоминании они именуются просто новоторжцами[17]. Не исключено поэтому, что изначально эти волости тянули к Торжку, но в критический момент отделились от него. На то же обстоятельство, как будто, указывает и географическое положение волости Берново, которая образует как бы клин между новоторжскими и старицкими землями.

◆

1. ПСРЛ, т.15, вып.1. Изд.2-е. Пг., 1922, стб.104-105; Изд. 1-е. СПб., 1863, стб.433.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с.42, № 23.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (при дальнейших ссылках — АСЭИ), т.3. М., 1964, с.36, № 20.
4. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII в. Изд.2-е. М., 1937, с.403-404.
5. Там же, с.397.
6. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876, с.51.
7. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с.152.
8. РГАДА, ф.1209, оп.3, № 17441, л.1944.
9. Новгородские писцовые книги, т.6. СПб., 1910, стб.77, 100, 101.
10. Там же, стб.155, 159, 161, 167, 351, 603.
11. *Готье Ю.В.* Указ. соч., с.403.
12. АСЭИ, т.1. М., 1952, с.26-27, № 2; с.56-57, N 57; с.324, № 433.
13. *Готье Ю.В.* Указ. соч., с.401.
14. АСЭИ, т.1, с.141, № 197.
15. *Кучкин В.А.* Указ. соч., с.151-152.
16. ПСРЛ, т.25. М.; Л., 1949, с.312.
17. Там же, с.313.

Сводная карта

Оглавление

Предисловие 3

Глава первая
НОВГОРОДСКОЕ "ЧЕРНОКУНСТВО" 5

Глава вторая
КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ОБ УСТРОЕНИИ СМОЛЕНСКОЙ ЕПАРХИИ . 26

Глава третья
КНЯЖЕСКИЙ УДЕЛ ПОТОМКОВ МСТИСЛАВА ХРАБРОГО И ЕГО ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА 48

Глава четвертая
К ВОПРОСУ О ДАТЕ СОСТАВЛЕНИЯ ОБЗОРА "А СЕ ИМЕНА ГРАДОМ ВСЕМ РУССКЫМ, ДАЛНИМ И БЛИЖНИМ" 61

Глава пятая
К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ КЛИНА НОВГОРОДСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ 71

Глава шестая
ПРОБЛЕМА НОВГОРОДСКО-ЛИТОВСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВГОРОДСКИХ РЖЕВСКОЙ И ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ЗЕМЛЯХ . . . 80

Глава седьмая
НОВГОРОДСКАЯ СИСТЕМА КОРМЛЕНИЙ И СЛУЖИЛЫЕ ЛИТОВСКИЕ КНЯЗЬЯ 90

Заключение 102

Приложение:

Л.А.Бассалыго, В.Л.Янин.
Историко-географический обзор новгородско-литовской границы

Введение 104
Псковские пригороды 107
Административное устройство Псковской земли 115
Пусторжевская земля в XV в.: объем и границы 140
Великолукская земля: объем и границы 161
Холмский погост в XV в.: объем и границы 177
Озерецкая, Плавеецкая и Жижицкая волости 185
Торопецкая земля 190
Новгородские пограничные волости и погосты на юге Деревской и Бежецкой пятин 198
Ржевская земля 203
Новоторжская земля 212

Научное издание

ЯНИН ВАЛЕНТИН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ

НОВГОРОД И ЛИТВА:

Пограничные ситуации XIII—XV веков

Зав. редакцией *Г.М.Степаненко*

Редактор *Г.В.Кошелева*

Художественный редактор *Л.В.Мухина*

Художник *А.А.Кущенко*

Технический редактор *З.С.Кондрашова*

Корректоры *В.А.Ветров, Г.А.Ярошевская*

Компьютерная верстка *А.С.Рябчиков*

Лицензия ЛР № 040414 от 18.04.97 г.

Подписано в печать 18.07.97. Формат 70x100/16.
Бумага офс. кн.-жур. Гарнитура TimesET. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,55. Уч.-изд. л. 15,96. Тираж 1500 экз.
Заказ № 134. Изд. № 6250.

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета.
103009 Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Московская типография № 6 Комитета РФ по печати,
109088 Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24

В.Л.ЯНИН

НОВГОРОД И ЛИТВА

Пограничные ситуации XIII–XV веков

В XV веке сложилась странная ситуация на границе Великого Новгорода и Литвы: пограничные земли Новгорода, оставаясь в его власти, платят государственную пошлину Литве. Как сложился такой порядок? Ведь именно он стал основой мирного сотрудничества двух средневековых государств. В книге выясняется, что он восходит к отношениям Новгорода и Смоленска XII—XIV веков...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА